Игорь Шапошников

Кремниевое небо

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Прошу предъявить находящееся при Вас программное обеспечение для проверки на законность. Спасибо за сотрудничество».

Будущее наступило. Наступило время хакеров. Теперь киберворов разыскивает киберполиция, а кибернаемники по-прежнему работают на тех, кто больше заплатит…

Мышонок. Бука. Ицки. Филип.

Все они стоят по разные стороны Закона. Каждый из них ждет своего шанса!

- Игорь ШАПОШНИКОВ
  - Вольный стрелок
  - Инфильтратор
  - Автор
  - Посланник
  - Личные мотивы
  - Благодарности
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

Игорь ШАПОШНИКОВ
КРЕМНИЕВОЕ НЕБО

Солнышку по имени Ольга

Вольный стрелок

— Добрый день. Прошу предъявить находящееся при вас программное обеспечение для проверки на законность. Спасибо за сотрудничество.

В наушниках ревел Пафф Дэдди, и Мышонок не сразу расслышал слова. Только когда он поднял глаза на загородившего ему дорогу человека, он понял, в какую проблему он вляпался. Вот только этого сейчас не хватало. Мышонка остановил корпорал BSA, организации, занимающейся контролем производимого программного обеспечения. Латвия совсем недавно, буквально три-четыре месяца назад, подписала акт о потенциально опасном программном обеспечении, действующий на территории практически всех европейских стран, и вот теперь сюда пришла BSA. Эта корпорация начинала как организация, противодействующая незаконному копированию и продаже коммерческого софта, разрабатываемого гигантами софтверного бизнеса. Ими же она и спонсировалась. Но вот пришло время правительственного контроля над производимым программным обеспечением, и она развернулась в настоящую корпорацию со своей разведкой, контрразведкой и силовыми подразделениями. Основная цель сменилась от противодействия пиратству к контролю разработок софта. Согласно этому драконовскому акту гражданам воспрещалось иметь при себе потенциально опасные вирусные программы и несертифицированные криптопрограммы. Сертификация шифровального криптософта обычно заключалась во встраивании в него ключа, при помощи которого правительство могло открыть любую зашифрованную информацию. А уж разработка подобных программных продуктов грозила хорошим сроком тюремного заключения. Если тебя, конечно, поймают на территории страны, подписавшей акт.

У Мышонка же сейчас при себе были и боевые вирусы, и крипто. Причем все — собственной разработки. И с исходными кодами. Так что встречаться с корпоралом BSA было совсем не с руки. Надо же так было влететь. Первый день в Риге, еще даже не успел встретиться с ребятами, и такая встреча. Почему этот BSAшник прицепился именно к нему?

Вообще-то Мышонок всегда носил на себе свой компьютер. Разделенный на два блока, закрепленных на пояснице сзади, с трекболом на правом бедре и облегченной клавиатурой на левом предплечье. Вместо монитора — очки с полупрозрачными экранами. Наушники. И конечно, сеточка тродов на голове. Чрезвычайно удобно, когда твое железо всегда с тобой. Конечно,

полноценно в киберпространство не войти, несмотря на троды и мобильник, соединенный с компьютером, так как на ходу отключаться от окружающего мира не стоит. Но сама возможность выхода в кибер в любой момент ощутимо грела душу. Да и немного поработать в периоды краткого бездействия, неизбежного во время поездок по большому городу, было явно нелишне.

Чтобы избежать косых взглядов, Мышонок всегда прятал элементы своего железа под одеждой. Просторная ветровка маскировала системный блок, широкие солнечные очки одевались поверх экранов, а троды на голове закрывались капюшоном. Однако в данном случае это не сработало. Корпорал BSA заметил его железо и решил проверить Мышонка на законопослушность. Ну, неудивительно. Эти ребята по макушку и даже выше увешаны самыми разнообразными сканерами. Он сразу обнаружит нелегальный софт и в компьютере и на мини-дисках, которые Мышонок нес с собой. Это просто катастрофа. Вся операция проваливалась, не успев начаться.

Корпорал смотрел на Мышонка сверху вниз. Закованный в бронепластиковые доспехи, применявшиеся практически всеми силовыми службами в городских условиях, в тактическом шлеме, с кобурой на правом бедре он производил достаточно устрашающее впечатление. Мышонок прикинул возможность бегства. Бесполезно. Корпорал тогда откроет огонь, и еще посчастливится, если у него будет иммобилизующее оружие, а не армейское. После долгой серии бунтов анархистов и антиглобалистов силовики стреляли по убегавшим подозреваемым без предупреждения. Оставалось только тянуть время и продумывать варианты.

Мышонок убавил громкость музыки в наушниках и переспросил:

— Извините?

— Прошу предъявить имеющееся у вас программное обеспечение для проверки на законность.

Теперь корпорал уже не показывал никаких формальных признаков вежливости. Более того, он придвинулся ближе и, кажется, расстегивал кобуру. Мышонок тупо смотрел на эмблему BSA, красовавшуюся на левой грудной пластине бронепластиковых доспехов, и в голове не было никакой спасительной идеи. После третьего предложения корпорал перейдет к задержанию. Это будет провал. Окончательный и бесповоротный.

— Отойди на три шага назад. — Мышонок мигнул. Голос исходил из его собственных наушников, пробиваясь через музыку.

Он еще сильнее выкрутил регулятор громкости музыки на самый минимум и снова услышал тот же мужской голос, дрожащий от статических помех.

— Отойди на три шага назад. Ты сейчас стоишь прямо перед окном кафе, а мне не нужны лишние свидетели. — Голос явно шел из наушников. У Мышонка не было никаких предположений о том, кто мог разговаривать с ним подобным образом, но сейчас выбора не было. Обладатель голоса мог быть его спасением.

Мышонок скосил глаза вправо. Действительно, на первом этаже дома, рядом с которым его так некстати остановили, располагалось кафе, и он стоял прямо напротив большого окна. Мышонок начал медленно отступать. Силовика BSA это явно укрепило в подозрениях. Он окончательно расстегнул кобуру и шагнул за Мышонком, одновременно протягивая к нему левую руку. В тот момент, когда корпорал отошел от окна кафе, все и произошло.

Мышонок увидел, как к корпоралу сзади подошел мужчина в рыжей кожаной куртке. Шел он не спеша, однако оказался рядом именно в тот момент, когда силовик хотел схватить Мышонка за куртку. Так же спокойно, как будто продолжая начатый шаг, он ударил корпорала тупым носком своего тяжелого ботинка в подколенный сгиб правой ноги. Оказалось, даже хваленая уличная броня имеет свои недостатки. Колено оперативника BSA подломилось, очевидно, проектировщики доспехов не учитывали подобных ситуаций, и он начал падать вправо, одновременно заваливаясь на спину. Однако мужчина, пришедший на помощь Мышонку, не дал силовику упасть. Также деловито и не спеша он схватил левое предплечье падающего оперативника и дернул его вверх, остановив его падение в полуметре от асфальта. В правой руке нападающего оказался шоковый пистолет, ствол которого он просунул в зазор между доспехом и шлемом. Выстрел прозвучал совсем тихо. После этого мужчина отпустил руку корпорала, и тот рухнул на асфальт. Все происходящее заняло меньше секунды.

Все так же спокойно, как будто не произошло ничего чрезвычайного, мужчина подошел к Мышонку, взял его за локоть, развернул и повел обратно по улице, уходя от лежащего оперативника и немногих невольных свидетелей. Только теперь Мышонок начал приходить в себя и понимать, что катастрофа откладывается. А может, отменяется. По крайней мере официальное преследование со стороны властей, кажется, не грозит.

— Минут десять пролежит и очнется. Там заряд не на максимуме был. — Спаситель наконец начал объяснения. — Меня

зовут Эльдар. Я работаю на твоих коллег — Умку и Лайку. Они попросили меня встретить тебя и проводить до отеля. Как выяснилось, просили присмотреть не зря.

— А… Это ты мне сказал отойти назад?

— Угу.

— А как?

— С помощью вот этой штучки. — Эльдар вынул из кармана продолговатый приборчик, который был бы похож на стандартный пульт дистанционного управления от какого-нибудь не .слишком большого музыкального центра, если бы не маленькая параболическая антенна на его торце и провод, тянувшийся от прибора в карман. — Мне ее Умка дал. Сказал, что с ее помощью можно пробиться в любой аудиокабель. А еще он сказал, что ты постоянно слушаешь музыку на ходу, поэтому, возможно, мне эта штучка пригодится. Понятно?

— Ну… почти.

Началось все больше месяца назад. Лайка и Умка пригласили Мышонка посидеть вечером в кафе и обсудить их новую идею. Двумя днями раньше Умка передал ему диск с данными и попросил внимательно просмотреть их. На диске находилось описание структуры защиты чьей-то корпоративной базы данных. Правда, явно неполное. По имеющейся информации Мышонок не смог определить, кто именно скрывает свои секреты в этой крепости, но косвенные признаки указывали на корпорацию средней руки. Защиту строили явно хорошие и высокооплачиваемые профессионалы, но использовались не самые дорогие решения. Хорошо собранная эшелонированная защита. Но Уровень не заоблачный. Просто хороший заслон.

Умка и Лайка. Парень и девушка, живущие работой в киберпространстве. Занимались поиском информации, изредка перенаправляли некие финансовые потоки таким образом, чтобы мелкая их часть оседала на подконтрольных им банковских счетах. Иногда, чтобы немножко разбавить свою незаконную деятельность, работали в качестве приглашенных экспертов по компьютерной безопасности. Мышонок встретился с ними сначала в киберпространстве, а затем уже и в реальной жизни. Сам он работал на устойчивую компанию и в авантюры не ввязывался. Однако теперь он решил выслушать их предложение.

Все трое сидели за деревянным столиком, стоящим на тротуаре. Сентябрьское солнце потихоньку катилось к закату. Мышонок как раз сидел лицом на запад и изредка посматривал, жмурясь, на желтый диск. Напротив него сидела Лайка в шортах и футболке с капюшоном. На шее у нее был повязан черный шнур,

на котором висела имитация клыка какого-то зверя из мутно-голубого стекла. Сама Лайка называла это украшение «клык укуренного волка». Звучало забавно.

Из двери кафе вышел Умка, неся в руках кружку пива и вазочку с мороженым. Пиво он поставил перед Лайкой, а мороженое взял себе. Мышонок помешивал сахар в маленькой чашке кофе, все так же глядя на солнце.

— Эх, хорошо-то как. Чудесный сентябрь. Теплый. — Мышонок попробовал кофе и поморщился. — А кофе здесь делать не умеют.

— Мороженое тоже. — Подал голос Умка.

— Они его здесь не делают, а только продают, — возразил Мышонок.

— Значит, не знают, где покупать нормальное мороженое, — улыбнулся Умка.

— Ладно, рассказывайте, что это вы мне такое дали. — Мышонок положил в центр стола мини-диск. Лайка протянула руку, взяла диск и начала крутить его между пальцами.

— Это «Дейтатек», — сказала Лайка. — Австрийская фирма. Системы памяти, периферия. Оборот за последний год почти полмиллиарда долларов.

— Не понял, — перебил ее Мышонок. — Все основные фирмы-производители я помню на слух. А про эту я слышу, кажется, впервые. Она явно не из первого эшелона. Но откуда тогда такой огромный оборот?

— Это самое интересное. Они, судя по всему, активно занимаются исследованиями, а затем продают лицензии. То есть изобретут новую штучку, а сами не производят. Предпочитают продавать право на производство другим корпорациям. И судя по всему, поступают правильно, раз столько денег заколачивают.

— Угу, понятно. А теперь скажите мне, зачем эти ребята понадобились вам, откуда у вас данные об их защите, и что вы хотите от меня.

— А вот об этом ты спрашивай не у меня, — ответила Лайка.

Умка оторвался от вазочки с мороженым, облизал ложку и положил ее на салфетку.

— Тут ситуация совсем простая, — сказал он. — Я на этот «Дейтатек» давно смотрел. Сначала, как обычно, присматривался к их финансовым потокам, изучал структуру счетов, хотел немножко себе откусить. А потом увидел, что немалая часть их средств переводится на один счет. Сам понимаешь, это нетипично. Начал смотреть внимательно. Судя по всему, это отдельный счет финансирования какой-то лаборатории. Проще говоря, они разрабатывают что-то очень серьезное. И достаточно

долго. — Умка выудил ложечкой из мороженого дольку апельсина, отправил ее в рот и вернул ложку на салфетку. — Скоро они эту технологию отдадут на лицензирование.

— Скоро, это когда?

— В течение трех-шести месяцев, по моим оценкам. Если сейчас у них вытащить эту технологию, они заплатят немалые деньги за ее нераспространение.

— То есть вы хотите эту разрабатываемую технологию извлечь из их корпоративной базы данных, а потом продать им самим же?

— Ну да, — снова вступила в разговор Лайка. — А то нехорошо получится. Ребята работали-работали, а потом их изобретение мы кому-то другому отдадим. А так все нормально будет. Тем более запросим мы немного. Для них, конечно, немного, а нам хватит.

— И сколько, если не секрет, вы собираетесь с них запросить?

Умка достал из нагрудного кармана ручку и написал сумму на салфетке, свернул ее, а затем передал Мышонку. Мышонок развернул салфетку. На ней была надпись «$ 500 000».

— Не мелочимся. — Мышонок бросил салфетку в пепельницу.

Лайка достала зажигалку, извлекла щелчком крышки из нее огонь и дотянулась до пепельницы. Салфетка лениво загорелась.

— Сам понимаешь, — продолжил Умка. — Для них это нормальная сумма, а нам хватит. Мы не жадные. Тем более что мы можем ведь предложить эту технологию тому же TI, и уж они мелочиться не будут.

— Вы же еще не знаете, что оттуда достанете. Вдруг это пустышка?

— Нет, — отрицательно помотал головой Умка. — Я филейной частью чувствую, что там не пустышка. Там что-то. Что-то тяжелое и лакомое.

— Угу. А схему защиты вы откуда взяли?

— Ну, во-первых, она неполная…

— Это я уже понял. Если бы вы достали полную схему их защиты, я бы решил, что у вас там шпион сидит. На должности не ниже вице-президента.

— На самом деле все просто. У нас же любой подросток спит и видит себя гением взломов в киберпространстве. А образования у этих тинэйджеров — нуль. Иногда даже еще меньше. Все пользуются готовыми продуктами нападения. Вирусы, трояны, все это в устаревшем и массовом виде. Естественно, они и на «Дейтатек» лезут. Охрана даже не реагирует на них. Ну, резвятся себе дети и пусть резвятся. Все равно система защиты их никуда

не пустит. Вот мы и решили имитировать деятельность этих тинэйджеров. Набрали внушительную коллекцию стандартных средств и начали их щупать. А на основе откликов защиты, на основе ее ответных действий, мы уже получили картину ее первых двух уровней. Понятно, что стандартными средствами их не вскрыть. Поэтому мы решили подумать, кто из наших очень хороших знакомых может написать софт для атаки этого сладкого кусочка. Лучшая кандидатура, как выяснилось — ты.

— Спасибо за доверие, — ухмыльнулся Мышонок.

— Ты сможешь написать софт, который вскроет их?

— В принципе смогу. Но…

— Пять тысяч сразу, — перебил его Умка. — И девяносто после получения всей суммы. Ты понимаешь, у нас еще затраты будут, мы как раз посчитали, около двухсот тысяч уйдет на все про все. Физическую защиту нанимать, платить за обналичивание… Начальные затраты не должны превысить двадцати тысяч, а такие деньги мы найдем, связи есть. Ну, это уже мелочи.

— Ребят, вы ж понимаете, даже если я напишу вам софт, все может не заладиться, возникнут проблемы.

— Идеальным вариантом было бы, если бы ты тоже принимал участие в операции, но ты же этими вещами не занимаешься. Ты же сам говорил, что работаешь на хорошую фирму, жизнь налаженная, жена хорошая. Весь из себя такой законопослушный, — улыбнулся Умка.

— Была такая работа. И жена тоже была. И не занимался я взломами. Но все когда-нибудь бывает в первый раз. Я готов работать с вами лично. Если возьмете, конечно.

Лайка, осилившая наконец свою кружку пива, приподняла левую бровь, подарила Мышонку долгий взгляд, значение которого он не понял, а затем тоже улыбнулась.

— Мы предлагаем следующую схему, — сказал Умка. — Месяц на подготовку. Ты пишешь весь софт, мы готовим место проведения и обеспечиваем остальную подготовку. Работать я предлагаю из Риги.

— Почему именно оттуда?

— Ну, во-первых, там каналы связи очень хорошие, а скорость будет иметь решающее значение. Во-вторых, там достаточно маленькое отделение киберполиции. И вообще страна маленькая, ленивая…

— Хоть и маленькая, но полностью европейская. Все эти объединенные службы охраны правопорядка, если необходимо, прибудут туда в течение нескольких часов, если мы на чем-то засыплемся.

— Значит, не будем сыпаться, — сказала Лайка. — Мыша, ты уж поверь, мы всю схему несколько раз проверили. Латвия — практически оптимальный вариант.

— Хорошо. Латвия так Латвия. Ладно, работаем.

Эльдар доставил Мышонка в маленький пансионат на окраине Риги. Всего-то потребовалось проехать шесть остановок на монорельсе и потом еще двадцать минут пешком. В маленьком уютном двухместном номере помимо Лайки и Умки сидел еще один мужчина в строгом черном костюме. Итальянские кожаные туфли, явно дорогие часы на мощном запястье и что-то неуловимо азиатское в чертах лица. То ли скулы, то ли едва заметная миндалевидность разреза глаз,

— О! А вот и наш артист по софту! Мы уж заждались. Думали, может, случилось что, — поприветствовал Мышонка Умка.

Мышонок только слегка улыбнулся в ответ и сел в свободное кресло, не снимая куртки, а Эльдар ответил за него.

— Случилось. Его корпорал BSA пытался задержать. — Эльдар аккуратно поставил сумку Мышонка, которую нес в руках с момента их встречи, на одну из застеленных кроватей. — Но он не учел меня. За что и поплатился. Так что у нас все в порядке.

Мышонок опустил капюшон куртки на спину вместе с наушниками, снял темные очки и очки-экран. Стащил с головы сеточку тродов.

— Ладно. Я добрался. Рассказывайте, как будем работать. А, нет. Сначала расскажи, что за приборчик ты Эльдару дал. Он меня с его помощью предупредить смог.

— Пригодился-таки, да? Симпатичная вещица. Не знаю даже, как называется. Я купил ее на прошлой неделе, а инструкции к ней, сам понимаешь, не было. Если я правильно понял, она работает по принципам темпест-технологии. То есть при помощи этой технологии можно узнать, что показывает монитор, если анализировать электромагнитное излучение проводов, идущих к монитору. А эта вещичка действует в обратную сторону. Передает информацию напрямую в провода. Но работает только со звуком, это я уже выяснил.

— Понятно. А работаем как?

— Начнем, я думаю, послезавтра, — сказал Умка. — Сегодня и завтра поработаем с твоим софтом. Эльдар и Сергей, кстати, познакомься с Сергеем, — Умка сделал жест рукой в сторону незнакомого Мышонку мужчины, тот кивнул Мышонку, — пока подыщут нам всем места в различных отелях. Они же будут обеспечивать физическую безопасность. Проникновение стоит

начать около двадцати по местному времени. В это время в «Дейтатеке» будет только дежурная смена, что, теоретически должно облегчить нам работу. А тактику самого проникновения, я думаю, ты нам расскажешь.

Мышонок вынул из внутреннего кармана куртки три минидиска. Отдал по одному диску Умке и Лайке, а третий скормил ноутбуку, лежащему на столе.

— Сами еще посмотрите то, что принес, а я пока вкратце расскажу, как это все будет выглядеть. — На экране ноутбука развернулась схема системы защиты «Дейтатек». — Сначала забрасываем им под видом запроса из государственной имущественной службы троянского коня. Эта программулинка растворится в ядре их основного софта и начнет собирать информацию о структуре защиты и основных потоках информации. На это потребуется около дня. Затем она выбросит нам пакет информации, на основе которого мы и будем действовать. Помимо этого, по нашей команде она сделает нам окошко, через которое можно будет войти в их базу данных. Умка, я предлагаю пойти тебе, так как ты у нас лучше всех знаешь, что искать. Однако, судя по структуре их защиты, я полагаю, что нам не удастся закрыть окно, через которое войдет Умка до окончания операции. Поэтому Лайка будет находиться рядом с этим окошком и следить, чтобы никто другой в него не залез и не испортил бы нам все дело. То есть ты, Лая, будешь попросту охранять эту дыру. Я тоже болтаюсь поблизости, чтобы подстраховать вас, если возникнет какая-либо нештатная ситуация. Остальное будем импровизировать по ситуации. Да, самое главное. В их системе автоматически записывается каждое действие в лог-файлы. После завершения передачи необходимо будет убрать любое упоминание об операции.

— Что ж, пока что вопросов нет. — Лайка спрятала свой мини-диск в нагрудный карман и подергала свой «клык укуренного волка». — Все, кажется, понятно. Когда забросишь троянца?

— Как в номер заселюсь — так сразу, — улыбнулся Мышонок.

Мышонок висел в киберпространстве неподалеку от базы данных «Дейтатек». Не слишком близко, чтобы она не идентифицировала его как подозрительный объект. Достаточно было находиться в свободной зоне. Сама база данных жила своей повседневной жизнью. В киберпространстве она отображалась как цилиндр серо-зеленого цвета. Разнообразие своим бурным многоцветием вносили входящие и исходящие потоки информации. Во входящем потоке должен был сейчас

приближаться к базе конструкт Мышонка, замаскированный под запрос имущественной службы правительства. Естественно, различить его на вид в огромном потоке Мышонок не мог. Но когда его вирус проникнет в корпоративную структуру и замаскируется, он вышлет первое уведомление. Оно отправится через несколько серверов, причем первым в их списке будет официальный сервер правительства Австрии.

Но пока конструкт еще не прибыл на исходную позицию. Мышонок пассивно висел в кибере и наблюдал, как защита корпорации справляется с мелкими атаками. Сценарий чаще всего был один и тот же. В опасной близости от базы возникал атакующий. Сразу же защита брала его в фокус внимания, явно наблюдаемый со стороны, но невидимый для пришельца. Причем взломщики чаще всего выбирали для себя чрезвычайно эффектно выглядящие формы, что тут же демаскировало их. А потом все зависело от того, насколько опасными были их попытки проникнуть в ядро базы данных. Тех, кто был явно малоопытен, защита сначала замедляла, а затем и вовсе замораживала. Те, кто мог представлять хотя бы минимальную угрозу, уничтожались сразу же после первого касания внешнего слоя.

Мышонок висел и ждал. Когда сигнал об успешном внедрении его вируса дошел до него, Мышонок рефлекторно засек время — тринадцать двадцать одна. Итого с момента отправки до полного внедрения прошло чуть больше получаса. Хорошее время. Мышонок развернулся и начал уходить от корпоративной базы «Дейтатек». Не стоило так сразу исчезать из кибера в прямой видимости их охранной системы. После операции они обязательно будут просматривать запись происходившего поблизости от них, и Мышонку явно не следовало привлекать к себе лишнего внимания. Отойдя от корпоративного сектора Австрии, Мышонок подал команду на выход из киберпространства.

Выход всегда был одним и тем же. Непроизвольное моргание глаз, и ты уже не в многоцветном кибере, а перед своим ноутбуком. Когда Мышонок работал из дома или как сейчас из арендуемого номера в пансионате, он предпочитал использовать стационарное железо, а не тот компьютер, который носил на себе. Привычным жестом он поднял руки к голове и снял троды. Затем вытянул из правого наушника усик микрофона и набрал номер мобильного телефона Умки.

— Слушаю. — Умка ответил на звонок.

— Сделано. — Сказал Мышонок и тут же оборвал связь. Чем меньше будет сказано в эфире, чем меньше будет оставлено следов во время операции и непосредственно перед ее началом,

тем больше шансов, что их не найдут.

Мышонок подошел к окну и посмотрел вниз, на узенькую улицу. Эльдар поселил его в небольшом пансионате на окраине Риги. Чистый однокомнатный номер располагался на втором этаже. В пансионате было тихо, а большего Мышонку и не надо было. После заселения Эльдар выдал Мышонку мобильный телефон, который был приобретен здесь же в Риге, а обслуживался глобальным европейским оператором «Евро-глоуб». Впрочем, все пятеро пользовались подобными мобильниками. Процедура подключения к их сервисам была максимально упрощена, и при всем желании отследить владельца мобильного телефона было очень сложно, если тот соблюдал элементарные меры предосторожности. Свой мобильник Мышонок тут же спрятал на дно сумки, а новый подключил к своему компьютеру.

Группа подготовилась на совесть. Все обзавелись новыми средствами связи, расселились по разным отелям и пансионатам. Связь между ними проследить трудно. Группа соберется на небольшое время в кибере для выполнения операции, а потом снова растает. Максимальная скрытность и максимальная оперативность. Предусмотрены различные случайности, подготовлены планы на случай возникновения нештатных ситуаций. Они готовы.

Остаток дня Мышонок провел, катаясь на линиях монорельса и наблюдая за Ригой сверху.

На следующее утро Мышонку пришло сообщение от его конструкта. Тот собрал пакет информации о внутренней структуре базы данных. Помимо внешней защиты существовала и внутренняя система контроля, как и предполагал Мышонок. Через неравные промежутки времени проверялась целостность внутренних данных. Об этом тоже придется позаботиться. Все утро Мышонок провел за ноутбуком, создавая и тестируя утилиту, которая должна была запудрить мозги внутренней системе контроля «Дейтатек». Кофеварка функционировала непрерывно, и немалый запас крекеров, купленных Мышонком вечером предыдущего дня, неумолимо таял. Мышонок считал, что когда он интенсивно работает, уровень глюкозы в крови серьезно падает, поэтому его надо регулярно поднимать.

Несмотря на угрожающее количество регулярно поглощаемых крекеров, Мышонок не полнел. Он оставался все таким же худым. И маленьким. За что, собственно, и получил свое прозвище.

Законченную утилиту Мышонок отослал Умке и Лайке. В течение пятнадцати минут они должны были получить ее. Затем ребята потренируются с ее использованием, чтобы не тратить лишних секунд на раздумья во время операции. И к восьми вечера

они будут готовы. Тяжелее всего Мышонку давалось ожидание назначенного времени. Адреналин накапливался и требовал выхода.

19.54

Умка, Мышонок и Лайка собрались в киберпространстве рядом с границей зоны внимания защиты «Дейтатек».

— Ты уверен, что вирус сделает нам окно? — Спросила Мышонка Лайка.

Этот вопрос в различных вариациях она задала уже несколько раз за те пять минут, которые прошли с момента их встречи.

— По моим данным, он до сих пор функционирует. Подожди шесть, нет, уже пять минут, и все сама узнаешь. Жди.

19.59

Ничего не менялось. База жила своей жизнью. Все так же защита нейтрализовала неудачливых взломщиков, которые вились вокруг софта «Дейтатека», как мошкара темным вечером вокруг фонаря.

— Ну? Когда? — нетерпеливо спросила Лайка.

Мышонок не успел ответить на ее вопрос. Перед ними в светло-зеленой пленке защиты, которая окружала серо-зеленое ядро, начал протаивать круг. Он расширялся достаточно быстро. Умка двинулся к появившемуся окну, но Мышонок остановил его.

— Стой, еще не время. Жди, пока стабилизируется.

Круг остановил свое расширение. Умка рванулся в его центр и исчез в ядре софта, Лайка последовала за ним, но остановилась практически вплотную к самой базе данных и развернула зонтик пассивной защиты. Зонтик слился с штатной системой защиты «Дейтатек». Со стороны пробоя видно не было. Мышонок отдрейфовал еще немного назад и приготовился страховать ребят. Теперь от него ничего не зависело. Окно позволило сохранить им звуковую связь. Умка исправно комментировал ход проникновения.

— Прошел охраняемую зону. Вхожу в ядро. Управленческая зона… Так, а где у них исследовательские отделы? — Тридцатисекундное молчание. — Нашел. Вхожу. Так, сейчас буду занят около десяти минут. Буду искать наш приз. Как снаружи?

— Нормально, — ответила Лайка.

Потянулись минуты. Защита базы данных явно не подозревала об идущем проникновении. В ее поведении ничего не менялось. В зону, защищаемую Лайкой, изредка пытались проникнуть взломщики, но она, в отличие от системы защиты, прекрасно понимала, что происходит, и поэтому реагировала практически мгновенно и очень эффективно. Вскоре мелкие

хакеры заметили, что попытка проникновения в круг, который защищала Лайка, карается намного серьезнее, чем прощупывание иных потенциально уязвимых точек, и начали обходить его стороной.

— Есть! Нашел. — Снова отозвался Умка. — Вот куда идет закупаемое оборудование. Так, и что у нас тут? — минутная пауза. — Хе! Знаете, что мы нашли? Новый тип компактных носителей информации. Кристаллы! Поверить не могу! Теперь можно будет вместо дисков использовать кристаллы. Так, собираем информацию.

Из прорубленного ими окна пошел многоцветный поток исходящей информации. Мышонок заранее предусмотрел процедуру ее передачи. Необходимо было спрятать ее на одном из университетских серверов, причем передать ее таким образом, чтобы нельзя было отследить путь передачи. Использовалась заранее приготовленная цепочка серверов, из которых больше половины были анонимными. Подобная схема гарантировала практически полную неотслеживаемость.

Снова вышел на связь Умка.

— Внимание. Информация почти полностью ушла. Затираю лог-файлы, чтобы нас нельзя было выследить. Сей…

Голос внезапно оборвался.

— Умка? — Забеспокоился Мышонок. — Что такое? Молчание в ответ. Поток информации все еще идет.

— Лайка, что случилось?

— Не знаю. Умка не отвечает, сам слышишь.

Мышонок начал искать признаки присутствия Умки в киберпространстве. Их не было.

— Лайка, такое ощущение, что его просто нет! Ты что-нибудь видела, есть какая-то дополнительная информация?

— Нет. Что-то пошло не так. Совсем-совсем не так. Что теперь делать?!

В это время к Мышонку пришел вызов, переадресованный с его мобильного телефона. На связь вышел Сергей, который присматривал за Умкой.

— Мышонок! Серьезные проблемы, Умку арестовали, вытащили прямо из тродов. Киберполиция Латвии, кстати, чтоб ты знал. Сейчас они его в машину сажают. Уже в наручниках. И все его оборудование забрали. Я за ними поеду. Что будете делать?

Мышонок с самого начала транслировал сообщение Лайке, чтобы она могла слышать то же, что и он. Она включилась в разговор.

— Как арестовали? Как они вообще могли его засечь?

— Нет, Лая, сейчас вопрос в другом, — возразил Мышонок. — Сколько времени есть у нас, и стоит ли продолжать операцию. Сергей?

— По моим расчетам, они не знают о вас, иначе бы взяли вас всех одновременно. Возможно, что вы чего-то не учли, и они засекли Умку, когда тот был внутри их базы.

— Похоже на то. Лая, по твоим оценкам, сколько еще будет завершаться операция?

— Не больше пяти минут. — ответила Лайка.

— А им потребовалось не менее десяти минут, чтобы засечь Умку. Я занимаю место Умки, завершаю передачу, в это время Эльдар готовит мою эвакуацию. Сергей, возможно ли меня эвакуировать в течение десяти минут с текущего периода?

— Да, я передал Эльдару, он в трех минутах езды от твоего пансионата.

— Тогда продолжаем работать. Сергей, передай Эльдару, что после меня сразу забираем Лайку. Пошли!

Мышонок скользнул к окну в защите ядра корпорации. Лайка отступила в сторону, пропуская его внутрь, и вернулась на свое место. Внутрь, все глубже и глубже по проторенной дорожке, оставленной Умкой. Мышонок плавно и аккуратно вошел в исследовательский сектор. Ни одного лишнего движения, никакой спешки, стиль и выдержанность в каждом действии. Мышонок осмотрелся. Передача информации из исследовательского банка данных шла в автоматическом режиме. Перед исчезновением Умка зачищал лог-файлы, убирая из них следы своего присутствия. Теперь эту работу предстояло завершить Мышонку, чем он и занялся.

Операция была рутинной, но не тривиальной. Выбрать файл, автоматически проверить отрезок времени, начиная с одиннадцати часов и до текущего момента, отследить сообщения с самым высоким приоритетом. Сообщения о неполадках и взломе всегда имеют наивысший уровень важности. Удалить все подобные сообщения. Может быть, они говорят не об их проникновении, но читать слишком долго, проще удалить их. И так раз за разом.

Работая с лог-файлами, Мышонок не забывал посматривать по сторонам. Если Умку взяли, то у него уже могли узнать, кто был целью операции, и известить службу безопасности «Дейтатека». Следовательно, можно ожидать визита либо автоматических охранных систем, либо самих операторов из отдела электронной безопасности. А скорее всего, и тех и других вместе. Но пока что было тихо.

Дала знать о себе Лайка.

— Мыша, прекратилась передача данных. Там все кончилось, или ты тоже пропал?

Мышонок вернулся в информационный банк данных. Да, копия снята полностью. Осталось только закончить проверку лог-файлов.

— Порядок. Информация ушла. Я стираю следы.

Мышонок затер последние файлы и начал выбираться из сердца корпоративной базы данных, одновременно запуская на самоуничтожение свой троян. Пробираясь спиной вперед по проделанному ходу к выходу, он видел, как исчезают различные модули, выращенные его трояном перед проникновением, как охлопывается за ним проделанный ход. Из базы данных убирались последние следы взлома. Out. Out. Его уже нет.

Так же, как и двигался — спиной вперед — Мышонок вывалился из громады корпоративного софта. Лайка свернула удерживаемую ей пассивную защиту и отдрейфовала поближе к Мышонку. Вместе они наблюдали, как затянулась дыра в защите базы.

— Уходим. — Сказал Мышонок. — Только не выпадай из кибера прямо сейчас. Сначала скроемся из пределов видимости «Дейтатека».

Лайка согласно кивнула и двинулась по направлению к аргентинскому сектору Сети. Мышонок направился к гавани данных, попадающей под юрисдикцию Каймановых Островов, известных как пристанище множества полулегальных и откровенно теневых бизнесов. Любым официальным структурам осуществлять наблюдение там будет очень трудно. Спустя пятнадцать секунд Лайка и Мышонок покинули киберпространство.

Мышонок, Лайка, Эльдар и Сергей сидели в двухместном номере отеля, находящегося в старой части Риги. Как только Мышонок вышел из киберпространства и снял с себя троды, он увидел стоящего рядом с ним Эльдара. Все вещи Мышонка уже были собраны в большую сумку, осталось лишь захватить с собой ноутбук. Спустя две минуты Мышонок уже сидел в старом джипе «Мицубиси», который Эльдар раздобыл неизвестно где. Через десять минут езды по улицам Риги, они подхватили заметно побледневшую Лайку, которая уже ждала их на пороге пансионата, в котором она провела последние дни. Эльдар отвез Лайку и Мышонка в отель, номер в котором был снят еще до начала операции на случай, возникновения каких-либо проблем. Вот и пригодился.

Когда они вошли в номер, Сергея еще не было. Лайка молча

достала ноутбук, подключила его, слитным движением ладоней установила на место троды и ушла в киберпространство.

Приблизительно через двадцать минут в дверь номера постучали. Эльдар открыл дверь Сергею. Мышонок постучал Лайке по плечу, показывая, что появились новости, и она тут же вернулась в реальный мир. Сергей прошел в центр комнаты и сел в кресло. Все выжидающе смотрели на него.

— Мне в общем-то добавить нечего, — сразу сказал Сергей. — Умку взяла киберполиция. Брали хорошо, грамотно. К пансионату подъехала группа захвата на трех машинах с эмблемами латвийской киберполиции, и тут же они взяли под контроль все выходы из здания. Я сидел в кафе напротив и уже ничего не мог сделать, их там было около десяти человек. Попробовал позвонить Умке, но у него номер не отвечал. Четверо полицейских вошли в пансионат. Минуты через две вывели Умку. Посадили в машину и тут же уехали. Все чисто, быстро и очень грамотно. Я проследил их до самого офиса. В само здание, естественно, было не войти. Ну а потом уже поехал сюда. Вот так…

— Что будем делать? — спросил Эльдар. — Вы наши наниматели, вам и решать.

— Если мне разрешат, — снова начал Сергей, — я бы хотел несколько точнее обрисовать ситуацию.

Мышонок перевел взгляд на Лайку, уступая ей инициативу. Та кивнула Сергею.

— Наши действия сейчас зависят от того, на чем именно основывался захват Умки. Если вычислили только его, то мы вне опасности и у нас есть время для выработки какого-либо плана. Если же увидели вас всех троих, то у нас очень мало времени и необходимо как можно быстрее уходить отсюда. То, что они взяли только Умку, еще ничего не значит. Киберполиция вообще несколько стеснена в средствах, и у них может и не быть нескольких групп захвата. А может быть, они просто не успели вычислить ваше местонахождение. Если бы мы могли знать, на чем основывались их действия, мы бы смогли выработать хороший план.

— Если крыша хлопает в ладоши, значит, план попался нам хороший. — Медленно протянула Лайка. — Ты, случаем, не в армии раньше стратегом работал, планы такие составляя? ~— язвительно спросила она Сергея.

— Лайка, я понимаю, что ты очень нервничаешь сейчас, когда операция вышла из-под контроля, — прервал ее Эльдар, — но ты должна сама понимать, что спрашивать подобные вещи, да еще и в таком тоне, просто неприлично. Мы же не спрашиваем твоего

имени. Если хочешь знать, я раньше служил в армии. Там, кстати, служат, а не работают, чтоб ты знала.

— Перед тем, как наняться на эту работу, — сказал Сергей, — я несколько лет работал на Сынов Бледной Хризантемы.

— На якудза?! — удивился Мышонок. А затем добавил, вглядываясь в расстегнутый ворот белой рубашки Сергея: — Но ты ведь, кажется, не татуирован. А там с этим строго. Татуировка с драконами — это как удостоверение, разве нет?

— Я не сказал, что я якудза. Я работал с ними. И, Лайка, учти, я вовсе не должен был этого тебе говорить. Просто сейчас ты нервничаешь, и это ставит нас всех под угрозу. Ты можешь работать нестабильно в этой критической ситуации.

— Ладно, я поняла тебя, — буркнула Лайка. — Пока тебя не было, я пошарила в Сети. Так вот, скорее всего, нас с Мышонком они даже не засекли. Я подключилась к охранной системе пансионата, в котором жила. После того, как я оттуда уехала, там никто из полиции не появлялся.

— Причем, скорее всего, они даже не знали, что именно мы ломаем, — сказал Мышонок. — Иначе в «Дейтатеке» активизировали бы все охранные системы, и пришлось бы несладко. А у меня создается такое ощущение, что «Дейтатек» до сих пор не знает, что мы пошарили в его базах данных. Как-то все это странно и нелогично.

— Хорошо. Тогда еще вопрос. Умка может рассказать об операции и о нас полиции на допросе? — спросил Сергей.

— Если к нему не применят лекарственные препараты, то вряд ли, — ответила Лайка.

— Тогда, с достаточно большой вероятностью, киберполиция Латвии не знает о нашем существовании. И это большой минус для нее и просто огромный плюс для нас.

— Ты имеешь в виду, что мы можем спокойно смыться из страны, да? — спросила Лайка, в упор глядя на Сергея.

— Нет. Я имею в виду, что мы можем извлечь Умку из их офиса, а потом благополучно смыться из страны.

— Ты серьезно?!

— Абсолютно. Но нам для этого многое понадобится. И прежде всего, хороший план. А если говорить серьезно, нам нужен сначала план города в радиусе хотя бы километра вокруг офиса киберполиции.

— Сейчас, — ответила Лайка.

Она повернулась к ноутбуку, вошла в Сеть, нашла карту Риги и вывела на печать необходимый кусок местности. Все четверо склонились над картой. Сергей ткнул карандашом в отметку на плане.

— Вот в этом небоскребе у них офис. На двадцать первом этаже. Не так уж и высоко забрались. В самом здании, как я понимаю, сто двенадцать этажей. Насколько я понимаю, они будут Умку держать у себя не менее суток. Но и не более. Потом его могут переправить еще куда-нибудь. То есть извлекать его надо сегодня ночью. Остается вопрос — как…

Сергей переместил карандаш на карте несколько левее.

— А здесь что у нас?

— Тут через дорогу, если верить плану, такой же небоскреб, как и тот, в котором офис киберполов, — ответила Лайка.

— А вот и наша дверь в их офис, — широко улыбнулся Сергей. — Теперь нам нужен план этажа, на котором расположен их офис. Сможете достать?

Лайка снова отвернулась к ноутбуку и через полторы минуты передала еще один лист бумаги.

— Итак, Умка будет находиться либо в кабинете дежурного следователя, — Сергей поставил карандашом точку на плане, — либо в изоляторе. Все, что было при нем, будет опять-таки либо у следователя, либо у экспертов, либо в камере хранения вещественных доказательств. Итого получается максимум четыре помещения. А остальные нам не нужны. Далее. С тем оборудованием, что есть у нас, идти на извлечение смысла нет. Надо собрать дополнительно кое-что. Хорошо, что я заранее освежил свои контакты здесь. Так, нам с Эльдаром потребуется около четырех часов, чтобы добыть необходимое оборудование и приготовить пути отхода. Ну и дополнительные финансовые средства, конечно.

Лайка достала из сумки анонимную кредитную карту и пустила ее по столу Сергею. Тот зажал ее между указательным и средним пальцами правой руки, поднял вертикально и улыбнулся Лайке.

— Работаем!

После того, как Сергей и Эльдар уехали, как они выразились, «за покупками», Лайка надела троды и снова нырнула в кибер, а Мышонок уселся у окна и смотрел вниз, на темные улицы Риги. Чужой город, проблемы… Все это разом нахлынуло на него, и тоска на пару с одиночеством накрыли его с головой. Из зарождавшейся депрессии Мышонка вырвал голос Лайки.

— Мышонок…

Он обернулся. Лайка сняла троды и держала их в руках.

— Мышонок… Как ты думаешь, все будет хорошо?

— Все будет нормально, Лаечка, — ободряюще улыбнулся Мышонок. — Все будет нормально.

Лайка положила троды на черную полировку стола и чуть наклонилась к Мышонку.

— Слушай, а почему ты согласился работать с нами, если не секрет? Не из-за денег же. Мы с Умкой считали, что ты просто софт нам сделаешь и все. Тебе-то зачем это все?

— Понимаешь, Лая… Тут много всего разного. Я с женой разошелся. С работы ушел… Захотелось чего-то нового, а тут как раз вы с Умкой появились. Вовремя, надо признать.

— Ну, почему ты с работы ушел, я еще могу понять, у вас там скука смертная, — заметила Лайка. — А с женой у тебя что?

— Сложно все. Даже не знаю, как сказать. Понимаешь, я ведь в молодости был нормальным парнем. Свобода, некий дух авантюризма, я бы сказал. Я делал только то, что хотел, у меня не было начальников. А как женился, пришлось идти на работу, так как семье нужен стабильный доход. Дальше — больше. Каков бы ни был доход, его всегда мало, а в этой системе единственная возможность больше зарабатывать — это карьерный рост. У нас, конечно, фирмы это не японские дзайбацу и не американские корпорации, но хорошего тоже не так уж и много. Все это просто не для меня. Понимаешь, я себя начал терять. Из-за этого в семье конфликты начались. А я очень ценю свою свободу. Born to be free, можно сказать. И в результате я сейчас сижу здесь с тобой и готовлюсь идти штурмовать офис латвийской киберполиции.

— И сейчас у тебя никого нет?

— Даже не знаю, как и сказать, — грустно улыбнулся Мышонок. — Я познакомился с одной девушкой, но ни разу с ней еще не встречался.

— Что, неужели в Сети познакомился? — удивилась Лайка.

— Ну да, а что такого?

— Да это, может, вообще мужик, а ты уже планы строишь. Ведь строишь планы, я вижу.

— Лая, я тебя умоляю, я же не совсем неумеха. Она в Сеть с работы входит. Живет и работает в Новосибирске. Я проследил ее адрес, нашел предприятие, на котором она работает, и подключился к их охранной системе. Через их видеокамеры я и посмотрел на нее.

— И как?

— Красивая, — Мышонок улыбнулся чуть пошире. — И умная.

— Как зовут это чудо?

— Эээ… Бука.

— Странное имя, колючее, я бы сказала.

— Ну… Я уже воспринимаю это как имя, а не как слово, и«Бука» для меня очень теплое имя.

— А дальше?

— Что дальше?

— Давай, рассказывай все. Мне же интересно.

— Лая, зачем это тебе знать?

— Давай не кокетничай. Информация должна быть свободной. Колись.

В своих расспросах Лайка, казалось, даже забыла о проблемах.

— Ну, познакомились мы, как ты поняла, в Сети. На одном из частных серверов. Обычный чат, даже без голоса и видео. Есть некоторая прелесть в этой архаике, черные буквы на белом фоне.

— Да ты у нас романтик, оказывается, — улыбнулась Лайка.

— Ну и слово за слово, завязался разговор. Я ее встретил на следующий день на том же сервере. И еще через день. Ну…потом я поймал себя на мысли, что меня к ней тянет. Да, похоже, и ее ко мне.

— Это было уже после того, как ты разошелся с женой?

— Умеешь ты задавать вопросы… Еще до развода. Но к тому времени мы уже почти разошлись, Бука никоим образом не ускорила этот процесс.

— А как вы общались? — Лайка, казалось, была полностью поглощена разговором, она положила локти на стол и наклонилась к Мышонку.

— В текстовом режиме.

— Как?! Так… старомодно.

— Она не выходила в Сеть с видеоизображением. И голос тоже не передавала. Я тоже сначала чувствовал себя непривычно. Голым текстом в наше время почти никто не общается. Но потом я понял, что мне это нравится. Есть в этом некое очарование. И… образовалось некое напряжение, как ток между нами. В таком режиме, когда у тебя есть только текст, эрогенная зона только одна — мозги. На самом деле, и в реальной жизни в конечном счете все сводится именно к тому, что думаешь ты и как думают о тебе, но там много еще дополнительных факторов. Внешность, рост, одежда, ну и так далее. А тут… Даже не знаю, как сказать. Захватило меня.

— Ты сказал «эрогенная зона». Что, виртуальным сексом занимались?

— Ну… Нет, наверное. То есть что-то такое похожее было, но до виртуального секса не дошло. И это к лучшему, я считаю.

— Ну хорошо. Вот сейчас ты свободен. Почему ты к ней не поехал? Или у нее кто-то есть?

— Кажется, она тоже сейчас одна. Не знаю я, почему я не поехал. Боюсь, наверное. Она меня уже себе как-то представляет,

а я приеду и наверняка окажусь не таким, как она думала.

— Ты ей даже фотографию не послал?

— Нет. Я только рисунок сделал на основе своей фотографии. Лицо размыл, одежду изменил. Я там себя одел в кожаные брюки, кожаный плащ. Шляпу сверху надел с широкими полями. Хорошо получилось. Но меня самого она ни разу еще не видела.

Дверь номера открылась, и с двумя большими сумками в руках вошел Сергей. Он поставил сумки у стола и сел на кровать. Приглашающим жестом указал на сумки.

— Примерьте.

Лайка открыла сумку и достала из нее черный костюм, взвесила на руке.

— Что-то он тяжеловат. Это что такое?

— Это, дети мои, экзоскелет. Боевой костюм спецназа армии США. Обошелся нам, кстати, в немаленькие деньги. Он усиливает все ваши движения и позволяет максимально точно наводить оружие. Правда, для этого, — Сергей поднялся с кровати, открыл вторую сумку и залез в нее, — нужен еще тактический шлем.

Сергей выпрямился, держа в руках искомый шлем, и бросил его Мышонку.

— Yesss! — восторженно сказал Мышонок. — Всегда мечтал поносить такую штуку.

— Вот тебе и выпал случай. Так, экзоскелеты надо надеть, подключить к ним шлемы и оружие и минут пять помахать руками-ногами, попрыгать, чтобы внутренние управляющие системы могли привыкнуть к вашей амплитуде движений, приспособиться к вашей физике.

— А оружие какое? — спросила Лайка.

— У вас будет по шокеру и по «Кобре». У меня оружие боевое.

— «Кобра»? — разочарованно протянула Лайка. — Это же пневматика, что с ней можно сделать?

— Ну, во-первых, там не будет оперативников в доспехах, а если залепить из «Кобры» титанитовой иглой в корпус или сустав, никому мало не покажется. Во-вторых, я бы рекомендовал запомнить, что в уличных боях важен не калибр пистолета, а то, куда ты попадаешь. Ваше оружие будут наводить компьютеры экзоскелетов, так что долго целиться вам не придется. Заранее предупреждаю, компьютеры работают не на самом жестком уровне, поэтому нацеливать оружие они будут в корпус, не хватало вам еще кому-нибудь в голову попасть. Трупы нам не нужны.

Мышонок в это время уже влез в костюм. Сначала тот казался тяжеловатым, но когда Мышонок включил управляющий компьютер, костюм обрел приятную жесткость и вес его перестал

ощущаться. Мышонок сделал несколько шагов по номеру. Костюм поддерживал его и позволял затрачивать меньше усилий на каждое движение. И шаги получались длиннее. Ощущение было забавным, казалось, что сила и энергия явно увеличились. Мышонок захотел подпрыгнуть, чтобы проверить возможности костюма, но Сергей увидел, как Мышонок сгибает колени, готовясь к прыжку, и вытянул руку, останавливая его.

— Даже не думай прыгать. Экзоскелет усилит прыжок, и ты себе голову об потолок разобьешь.

Мышонок взял тактический шлем, повертел его в руках и надел. Сразу же на глаза опустился полупрозрачный экран, котором высветилась система команд управления экзоскелетом. Мышонок выбрал тактический режим работы. На экране появилось перекрестье прицела, которое двигалось вместе с его взглядом. Достаточно было просто перевести глаза на какой-либо предмет, и перекрестье следовало за взглядом. Силуэты Лайки и Сергея управляющий компьютер экзоскелета высветил красным цветом, идентифицировав их как врагов. Но в этот момент Лайка, уже надевшая свой костюм, активировала систему управления, и ее силуэт окрасился зеленым. Очевидно, экзоскелеты были оснащены передатчиком сигнала «свой-чужой» и позволяли опознавать друг друга.

К этому моменту Мышонок разобрался с системой команд и указал, что Сергей тоже является союзником. Цвет его силуэта сменился с тревожного красного на зеленый. Мышонок достал из сумки оружие. Пневматическую «Кобру» он взял в правую руку, а шокер — в левую. Когда рукоятки пистолетов легли на ладонные контакты, компьютер экзоскелета взял нацеливание на себя. Теперь, как только Мышонок отдавал команду взглядом, экзоскелет поднимал его руки и пистолеты оказывались нацеленными именно туда, куда Мышонок смотрел. Так же блестяще костюм справлялся и с отслеживанием двух целей одновременно. Стоило Мышонку лишь поймать цель, и ствол пистолета неотрывно смотрел на нее, как бы Мышонок ни передвигался.

— Вы все сделали, что нужно было? — Вопрос Сергея отвлек Мышонка от изучения возможностей экзоскелета.

— Да, — ответила Лайка. — Все, о чем договаривались, я сделала.

— Тогда надевайте поверх экзоскелетов обычную одежду, шлемы и оружие верните мне, и поехали. Пора.

Все на том же джипе «Мицубиши» Сергей, Мышонок и Лайка подъехали к небоскребу, сверкающему в ночи как огромная

елочная гирлянда. Улица была ярко освещена, и, несмотря на глубокую ночь, поток машин и людей не иссякал. Все трое вышли из машины и, держа в руках объемные сумки, направились к внешнему лифту. Тот представлял собой кабину из стекла и стали, которая скользила по стене небоскреба, позволяя пассажирам любоваться панорамой города. Точнее, той ее частью, которую не закрывал соседний небоскреб, находящийся на другой стороне улицы. Лифт был чистенький, без единой надписи. «Хорошо здесь за порядком смотрят», — подумал Мышонок.

Когда они вошли в лифт, Сергей отправил кабину на двадцать шестой этаж. Как только они проехали второй этаж, и с улицы их уже не было видно, Сергей достал из кармана куртки баллончик с краской и залил ею объектив видеокамеры, ютящейся под потолком в углу кабины. Одновременно с этим Лайка взяла под контроль систему управления лифтами здания, чтобы лифт не остановили в ответ на ослепление камеры видеоконтроля. Все необходимое было проделано Лайкой заранее, ноутбук был включен еще до захода в кабину, и оставалось лишь дать команду. Что она и сделала.

Все трое сняли верхнюю одежду и остались в экзоскелетах. Пистолеты висели в поясных захватах, остальное оборудование было сложено в маленькие рюкзаки. Сергей извлек из своего рюкзака маленький черный арбалет, зарядил его металлической стрелой с захватом вместо наконечника и к стреле прикрепил бухту троса. Между двадцать шестым и двадцать седьмым этажом Лайка остановила лифт, и Сергей вырезал отверстие в стекле достаточно широкое для того, чтобы можно было пролезть в него без особого труда.

— Пошли, — сказал он.

Много позже Мышонок смог-таки найти запись их налета на офис киберполиции Латвии. Она использовалась в качестве учебного пособия для сил охраны правопорядка все той же Латвии. Ролик был скомпилирован из записей, отснятых внутренней системой наблюдения и несколькими внешними камерами. Сергей заранее предупреждал, что эти два небоскреба, стоящие друг напротив друга, просто напичканы видеокамерами, как внешними, так и внутренними, и подавить их не было никакой возможности. Поэтому они постарались свести к минимуму вероятность своего опознания. Как выяснилось, маскировка их не подвела.

Первая камера показывала кабину лифта, из которой они выбирались, сбоку. Сначала просто разлетелась осколками внешняя стеклянная панель лифта. Затем Сергей выстрелил из

арбалета стрелой с привязанным тросом. Та впилась в стену небоскреба, стоящего напротив, двумя этажами ниже их кабины. За счет того, что соседний небоскреб стоял достаточно далеко, наклон троса получился пологим. Затем Сергей закрепил трос в кабине, подергал его, удостоверяясь в прочности креплений, рядом с первым узлом закрепил конец второй бухты троса, которая осталась висеть у него на поясе. Закрепил скользящую петлю на натянутом тросе и карабином прикрепил ее к своему поясу. Передвигаться по тросу он собирался при помощи хитроумного устройства, которое позволяло плавно скользить по нему, но в случае обрыва одного из креплений могло жестко зафиксироваться, и Сергей был бы избавлен от падения с достаточно большой высоты. Сергей закрепил его, закинул ноги на трос, скрестив их, и медленно выехал из кабины.

На записи было хорошо видно, как Сергей выехал из лифта. Он скользил по тросу уверенно, почти без ускорения. Черный костюм делал его почти невидимым в ночи, и только освещение зданий позволяло заметить его. Когда он подъехал к стене небоскреба, бывшего их целью, он зафиксировался на стене освободив себе руки. Мышонок сначала не понимал, каким образом Сергей мог так прикрепить себя к ровной стене, но потом уже он узнал, что Сергей воспользовался металлической рамой окна, за которую он и прицепил страховку.

Сергей закрепил второй трос, а затем спустился к двадцать первому этажу. На окно с пуленепробиваемым стеклом он налепил полоску пластиковой взрывчатки, аккуратно воткнул в нее взрыватель и снова поднялся вверх.

— Ваша очередь, — раздался голос Сергея в наушниках у Мышонка и Лайки.

Мышонок и Лайка закрепились каждый на своем тросе и по очереди выехали из лифта. В это же время Сергей активировал взрыватель, и бронированное окно разлетелось осколками. Часть из них влетела внутрь здания, а часть посыпалась вниз, к земле, на которую Мышонок старался не смотреть, пока ехал по тросу.

На записи, которую много позже просматривал Мышонок, было видно, как взрыв расцвел оранжевым цветком на окне, и тут же в разбитое окно с удивительной синхронностью скользнули три черных силуэта, почти невидимых в темноте. Сам он этот момент помнил плохо. Осталось только ощущение страха удариться о стену и сорваться вниз. Но все прошло хорошо.

В то время, пока Сергей возился с тросами и взрывчаткой, Мышонок вошел в Сеть и отдал несколько команд, основу для которых Лайка заложила несколькими часами ранее. По его командам одновременно защелкнулись замки на всех дверях

офиса киберполиции, и включилась система пожаротушения. Потоки воды, попавшие на работающую аппаратуру, вызвали несколько коротких замыканий. Все эти меры должны были дезориентировать полицейских и позволить налетчикам действовать более или менее спокойно, не отвлекаясь на нейтрализацию всех, кто находился в офисе в этот поздний час.

Когда Мышонок забрался в коридор через окно, там не было никого из персонала офиса. Основное освещение тоже было вырублено Лайкой, и офис освещался лишь оранжевыми проблесковыми маячками на потолке, которые включались в нештатных ситуациях. Естественно, подобный мигающий свет только дезориентировал, поэтому все трое вывели на экраны тактических шлемов изображение от видеокамер, закрепленных на плечах. Компьютеры экзоскелетов отфильтровывали помехи и раздражающий свет, и картинка получалась достаточно четкой, даже несмотря на потоки воды, льющиеся из системы пожаротушения.

Группа разделилась. Лайка отправилась к хранилищу вещественных доказательств, а Мышонок с Сергеем побежали к кабинету следователя, в котором должен был находиться Умка. Этот кабинет Лайка не заперла извне, поэтому в любой момент оттуда могли показаться полицейские. Однако Мышонок и Сергей успели первыми.

Сергей распахнул дверь, и в нее кувырком через левое плечо вкатился Мышонок. Он не был тренированным оперативником, поэтому в обычной ситуации такой кувырок был бы для него достаточно сложным упражнением, но экзоскелет помог ему не только грамотно перекатиться через порог, но и быстро подняться на ноги.

Мышонок оглядел кабинет, и пистолеты дернулись за его взглядом, отслеживая возможные цели. Но цель была только одна. Умка, весь промокший, с наручниками на запястьях, сидел за столом, а полицейский в синей форме копался в своем сейфе. Когда Мышонок поднялся на ноги, и Сергей скользнул в дверь за его спиной, следователь обернулся на шум. Мышонок и Сергей одновременно выстрелили из двух шокеров, и удивиться неожиданному визиту следователь не успел.

Сергей подошел к парализованному следователю и присел рядом с ним, обшаривая карманы, а Мышонок наклонился к сидящему Умке, опершись одной рукой на стол, и поднял забрало тактического шлема, давая узнать себя. Видеокамера слежения осталась за спиной, поэтому опознания можно было не бояться. Умка с облегчением улыбнулся Мышонку, но ничего не сказал. Правильно. Чем меньше информации останется у полиции — тем

лучше.

Сергей наконец-то нашел то, что искал у следователя, и подошел к сидящему Умке. В руках его были маленькие ключи от наручников. Когда Сергей открывал замок наручников, в кабинет заглянула Лайка, показывая тяжелую сумку, в которой, очевидно, лежали вещи Умки. Все вещественные доказательства были собраны, Умка освобожден, можно было выходить. Мышонок снова закрыл забрало шлема и повернулся к двери.

Умка встал со стула, потирая правой рукой левое запястье, и в этот же момент прекратилась работа системы автоматического пожаротушения. Потоки воды, бившие из форсунок на потолке, заливавшие коридор и кабинеты, прекратились. Это было плохим знаком. Остановить работу системы пожаротушения можно было только добравшись до пульта управления службами здания или из Сети. Так как весь персонал в офисе был заперт, оставалось лишь предполагать, что часть оборудования не вышла из строя от внезапного душа, и полицейские операторы смогли выйти в Сеть. Следовательно, они уже вызвали помощь, и времени оставалось не так уж и много.

Все четверо выскочили в коридор. Лайка, придерживая Умку за локоть, вызвала кабину внешнего лифта. Мышонок с Сергеем контролировали коридор. Тянулись долгие секунды, пока вызванный лифт шел к ним. Но до его прибытия запертые полицейские так и не справились с замками, Лайка постаралась на совесть, готовясь к операции.

Лифт подошел, и все четверо вошли в кабину. Сергей не стал забрызгивать видеокамеру краской, как в первый раз, а просто разнес ее одним выстрелом, а затем нажал кнопку последнего этажа. Лифт пошел наверх.

— Я вот когда-то читал, — начал Умка, — сборник правил для героев триллеров. Так там сказано, что нет смысла при побеге ехать на лифте наверх, внизу гораздо легче уйти от погони.

Лайка подняла забрало шлема.

— Ничего, если Сергей нас везет вверх, значит, мы будем уходить оттуда. Лучше скажи, полиция что-нибудь узнала?

— Нет, — пожал плечами Умка. — Только сняли отпечатки пальцев, сфотографировали, ну, и начали расспрашивать.

— А ты?

— А я раз за разом повторял, что, дескать, никто не может быть принужден свидетельствовать против себя. Думаю, за несколько часов эта цитата следователю надоела. Мне, кстати, тоже.

— Не переживай, — обратился Сергей к Умке. — Из страны выберемся, отпечатки пальцев сменишь, парочка пластических

операций, и киберполиция может выкидывать свои данные на тебя. Документов у тебя не было, раньше, как я понимаю, никто у тебя отпечатков не снимал, так что волноваться абсолютно не о чем.

— Кстати, ребят, спасибо большое за то, что вытащили. Я думал, что несколько лет латвийской тюрьмы мне уже гарантированы.

— Не за что, — ответил Сергей. — Это моя работа. Вы мне за эту операцию еще сверх гонорара доплатите.

— Уж в этом можешь не сомневаться, — заметила Лайка. — Нам всем придется себе сверхурочные заплатить. «Дейтатеку»их данные обойдутся, пожалуй, несколько дороже, чем мы сначала предполагали.

Тем временем лифт подъехал к последнему этажу. Все четверо вышли из кабины, и вслед за Сергеем направились к лестнице. Через чердак — на крышу. Мышонок подошел к ограждению крыши и посмотрел с верхушки небоскреба на ярко освещенную ночную Ригу. Зрелище завораживало, но ситуация не располагала к любованию красотами. Мышонок бросил взгляд вниз, поежившись от высоты, и вернулся к основной группе.

— Вот вы тут прохлаждаетесь, а внизу уже машины полиции подъезжают, — заметил он.

— Ничего, они не успеют, — сказал Сергей, посмотрев на часы. — Нас уже почти нет.

Мышонок услышал звук подлетающего вертолета. Умка и Лайка вместе с ним вертели головами, выискивая вертолет в ночном небе.

— А вот и наш транспорт, — перекрывая шум, прокричал Сергей.

Небольшой коптер без бортовых огней и опознавательных знаков подлетел к крыше небоскреба и завис в нескольких метрах над группой. Ветер от винта рвал одежду и заставлял глаза слезиться. Мышонок закрыл забрало шлема и заметил, что Лайка и Сергей сделали то же самое. На Умке шлема, естественно, не было, поэтому он просто прищурился.

Дверь со стороны пилота в вертолете отъехала в сторону, из проема выглянул Эльдар в пилотских наушниках и что-то прокричал им. Из-за шума двигателя и лопастей его не было слышно, но взмах рукой вверх, которым он сопроводил свои слова, был достаточно красноречив. Эльдар скрылся, и из вертолета вылетела веревочная лестница.

— Дамы — вперед, — сказал Сергей, подталкивая Лайку к лестнице.

Через два дня все пятеро были в Амстердаме. Умка анонимно провел переговоры с «Дейтатеком», и продал им их собственную разработку за восемьсот тысяч. Получилась неплохая премия за риск. Когда Мышонок получил свой гонорар в виде анонимной чип-карты серьезного банка, встал вопрос — что дальше? Операция завершена, но возвращаться обратно в Петербург не было никакого желания.

Мышонок сидел за столиком в уличном кафе и вертел чип-карту в руках. Сейчас у него денег больше, чем было когда-нибудь. И что? Деньги — лишь символ. Причем малозначащий лично для него, Мышонка, символ. Умка с Лайкой уже уехали, Сергей и Эльдар — тоже. Все в разные стороны, запутывая следы.

Мышонок посмотрел через дорогу и увидел вывеску магазина кожаной одежды. Он оставил на столике купюру в десять евро и направился к магазинчику. Через двадцать минут Мышонок вышел из него в новом кожаном плаще и с ковбойской шляпой в руке. Поднял руку, останавливая такси. Еще через сорок минут он стоял перед стойкой агентства по продаже авиабилетов.

— Мне нужно в Новосибирск, — сказал Мышонок девушке за стойкой. — Как можно быстрее, пожалуйста.

Инфильтратор

Она ушла. После почти года, который они прожили вместе, Бука собралась и просто ушла. «Я устала, — сказала она, — я так больше не могу. На тебя нельзя опереться, твой путь слишком извилист. Он не для меня. Извини». А потом собрала вещи, вызвала такси и уехала. Мышонок решил, что сегодня он все-таки постарается напиться так, чтобы заглушить тупую боль потери.

Домой Мышонок возвращался уже после полуночи. Несмотря на долгое путешествие по барам Новосибирска, он оставался трезвым. Пить Мышонок просто не умел. «Не могу я пить то, что мне не нравится, то, что мне обжигает гортань и просто горькие жидкости», — объяснял он знакомым. Сегодня эта его особенность пошла Мышонку во вред. Забыться не удалось, и он все время вспоминал, как от него уходила любимая девушка с необычным именем Бука. Это, конечно, не было ее настоящим именем, но когда они познакомились в киберпространстве, он знал ее как Буку и продолжал так называть ее даже после их встречи около года назад.

Мышонок подошел к двери своей однокомнатной квартиры, достал ключ и открыл замок. Когда он вошел в квартиру, то увидел, что в комнате горит свет. По спине поползли мурашки, а правая рука сразу очутилась в кармане плаща, где лежал шокер. Мышонок точно помнил, что перед уходом свет он выключал.

— Юноша, проходите, — услышал Мышонок мужской голос. — Вы уж извините нас за вторжение, но нам действительно необходимо с вами побеседовать.

Мышонок захлопнул входную дверь и, не разуваясь, прошел в комнату. В креслах удобно расположились двое мужчин в синих костюмах, и Мышонку не надо было долго размышлять, пытаясь угадать их род деятельности. У них, казалось, было на лбу написано — копы. Причем, не обычные полицейские, а какая-то служба безопасности. И хорошо еще, если это будет государственное учреждение, а не корпоративная безопасность.

Выглядели нежданные посетители очень похоже, прямо как однояйцевые близнецы, подумал Мышонок. Одинаковые синие костюмы, одинаковые рубашки. А расслабленное выражение лиц еще больше усиливало сходство. Но различие все-таки было. Один из них носил галстук цвета расплавленного свинца, а второй — шейный платок в тон костюму.

Сидели они спокойно, основательно угнездившись в креслах. Быстро встать из кресел им будет трудно, но Мышонок не обманывал себя — он развернуться не успеет, а эти двое уже

будут на ногах. Убежать не получится. Да и надо ли убегать? Если бы копы хотели доставить ему проблемы, достаточно было просто не включать свет, он бы и не насторожился. А там бери его тепленьким.

Мышонок снял шляпу и плащ, бросил их на диван. Затем он развернул стул, поставив его так, чтобы видеть обоих посетителей, и сел на него верхом, сложив руки на спинке.

— Чем обязан такому неожиданному визиту? — спросил Мышонок.

— Здравствуйте, Дмитрий, — начал тот, что носил галстук. — Мы тут совершенно случайно узнали, что у вас появились некоторые проблемы, так сказать, личного рода, и решили навестить.

Говорил коп на русском, но было ясно, что этот язык для его родным не является. С другой стороны, акцент не так уж велик и фразы строит свободно. Значит, либо очень хорошие учителя, либо часто бывает в России.

— Продолжайте, — ответил Мышонок.

— Нас наняла небезызвестная вам фирма «Дейтатек», —коп замолчал, ожидая реакции Мышонка, но тот ничего не ответил. — По нашим сведениям около года назад вы принимали участие в краже секретной информации из их корпоративной базы данных.

— Молодые люди, — ровным голосом сказал Мышонок, — у меня создается такое впечатление, что вы обвиняете меня в серьезном преступлении. Должен вам заметить, что подобные действия являются прерогативой правоохранительных органов, прошу прощения за излишнюю формальность определения. Я веду к тому, что у меня возникают сомнения в вашем статусе. Вы проникли незаконно в мою квартиру, бросаетесь нелепыми обвинениями. Я задаю себе вопрос, почему я до сих пор не вызвал милицию, и не нахожу ответа. — Мышонок запустил руку в карман плаща. — Мне достаточно нажать одну кнопку на своем телефоне, и через две минуты вам предстоит встреча с нашей доблестной милицией.

Пока Мышонок произносил свою провокационную речь, он внимательно следил за своими собеседниками, но не заметил и тени напряжения в, их позах. Профессионалы, однозначно профессионалы.

— Дмитрий, вы уж нас извините, ваше негодование совершенно справедливо. Но мы пришли не обвинять, а, скорее, сделать вам заманчивое предложение. Можете выслушать нас спокойно?

— Рассказывайте, чего уж там.

— Итак. Мы знаем, что вы участвовали в том взломе

годичной давности. Дмитрий, у нас нет доказательств, иначе вы бы сейчас беседовали с теми представителями правоохранительных органов, к которым вы только что обещали отправить нас. И вы должны отлично понимать, что за те две минуты, в течение которых по вашему вызову прибудет милиция, мы сможем взять вас и скрыться. Это не проблема. Но мы прибегнем к такому варианту действий только в самом неблагоприятном случае. Фирма «Дейтатек» предлагает вам работу. Точнее разовое, но долгосрочное задание, которое будет хорошо оплачиваться. Очень хорошо.

— Давайте расставим все точки над i, — ответил Мышонок. — Если я не еду с вами добровольно, вы вывозите меня из страны силой. Так или иначе «Дейтатек» получает меня, верно?

— Дмитрий, мы очень надеемся на вашу добрую волю, и нам очень не хотелось бы прибегать к силовому варианту. Посмотрите на вещи несколько иначе. Вы с недавнего времени свободный человек, ничем не отягощены, почему бы и не принять хорошее предложение о работе?

— А вы уже и узнали, что я остался один.

— Узнали. Ну так как? Едем?

— Можно подумать, у меня есть выбор.

— Выбор у человека есть всегда. Другое дело, Дмитрий, что в данном случае от вашего выбора зависит очень немногое. Так или иначе, но вы окажетесь в Австрии.

Собеседник Мышонка достал из внутреннего кармана пиджака авиабилеты и показал их Мышонку.

— Вылет сегодня. Надеюсь, Дмитрий, вы не против нашей компании в полете.

В самолете, улетающем прочь от восходящего солнца во все еще спящую западную Европу, на Мышонка наконец упало осознание полной непоправимости произошедшего. Бука ушла от него, сам он улетает в другую страну, и больше не будет ни единого шанса увидеть девушку, которую он так любит. Хуже всего было понимать, что уже совсем ничего исправить нельзя.

Мышонок смотрел в иллюминатор на подсвеченные восходящим солнцем края облаков, оставшихся внизу, под самолетом, и не видел их. Он вспоминал запах кожи Буки, вкус ее губ. Она любила вишневый чай, и у ее поцелуя всегда был вкус вишни. Он помнил игру приглушенного света настольной лампы на ее волосах и коже. Он помнил, как приглушенно стонала Бука, когда они занимались любовью. Мышонок помнил все. И сама мысль о том, что больше этих моментов не будет никогда,

причиняла прямо-таки физическую боль. Одиночество, оказывается, может быть и таким, тяжелым.

Кабинет начальника службы безопасности корпорации «Дейтатек» не был уютным. Светло-серая обивка стен, деловая мебель и никаких безделушек, ничего личного. Складывалось ощущение, что владелец кабинета не имеет никаких пристрастий. Даже стол, который из-за своей стеклянной столешницы выбивался из общего стиля, был чист. Никаких бумаг, никаких дисков. Только компьютер, телефонная трубка и табличка с именем хозяина кабинета. «Т. Котер» — гласила она. А сам хозяин кабинета сидел за столом и внимательно рассматривал Мышонка, сидящего в кресле посередине кабинета.

— Итак, Дмитрий, вы уже извещены о том, что наша компания заинтересована в вас. Будем говорить прямо — вы нам должны. Вы принимали участие в операции, в которой более года назад были украдены разработки нашей компании. Найти вас было нелегко, но мы сделали это. Мне не нужны имена остальных участников налета, это пусть латвийская полиция беспокоится. Мы нашли вас, Дмитрий, и рассчитываем, что вы теперь ради разнообразия поработаете и на нас.

«Господи, — подумал Мышонок, — похоже, всех этих безопасников воспитывают в одном детском саду». И те двое, которые его нашли, и этот Котер, говорят как по-писаному, и фразы строят одинаково. И выражение лиц у них одинаково постное. Как из инкубатора, честное слово. Хорошо еще, что их по одежде различать можно. Котер продолжал свою речь.

— Конечно, в качестве стимула мы предлагаем не только моральное удовлетворение. За выполнение задания вам будет выплачена достаточно внушительная сумма.

Котер открыл один из ящиков стола, извлек из него лист бумаги и ручку, написал что-то на листке и положил его на край стола. Мышонок поднялся из кресла и взял лист бумаги. На нем была надпись «$ 50 000». «Все повторяется в этом мире, — подумал он, — все повторяется. Хоть и с некоторыми вариациями».

— Это немалая сумма. Что я должен сделать? — спросил Мышонок Котера, снова устраиваясь в кресле.

— Вы, Дмитрий, несомненно, слышали о такой компании, как «VTZ-Нетуорк». Нас весьма интересует их отдел «Ар-энд-Ди»[1]. Поэтому мы планируем внедрить вас в эту компанию под видом служащего, а ваша задача извлечь их разработки и передать нам. Необходимо узнать, на что они сейчас тратят свои средства. Мы обеспечиваем вакансию в этой компании для специалиста вашего

уровня, готовим вам легенду, резюме, специально для подтверждения ваших липовых рекомендаций расконсервируем несколько спящих агентов в других компаниях, они подтвердят легенду. В общем, внедрение — это наша проблема. Затем попробуем создать вам неплохую ситуацию для продвижения вверх по карьерной лестнице. А уже потом вы достанете нам их разработки. После этого мы обеспечиваем вам выход из VTZ, заплатим гонорар, и будем считать, что мы квиты.

— А если я не соглашаюсь?

— Сдаем вас полиции. Дмитрий, вы ведь уже все решили. В конце концов, когда еще у вас будет шанс инфильтрацию провести?

Вот ведь паршивцы. Мышонок прекрасно понимал, что его, что называется, взяли в оборот, причем очень серьезно. Без дураков. Этот Котер действительно сдаст его копам, а для инфильтрации еще кого-нибудь найдут. Соглашаться надо. Заодно и денежек заработать можно. Если не кинут, конечно. Но о деньгах позже думать надо будет, когда вся эта операция закончится.

А с другой стороны — что он теряет? Пустота внутри, вызванная внезапным одиночеством, постоянно напоминала о себе, и отвлечься от этого чувства можно было только заполнив свою жизнь еще чем-нибудь. Желательно, работой. Ну, работу Мышонку как раз и предлагают. А тот факт, что она будет опасной, лишь поможет ему. Мышонок не строил иллюзий по поводу надежности плана инфильтрации. «Дейтатек» потому и берет стороннего человека на подобную операцию. Провалится инфильтратор — спишут без убытков. А если, паче чаяния, агент сможет все-таки достать необходимые данные — тем лучше. Что ж, если уж так сложилась жизнь, то почему бы и нет, черт возьми?

Мышонок поднял глаза на Котера и медленно кивнул ему.

Изнутри корпоративная база данных «VTZ-Нетуорк» выглядела для Мышонка непривычно. Если проникаешь в подобную базу снаружи, то сначала сталкиваешься с системой защиты, а потом сам прорубаешь себе дорожки к тем или иным блокам данных, не используя стандартные программы. Однако сейчас Мышонок был легальным оператором, сотрудником отдела информационной безопасности корпорации «VTZ-Нетуорк», и мог увидеть структуру всего корпоративного софта изнутри. Он видел все слабые места, чувствовал работу всех охранных систем, знал где хранятся лог-файлы и как действует вся система безопасности. Да, если бы у него была такая информация раньше, до внедрения сюда, взлом этой базы данных был бы почти

детской забавой.

Мышонок вспомнил, как он устраивался на работу в этот отдел. Резюме за него написали и отправили специалисты «Дейтатек». А собеседование прошло тоже достаточно гладко. Мышонка особенно поразила табличка на двери менеджера, проводившего собеседование. На ней было просто написано «HR». Мышонок знал, что это расшифровывается как «Human Resources» — человеческие ресурсы. Вот так, люди для корпорации теперь даже не обезличенный персонал, а всего лишь ресурс.

Собеседование прошло быстро. Сфабрикованная биография была внушительной, квалификация высокой, поэтому Мышонок занял вакансию оператора отдела безопасности без проблем. И вот теперь уже больше двух недель ему приходится работать по восемь часов в день, от звонка до звонка. Это было непривычно, так как на своей последней «нормальной» работе у Мышонка был более или менее свободный график, а здесь отлынивать было нельзя. Ни опозданий, ни уходов пораньше. Соковыжималка, одним словом.

Собственно, сама работа была не такой уж и сложной. Основная обязанность — следить за целостностью корпоративной базы данных в киберпространстве. В том случае, если система защиты не справится с взломом извне, необходимо локализовать нападающего, оповестить коллег и приступить к его обезвреживанию. За те две недели, что Мышонок работал в VTZ, никаких эксцессов еще не происходило. Ну, ничего, сейчас служба информационной безопасности получит хорошую встряску.

Основной проблемой было то, что, будучи обычным рядовым оператором, Мышонок практически не имел возможности даже приблизиться к банку данных исследовательского отдела. Слишком уж низкий статус у него был. Необходимо было продвинуть Мышонка немного вверх по карьерной лестнице. И «Дейтатек» подготовил соответствующую операцию.

Группе хакеров «Тотал Эклипс» было заказано и оплачено проведение имитации атаки корпоративной базы данных VTZ. Взломщики должны будут прорубить окно в защите софта, войти внутрь, парализовать работу операторов безопасности и изобразить атаку исследовательского отдела. Они также были извещены, что атаку необходимо будет свернуть, как только их начнет обезвреживать определенный сотрудник отдела информационной безопасности, заранее извещенный об атаке. То есть со стороны все должно выглядеть так, будто Мышонок в одиночку нейтрализовал вторжение. Чтобы лавры победителя не достались никому, кроме него, хакеры из «Тотал Эклипс» должны будут организовать шумный и яркий отвлекающий маневр, на

который и будут стянуты основные силы защиты. Что ж, Мышонок был готов и ожидал вторжения с минуты на минуту, благо дата и примерное время проведения операции были оговорены заранее.

Вот оно! Мышонок вынужден был признать, что нанятые хакеры основательно подготовились. Две темные обтекаемые фигуры, казалось, просто просочились через внешнюю границу корпоративной базы данных, даже не потревожив защиту. Более того, все основные техники нелегального проникновения в охраняемый софт базировались на «прорубании окна» с нейтрализацией защиты, а эти ребята как-то умудрились просто проникнуть внутрь через границу. Защита, естественно, просто не обратила на них внимания. Да, это что-то новенькое.

Хакеры выбрали ничем не примечательное обличье. Темные обтекаемые силуэты, изредка менявшие форму для выполнения различных действий. Что ж, в профессионализме им не откажешь. Только подростки, считающие себя великими хакерами, но на самом деле ничего серьезного собою не представляющие, выбирали себе яркое и запоминающееся обличье, которое потом и позволяло их идентифицировать. Но незваные гости не были похожи на дилетантов. Стиль работы, насколько мог оценить Мышонок, был хорош. Взломщики действовали как бы не торопясь, но при этом развертывание плацдарма происходило в очень быстром темпе.

Мышонок висел рядом, ничем не выдавая себя. Пока он не предпринимал никаких действий, он был невидим для взломщиков. Хотя кто знает, может, теперь, обладая подобной технологией, они могут и его засечь. Но так или иначе хакеры пока не обращали на него никакого внимания. Они были заняты своим делом.

Первым делом незваные гости начали устанавливать свои системы, которые, как предполагал Мышонок, должны были обмануть автоматическую систему внутренней охраны. Следует заметить, что его предположения оправдались. Стандартные процедуры проверки целостности внешней оболочки старательно обходили участок проникновения, как бы не замечая его. Это позволяло хакерам работать свободно. Они начали прорезать окно изнутри. После того, как окно во внешней защите было проделано, через него прибыли основные силы. Еще пятеро хакеров прибыли уже через прорубленное окно. Теперь внутри внешнего периметра защиты было уже семеро.

Шестеро хакеров отправились к сердцу базы данных, один остался у прорубленного окна, видимо, прикрывать путь отхода. Время шло, и Мышонку было рано еще вмешиваться, сначала

взломщиков должны заметить другие операторы защиты. Сам он начал потихоньку отступать к сектору исследовательского отдела, так как именно на этом направлении он должен будет, согласно договоренности, отражать атаку группы «Тотал Эклипс».

Примерно через минуту поступил сигнал тревоги. Всем операторам отдела информационной безопасности было приказано блокировать атаку на финансовый сектор. Мышонок, естественно, этот приказ проигнорировал. Гости пожаловали совсем скоро. Не таясь, позволяя системам внутренней безопасности зафиксировать детали нападения, они направились к отделу исследований. Пришло время поработать и Мышонку. Прежде всего он запустил процедуры блокировки. Все каналы связи отдела исследований были перекрыты, и их база данных оказалась закапсулирована и отделена от общего массива.

После этого Мышонок начал стандартную процедуру идентификации и уничтожения незваных гостей. Попытки отследить их канал обычными средствами успеха не принесли, но Мышонок и не стремился особенно достичь успеха в идентификации. Он и без этого знал, кто к ним пожаловал. Инструкция требовала сразу после попытки отслеживания чужаков приступить к их уничтожению. Естественно, люди не погибали, уничтожались их носители в киберпространстве. Это была уже рутина. Через минуту все было кончено. Проникновение отбито.

Мышонок стоял перед зеркалом в ванной комнате квартиры, которую ему предоставила VTZ, и рассматривал свое отражение. Черные брюки, белая сорочка, черный смокинг, взятый напрокат, и галстук-бабочка. Галстук, собственно, не был настоящим, он застегивался на ленте сзади. Что ж, оно и к лучшему, галстук-бабочку Мышонок завязывать не умел.

Смокинг, впрочем, он тоже надел первый раз и чувствовал себя в нем неуютно. Но что поделать, надо, значит, надо. Мышонку предстояло ехать на прием, устраиваемый президентом VTZ. После этого приема, он вступит в должность начальника отдела информационной безопасности.

Повышение было прямым следствием инсценировки с проникновением хакеров в корпоративную базу данных, которых именно Мышонок и обезвредил. Аналитики из «Дейтатека» все рассчитали верно. Прошло полторы недели с того памятного дня, когда произошел взлом защиты, и Мышонка вызвал к себе начальник отдела.

До того момента Мышонок видел его всего один раз при знакомстве с отделом. Несмотря на то что Майкл Зондерганн

согласно корпоративному стандарту был одет в строгий черный костюм с синей сорочкой, Мышонок считал, что он изначально не был дипломированным специалистом по безопасности. Скорее всего, он поднялся до этого поста с позиции обычного компьютерного специалиста. По крайней мере вел он себя более свободно и открыто, чем остальные безопасники, которых видел Мышонок за последние два с половиной месяца. И говорил прямо.

— Скажу честно, Дмитрий, я не в восторге от того, что все так сложилось. Нет, то, что я перехожу на должность вице-президента компании по информационным технологиям, меня не может не радовать, я давно этого ожидал. Мне не хочется на должность начальника отдела ставить вас. Преемника я себе давно подобрал, а тут этот инцидент… Спору нет, Дмитрий, вы отличились и предотвратили большие убытки, но, с моей точки зрения, это было прямое выполнение ваших должностных обязанностей, не более того. Однако приказ о вашем повышении я получил с самого верха, и он не обсуждается. И должен вас предупредить — малейший промах, и вы окажетесь там, откуда начинали.

— Я понимаю ваши мотивы, мистер Зондерганн, — ответил Мышонок.

— Вот и хорошо. Ничего личного, Дмитрий. Это бизнес. Кстати, ваше назначение еще не утверждено. В силу оно вступит только после того, как мнение о вас составит наш главный аналитик, — говоря это, Зондерганн слегка улыбнулся. — С ним вы встретитесь послезавтра, в пятницу вечером на корпоративном приеме, который раз в три месяца устраивает наш президент. Он будет проводиться в его загородном доме. Ваше присутствие, естественно, обязательно. Машина приедет за вами в семь часов вечера. Форма одежды — black tie[2].

— Черный галстук? В смысле?

— Это означает, что необходимо быть в смокинге, молодой человек. Учитесь, если все пойдет хорошо, вам придется узнать и запомнить очень много. Корпоративная культура — это очень серьезно.

Мышонок до сегодняшнего дня не надевал смокинг, галстук-бабочку, и на официальных приемах тоже ни разу не был. Все это заставляло его немного нервничать. В комнате зазвонил телефон. Мышонок последний раз поправил бабочку, которая отказывалась сидеть ровно, вышел из ванной и поднял трубку. Звонил присланный за ним шофер. Он, оказывается, уже ждал Мышонка внизу у подъезда.

Тремя часами позже Мышонок сидел один в беседке, стоящей на берегу небольшого искусственного пруда, который,

совершенно точно, обошелся владельцу очень дорого, и смотрел на огоньки свечей, плавающих в черной воде пруда. Свечи были установлены на каких-то плавучих подставках и медленно дрейфовали в пруду. Мышонок хотел было рассмотреть, на чем именно закреплены свечи, но ни одна из них близко к берегу не подплыла.

Вечеринка, а если быть точным, корпоративный прием, вероятно удалась. Во всяком случае, все эти посетители большого дома, стоящего в центре явно нехилого по размерам сада, были довольны друг другом и собой. Мужчины в смокингах, дамы в вечерних платьях, и все постоянно друг другу улыбаются, все друг друга знают. А про эти платья на женщинах Мышонок вообще старался не вспоминать. Некоторые вычурные и блестящие, другие подчеркнуто скромные, но у всех есть одна общая черта — дорогие до чертиков. Это с первого взгляда видно. Готовое платье из магазина так фигуру облегать не будет, сидят просто как вторая кожа. Кстати о фигурах. Каждая женщина, которую видел сегодня Мышонок, вне зависимости от своего возраста имела отличную фигуру. Но вряд ли это из-за постоянных занятий спортом, скорее, такие фигуры покупают у хирургов, саркастически думал Мышонок.

А этот хваленый аналитик так и не встретился с Мышонком. Будь его воля, Дмитрий бы уже давно плюнул на это мероприятие и уехал обратно в город. Больше двух часов он бродит по этому дому с бокалом в руке, все ему улыбаются, но поговорить не с кем. Да и не хочется особо с кем-то здесь разговаривать, честно говоря. Конечно, как только он сюда приехал, Зондерганн, отмечавший свое назначение на пост вице-президента, представил его главе VTZ Дэниелу Гуннерсону. Рукопожатия, дежурные улыбки, не менее дежурные фразы. Рад, что вы выбрали время заехать ко мне, Дмитрий. Осваивайтесь, чувствуйте себя как дома.

Ага. Выбрал время заехать, несомненно. Кажется, моего мнения никто и не спрашивал, подумал Мышонок. Так или иначе, два часа пропали бесцельно. Следует признать объективно, в этом обществе Мышонок был чужим. Какое счастье, что на самом деле ему не придется делать карьеру в подобных корпорациях. Здесь было… душно.

Мышонок снял смокинг, аккуратно сложил его, все-таки вещь не своя, пришлось напрокат взять, и положил на скамейку его рядом с собой. Поверх смокинга улеглась бабочка. Теперь можно было и верхнюю пуговицу рубашки расстегнуть, освободив шею. Туфли и носки отправились под скамейку. Бокал, который был в руке почти все время, поставить справа, ноги забросить на

скамью, стоящую напротив. И вот теперь можно расслабиться.

Мышонок сидел, опираясь спиной о стену беседки, и слушал музыку, доносящуюся со стороны дома. Естественно, ни о какой современной музыке на таком приеме и речи быть не могло. Что ж, оно и к лучшему. Под изумительный низкий и бархатный голос Викки Карр было так приятно смотреть на черную воду пруда с маленькими трепещущими огоньками плавающих свечей.

Мышонок услышал шаги и повернул голову на звук. По дорожке, освещенной круглыми фонарями, стоящими на земле, к беседке подходила молодая девушка. Когда она подошла ко входу, Мышонок понял, что в оценке возраста он ошибся. Подросток, лет четырнадцать-пятнадцать. Судя по раскосым глазам и черным прямым волосам — японка. Причем не чистокровная, в лице чувствовалась примесь европейской крови. Высокие скулы, чуть более рельефные черты лица. Симпатичная. Не красивая, но все-таки симпатичная. Больше всего Мышонка удивила ее одежда. После двух часов общения со смокингами и вечерними платьями увидеть на девушке голубые джинсы и белую футболку без рукавов было странно. На правом бицепсе завязан узлом воздушный красный платок, который уместнее все же смотрелся бы на шее.

Девушка в темноте беседки нащупала рукой на скамейке сложенный смокинг Мышонка и уселась на него. Затем, не говоря ни слова, нагнулась вниз, расшнуровала белые кроссовки, поставила их рядом с туфлями Мышонка и так же, как он, положила ноги на скамейку напротив. Мышонок обратил внимание, что все ее движения были настолько легки и отточены, что казалось, будто девушка танцует. На нее хотелось просто смотреть во все глаза, что, впрочем, Мышонок и делал. Впрочем, девушка молча смотрела на пруд, и Мышонок решил, что дальше глазеть на гостью будет невежливо, и тоже повернулся к пруду. В молчании прошло минуты две. Первым не выдержал все-таки Мышонок.

— Так и будем в молчанку играть? — спросил он.

— Нет. Теперь уже не будем, — ответила гостья. Голос у девушки, нет, точно, подростка, был тонким, каким-то кукольным. Обычно у азиатских девушек именно такие голоса и бывают. Но на английском языке говорит совершенно без акцента.

— Дмитрий, — представился Мышонок.

— Да, я знаю, — сказала девушка, все так же глядя на пруд. — Меня Ицки зовут.

— С моей стороны не будет слишком большой наглостью называть тебя Ицки-тян?

В темноте блеснули белки глаз Ицки, когда она повернула голову, чтобы посмотреть на Мышонка.

— Нет, пожалуй. С твоей стороны, — она выделила голосов слово «твоей», — это наглостью не будет.

— Дай-ка я угадаю. Ты, наверное, и есть тот самый аналитик, для беседы с которым меня сюда вызвали, верно?

— Угу, точно.

— Извини за нескромный вопрос, а тебе сколько лет?

— В моем возрасте этот вопрос еще не считается нескромным. Мне пятнадцать.

— Итак, пятнадцатилетняя девушка является главным аналитиком серьезной корпорации, от мнения которой зависят назначения на достаточно важные должности. Верно?

— Не только это, — совершенно серьезно ответила Ицки, не реагируя на иронию Мышонка. — Я отвечаю за развитие фирмы, так что помимо ключевых должностей на мне висит выбор перспективных направлений развития, анализ конкурентов, ну и много чего еще по мелочи.

— И как долго ты несешь на себе эту ответственность, если не секрет?

— Чуть меньше года.

— То есть в четырнадцать лет ты приступила к стратегическому анализу? Просто так пришла с улицы в фирму и сказала, давайте я буду вами управлять? Не смеши меня.

— Вообще-то не с улицы. Я приемная дочь президента Гуннерсона. Но это ничего не значило. Только после того, как он убедился в том, что мои выводы безошибочны, он начал со мной советоваться. Вообще-то ты не обязан мне верить. Вон, зайди в дом и спроси у кого-нибудь, правда это или нет. А я пока тебя здесь подожду.

Мышонок посмотрел на Ицки долгим взглядом.

— Хорошо, будем считать это правдой. Вот, ты меня нашла. Теперь что? Решение относительно меня будет принято сразу, или надо еще о чем-то поговорить, тесты пройти?

— Да нет, пожалуй, основные выводы можно сделать уже сейчас. Тебе как, выкладки приводить или сразу итог?

— Только основные этапы.

— Хорошо. Смотри. Ты отбил вторжение в базу данных, и тебя выдвигают на весьма перспективный пост, который может стать стартовой площадкой для быстрого восхождения по служебной лестнице. Однако здесь ты не завязываешь знакомств, не выглядишь удачливым и успешным карьеристом. Ты уходишь от всей этой компании сюда, чтобы тихо посидеть у свечного пруда. Ты не умеешь и не любишь носить смокинг. Тебя не радует

факт личного знакомства с президентом корпорации. Первый вывод напрашивается сам по себе — ты нетипичен. А вот следствия из твоей нетипичности могут быть самые разные.

— И какие же следствия?

— Возможных следствий я нахожу три. Первое — ты одарен настолько, что тебя все эти внешние атрибуты власти не волнуют абсолютно. В этом случае корпорации стоит за тебя держаться изо всех сил и, возможно, перевести в аналитический отдел.

— Это под твое начало, что ли? — перебил Ицки Мышонок.

— Нет, не под мое. Я нахожусь несколько в стороне от основной служебной иерархии. Но идем дальше. Второе следствие — ты просто случайно оказался в нужном месте в нужное время, поэтому и смог отбить нападение. Однако отсутствие навыков взаимодействия с людьми не позволит тебе подняться выше поста начальника отдела, и вполне возможно, что этот пост тебе доверить нельзя. Третья возможность — ты работаешь не только на нас, но и на кого-то другого. Проще говоря, промышленный шпионаж.

Мышонок не ожидал от пятнадцатилетней девчонки-подростка такого вывода. Не может быть, чтобы она его вычислила так просто. Сейчас, главное, не напрягаться. Если она на самом деле такая умная, как говорит о себе, то любая неестественность поведения будет замечена и истолкована не в его пользу.

— И к какому же выводу ты склоняешься?

— Ну, самый маловероятный исход, с моей точки зрения, если ты окажешься просто случайным человеком, — Ицки явно доставляло удовольствие излагать внимательному слушателю ход своих мыслей. — А попытку внедрения промышленного шпиона я ожидаю только через два с половиной месяца. Да и не слишком-то ты похож на инфильтратора. Шпион не должен быть заметен в его рабочей среде. А ты выделяешься. Так что скорее всего ты достаточно перспективен для корпорации.

— То есть ты утверждаешь мое назначение, так? — спросил Мышонок.

— Еще нет, — хитро улыбнулась ему Ицки.

— И что же мне надо для этого сделать?

— Пригласить меня на свидание.

Если бы Мышонок в этот момент пил какой-нибудь напиток, он обязательно бы поперхнулся.

— Извини за непонятливость, но мне бы хотелось кое-что уточнить, — осторожно произнес Мышонок. — На свидание тебя должен пригласить каждый, кого ты тестируешь?

— Нет. Это привилегия. Ты, кстати, первый, кто ее получает.

Ну так как?

Мышонок смешался, но все-таки смог задать сакраментальный вопрос.

— Ицки, а что ты делаешь в субботу вечером?

В субботу Мышонок вошел в кафе «Лайма» за десять минут до назначенного срока. С Ицки они договорились встретиться в пять часов вечера. Кафе было разделено на два зала. Первый зал, располагавшийся ближе ко входу, был выдержан в светло-зеленых тонах, и столики со стульями были вполне обычными. В оформлении второго зала превалировал бледно-голубой цвет, и поверхность столов была расположена на уровне груди посетителя. Поэтому и стулья были здесь высокими, которые привычнее было бы увидеть у барной стойки. Впрочем, барная стойка тоже имела место быть в этом зале. Мышонок выбрал столик у окна, взгромоздился на высокий стул и начал изучать меню. У подошедшей официантки Мышонок заказал стакан ананасового сока и попросил ее навестить их столик еще через пятнадцать минут.

Мышонок относился к этому свиданию весьма осторожно. Уже при первой встрече этот вундеркинд его чуть не раскрыл. Могло получиться и так, что сегодня он чем-нибудь выдаст себя, и Ицки сдаст его службе безопасности VTZ. С другой стороны, если Мышонок что-нибудь еще понимал в этой жизни, девочке он понравился, и это могло сулить неплохие перспективы. Однако Мышонок еще никогда не добивался своих целей, используя женскую благосклонность, и нарушать это правило не хотелось. К тому же, если быть честным, к Ицки он не испытывал особого физического влечения. В конце концов она же совсем подросток. Хотя мозги у девочки — просто высший класс. И двигается она лучше профессиональных танцовщиц.

В общем — ничего внятного сказать о своих ожиданиях Мышонок не мог. Ситуация была слишком запутанной и логическому анализу не поддавалась, поэтому остается просто дождаться Ицки, хорошо провести вечер за беседой с умной девочкой, желательно не вспоминая, кто она такая и чем она опасна для него, а потом уже разбирать все варианты. В крайнем случае можно будет рассказать Ицки о том, как его прижали в «Дейтатек», может быть их служба безопасности сможет прикрыть его от возмездия со стороны нанимателей. Но это был совсем уж крайний вариант, и его Мышонок пока всерьез не рассматривал.

Субботним вечером кафе было заполнено почти полностью, и гул голосов иногда даже перекрывал тихую музыку.

Тем не менее, когда через десять минут с небольшим в зал

вошла Ицки, стук ее каблуков по полу был слышен даже в этом гуле. Мышонок поднял глаза на нее и почувствовал, что челюсть его буквально отваливается. Теперь она надела коричневые вельветовые джинсы с широким ковбойским ремнем, сидящим на бедрах, и белую широкую рубашку, на которой были нарисованы крупные черные иероглифы. На ногах у нее были коричневые сапожки, носы и высокие каблуки которых были отделаны серебром. Вся эта одежда в совокупности с прямыми черными волосами, доходившими до середины спины, и ее неповторимой пластикой движений заставила многих посетителей прекратить разговор и буквально сворачивать себе шеи, провожая Ицки взглядами. Сама же Ицки, осознавая произведенный эффект, наслаждалась им и не спешила закончить свой путь к столику, за которым сидел Мышонок.

Однако путь этот все-таки закончился, и Ицки подошла к столику, который занял Мышонок. Несмотря на то что высокие стулья, казалось, специально были устроены для того, чтобы на них было трудно забираться, Ицки скользнула на сиденье так, как будто бы она садилась в мягкое, низкое и удобное кресло. Мышонок еще раз задал себе вопрос, как необходимо было натренировать эту девушку, чтобы добиться такого эффекта.

— Привет, — улыбнулась ему Ицки.

— Здравствуй, Ицки-тян, — вернул ей улыбку Мышонок. — Что будешь заказывать?

Ицки протянула руку за меню, и Мышонок заметил у нее на запястье браслет, составленный из шестиугольников, на которых располагались китайские символы инь-ян. Она заскользила пальцем по строчкам меню. Тут же к их столику подошла официантка, которая несколькими минутами ранее приносила Мышонку его сок.

— О! У них здесь есть настоящий горячий шоколад. Никогда еще не пробовала. Так. К нему еще медовое пирожное. Но сначала фруктовый салат и клубничный десерт.

— Две чашки шоколада, — обратился Мышонок к официантке, — два медовых пирожных и фруктовый салат с клубничным десертом для девушки.

— А где карта вин? — спросила Ицки.

— Ицки, тебе сколько лет? — ответил вопросом на вопрос Мышонок.

— А ты уже забыл? — Ицки чуть склонила голову набок, смотря на Мышонка в упор.

— Не забыл. Если я не ошибаюсь, тебе пятнадцать. Какая может быть карта вин в таком возрасте?

— Я, между прочим, давно не ребенок. Сам-то наверняка

будешь что-то пить. — Не дожидаясь ответа Мышонка, Ицки повернулась к официантке: — Лаймовый коктейль, пожалуйста. А ты что будешь пить? — спросила она Мышонка.

— Ничего. Я не пью.

— Совсем?

— Совсем.

— Надо же. — Ицки снова повернулась к Мышонку. — Куришь?

— Тоже нет.

— Но хоть какие-то вредные привычки у тебя есть?

— Есть, конечно, — улыбнулся Мышонок.

— И какие же?

— Ну, я предпочел бы не говорить о них. К тому же я бы не назвал их вредными. Как говорится, подрастешь немного, узнаешь сама.

Ицки откинулась на спинку стула и смерила Мышонка долгим взглядом.

— Это явно не самая удачная фраза, которую можно сказать девушке, с которой пришел на свидание. Я, между прочим, не ребенок.

— Пятнадцать лет. — Мышонок вернул взгляд Ицки. — А я лет на десять постарше буду.

— И что? Это что-нибудь значит? — Ицки склонила голову набок и сжала губы.

— Ицки-тян, — вздохнул Мышонок, — я никогда не ходил на свидания с пятнадцатилетними девушками и не собирался этого никогда делать. Единственная причина, по которой я здесь, так это потому, что у тебя интеллект явно выше, чем у твоих ровесниц.

— А другой причины нет? Например, потому что я приемная дочь Гуннерсона? Нет?

— А ты как думаешь?

Ицки откинула голову назад и широко улыбнулась.

— Да знаю я. Просто интересно было проверить, как ты среагируешь. Извини. Просто обычно все эти вице-президенты и тому подобная шушера ко мне клеились, а тут я напросилась на свидание, а молодой человек не предпринимает никаких действий.

— Давай лучше пока будем просто сидеть, пить и болтать.

— Звучит, как «давай будем просто друзьями».

— Ты все еще меня поддразниваешь?

— Немного. — Ицки уже широко улыбалась. — Немного.

В этот момент принесли заказанный шоколад с пирожными и коктейль для Ицки. Ицки отодвинула высокий бокал к краю стола

и взялась, как и Мышонок, за чашку с шоколадом. Шоколад был густым, горячим и сладким чуть ли не до приторности. Однако с медовыми пирожными шел на удивление хорошо. Мышонок решил сменить тему.

— Ицки-тян, а фамилия у тебя какая?

— Озава. Ицки Озава.

— Известная фамилия, — заметил Мышонок, отставляя в сторону крохотную чашку.

— Фамилию Озава носили очень многие люди. Кто из них известен тебе? — спросила Ицки.

— Ну, — замялся Мышонок, — я слышал об одном ойябуне клана якудза.

— А, понятно, — кивнула Ицки. — Я его дочь.

Мышонок откинулся на спинку стула и внимательно посмотрел на собеседницу.

— Ты не перестаешь меня удивлять с самого начала нашего знакомства.

— Я тебя смущаю?

— Уже нет. Лучше расскажи, как ты оказалась дочерью Гуннерсона.

Ицки повертела чашечку с шоколадом в руках и отставила ее в сторону.

— Ладно, почему бы и нет. В принципе все просто. Гуннерсон был близким другом отца, помогал ему вести дела в Европе. А четыре года назад сообщество якудза разделилось на две ветви. Новая группа называла себя сыновьями неоновой хризантемы. Естественно, им тоже было нужно пространство для работы, поэтому начался передел сфер влияния, который потом назвали войной бледной и неоновой хризантемы. В той войне клан Озава был уничтожен практически полностью. Еще перед тем, как раздались первые выстрелы, отец отправил меня к Гуннерсону. Сказал, чтобы я возвращалась, когда там все закончится. Война давно закончилась, вот только возвращаться мне было некуда. Отец погиб, старшая сестра исчезла. И Гуннерсон сказал, что он очень многим обязан моему отцу, поэтому постарается заменить его. Вот поэтому я здесь.

— Извини, — сказал Мышонок.

— За что извинить?

— За то, что заставил снова тебя это вспомнить.

— А я и не забываю, — очень серьезно сказала Ицки, — я никогда этого не забуду. Я помню каждого, кто повинен в гибели моей семьи, и я поклялась себе, что обязательно отомщу им.

Ицки говорила с такой убежденностью, что у Мышонка даже мурашки побежали по спине. Не хотел бы он оказаться в числе

врагов этой странной и опасной девушки.

— Ладно, забыли. Я сюда пришла за удовольствием, а пока у нас не свидание, а сплошной клубок проблем. Давай лучше ты о себе расскажешь.

— Ты же читала мое резюме и протокол собеседования, — ухмыльнулся Мышонок.

— Читала, конечно. Но этого, как ты понимаешь, слишком мало.

— Что я могу о себе рассказать? Учеба. Работа. Провалы. Удачи. Все как у всех.

— А почему ты занялся Сетью?

— Понимаешь, мне казалось, что это последний оплот свободы в новом средневековье. Я недавно наткнулся на рекламу одного мужского журнала. Знаешь, что было написано в этой рекламе? Цитирую, я запомнил дословно. Что пить, что носить, как отдыхать, к чему стремиться, куда податься, во что играть настоящему мужчине. Конец цитаты. Это ведь очень симптоматично. Реклама говорит нам, чего мы должны хотеть и к чему стремиться. И я подумал, что Сеть осталась последним местом в этом мире, где я могу еще блокировать эту рекламу, где я могу сохранить свои мозги свежими, где я смогу найти единомышленников.

— В принципе я понимаю тебя. Но что значит твой термин «новое средневековье»?

— Как бы это поточнее объяснить… — Мышонок совершенно расслабился и уже не осторожничал в разговоре, благо скользкие темы не затрагивались. — Я отчетливо вижу, как общество расслаивается. Если ты не попал в нужную школу, а потом в правильный университет, тебе не получить нормальное место и не сделать карьеру. Ограничивается миграция. Трудно уйти с того места, на которое попал изначально.

— Ну… Наверное, я бы не стала обозначать сложившуюся ситуацию термином «средневековье». Просто так сложилось. Что же теперь поделать?

— Вот поэтому я и ушел в Сеть.

— Понимаю, — сказала Ицки. — Теперь понимаю. Ладно, хватит разговаривать на серьезные темы, пошли танцевать. В конце концов у нас свидание или нет?

Мышонок сидел в новом кабинете и думал, каким должен быть его следующий шаг. Итак, он достаточно серьезно продвинулся вверх по служебной лестнице, но доступ к разработкам исследовательского отдела он все равно не получит. Конечно, лаборатории охраняются и отделом электронной

безопасности, но у них там есть еще и встроенная система, к которой у него доступа нет. Следовательно, придется каким-то образом проникать в их локальную систему. Больше помощи от «Дейтатека» ждать не приходится, они уже сделали все, что обещали. Дальше — сам.

Ладно, время терпит, поэтому пока можно заняться вхождением в курс дела. Мышонок вывел на монитор основные документы и личные дела персонала отдела электронной безопасности. Вскоре он решил, что удобнее будет работать с массивом документов в локальном киберпространстве, а не читая текст с монитора, и подключил троды.

Полтора часа спустя Мышонок снял с головы троды, встал из-за рабочего стола и подошел к окну. В том массиве документов, который он перелопатил, была одна странность. Около полугода назад был уволен весьма перспективный сотрудник отдела. Беккер была его фамилия. Даниэль Беккер. Судя по его персональному делу, квалификация его была очень высока, однако он был уволен с формулировкой «Служебное несоответствие».

Понятно, что настоящая причина увольнения Беккера нигде не указана. В тот период, когда его уволили, никаких инцидентов не было, значит, скорее всего, он просто перешел дорогу кому-то из вышестоящих чинов. Раньше Мышонок предполагал, что в цепочку тех, с кем стоит быть осторожным, включается всего три человека — начальник отдела, вице-президент, курирующий отдел, и сам президент компании. Однако сейчас Мышонок понимал, что в этой компании есть и четвертая личность, которая обладает весьма большой властью. Ицки.

Так или иначе, этот Беккер либо что-то узнал, либо сделал что-то лишнее. А значит, стоит найти его и узнать истинную причину увольнения. Вот только как его найти? В личном деле не было никаких отметок о дальнейшей судьбе Даниэля Беккера. Значит, либо служба безопасности не следила за его судьбой, либо он просто не показался больше ни в одной значимой корпорации. Или его просто тихо убили. В мире больших корпораций такой исход тоже более чем возможен.

В любом случае следовало попробовать отыскать Беккера или хотя бы проследить его судьбу. Но как? Не посылать же запрос в Европол. Этот запрос могут проследить и другие. Нужен кто-то, кто тоже имеет доступ к базам данных Европола. И Мышонок знал, к кому следует обращаться. Он выключил компьютер и вышел из кабинета.

Мышонок поехал в центр города. Следовало послать сообщение одному своему давнему знакомому, но делать это со

своей рабочей машины не следовало. Вся почта регистрировалась, и обращение к члену хакерской группы с просьбой отыскать следы уволенного сотрудника было бы лишним.

После десяти минут кружения по центральным улицам Мышонок остановил такси у выбранного телефона-автомата. Подошел к нему, нашаривая во внутреннем кармане пиджака записную книжку. Полистал ее, а затем поднял трубку, прижал ее плечом к уху и набрал номер. Трубку сняли только после шести гудков.

— Гласиабол?

— Кто это?

— Глас, это я, Мышонок.

— А! Давно тебя не слышал. Ты откуда?

— Из Брюсселя.

— Хм. Перебрался из своей глухомани?

— Угу. Глас, я тут тебя кое о чем попросить хотел.

— Давай.

— Мне надо человечка найти. Некто Даниэль Беккер. Программист, специализирующийся на безопасности. Полгода назад его уволили из VTZ.

— Тоже мне работа. Дел на пару часов, если он еще жив и не сменил профессию. Неужели ты сам не можешь это сделать?

— Глас, не могу. А надо позарез.

— Ну ладно, попробую. Как сам-то?

— По-разному, Глас, по-разному. Через полгодика, может, все расскажу.

— Ладно. Беккер, говоришь? Найду я его тебе. Посмотри завтра объявление на моем форуме, хорошо?

— Спасибо, посмотрю,

— Ну, все тогда. Пока.

— Пока.

Однако на следующий день обещанного объявления Гласиабол не вывесил. Мышонок в течение всей недели регулярно искал объявление, но его не было. Только дней через десять Мышонок наконец наткнулся на то, что искал. Однако там было всего два слова: «Позвони мне». Пришлось снова ехать в центр города, выбирать таксофон и звонить Гласу.

— Гласиабол?

— Это опять я, Мышонок.

— Объявление видел?

— А иначе зачем бы я тебе звонил?

— Ну мало ли. О здоровье узнать, например.

— Дела, Глас, превыше всего. Ты что, не нашел Беккера?

— В общем долго искать пришлось. Он уже не работает в индустрии. Пришлось через знакомых искать.

— И нашел. Правда с трудом.

— Адресочек его дашь?

— А он попросил тебе не давать его адрес.

— Это как?

— Он попросил у меня твои координаты и хочет сам с тобой связаться.

— Ну и чего ты ждал? Неужели у тебя нет адреса моей электронной почты?

— Он не пользуется электронными средствами коммуникации.

Мышонок помолчал, переваривая сообщение. Программист, который ушел из индустрии и подчеркнуто не пользовался электронными средствами связи, вызывал, как минимум, любопытство.

— Так что диктуй свой телефон, — сказал Глас.

Мышонок продиктовал ему номер телефона, установленного в квартире, которую он снимал. Глас повторил номер, записывая.

— Ну, все. Я ему передам, а там уж он сам с тобой свяжется. Или не свяжется.

— Спасибо, Глас. Спасибо. Я не забуду, ты знаешь.

— Да ладно. Я и так тебе многим обязан. Будем считать, что я погашаю кредит.

Беккер назначил встречу на крыше одного из складов в южном районе города. Когда Мышонок прибыл на место и поднялся по лестнице, проходящей снаружи здания, на крышу, он понял такой странный выбор немца. Дело в том, что практически на одном уровне с крышей, в каком-то десятке метров проходила трасса монорельса, и шум от поездов напрочь исключал любую возможность дистанционно подслушать их разговор.

Беккер появился в пять минут девятого, слегка опоздав. На нем были голубые джинсы и коричневая замшевая куртка. На плече висел темно-синий рюкзак. Ростом он был выше Мышонка сантиметров на десять, поэтому Мышонку приходилось слегка поднимать голову, чтобы посмотреть Беккеру в глаза.

— Так ты и есть новый руководитель их отдела безопасности? — спросил Беккер после того, как они поздоровались.

— Да.

— И какие вопросы ко мне? Я в VTZ уже не работаю, знаешь ли.

— Знаю, — кивнул Мышонок, но продолжить фразу он не

успел, потому что в этот момент рядом с ними пошел состав монорельса, заглушая своим ревом все остальные звуки.

Пока поезд ехал мимо них, Мышонок рассматривал Беккера, освещаемого ритмичными вспышками света из окон вагонов. Впрочем, было видно, что и Беккер тоже изучающе разглядывал его.

Когда состав проехал, Мышонок начал говорить первым.

— Мне интересно, почему тебя уволили. Я же видел твои показатели, ты в кибере работал как рыба в воде.

— Там есть запись о причине увольнения, — пожал плечами Беккер.

— Есть. «Служебное несоответствие». Туфта это все! Настоящая причина была иной. Я прав?

— А тебе какое дело?

— Личный интерес, скажем так.

— Личный интерес у начальника отдела электронной безопасности. Абсурдно звучит, не находишь?

— Нет, не нахожу, — отрицательно покачал головой Мышонок. — Ну так как?

— Да ладно, раз уж согласился на встречу, надо рассказать. Ицки ты, конечно, знаешь?

Мышонок кивнул.

— И как тебе этот персонаж?

— Я ее не понимаю.

— Во! И я ее тоже не понимал. Ну не может пятнадцатилетний ребенок быть настолько хорошим аналитиком. А я видел ее выкладки, это просто потрясающая работа.

—И?

— И я решил посмотреть, откуда такой гений взялся. На этом и погорел.

— Поподробнее можно?

— Конечно. Я просто отследил ее в кибере. Хотел посмотреть, как она информацию собирает для своих выкладок. Засек я ее сразу после входа. Так она даже ни к одной базе данных не подключилась. Вместо этого откуда ни возьмись к ней пошел очень плотный и объемный поток информации. Я такого раньше никогда не видел, даже когда в киберпространстве базы данных реплицировали. И решил посмотреть, откуда такой поток идет. Так я не успел перейти к его истоку, как меня засекли и атаковали.

— И какой был тип атаки?

— Все ограничилось просто выбрасыванием из киберпространства. Я, конечно, тут же опять подключился, но Ицки там уже не было.

— Кто атаковал, увидел?

— В том-то и дело, что нет! Я потом еще лог-файлы свои посмотрел, в которых регистрировались все мои действия в киберпространстве.

— И что там было?

— Я не смогу рассказать. Лучше сам посмотри.

Беккер снял рюкзак с плеча, присел рядом с ограждением крыши и достал из рюкзака ноутбук. Мышонок инстинктивно оценил модель. Производитель Сони, модель выпускается с прошлого года, не последний писк, но очень надежная машинка. Особое внимание он обратил на клавиатуру. Символы на клавишах практически стерлись, и клавиатура была «слепой». Для того чтобы работать на ней, требовалось уметь печатать вслепую, а это умение среди компьютерщиков не было распространенным. Вряд ли Беккер намеренно учился слепому методу печати, скорее, он очень долго работал на своей машинке и просто стер символы на клавишах пальцами.

Наблюдая за Беккером, Мышонок понял, что не ошибся. Беккер смотрел только на экран, а пальцы летали по клавиатуре сами. Мышонок присел рядом с ним и вгляделся в экран. Беккер вызвал лог-файл с информацией о том выходе в кибер, когда он пытался следить за Ицки, и передал ноутбук Мышонку. Мышонок около двух минут просматривал информацию, изредка щелкая клавишами, а затем вернул ноутбук хозяину,

— Ничего не понимаю, — начал Мышонок, но закончить фразу не успел. Мимо них опять промчался поезд, заглушая слова. Когда поезд ушел, Мышонок начал сначала.

— Ничего не понимаю. Такое ощущение, что тебя сама Сеть выбросила. Никого не было рядом, никто не имел контроля над твоей машиной, и тебя просто выбросило.

— И я тоже тогда удивился, — поднял палец Беккер. — Поэтому я и предложил тебе посмотреть самому. Если бы я рассказал, ты бы мне не поверил.

— Да, пожалуй, не поверил бы. — Мышонок поднялся и стоял рядом с Беккером, пока тот засовывал свой ноутбук обратно в рюкзак. Наконец тот застегнул молнию и тоже встал.

— История на этом, конечно, не закончилась. Я решил узнать побольше.

—И?

— И я установил на ее машину сниффер.

— Что?!

Сниффером называли программу-шпион, которая регистрировала абсолютно все действия владельца компьютера. С ее помощью можно было перехватывать всю информацию,

переходящую через машину.

— Ты установил шпиона на машину дочери президента?! Теперь понятно, за что тебя уволили.

— Не-а, — широко улыбался Беккер, — не за это. Сниффер еще не нашли, когда меня увольняли. Вполне возможно, что он и сейчас у нее стоит, если Ицки, конечно, еще не сменила машину.

— Не сменила, — автоматически ответил Мышонок. — Но если никто не знает о сниффере, то за что тебя уволили?

— А ни за что. Просто на следующий день, как я засек Ицки в кибере, после обеда пришел приказ о моем немедленном увольнении.

— Секунду. На следующий день после обеда? Когда же ты успел сниффер сделать и поставить?

— Ну, я не самый последний специалист в этой индустрии, кое-какая квалификация у меня имеется.

— Я бы не успел. Итак, ты увидел Ицки в кибере, тебя выкинуло, затем ты поставил ей сниффер, и после этого тебя уволили.

— Ну, в общих чертах именно так. Я удовлетворил твое любопытство?

— Скорее, еще больше разжег его.

— Ну, тогда в качестве компенсации за появившиеся вопросы, я тебе кое-что подарю.

С этими словами Беккер открыл внешний карман своего рюкзака и достал оттуда диск.

Держи.

— Что это? — спросил Мышонок, принимая диск.

— Это координаты доступа к снифферу, который я поставил Ицки. Если он все еще там, ты, возможно, увидишь то, чего не успел увидеть я.

— Спасибо, конечно, но что мешало тебе им воспользоваться после того, как тебя уволили?

— Тут вот еще в чем проблема, — поморщился Беккер. —Я теперь не могу в киберпространство выйти.

— Это еще как? — удивился Мышонок.

— Ну, то есть войти-то я могу, но буквально тут же начинается очень мощная атака на мою машину. Разными средствами, с разных адресов. Главное, что всегда атакуют успешно. Как я ни выстраивал защиту — бесполезно. Пробивали. Машину свою чистил непрерывно. Из-за этого и не могу на нормальную работу устроиться. На первом же собеседовании просят продемонстрировать квалификацию, я выхожу в Сеть, меня тут же атакуют. Отключаюсь, повторяю заново — опять атака. Естественно, эти работодатели считают, что я сам на них хакеров

навожу.

— Слушай, но это же невозможно! Даже если охотятся лично на тебя, хотя еще неизвестно, кто может так охотиться, то как они тебя вычисляют? Это нереально!

— Вот и я тоже не знаю, как это делается, но зато я точно знаю, что это реально. На собственной шкуре проверил.

— Как же ты сейчас живешь? Чем зарабатываешь?

— Ну… Софт пишу на заказ. В общем как-то устраиваюсь.

— Понятно, — кивнул Мышонок. — Понятно.

— В общем, так, — сказал Беккер. — Если ты узнаешь, в чем тут дело, я надеюсь, ты дашь мне знать?

— Обязательно, — серьезно пообещал Мышонок.

— Только ты аккуратнее, а то закончишь так же, как и я, хорошо?

— Спасибо за предупреждение, постараюсь. Так или иначе мы оба знаем, с кем это связано, да?

— Ицки, — сказал Беккер.

— Верно. Ицки.

* * *

На следующий день после встречи с Беккером Мышонок пришел в офис за час до начала рабочего дня. Он сидел за своим столом и вертел в руках диск, переданный ему вчера Беккером. Если верить ему, на этом диске координаты доступа к программе, которая дает полный доступ к личному компьютеру Ицки. С одной стороны, этой возможностью следовало пользоваться незамедлительно. Но если она знала о том, что на ее машине стоит сниффер, то на того, кто придет за ним, могли поставить ловушку.

Мышонок придумывал все новые доводы «за» и «против» подключения к компьютеру Ицки, но в конце концов любопытство и азарт пересилили логику, и Мышонок загнал диск в щель привода. Затем надел троды и активировал программу.

Беккер не соврал. Действительно, Мышонок получил полный доступ к компьютеру Ицки. Первым желанием было, конечно, просмотреть ее основные рабочие документы, но Мышонок решил этого пока не делать и, как выяснилось, принял верное решение.

Ицки не просто оставила машину включенной, она в этот момент работала. Точнее, выходила в киберпространство. Мышонок последовал за ней.

Однако вопреки его предположению, Ицки не начала работу с внутренними базами данных VTZ, а вышла за пределы общей

корпоративной базы и отправилась в швейцарский сектор. Мышонок отключился от ее машины и вошел в киберпространство самостоятельно. Однако когда прибыл туда, где была Ицки, то ее там не обнаружил. Снова переключился на машину Ицки и увидел, что она оставалась там, где он оставил ее последний раз.

То есть если Мышонок пытается засечь Ицки со своей машины, он ее не видит. Видимо, она пользуется какой-то маскирующей технологией. Однако Мышонок даже не мог предположить, как такое можно сделать. Собственно, одной этой технологией можно рассчитаться с «Дейтатеком». Но Мышонок решил все-таки посмотреть, чем занимается Ицки в кибере. Он помнил, о чем рассказывал Беккер, и решил сам увидеть тот поток информации и, если повезет, перехватить его.

Ждать долго не пришлось. Ицки остановилась, и менее чем через минуту Мышонок увидел тот огромный многоцветный поток, о котором рассказывал Беккер. Это, конечно, было невообразимо. Беккер не преувеличивал, когда говорил об объеме потока. Мышонок отлично понимал, что такой объем один человек переварить не может. Однако же Ицки, очевидно, спокойно поглощала его. При этом информация не записывалась на машину Ицки. Она сама непосредственно работала с потоком, не сохраняя его.

Памятуя о безуспешной попытке Беккера проследить источник потока, Мышонок не стал пытаться узнать отправителя информации. Вместо этого он скопировал трехсекундный фрагмент потока сначала на машину Ицки, а затем, пользуясь своим доступом, переправил его на собственный компьютер и отключился от Ицки.

Затем Мышонок немедленно скопировал полученный фрагмент на диск и стер его со своего компьютера. Рисковать не стоило. А диск спокойно дождется вечера, когда его можно будет посмотреть на домашнем ноутбуке.

Однако быстро разобраться с полученной информацией не удалось. Мышонок первый час честно пытался разобраться со структурой фрагмента. Однако ни текста, ни какой-либо другой осмысленной информации в фрагменте Мышонок не нашел. Конечно, можно было бы предположить, что информации там и нет, но зачем Ицки принимала на себя бы такой объем простого шума? Мышонок решил попробовать еще один путь. Если не можешь увидеть информацию, может, сможешь ее услышать? Почувствовать?

Мышонок решил попробовать получить информацию так же,

как и Ицки. Прямым приемом через троды. Мышонок надел их и запустил запись.

Цветовые пятна переливающихся цветов. Шепот на незнакомом языке, слова нечленораздельны, и еще более непонятное эхо от них. Свежий запах цитруса. Мышонок сорвал троды. Это явно не просто ужатая информация, которая всегда отображается как мельтешение черно-белых полос и раздражающее жужжание. После этих трех секунд осталось непонятное ощущение неудобства и какого-то стыда, как будто он подсмотрел за кем-то в интимный момент. Все не так просто. Особенно беспокоил Мышонка запах, который он почувствовал. Обычно в кибере задействуется лишь зрение, слух и осязание. Запахов там нет.

Скорее всего, Мышонок просто не сможет расшифровать полученный блок. Что ж, если не можешь чего-то сделать сам, то самое время обратиться к профессионалам.

Мышонок посмотрел в окно. Явно собирался дождь. Мышонок взял ветровку и вышел на улицу. Предстоял еще один телефонный звонок, который не стоило делать из дома. Еще одна поездка на такси, еще один таксофон на центральной улице.

Дождь, однако, распугал прохожих, которые неизменно заполняли улицы вечером, и в вечернем сумраке Мышонок стоял в кабинке таксофона, не слыша шума шагов за спиной. В неверном свете сумерек только тусклая лампочка в кабинке таксофона помогала Мышонку читать телефонный номер на страничке записной книжки. Как и прежде, трубку на том конце сняли только после шести гудков.

— Гласиабол?

— Да.

— Это опять я. Мышонок.

Мышонок закрыл записную книжку, спрятал ее во внутренний карман ветровки и прислонился к стене кабинки. Разговаривая с Гласиаболом, он смотрел на противоположную стеклянную стенку, по которой снаружи ползли дождевые капли.

— Привет, дружище. — По голосу Гласа было понятно, что он улыбается. — Ты что-то зачастил со звонками.

— Так уж получается в последнее время.

— И что на этот раз?

— На этот раз у меня к тебе официальный заказ.

— Ого! Даже так. Мыша, ты же знаешь, что я могу сделать для тебя все, что необходимо, и без денег.

— Глас, я полагаю, что эта работа займет ресурсы всей вашей группы. Причем на несколько дней.

— Ладно. Я весь внимание.

— Я пошлю тебе почтой один диск. Там есть информация. Неструктурированная. Я не смог ее прочитать. И прошу тебя разобраться с ней.

— Мышонок, а может, информация просто зашифрована?

— Нет. Ее напрямую принимал человек без предварительной обработки.

— И что? Если ее кто-то читал, то и ты сможешь прочитать.

— Глас, во-первых, у меня только маленький фрагмент. А во-вторых, я уже пытался это сделать.

— И как?

— Это не передать. Сам посмотришь.

— Ну хорошо. Ты куда этот блок положишь?

— Я пошлю его тебе в Женеву обычной почтой.

— Да что же это с тобой последнее время? Постоянно какие-то проблемы с кибером. Сначала программист, не пользующийся электронными средствами связи. Теперь ты сам решаешь пересылать цифровую информацию обычной почтой. Это у вас там заразная болезнь такая?

— Глас, ты узнаешь, что это такое?

— Попробую, Мыша. Попробую.

Через четыре дня Мышонок получил ответ. Помня о том, что Мышонок посылал диск почтой, Гласиабол прислал ему результат исследования также обычной почтой. Мышонок сидел и внимательно рассматривал несколько строк на обычном листе бумаги.

«Мышонок! Мы все вместе смотрели тот кусок, который ты нам прислал. У нас есть только одна гипотеза, которую, кстати, Кыс высказала. Она считает, что если весь поток информации имел такую же структуру, что и твой фрагмент, то он мог оказывать прямое влияние на сознание принимающего человека. Что-то вроде гипноза, только на более глубоком уровне. Кыс много чего говорила, но ее гипотеза основывалась на том, что в этом коде есть некий базовый сигнал, который совпадает с альфаритмом человеческого мозга. Там есть еще и другие базовые частоты, но они слабее. И общее резюме. Если гипотеза Кыс верна, то у тебя в руках просто бомба, которая может перевернуть киберпространство с ног на голову. Соответственно, я хотел бы попросить тебя от имени всей нашей группы „Тотал Эклипс“, чтобы ты поделился с нами этой бомбой».

Мышонок перечитал письмо два раза, после чего разорвал его и спустил клочки бумаги в унитаз. Весь этот антураж работы промышленного шпиона, предосторожности и напряжение в сочетании с достаточно нелегкой работой начальника отдела

информационной безопасности уже начали утомлять его.

Мышонок, конечно, понимал, что та «бомба», о которой говорил Гласиабол, еще далеко не в его руках. Необходимо было снова засечь Ицки в кибере и все-таки отследить источник передачи. Конечно, пример Беккера заставлял соблюдать правила осторожности. Поэтому Мышонок заранее связался с Гласиаболом и попросил их группу быть в постоянной готовности.

Утром Мышонок опять воспользовался сниффером, установленным на компьютере Ицки. Ицки снова вышла в киберпространство, и снова к ней пошел огромный поток информации. Не приближаясь к Ицки, Мышонок передал ее текущие координаты Гласиаболу. Его реакция не заставила себя долго ждать.

Буквально сразу же неподалеку от него появился один из членов группы «Тотал Эклипс». Мышонок помнил неприметные темные силуэты их рабочих обликов, которыми они пользовались в киберпространстве. И сейчас они не изменили своей привычке.

Прибывший хакер сначала просто висел неподалеку от Ицки, как и Мышонок, наблюдая за тем, как она принимает в себя поток информации. Однако не более чем через полминуты прибыли еще четверо членов группы. После короткого совещания один из них остался на прежнем месте, а остальные исчезли. Очевидно, ребята начали свою работу. Мышонок решил, что ему здесь делать больше нечего, и вышел из кибера.

Через полчаса ему пришло электронное письмо без подписи с анонимного почтового ящика. Весь текст письма состоял всего из четырех чисел и слов «Позвони мне». Четыре числа — это сетевой адрес. Скорее всего, Глас и его друзья все-таки вышли на таинственный источник, который и передает Ицки информацию. Вечерний звонок подтвердил его догадку.

— Гласиабол?

— Привет, Мыша. Итак, письмо ты получил.

— Угу.

— В общем, мы его выследили, но там что-то совершенно невероятное.

— Глас, ты не тяни. Рассказывай.

— Мышонок, скажи мне, как выглядят программные комплексы в киберпространстве?

— По-разному.

— Нет. Есть одна общая черта.

— Это какая же?

— Они не изменяются.

— В смысле?

— Мышонок, у них постоянная форма. Каждую более или менее известную базу данных можно отличить даже по форме, не запрашивая ее официального имени.

— Да ну, брось! Когда идет рефакторинг, любой софт меняет форму,

— Но это же редко бывает. А та штука, которую мы нашли, постоянно изменяет форму. Постоянно и непрерывно. Нам и так пришлось потрудиться, чтобы отыскать источник информации, а когда нашли эту пакость, мы даже не решились близко подойти. Я абсолютно убежден, что если бы мы просто показались рядом, эта штука увидела бы нас. Это больше всего похоже не на добропорядочный софт, а на какой-то конструкт. Я не знаю, кто это сделал и пока даже знать не хочу. Это слишком круто даже для нас.

— Спасибо, Глас. Дальше я сам, хорошо?

— Да нет проблем.

Мышонок повесил трубку, вышел к проезжей части и поднял руку, останавливая такси. В машине, возвращаясь домой, он снова достал записную книжку и посмотрел на сетевой адрес, который ему прислал Гласиабол. Итак, попробуем подвести первые итоги. Ицки ежедневно выходит в кибер, где напрямую получает огромную дозу информации, которая, теоретически, может что-то менять в сознании принимающего. Также у него есть адрес, с которого идет передача, и рассказ Гласиабола о том конструкте. Если он сейчас придет в «Дейтатек» с этой информацией, они отпустят его? Скорее всего, нет. Наверное, они заставят его выяснить до конца всю историю. А раз так, то нечего и светиться. Сначала попробуем раскопать все самостоятельно.

Вечером того же дня Мышонок решил узнать, кому принадлежит полученный адрес. Сначала он попробовал отыскать его в собственной базе, не выходя в Сеть. Однако в своей базе данных он этого адреса не нашел. И это было странно, так как у него была полная копия официального списка сетевых адресов. Впрочем, по недолгому размышлению Мышонок все же пришел к выводу, что владелец этого адреса при известной сноровке мог изъять его из этого списка. Как он это сделал — дело десятое. Хотя, кто знает? Мышонок не мог припомнить случая, чтобы раньше кто-то мог самовольно внести изменения в базу данных сетевых адресов. Эта база управляется централизованно, и ее копии распространены по огромному количеству серверов. Даже если взломать один сервер и изменить на нем копию этой базы адресов, то это ничего не даст. Через несколько часов сервер сам синхронизирует базу данных с остальными серверами, и взломщик вернется к тому, с чего начинал. Вот они —

преимущества децентрализации.

Так или иначе, следующий шаг очевиден. Надо все-таки узнать, кому принадлежит или хотя бы кому принадлежал раньше этот адрес. Для этого, конечно, придется делать запрос в архивы. Но это уже завтра, для сегодняшнего вечера было и так слишком много работы. Мышонок закрыл крышку ноутбука, быстро разделся, выключил свет и рухнул на постель лицом вниз.

После обеда Мышонок пришел в университетскую библиотеку. Терминальный зал был почти пуст, только в дальнем углу у окна сидела парочка студентов. На предложение работника библиотеки о помощи Мышонок ответил отказом и сел за терминал. Начинать следовало с поиска владельца якобы несуществующего адреса. Сначала для очистки совести Мышонок нашел копию полной базы сетевых адресов, хранящуюся в университетской сети, но и там искомого адреса не было. Что же, Мышонок особенно и не надеялся, что найдет его тут. Но был еще один вариант. Возможно, этот адрес раньше принадлежал кому-то.

Одиночные сетевые адреса обычно выдавались частным лицам. А для нужд организаций одного сетевого адреса было мало, поэтому им выделялось несколько адресов, которые чаще всего шли подряд, то есть отличались всего несколькими последними цифрами. Проверка соседних адресов по отношению к несуществующему показала, что они принадлежат Женевскому институту исследования сознания. Уже теплее. Мышонок отдал команду терминалу скомпоновать для него краткий отчет по этому исследовательскому институту.

Ничего слишком необычного в этом отчете Мышонок не увидел. Несколько достижений, о которых он когда-то слышал в новостях, гора монографий с непроизносимыми названиями. И никакой зацепки. Конечно, связь адреса, который мог раньше принадлежать этому институту, и блока информации, которая теоретически может воздействовать на сознание человека, просто напрашивалась. Но делать далеко идущие выводы на основе совпадений не стоит.

Тогда Мышонок решил несколько расширить условия поиска и затребовал список газетных публикаций о Женевском институте исследования сознания. Список получился не слишком большим, и Мышонок решил просмотреть их на месте. Но через полтора часа чтения ничего нового Мышонок не нашел. Единственное, что его смущало, так это отсутствие в электронном архиве нескольких материалов, которые были указаны в результатах поиска. Такое, конечно, бывало, но редко. А в архиве все

публикации вообще обязаны храниться без изъятия более двадцати лет.

Мышонок составил список отсутствующих в электронном архиве материалов и обратился к тому работнику библиотеки, который предлагал ему помощь, с просьбой найти их оригиналы в бумажном виде. Мужчина недоуменно вздернул одну бровь, но все же отправился со списком Мышонка в хранилище. Через двадцать минут он вернулся с четырьмя газетами в руках.

Мышонок разложил газеты на столе рядом со своим терминалом. Все они относились к сентябрю осени прошлого года, и в нужных Мышонку материалах упоминалось об одном и том же событии. О пожаре в лаборатории Женевского института исследования сознания. При этом пожаре погиб руководитель лаборатории доктор Швейц и два его лаборанта. Это была новая точка отсчета. Мышонок уже порядком устал сидеть за библиотечным терминалом, но он решил все же довести поиск до конца и затребовал все имеющиеся материалы по этому Швейцу.

Выстроив полученную информацию в хронологической последовательности, Мышонок начал читать. Швейц занимался нейробиологией. Область его интересов была достаточно широка, но в последние годы жизни он занимался вопросами интеграции человека с киберпространством. Проще говоря, Швейц пытался создать обратную связь оператора с компьютером без использования клавиатуры. В киберпространство человек обычно попадает при помощи тродов, которые, по сути, просто создают видимость трехмерного пространства, воздействуя на мозг. Однако, для того чтобы производить какие-либо действия в киберпространстве, команды приходится отдавать, пользуясь обычной клавиатурой. Швейц же хотел избавиться от нее, чтобы оператор мог мысленно отдавать приказы. Насколько понял из найденных материалов Мышонок, Швейц был достаточно близок к успеху, когда произошел тот пожар.

Однако не область научных интересов доктора Швейца насторожила Мышонка, а упоминание о том, что Швейц входил в движение экстропистов. Об этом движении Мышонок знал, и ему не пришлось искать информацию в архиве.

Экстрописты были сторонниками единения человечка и компьютерных технологий. Никакой религии, чисто научные и социологические интересы. Экстрописты полагали, что только при помощи кибернетических технологий человек может уменьшить количество энтропии в себе и в конце концов добиться бессмертия. Многие начинали с вживления различных чипов в свое тело, но основной целью была загрузка сознания в компьютер. Эту процедуру экстрописты называли аплоадингом.

Для проведения аплоадинга было необходимо создать полную карту нейронов мозга, а потом перенести ее в компьютер. Если представления ученых о работе человеческого мозга верны, то в компьютере будет функционировать полная копия сознания донора, с которого снималась карта. Насколько Мышонок понимал, главная сложность заключалась в создании полной карты мозга. Но последние модели томографов, кажется, позволяли добиться необходимого уровня детализации.

Основная проблема экстропистов заключалась в том, что подобные томографы были чертовски дороги и сложны в работе, поэтому ни одного опыта по аплоадингу человека не производилось. Впрочем, Мышонок помнил, что несколько лет назад была создана модель обычной садовой улитки. Ее нервные клетки были столь велики, что разность потенциалов на них можно было измерить при помощи маленьких электродов. Разность потенциалов и создавала карту нервной системы улитки. Кто-то из биологов ради развлечения проделал такой эксперимент, и в настоящее время эта искусственная улитка была выставлена для всеобщего обозрения на одном из публичных серверов в качестве аттракциона. Впрочем, проверить, правда ли эта модель действовала на основе реальной копии нервной системы, было нереально. В конце концов поведение садовых улиток не отличается разнообразием, поэтому виртуальную улитку можно было бы просто запрограммировать, не прибегая к ухищрениям с электродами.

Но слишком уж все складно получалось. Непонятный и весьма могущественный конструкт в Сети, живущий по адресу, который ранее принадлежал институту, в котором работал экстропист Швейц. Можно было с достаточно высокой степенью вероятности утверждать, что этот отсутствующий адрес принадлежал его лаборатории. Однако сделать вывод Мышонок не успел. Во время всего поиска он не пользовался тродами, вызывая информацию непосредственно на экран, и последний документ внезапно исчез с монитора, оставив чистый экран.

Мышонок недоуменно поднял глаза на монитор. На чистом белом фоне медленно отпечаталась фраза: «Добрый день, молодой человек. Кажется, Вы меня искали».

Мышонок оторопело сидел перед библиотечным терминалом и читал появляющиеся строки.

«Я ждал тебя, Дмитрий. Я заметил, как твои друзья искали меня и специально дал им себя найти».

Мышонок постучал по клавишам, пошевелил мышью — бесполезно, машина не слушалась его. Видимо кто-то захватил ее извне.

«Дмитрий, не молчи. Можешь печатать ответы. Или войди в киберпространство — побеседуем нормально».

Мышонок дотянулся до клавиатуры и отстучал вопрос.

— Ты кто?

А как ты думаешь? — высветился на экране встречный вопрос.

— Швейц?

— Конечно, Дмитрий.

— И как ты меня засек?

— Для меня нет невозможного в Сети, ты уже должен был об этом догадаться. Я тебя вычислил достаточно давно.

Текст на экране пропал, и вместо него отобразилась черно-белая фотография, сделанная со спутника. Спиральная группа облаков закрывала почти все пространство, но левый нижний угол фотографии не был закрыт ими. Последовала серия увеличений. Сначала Мышонок увидел город, затем улицу, где люди выглядели как точки. Вид сверху не позволял разглядеть детали. Еще одно увеличение. А вот так Мышонок уже мог опознать себя. Камера сняла его в момент движения, левая рука чуть вынесена вперед, голова наклонена вниз. Ну конечно, в глаза било солнце, и он опустил голову. А вот еще одна фотография — Мышонок стоит на ступенях библиотеки и протягивает руку к двери. Да, все точно.

Фотографии исчезли, и снова пошел текст:

— Дмитрий, полагаю, у тебя есть много вопросов.

— Мышонок помедлил, выбирая с чего начать:

— И каково это — быть богом Сети?

— Понятия не имею. Я все же не бог. Я все же уязвим, у меня нет всеведения и всевластия. Я просто самая большая сила в Сети.

— Так каково это?

— Я не смогу объяснить. Точно знаю — это не так, как быть человеком.

— А почему ты перестал быть человеком?

— Рак, Дмитрий. Я был болен раком, и переселение сюда оставалось моей последней надеждой. Смешно, правда? Мы можем полностью прочитать схему нейронной сети человеческого мозга, а справиться с изменением обычных клеток не получается.

— Каковы твои внутренние ощущения? Ты думаешь все так же? Никаких ограничений не было? — Мышонку действительно было интересно узнать, как изменяется восприятие человека, живущего в Сети.

— Я понимаю тебя, Этот вопрос я задавал себе постоянно в первые дни моего перехода. Скажем так — я не ощущаю никаких изменений. Я все так же живу. Но следует отметить, что теперь у

меня полностью изменились органы чувств, и это, естественно, накладывает отпечаток на меня. И у меня появились огромные возможности для анализа самого процесса мышления. Я теперь могу точно видеть, как это происходит.

— И как же?

— Долго рассказывать, но это возможно. Что, кстати, и подводит нас к предложению, которое я хотел сделать тебе.

— Предложение?

— Да. У меня есть множество интересов, я веду достаточно перспективные исследования, но в моем состоянии некоторые аспекты человеческой деятельности мне недоступны. Поэтому я был бы очень рад, если бы ты начал работать со мной.

Мышонок откинулся на спинку стула и не стал печатать ответ. Швейц подождал некоторое время, а затем продолжил:

— Сейчас меня больше всего интересует проблема создания искусственного интеллекта. Для воплощения в жизнь своих идей я использую мощности исследовательского отдела VTZ.Мне рассказать, как я влияю на них, или ты сам сможешь сделать выводы?

Мышонок наклонился к компьютеру и отстучал на клавиатуре: Ицки?

— Конечно! Я совершенно случайно наткнулся на нее в Сети сразу после своего перехода. Тогда я впервые увидел, как беззащитен человек при подключении к киберпространству через троды. Я могу изменять сознание людей, посещающих киберпространство. Но тогда я не спешил. Сначала я узнал, кто она, и, все выяснив, начал действовать. Через три месяца нашего общения она уже была аналитиком VTZ и могла давать задания начальнику исследовательского отдела. Я изменил ее рефлексы. Она стала почти идеальным человеком. Блестящая физическая и интеллектуальная форма, ты заметил?

— Ты можешь сделать это с любым человеком в Сети?

— Конечно.

«Я поступил правильно, не надев троды. — Мышонок еще раз похвалил себя за предосторожность. — Как говорил хор в одной из древнегреческих трагедий: „Предусмотрительность лучше, чем непредусмотрительность“.

— Не знаю, Дмитрий. Возможно, ты был бы счастлив обрести идеальную физическую форму. Стать самым настоящим человеком из всех людей.

— И потерять собственную личность?

— Необязательно. Ицки я был просто обязан изменить интеллект. Ты же можешь оставить свой разум в неприкосновенности.

— И ты улучшишь меня просто из альтруизма?

— В обмен на твое участие в моих проектах. Добровольное участие.

— Проекты?

— Их немало. Исследование структуры человеческого разума. Создание настоящего искусственного интеллекта. Для работ можно использовать уже имеющуюся у нас базу в исследовательском отделе VTZ. Тем более ты сам там работаешь. Представь себе, какой это вызов для такого специалиста, как ты. Может ли кто-нибудь еще похвастаться тем, что примет участие в разработке искусственного интеллекта, ставя себя на одну ступень с богом?

Мышонок сидел, откинувшись на спинку стула, и почти минуту просто смотрел на терминал, не прикасаясь к клавиатуре. А затем протянул одну руку к ней и медленно набрал текст.

— У меня такое ощущение, что подобная ситуация уже когда-то возникала. Правда тогда с человеком разговаривала не программа из сети, а змей, висящий на ветке дерева познания. Не искушай меня.

Мышонок встал из-за терминала и, не выключая компьютер, направился к выходу из зала. У двери он обернулся. Ни одна из камер слежения, висящих под потолком в углах зала, не повернулась вслед за ним.

Рабочий день еще не закончился, поэтому Мышонок вернулся в свой рабочий кабинет. Ситуация усложнялась прямо на глазах. Если Швейц узнает, что он внедрен в VTZ в качестве инфильтратора, а Швейц обязательно разнюхает это, в ответ на отказ от сотрудничества он сдаст его Ицки или службе безопасности VTZ напрямую. Результат скорее всего будет одинаковым — смерть. Так что даже не «если», а «когда». Счет идет, наверное, на дни или, скорее, часы. Да, необходимо связываться с «Дейтатеком» и просить об извлечении.

Но звонок Котеру, начальнику службы безопасности «Дейтатека», следует делать опять из таксофона. Все внутренние звонки регистрируются во внутренней системе связи, и охрана придет за ним минуты через две-три, не больше. Значит, пока просто завершаем рабочий день. Мышонок повернулся к терминалу и начал просматривать поступившие сообщения.

Первым в очереди было письмо от Ицки. Конечно же, Мышонок не мог пропустить его. Он щелкнул клавишей, открывая письмо, и откинулся на спинку кресла, читая сообщение.

«Привет!

Ты там как, еще не соскучился? Надеюсь, что все же успел. Я

вот точно соскучилась и предлагаю встретиться еще раз. Может быть, ты пригласишь теперь меня к себе? И я надеюсь, ты разъяснишь мне, что ты имел в виду, когда при прошлой нашей встрече говорил о своих вредных привычках.

Пребывающая в нетерпеливом ожидании Ицки-тян».

Мышонок потер ладонями глаза. Интересно, это Швейц так программирует Ицки? Наверное, все же нет. Она начала приставать к Мышонку еще до того, как Швейц засек его. Но тогда понимает ли Швейц, что с ней происходит? Видит ли он это? Или запрограммированная девочка срывается со своей программы и гормоны берут свое? Значит, Швейц все-таки не всесилен и не может полностью переписать сознание человека. Что же, это радует. В дверь кабинета постучали.

— Войдите! — крикнул Мышонок.

В кабинет вошел Кейси Стиле, заместитель Мышонка. Именно он должен был занять место начальника отдела информационной безопасности, когда ушел на повышение Зондерганн. Мышонок сначала опасался Стилса, но тот вел себя миролюбиво и работал достаточно хорошо, не копая под Мышонка. «Ничего, Кейси, — думал Мышонок, — недолго тебе осталось в заместителях ходить, на следующей неделе меня здесь не будет, и ты займешь освободившуюся вакансию».

— Дмитрий, — сказал Кейси, подходя к столу, — ты на ланч уже ходил?

Со всей этой эпопеей в библиотеке Мышонок действительно забыл пообедать, поэтому ответил на вопрос отрицательно.

— Отлично. Составишь мне компанию?

— Да без проблем.

Когда они вышли из кабинета, Стиле обратился к Мышонку.

— Кстати, ты же из России, верно?

— Да.

— Я спросил потому, что у нас тут в отделе связей с общественностью новый менеджер. Девушка, тоже из России. Познакомить?

— Давай, — улыбнулся Мышонок.

Через две минуты хождения по коридорам, открывания дверей и одной поездки на лифте Стиле привел Мышонка в зал, где размещался отдел по связям с общественностью, и завел его в одну из ячеек зала, где, очевидно, и сидела соотечественница Мышонка. Девушка, услышав шаги, начала поворачиваться к вошедшим, но Мышонок уже узнал знакомый до боли аромат духов Кензо «Лупар». Увидел весну в серых ясных глазах, легко улыбнулся и сказал: «Здравствуй, милая Бука. Я так скучал по тебе».

На ланч Стилсу пришлось все же идти одному. Пораженный встречей Мышонок остался разговаривать с Букой. Выяснилось, что она после расставания работала в рекламном агентстве, а несколько дней назад перешла в VTZ. Чтобы не отрывать Буку от работы, Мышонок договорился встретиться с ней вечером.

Сразу после окончания рабочего дня Мышонок снова зашел в отдел по связям с общественностью, и оттуда вместе с Букой уже вышел из здания, в котором размещалась VTZ.

Когда Мышонок открыл дверь в квартиру, которую ему снимала фирма, Бука разулась, прошла в комнату и села в кресло, стоящее перед письменным столом. У Мышонка было только одно кресло, поэтому ему пришлось садиться на стол, чтобы остаться лицом к Буке. При этом он включил настольную лампу, а основное освещение включать не стал. Бука смотрела на светящийся абажур лампы и молчала.

— Ты бы хотела все вернуть обратно? — спросил ее Мышонок.

Бука что-то тихо сказала, практически про себя, и Мышонок не расслышал ее, поэтому переспросил.

— Тебе бы не хотелось все начать сначала?

— А тебе? — спросила Бука, не отводя глаз от лампы.

— Ты знаешь. Я не переставал любить тебя.

Бука помолчала, а затем, все так же не отводя глаз от лампы, сказала: «Я только сейчас поняла, что ты имел в виду».

— Когда?

— Ну, ты как-то сказал во время нашей размолвки, что необходимо видеть звезды даже тогда, когда их закрывают тучи.

— И что тебя заставило это вспомнить сейчас?

— Мне не хватало этой твоей способности.

Мышонок поддался порыву и поцеловал Буку. Она ответила ему, и Мышонок ощутил такой знакомый вкус вишни на ее губах. Мышонок почувствовал, что Бука плачет.

— Ну что ты? Что такое?

— Мне было так плохо без тебя, ты себе не представляешь.

— Что ты, милая. Я очень хорошо понимаю тебя. Бука подняла на него глаза.

— Прости меня, пожалуйста, — тихо попросила она,

— Что ты, солнце, мне не за что тебя прощать. Я люблю тебя, и значит, тебе никогда не надо извиняться.

Бука впервые за вечер улыбнулась и потянула Мышонка к себе. Слова уже были не нужны.

Когда Мышонок вошел в нее, Бука заплакала во второй раз.

Мышонок проснулся утром с бодрым и приподнятым настроением. Жизнь была прекрасна, точно-точно. Повернув голову, он посмотрел, улыбаясь, на Буку, мирно спящую на соседней подушке. Хотелось выпрыгнуть из постели и кричать от переполняющих чувств. Но Буку будить не хотелось, поэтому Мышонок потихонечку выполз из-под одеяла, вытащил из стенного шкафа черные джинсы и синюю рубашку, прихватил носки и отправился на кухню.

Предстояло теперь решить, как быть дальше. Хотелось уже закончить эту шпионскую эскападу, развязаться разом и с VTZ и с «Дейтатеком». Но оставался еще этот «постчеловек» Швейц и управляемая им Ицки. И главной проблемой был именно Швейц. Было понятно, что он не потерпит раскрытия информации о себе. Что ж, проблема имеет общеизвестное решение. Если ты являешься единственным носителем опасной информации — твоя жизнь в современном мире не стоит ни копейки. Но вот если эту информацию распространить максимально широко, тебе уже почти ничего не грозит.

Как только о Швейце узнает «широкая общественность», ему станет уже не до Мышонка. Скорее потребуется сохранить свою жизнь и уберечься от сотрудников спецслужб, которые хлынут в киберпространство просто в огромных количествах. Они устроят на него такую облаву, что мало не покажется. Конечно, мало просто обнаружить Швейца. Скорее всего, он не привязан к какой-либо конкретной машине, поэтому локализовать его и ограничить свободу вряд ли получится. Ну, ребята из спецслужб мыслят чаще всего прямолинейно. Если этот феномен нельзя поставить себе на службу, его следует просто уничтожить. И девять к одному, что они так и поступят. И не важно, как именно они будут это делать, главное, что возможностей у силовиков будет явно больше, чем у Мышонка.

Следовательно, для того, чтобы обезопасить себя, следует рассказать о Швейце. Рассказать всю его историю с максимальным количеством подробностей. Но вот кому рассказывать и как? Просто в Сеть информацию не выложить, так как эта зараза Швейц найдет ее там и хакнет этот сервер без особых проблем. Даже просто отсылать ее через Сеть рискованно, так как он вполне может отследить передачу сообщения и уничтожить его. С другой стороны, он сейчас ожидает от Мышонка подобных рассуждений, поэтому будет контролировать обычную почту и телефонные каналы, которые сейчас и телефонными-то называть стыдно, потому что они все равно через киберпространство идут.

Но в конце концов он же не может контролировать абсолютно

все точки входа в киберпространство, верно? Достаточно выбрать одно из киберкафе, войти с анонимного входа и отправить в тот же ЦЕРТ — самую первую и до сих пор самую сильную организацию киберполиции — весь пакет информации. А киберкафе можно выбрать случайным образом. Мышонок потянулся за картой города и вытащил из кармана джинсов монетку в одно евро, которая должна была помочь сделать случайный выбор. Пододвинул к себе ноутбук, чтобы приготовить сообщение в ЦЕРТ. Пятью минутами позже он положил на подушку рядом с Букой записку с текстом: «Доброе утро, любимая. Выскочил на несколько минут по делам и совсем скоро вернусь. Не скучай» — и аккуратно, стараясь не разбудить ее, вышел из квартиры.

На высоте около трехсот двадцати километров от поверхности земли спутник наблюдения военной разведки Китайской Народной Республики отработал несколько импульсов маневровыми двигателями, меняя свою позицию на орбите. Спутник выходил на наиболее подходящую для наблюдения за территорией западной Европы позицию. При этом спутник оборвал связь с Центром обработки информации разведки Китая. Его хозяевам пришел сигнал о сбое в системах навигации и запуске программы самотестирования, которая должна была занять около полутора часов. Что ж, на орбите может случиться многое, поэтому китайские военные не беспокоились по поводу своего спутника.

В районе наблюдения погода стояла солнечная, облаков не было, поэтому спутник без труда засек на улицах столицы молодого мужчину в черных джинсах и синей ветровке. В течение двадцати минут он отслеживал его движение к западу столицы, передавая детальные снимки в киберпространстве. Когда объект наблюдения вошел в киберкафе, спутник закончил фиксировать его движение, вернулся на прежнюю орбиту и передал в Центр обработки информации сигнал о восстановлении работоспособности.

Выбор Мышонка пал на киберкафе «Кво Вадис», расположенное в западной части города. Как оказалось, это была не маленькая точка доступа в Сеть, коим несть числа, а достаточно стильное заведение с несколькими залами, баром и прочими удобствами. Конечно, в данной ситуации это был не лучший вариант, однако выбор делался совершенно случайным образом, и это кафе ничем не хуже других заведений. Необходимо лишь отправить заранее подготовленное сообщение

и быстро уйти. Все просто. Войти в Сеть, отправить сообщение, выйти из Сети, вернуться к Буке. Сонной, теплой и ласковой Буке.

Ранним утром посетителей в киберкафе было не так уж и много. Достаточно большой зал не был заполнен и на треть. За угловым столиком, положив голову рядом с клавиатурой, спал один из посетителей. Явно провел здесь всю ночь и теперь его сморило. Мышонок подошел к флегматичному администратору, молодому парню, сидящему за стойкой.

— Мне нужно полчаса в Сети.

Администратор поднял глаза на Мышонка.

— Один евро в час.

Мышонок выудил из кармана монетку и положил ее на стойку. Затем достал свои сложенные троды и показал их администратору.

— Я могу использовать собственные троды вместо ваших?

— Да никаких проблем, пожалуйста. Ваша машина — третья.

Мышонок отыскал взглядом столик с наклеенной на него тройкой, сел за него, присоединил к компьютеру троды и привычным движением надел их на голову. Затем вогнал в машину заранее приготовленный диск и щелкнул клавишей подключения к киберпространству.

Мышонок собирался сразу после входа в кибер отправить сообщение и выйти из Сети, однако эта простенькая операция не удалась. После калейдоскопа в глазах, которым сопровождался каждый вход в киберпространство, он успел лишь мельком увидеть ярлыки доступа к интерфейсам и несколько близлежащих баз данных, а затем в лицо ему плеснула возникшая буквально ниоткуда черная волна.

После того как этот посетитель, пожелавший использовать собственные троды, заплатил за доступ в Сеть и сел за выделенную ему машину, администратор «Кво Вадис» больше даже не смотрел на него. Он увидел спящего посетителя, который проработал всю ночь, и проверил, не кончилось ли у него оплаченное время. Оказалось, что осталось еще около пятнадцати минут. Что ж, пусть пока поспит, а затем надо будет разбудить его. В этот момент последний посетитель, севший за третью машину, со щелчком вогнал диск в машину, и администратор рефлекторно повернулся на звук, громко прозвучавший в тишине утреннего киберкафе. Посетитель нажал на клавишу соединения с Сетью и тут же дернулся на стуле, как будто его ударило током. Администратор привстал со своего стула и уже был готов подойти, чтобы узнать, что случилось, но тут дернувшийся парень положил руки на клавиатуру и начал спокойно работать.

Администратор решил, что у него, видимо, что-то с тродами не так, вот он и дернулся. Что ж, сам решил использовать свое барахло, винить некого.

Через пятнадцать минут парень закончил работу, достал свой диск из компьютера, очень мягким, отточенным движением снял троды, поднялся со стула и упругим кошачьим шагом вышел из киберкафе. Администратор был просто заворожен пластикой его движений и после того, как парень закрыл за собой входную дверь, вспомнил, что когда тот пришел, двигался он не так плавно. Однако в этот момент пришло время будить заснувшего посетителя, и администратор выбросил странного парня в черных джинсах из головы.

Автор

Филип Стенюи сидел в кабинете у своего начальника и слушал его монолог уже минут десять, не меньше. Учитывая, что руководитель ЦЕРТ, основной службы, обеспечивающей безопасность и соблюдение закона в киберпространстве, обычно говорил крайне мало, предпочитая отдавать распоряжения электронной почтой, это было редким событием. Он вызвал Филипа к себе звонком буквально в самом начале рабочего дня, и Филип даже не успел закончить свой ежеутренний разбор почты. Однако вызов в «первый кабинет» — неординарная ситуация, и отказаться не было возможности. Впрочем, и желания отказываться тоже не было.

Когда Филип вошел в кабинет, он вознамерился было сесть у рабочего стола своего шефа, но тот сам вышел из-за стола и направил Филипа в угол кабинета, где располагался маленький журнальный столик и пара кресел. В одном из этих кресел Филип сейчас и сидел, а руководитель ЦЕРТ Стивен Прата тихим спокойным голосом ломал ему весь план работы на ближайшие две недели, а может и больше.

— Доброго дня, Филип. Спасибо, что зашел.

— У меня был выбор? — иронически поднял бровь Филип.

— Не важно, — махнул рукой Прата. — Мы с тобой работаем уже сколько?

— Мистер Прата, — уже начал веселиться Филип, — вы же все знаете о нас. Даже если я скажу, что мы с Вами работаем вместе почти два с половиной года, я не скажу Вам ничего нового. Вы и так все это отлично знаете. Неужели я все еще зеленый новичок, которого требуется долго убалтывать перед тем, как начать разговор по делу?

— Не новичок, — кивнул Прата. — Уже не новичок.

— Может быть, будем считать, что вступительную часть мы уже закончили?

Стивен Прата молча пожевал губами.

— Хорошо, перейдем к делу. Филип, ты у нас сейчас один из ведущих аналитиков, верно? — и не дожидаясь ответа, Прата продолжил. — Ты не раз буквально на интуиции вытягивал дела, не имея точных фактов. Это ценное качество.

Прата замолчал, видимо ожидая ответной реплики Филипа, но тот не собирался подыгрывать шефу и молча сидел в кресле, улыбаясь и вертя в пальцах ручку, которую он достал из внутреннего кармана пиджака. Не дождавшись ответа, Прата продолжил.

— За последние две недели я увидел в Сети много вещей, которые насторожили меня. Я передам тебе все данные позже, и ты сможешь проанализировать их сам, а пока я вкратце пробегусь по фактам. Мною было вычислено множество однотипных денежных переводов, которые на самом деле являются кражами. Пострадавшие банки по традиции не заявляют о кражах, но, похоже, они сами не в курсе, что у них украли деньги. В каждом случае объем кражи достаточно мал, но этих нелегальных переводов слишком много, и общая сумма получается достаточно большой. При этом я не могу сказать, что выполняют эти кражи разные люди, так как иначе метод подобных переводов уже стал бы известен нашей сетевой разведке.

Филип не выдержал.

— Шеф, вы прекрасно понимаете, что я не ребенок и могу сам все понять, не надо приводить мне выкладки. Я и сам осознаю, что если бы о новом методе краж знали бы несколько человек, то тайна бы не удержалась. Значит, один человек собирает эту сумму. Кстати, она там большая получилась?

— Очень, — медленно кивнул Прата. — Но это еще не все. Сам понимаешь, ради этого я бы не отрывал тебя от работы. Я полагаю, что у нас в Сети появился какой-то новый фактор. Новая сила, за которой стоят технологии, о которых неизвестно даже ЦЕРТу.

— Есть доказательства?

— Вчера почти в полном составе погибла группа «Тотал Эклипс».

Филип в свое время сам взаимодействовал с хакерами из этой малочисленной группы. Поймать их на противозаконных действиях не удавалось, но Филип получил от них консультации по используемой методике взломов, что, в свою очередь, помогло предотвратить несколько преступлений в Сети. Ребята из «Тотал Эклипс» не были связаны с серьезными криминальными группами и умудрялись не нарушать законы по-крупному, потому за ними и не охотились.

— Кому-то перешли дорогу?

— Насколько я понял — нет. Они погибли во время очередного взлома.

— В смысле?

— В прямом. Они были в киберпространстве, когда наступила гибель.

Такого еще не бывало. Одно время велись разработки по созданию программных средств, которые бы могли напрямую воздействовать на сознание человека, находящегося в киберпространстве, но пока еще никто не нащупал подходов к

решению проблемы. А уж смерть…

— Шеф, но для этого необходимы мощности не одного исследовательского института, и мы бы точно знали о подобных исследованиях.

— А мы не знаем, — поднял палец Прата. — Поэтому ты понимаешь, что меня сейчас беспокоит.

Филип кивнул.

— Эти два фактора расположены слишком близко по времени друг к другу, поэтому я считаю, что они могут быть связаны, — продолжил Прага. — Но это только мои ощущения. Сам понимаешь, я не могу дать твоему отделу подобное задание. Меня потом комиссия, проверяющая нашу деятельность, съест с пуговицами. А вот одного человека отправить в оплачиваемый отпуск я могу.

Филип уже понял, что ему придется расследовать этот инцидент.

— Ты у нас уже работал с «Тотал Эклипс» — тебе и ехать. Полагаю, что часть работы тебе придется делать на месте их базирования в Европе. Сам понимаешь, там у нас прав меньше, чем здесь, поэтому полной поддержки я тебе там обеспечить не смогу. Но если что, можешь использовать возможности ООН, у нас договор о взаимопомощи, а юрисдикция у них не в пример шире, чем у нас. Финансами тоже обеспечим. — С этими словами Прата полез в карман и выудил оттуда несколько кредитных карт. — Будет мало, пришлем еще, но ты уж старайся не увлекаться, а то наши бухгалтеры будут сначала мучиться сами, размазывая эти суммы по другим статьям расходов, а потом будут мучить меня.

Вот так и получилось, что Филип летел в Женеву, где базировалась группа «Тотал Эклипс». По крайней мере раньше базировалась. Большую часть полета Филип просто проспал, воспользовавшись возможностью наконец-то выспаться. Однако за полчаса до посадки он проснулся и попробовал привести свои мысли в порядок.

Вспоминая беседу с шефом ЦЕРТа, Филип заметил, что всю информацию тот получил из Сети сам. Отрадно было осознавать, что Прата еще не утратил хватки и сам наблюдает за происходящим в Сети. Филип помнил, что Стивен Прата поднялся до своего уровня практически с начальной позиции, придя в ЦЕРТ сразу после университета. На руководящие позиции он выдвигался после, благодаря своим отличным аналитическим способностям и умению находить нестандартный выход из сколь угодно запутанной ситуации. И сейчас он засек оба фактора практически сразу и увязал их между собой. Филип сам еще не

находил связи между новым способом краж денег и гибелью людей в киберпространстве, но если старый лис говорит, что это так, то к его мнению стоит прислушаться.

Тот факт, что шеф еще не вышел в тираж и не занялся обычной административной работой, Филипа радовал. Но его тревожил сам факт его посылки на задание без группы поддержки. Во-первых, Филип не оперативник. Сколько он себя помнил, его работа всегда ограничивалась пределами киберпространства. Это его конек и призвание. Филип чувствовал пульс жизни в Сети, он знал ее. А вот работа с людьми ему давалась плохо. Даже не просто работа, а хотя бы общение. Впрочем, эти симптомы были не только у него.

Достаточно большая часть его подчиненных проявляла некоторые признаки аутизма, сознательно ограничивая свое общение с другими людьми, предпочитая киберпространство обществу. Многие даже называли ЦЕРТ питомником аутистов. Филип в свое время даже читал резюме о некоем исследовании врачей на эту тему, которое распространил по их внутренней системе почты один из сотрудников. Оказывается, аутизм все же возникает только при генетической предрасположенности. И многие технари отлично работают в Сети как раз потому, что им легче общаться с обезличенной техникой, нежели с людьми. То есть они не полностью подвержены аутизму, но проявляют некоторые его признаки. А Сеть — это прежде всего средство коммуникации, поэтому аутисты-сетевики часто находят себе с ее помощью партнера противоположного пола с похожими признаками. И их дети наследуют уже более полный набор генов, предрасполагающих возникновение аутизма. Именно с этим автор исследования связывал возросший процент заболеваемости в некоторых районах, где традиционно жили работники высокотехнологичных компаний. Впрочем, как помнил Филип, никакого конструктивного решения проблемы автор исследования не предоставил, ограничившись лишь констатацией факта.

Однако, возвращаясь к самой проблеме, Филип недоумевал по поводу выбора кандидатуры. Осталось только полагать, что Прата знает, что делает, и аналитические возможности Филипа в этом случае важнее, нежели его способность к общению с людьми. Это напомнило Филипу о тех данных, которые ему предоставил шеф. Он вынул ноутбук и скормил ему диск. По случаям краж информация была настолько детальной, насколько ее вообще можно было получить. Мелкие суммы, которые снимались со счетов, переводились на счета в других банках. Принимающие счета создавались буквально за несколько секунд

до получения ворованных денег, а затем полученные суммы переводились на анонимные счета, позволяющие получить наличные деньги в банкомате. Затем принимающие счета аннулировались. Таким образом, время их жизни составляло не более десяти минут. Учитывая, что деньги изымались из самых различных банков и принимающие счета никогда не создавались в одном и том же банке два раза, следовало предположить, что преступник просто гений, так как средства защиты применялись достаточно разнообразные, и знать специфику всех защитных систем весьма маловероятно. Даже если бы кто-то нашел способ с подобной легкостью обходить хотя бы два-три класса защиты, эта информация мгновенно бы распространилась по Сети. Но этот таинственный кто-то, похоже, просто проходит сквозь любую защиту. Смахивает на мистику, но Филип отлично знал, что Сеть это техника и никакой мистики нет. Всему есть причина, и если долго искать, ты все равно ее найдешь, как бы глубоко эту причину ни спрятали.

Подводим итоги. Кто-то научился обходить любые защиты в Сети, и кто-то научился убивать людей в киберпространстве. Теперь Филип понимал, почему Прата отправил его вот так полуофициально. Если уж предполагать существование подобного гения, можно понять, что он не оставит своим вниманием ЦЕРТ и будет пытаться узнавать о его действиях. У ЦЕРТа, конечно, самая мощная защитная система в мире, но, учитывая легкость взломов, не следует полагаться на нее. Кстати, а сколько там всего было украдено?

Брови Филипа изумленно поползли вверх, когда он заглянул в конец документа. Более сорока миллионов долларов. За несколько дней. Он отлично помнил, что таких масштабных краж в истории существования Сети еще не было. А тут к невероятной сумме добавлялась еще и полная секретность. Похоже, ни один из обворованных банков еще не узнал о своих потерях. Сумма внушала Филипу беспокойство. На что же она пойдет? Наличными ее всю не выбрать — столько денег на себе нельзя носить, это просто тяжело. Сконцентрировать все на одной карточке бессмысленно — карточки имеют свойство теряться. Значит, сумма осела на каких-то банковских счетах, однако, похоже, уже никто не сможет вычислить эти счета. Банки весьма неохотно отдают свою информацию, и даже если случится невероятное и все они как один выдадут ее, то потребуется около двух недель работы всех аналитических мощностей, чтобы вычленить из огромного массива несколько номеров подозрительных счетов. За это время деньги можно будет сколько угодно раз перебросить в другие банки. По крайней мере на месте

похитителей Филип так бы и поступил.

По этой линии ничего сразу вычислить не удастся. Значит, необходимо начинать с другой зацепки. «Тотал Эклипс». Точнее то, что от них осталось.

Группа «Тотал Эклипс» состояла из шести человек. В живых остался только один, с кем сейчас и беседовал Филип. Имя высокого и худощавого гоноши Филип не знал. Впрочем, следует отметить, что он не знал имен и остальных членов группы. При общении они пользовались псевдонимами, никами. Оставшегося в живых Филип знал под именем Крейзи Панк. Впрочем, все его называли просто Панки. Сейчас он сидел рядом с Филипом на скамейке у берега маленького озера, расположенного в парке, который каким-то чудом сохранился в центре Женевы. Панки рассказывал о гибели своих коллег.

— У нас был заказ на проникновение во внутреннюю сеть фирмы «Мнемотех». Все было как обычно. Ребята пошли резать защиту, я контролировал окружающую обстановку и координировал их действия. Глас прорезал окно, и они пошли, и вдруг сигналы всех пятерых исчезли. Как будто их из киберпространства выбросило. Я подождал немного, мало ли что, вдруг действительно там новая защита, которая может отключать из кибера, но они не появились. Я вышел из Сети, оглянулся, — здесь Панки втянул воздух через зубы, как от боли, — а ребята все… Кто в кресле откинулся, кто лицом на клавиатуру упал…

Филип очень хорошо представлял себе, что должен был почувствовать Панки, выйдя из киберпространства. Как он подходил то к одному своему другу, то к другому, и убеждался, что все они мертвы.

— А врачи что сказали? — спросил Филип.

— А я откуда знаю? — огрызнулся Панки. — Я вызвал скорую, а вместе с ней приехала и полиция. Хорошо, что я в стороне от гаража сидел, а то бы и меня повинтили. А потом еще в газетах написали о «разборках внутри хакерских групп». Уроды.

Панки замолчал и сидел, опустив голову вниз. Филип не знал, что ему сказать.

— Ты же из ЦЕРТа, вы там все знаете, кто же это такое сделал?

— В том-то и дело, что не знаем. Потому я и приехал. И чем больше ты мне расскажешь, тем быстрее я найду того, кто убил ребят.

— Да нету у меня ничего! Ну пойми же ты, я оглядываюсь, а они все мертвые. Не буду же я в этот момент логи переписывать.

А потом полиция всю технику забрала. Я один остался. Совсем один.

— То есть все, что у нас есть — это название корпорации, которую вы ломали.

— Да какая там корпорация, — махнул рукой Панки. — Так, фирма средней руки. «Мнемотех» они назывались.

— Я запомнил, — кивнул Филип.

— Фил, ты только найди тех, кто такое придумал, хорошо? — Панки схватил Филипа за руку. — Я тебя очень прошу. Хоть ты и из ЦЕРТа, но с нами не воевал, а эти ублюдки куда опасней всех хакеров, вместе взятых. Найдешь?

— Найду, Панки. Обязательно найду.

Панки кивнул, закусив губу, и встал со скамейки.

— Ладно, Фил. Удачи. И спасибо тебе.

— За что?

— Заранее.

Панки одернул свой светлый плащ и пошел по дорожке. Филип остался сидеть у озера и еще минут десять смотрел, как ветер гоняет желтые листья по дорожке. Вторая неделя сентября, а листья на деревьях уже почти все желтые.

«Мнемотех» располагался в Софии, и на следующее утро Филип уже подходил к дверям строения, в котором разместилась фирма. Удостоверения аналитика ЦЕРТа оказалось вполне достаточно, чтобы за какие-то двадцать минут миновать охрану и все промежуточные ступени. Теперь Филип сидел в кабинете вице-президента фирмы по информационным технологиям.

— Итак, нас посетил ведущий аналитик ЦЕРТа Филипп Стенюи?

— Мое имя произносится с одним «п». Филип Стенюи.

— Чем же мы стали интересны ЦЕРТу? — спрашивал Филипа вице-президент, молодой человек в темном костюме и синей сорочке с галстуком под цвет костюма. Типичный яппи, одним словом.

— Нас интересует ваша система защиты от вторжений.

— А что с ней не так?

— А вот вы и расскажите, что с ней не так.

— С нашей точки зрения, все в порядке.

— Можно несколько конкретнее? У вас есть статистическая информация о ее работе.

— Да, конечно. — Вице-президент повернулся к монитору и щелкнул клавишами. — С вводом ее в эксплуатацию увеличилось количество распознаваемых атак. Также за две недели система адаптировалась к текущей ситуации, и к концу второй недели

количество проникновений было сведено к нулю. Как вы знаете, любая система защиты эшелонирована, и если хакер проходит первый уровень защиты, его останавливает второй, затем третий и так далее. Так вот, наша система через две недели стала останавливать всех атакующих на первом слое. Они просто не смогли пройти через него. Поэтому мы очень довольны нашей новой системой защиты.

— Вы сказали, что система адаптировалась?

— Да, она же самообучающаяся.

— Вот как?

— Именно так.

— А не подскажете, у кого вы ее приобрели?

— Мы обязаны это делать? — развернулся к Филипу яппи.

— Строго говоря — нет. Но я весьма рассчитываю на ваше сотрудничество.

— Но если я не обязан давать вам эту информацию, то, может быть, вы приведете хотя бы одну причину, по которой мне следует это делать?

Филип вздохнул. Общение с людьми никогда не было его сильной стороной, а этот менеджер его нервировал. Но если не можешь беседовать с ним на равных, стоит применить тяжелую артиллерию.

— Потому что, если вы этого не сделаете, я приложу все усилия, чтобы в ближайшее время у вас была проведена полномасштабная проверка по нашей линии. Вы знаете, если делать такие проверки как следует, то работа вашего департамента будет просто парализована на несколько недель. Ну, вы же понимаете, нам надо будет тщательно разобраться буквально во всех деталях.

— Вполне уважительная причина. — Вице-президент снова развернулся к монитору. — Мы ее купили у… Ага. Вот. Корпорация VTZ-Нетуорк.

— Понятно, — кивнул Филип. — Больше у меня вопросов нет.

— Рад, что смог помочь вам.

— И вот еще что. Отключите систему. Установите предыдущую версию. А то, что вы купили, законсервируйте и пока не используйте. Вполне вероятно, что подобные средства защиты незаконны. Это тоже будет выясняться, но пока что от греха подальше выключите ее.

Третий переезд из одной страны в другую за три дня — это уже слишком. Европа хоть и называлась единой, но границы между странами еще не были стерты. Офис VTZ располагался в Брюсселе, и именно туда ехал Филип на симпатичном скоростном

поезде. В пути он решил еще раз связаться с Панки по телефону.

— Панки?

— Да, слушаю.

— Филип беспокоит. Слушай, тебе известна фирма с наименованием VTZ-Нетуорк?

— Вообще-то, да. У нас недавно Гласиабол очень плотно контактировал с человеком оттуда.

— Насколько плотно?

— Мы даже заказ для него выполняли.

— Какой, если не секрет?

— Филип, ты разве не в курсе, что мы не выдаем информации по заказам?

— Не выдавали, Панки, не выдавали. Ну почему я должен тебе все по полочкам раскладывать? Чем больше я информации получу сейчас, тем быстрее найду убийц.

Панки оборвал связь не прощаясь. Однако через час Филипу пришло письмо, в котором Панки рассказывал о том, как Мышонок передавал им блок информации неизвестного формата. Точно установить, что это такое, им так и не удалось. В конце письма была приписка: «Он работал там начальником отдела электронной безопасности. Из-за того, что полиция забрала всю нашу технику, никаких записей предоставить не могу. Извини».

Выход на руководящий состав VTZ практически ничем не отличался от посещения «Мнемотех». Абсолютно такая же цепочка: охрана, ресепшн, начальник отдела, вице-президент. Но некоторые отличия имелись. Проходя по коридорам, Филип заметил маленькие признаки определенного неблагополучия корпорации. В одном отделе сразу несколько человек укладывали свои личные вещи со столов в картонные коробки. Процедура ухода работника из фирмы, похоже, выглядела одинаково для любой точки мира. На доске объявлений в коридоре Филип мельком заметил объявление. Текст полностью он прочитать не успел, но слова «отпуск на неопределенное время без денежного содержания» и достаточно длинный список фамилий он успел заметить. Неладно что-то в королевстве датском.

Однако в кабинете неизменного вице-президента по информационным технологиям ничто не указывало на существующие проблемы. Филип в четвертый раз за время посещения офиса предъявил свое удостоверение и сел в предложенное кресло. Расторопная секретарша принесла две чашки чая.

— Майкл Зондерганн, — представился вице-президент, ознакомившись с удостоверением Филипа. — О чем вы хотели

побеседовать?

— О той системе защиты, которую ваша корпорация продала фирме «Мнемотех».

— Эти данные представляют коммерческую тайну, — тут же ушел в оборону Зондерганн, не переставая улыбаться.

— В результате расследования я пришел к выводу, что проданная вами система послужила причиной гибели нескольких человек. Можете вызвать сюда своего юриста, и он подтвердит вам, что в подобных случаях мы имеем право на получение конфиденциальной информации.

— Хорошо, посылайте официальный запрос, и мы ответим на него в сроки, установленные законом.

Филип в раздражении хлопнул ладонью по подлокотнику кресла.

— Да что же вы за люди такие?! Как встречу чиновника корпорации, так он сразу за законы и инструкции прячется. Неужели непонятно — люди погибли.

Зондерганн молча смотрел на Филипа. Правда улыбаться он уже перестал.

·Хорошо, — вздохнул Филип. — Я заметил, у вас тут трудности, но, полагаю, вы планируете все же выбраться из кризиса. Так вот, если вы сейчас не начнете добровольно и радостно делиться информацией, я сейчас делаю один звонок, и через несколько минут в Сети появится сообщение об инциденте с гибелью людей в результате допущенной вами ошибки. Готов поспорить на свое жалованье за год, что после этого не пройдет и недели, как вам придется объявлять о банкротстве. Я достаточно внятно излагаю?

— Шантаж в исполнении должностного лица? С таким я впервые сталкиваюсь, — ответил Зондерганн.

— А я не должностное лицо. Я всего лишь аналитик, которому предоставили необходимые полномочия для расследования. Так что не тяните время. Я весь внимание.

Зондерганн передвинул что-то на своем столе, уселся в кресле поудобнее и начал рассказывать.

— Собственно, с разработки этой системы защиты все проблемы и начались. Ее разработал чуть ли не в одиночку бывший руководитель нашего исследовательского отдела. Система нового поколения, самообучающаяся. Отличный проект. По результатам первичных продаж мы пришли к выводу, что получили весомый козырь в борьбе за лидерство на этом рынке. Но потом руководитель отдела исследований просто исчез. У нас достаточно хорошая служба безопасности. По крайней мере мне так казалось. И своих ключевых сотрудников мы умеем охранять.

Однако он просто исчез. Не вышел на работу. И следов его не нашли.

— А разве остальные служащие отдела не смогли бы продолжить эту работу?

— Во-первых, вместе с руководителем исчезла большая часть записей. Во-вторых, после этого начались действительно крупные неприятности. Вторым пропал начальник отдела электронной безопасности. Точно так же. Исчез бесследно.

— Вот об этом человеке поподробнее, если можно, — попросил Филип.

Зондерганн вызвал на свой монитор личное дело сотрудника и начал читать с экрана.

— Дмитрий Гончаров. Прибыл к нам на вакансию оператора отдела безопасности. Спустя буквально несколько дней он практически в одиночку отражает вторжение в нашу базу данных, которое пропустили защитные системы. После этого его повышают до начальника отдела. Тут его резюме. Хорошее, кстати, резюме. Мы его проверяли, естественно, и все подтверждалось.

— Вы скопируете мне его личное дело?

— Хорошо. Я продолжу?

— Пожалуйста.

— Так. Что еще. Он — русский. Потом выяснилось, что у нас в отделе по связям с общественностью работает его старая знакомая. Точнее, работала. Большую часть служащих мы сегодня уволили.

— А может, она еще не ушла, а только собирает вещи? — Филип даже приподнялся из кресла от нетерпения. — Можно узнать?

Зондерганн поднял телефонную трубку и набрал короткий внутренний номер.

— Это Зондерганн. Проверьте, мисс Таринская еще не выходила? Хорошо, попросите ее задержаться.

Положив трубку, он повернулся к Филипу.

— Охрана говорит, что она еще не покидала здания. Кстати, ее полное имя — Лариса Таринская. Скорее всего она сейчас на своем рабочем месте. Бывшем рабочем месте, — поправился он. — Но в любом случае на выходе ее задержат. Вы хотите увидеть ее немедленно?

— Да, если можно. А пока мы будем идти, вы вкратце ознакомите меня с дальнейшими событиями.

Пока они вдвоем шагали по коридору, Майкл Зондерганн продолжал излагать историю падения корпорации.

— Итак, сначала пропал начальник исследовательского

отдела, затем руководитель отдела электронной безопасности. Пока наша служба безопасности искала их следы, начали исчезать другие сотрудники исследовательского отдела. Двоих мы все же нашли. В морге. Кто-то им прострелил головы. А вот еще трое пропали безвозвратно. Полиция, конечно, тоже искала и пропавших, и убийц, но результата ни по одному из этих дел нет. Я, честно говоря, и не ждал, что они нам смогут что-то рассказать. Естественно, все эти события вызвали беспокойство в руководстве корпорации. Начальник службы безопасности высказал предположение, что в данном случае мы имеем дело с профессионалами из какой-либо группы извлечения, которые выводят сотрудников из-под нашей опеки и передают какой-то другой компании. Согласитесь, очень похоже на их стиль действия.

Филип кивнул, одновременно соглашаясь и предлагая Зондерганну продолжать рассказ.

— Они начали расследование и по второму пути, проверяя потенциальных заказчиков. Услуги команды подобного класса стоят очень дорого, и список тех, кто может себе позволить работать с профессионалами такого уровня, не слишком велик. Однако скоро расследование застопорилось по весьма простой причине. В один день с четырьмя ведущими специалистами службы безопасности случились несчастные случаи.

Несколько шагов Зондерганн прошел молча. Филип не торопил его. Но тот все же продолжил.

— Это был еще не конец. Мы бы смогли еще удержаться. В конце концов покончила жизнь самоубийством пятнадцатилетняя дочь президента фирмы Ицки Гуннерсон. Она была настоящим гением. Интуитивный аналитик, который мог вычислить все что угодно. Она работала в качестве ведущего аналитика корпорации, и именно ее выкладки позволяли нам находиться на переднем крае технологий. Она указывала перспективные направления разработок, основные методики работы. Непосредственно курировала работу исследовательского отдела. Но что-то случилось, и она бросилась вниз с крыши небоскреба. Этого президент Гуннерсон уже не выдержал. Он приказал закончить все работы, связанные с поиском пропавших сотрудников, законсервировать исследования, которые велись ими, и начать все сначала. Но денег не хватает, и мы вынуждены серьезно сокращать штаты.

Как раз в это время они и подошли к нужной двери. Зондерганн открыл дверь и, окинув взглядом зал, разбитый на стандартные офисные ячейки с прозрачными стенами, направился к одному из столов в глубине зала. Филип следовал

за ним. Зондерганн остановился у стола, за которым стояла светловолосая девушка в темно-синем брючном костюме, оглядывая свою ячейку, прикидывая, что еще следует положить в картонный ящик с личными вещами, стоящий справа от входа в ячейку. Она вопросительно подняла глаза на двух мужчин, подошедших к ней. Филип отметил, что она не смотрела на него сверху вниз. Скорее всего, ее рост совпадал с его, где-то около ста семидесяти пяти сантиметров. И на щеках маленькие ямочки, которые явно четче прорисовываются, когда девушка улыбается. Впрочем, сейчас ей явно было не до улыбок.

— Мисс Таринская, это аналитик ЦЕРТа Филип Стенюи, — Зондерганн сделал жест рукой в сторону Филипа. — Он хотел бы задать вам несколько вопросов.

Девушка посмотрела на Филипа чистыми серыми глазами и спросила: «Что вы хотите?»

— Здравствуйте. — Филип немного наклонил голову, изображая вежливый поклон. — Мне бы хотелось побеседовать с вами.

— Это долго? — спросила она, убирая от глаз чуть вьющуюся прядь волос.

— Не знаю, но, полагаю, лучше все же не в такой обстановке. — Филип закусил губу, задумавшись, а затем повернулся к вице-президенту, все еще стоящему рядом. — Господин Зондерганн, я узнал все, что мне было необходимо. Спасибо за сотрудничество. Вот мой адрес, — Филип вынул из кармана визитку, на которой был указан адрес его официального почтового ящика, и протянул ее Зондерганну. — Я жду обещанное личное дело Гончарова и всю другую информацию, которую вы сможете мне предоставить.

Филип увидел, как сузились глаза Ларисы Таринской, когда она услышала фамилию Дмитрия. Однако она ничего не сказала. Хорошая выдержка.

Зондерганн кивнул и спрятал визитку во внутренний карман пиджака.

— И вот еще что, — Филип протянул руку, и Зондерганн, уже уходивший, обернулся. — Вы действительно мне помогли, и если я могу что-то сделать для вас — дайте мне знать.

После этого Филип обернулся к девушке. Она стояла, облокотившись на стол, и внимательно смотрела на него.

— Вы уже все собрали? — обратился к ней Филип. Она еще раз оглядела ячейку.

— Да, пожалуй. Больше мне здесь ничего не нужно.

— Можно я помогу вам? — спросил Филип, указывая на ящик с ее личными вещами.

— Это было бы замечательно.

Филип поднял ящик и посторонился, пропуская Таринскую к выходу, и последовал за ней.

— Вы упомянули одну фамилию, — сказала Лариса, чуть повернув на ходу голову к Филипу.

— Я сказал о Дмитрии Гончарове.

— Что-то хотите услышать о нем?

— Верно, — ответил Филип, следуя за Ларисой. Ящик был достаточно большой и заслонял поле зрения. Чтобы не упасть, пришлось наклонить голову вбок, выглядывая из-за него, и в таком неудобном положении идти.

— И что же вы хотели услышать?

— Даже не знаю. — Филип притормозил перед лестницей и начал аккуратно спускаться по ступенькам. — Все, что сможете рассказать.

— Я-то могу рассказать много, — спускаясь по лестнице, Лариса не оборачивалась к Филипу, разговаривая с ним через плечо, — вот только зачем это нужно?

— Извините, мисс Таринская, — начал Филип.

— Лариса, — оборвала она его.

— Что, простите?

— Проще будет, если вы будете называть меня по имени, — сказала Лариса, открывая дверь, ведущую в очередной коридор, и придерживая ее, пока Филип с ящиком в руках проходил мимо нее.

— Хорошо. Так вот, Лариса, мне кажется, сейчас не слишком удобно разговаривать. Может быть, выберем время и поговорим в спокойной обстановке?

— Когда?

— Чем быстрее, тем лучше. Давайте так. Я сейчас отвезу все это барахло домой, приведу себя в порядок, и часа через два на станции монора «Тильзит» у входа можете меня ждать. Договорились?

В это время они как раз подошли к выходу на улицу. Прижавшись к обочине дороги, стояло сразу несколько машин такси, которые, очевидно, вызвали уволенные сотрудники. Лариса подошла к одной из машин и открыла заднюю дверь. Филип поставил ящик с вещами на заднее сиденье, выпрямился.

— Ну так как? — спросила его Лариса.

— Я там буду, — ответил Филип.

Лариса села на переднее сиденье такси и, глядя на Филипа снизу вверх, попросила:

— Вы уж не опаздывайте.

— Постараюсь, — улыбнулся Филип, закрывая дверь машины.

Филип подошел к станции минут за пять до назначенного срока. Лариса не заставила себя долго ждать, выйдя из самой станции. Очевидно, на этом монорельсе она и приехала. Она кивнула, приветствуя Филипа.

— Где будем разговаривать?

—Там устроит? — Филип указал на столики маленького кафе, стоящие прямо на тротуаре под большими красно-белыми зонтами.

—Сейчас такая хорошая погода, может быть, не стоит в помещении сидеть? На улице, под зонтиками.

— Я именно это и имел в виду.

Они прошли к свободному столу и уселись за него. Буквально тут же подошел и официант. Лариса заказала мороженое, а Филип решил нормально пообедать и заказал рыбное блюдо. Мороженое принесли практически сразу, и пока Лариса медленно расправлялась с ним, Филип мог лишь время от времени прихлебывать минеральную воду из высокого бокала.

— Вы уж извините меня, — сказала Лариса, — но я выпустила из памяти ваше имя.

Филип протянул ей визитку.

— В имени одна буква «п», ударение ставится на первый слог.

Лариса внимательно посмотрела на визитку.

— Аналитик ЦЕРТа? А что такое ЦЕРТ?

— Вы действительно не знаете? — Филип недоверчиво посмотрел на нее.

— Нет, ну слышала, конечно, но смутно себе представляю. Киберполиция?

— Нет. Мы отдельная структура. Киберполиция — это официальная силовая служба. Обычно она входит в состав сил охраны правопорядка в каждой стране. А мы — координирующий центр. Исследования, разработка методик, консультирование.

— В общих чертах понятно. И что же привело аналитика столь известной службы сюда?

— Мое расследование привело меня в корпорацию VTZ.

— Когда я говорила «сюда», я имела в виду именно этот столик.

— А! Понятно. Как вы помните, меня очень интересует Дмитрий Гончаров.

— В чем-то подозреваете его?

Филип вдруг отчетливо понял, что девушка изучает его и пытается понять его мотивы. Если он сейчас допустит ошибку, то она ничего ему не расскажет. Как там Зондерганн сказал о ней? Старая знакомая? А насколько тесным было это знакомство? Как

все сложно. В конце концов почему Прата послал его? Он аналитик, а не детектив. Впрочем, теперь сетовать на жизнь бесполезно. Если есть проблема — ее надо решать.

Филип поднял голову. Лариса отложила маленькую ложечку, которой ела мороженое, и испытующе смотрела на него своими серыми глазами. Он понял, что с этой девушкой лучшей политикой будет действительно честность. Филип сделал глоток воды из стакана, который постоянно вертел в руках, и начал рассказывать:

— Моим непосредственным начальником является сам руководитель службы — Стивен Прата. Недавно он решил, что в Сети появилась некая новая сила, которая обладает технологиями, неизвестными даже нам. Рассказывать обо всем долго, но один факт меня очень сильно тревожит. Несколько человек были убиты, когда находились в киберпространстве. Я начал расследование, и оно привело меня к VTZ. У самой корпорации тоже возникли проблемы, и если я не ошибаюсь в своем анализе, ключевую роль в ее падении сыграл Дмитрий. Может быть, он и не связан с предметом моего расследования, но я не верю в совпадения. Слишком хорошо все повремени сходится. Сразу надо сказать, что я не подозреваю пока его ни в чем. Сейчас моя задача — попробовать его отыскать и задать несколько вопросов. Однако перед этим мне надо собрать как можно больше информации. Поэтому Зондерганн нас и познакомил.

— Ты считаешь, что Дима каким-то образом связан с этой твоей новой силой, и хочешь отыскать его? — Лариса так естественно перешла на «ты», что Филип даже н заметил этого перехода.

— Да.

— Я помогу тебе с одним условием.

— Каким же?

—Я буду искать его вместе с тобой.

— Это возможно… Но для чего это тебе нужно?

— Мы… Совсем недавно еще мы жили вместе. Любили друг друга. Потом… Потом что-то изменилось и я ушла от него. И конечно, пожалела об этом. Он — как солнышко. Попробовав раз жить под солнцем, уже не вернешься в пасмурный климат, верно? А когда я вернулась домой, его уже не было. Я искала его, но не нашла. А потом пришло письмо из VTZ с приглашением на собеседование. Ну я и решила, что если уеду в другую страну, будет легче. Как говорится, с глаз долой… Собеседование прошла, начала работать. И буквально на третий день встречаю Диму. Мне казалось, мы все сначала начали. А утром он просто

исчез. Оставил записку, что вышел на несколько минут, а сам не вернулся.

— Поэтому ты хочешь его найти.

Лариса молча кивнула. Филип увидел, что ее глаза начали блестеть больше, чем обычно. Это еще не слезы, но они явно уже на подходе. Девушку надо было срочно чем-то отвлечь.

— Он ведь сетевик, верно?

— Еще один кивок.

— А каким именем он пользовался в Сети?

— Мышонок.

— А как вы познакомились?

— Все в той же Сети.

— Значит, и у тебя есть второе имя?

— Да, — сказала Лариса и, предвосхищая его следующий вопрос, заранее ответила на него, — Бука. В Сети меня зовут Бука.

— Только в Сети? — Филип знал, что многие обитатели Сети настолько часто пользуются своим сетевым именем, что оно буквально заменяет им настоящее.

— Нет, не только.

— И как же ты предпочитаешь, чтобы тебя называли?

— Знаешь, что я сделала, как только меня известили об увольнении? — Лариса улыбнулась. — Я выбросила в урну бэджик со своим именем. Я — Бука.

— Приятно познакомиться еще раз, — улыбнулся ей в ответ Филип.

Лариса кивнула ему.

— Какие у тебя планы?

— В смысле?

— Ну, как ты собираешься искать его?

— А, вот ты о чем. Ну, перед тем как начать поиск, потребуется собрать как можно больше информации. Зондерганн обещал прислать его личное дело. Это уже хороший старт.

— Его личное дело тебе не поможет.

— Почему?

— Да потому что оно фальшивое. Когда мы встретились последний раз, я спросила Диму, как он оказался на этой работе. И он как-то достаточно уклончиво ответил. Но я почему-то поняла, что там имела место какая-то фальсификация. Ну, это он умел.

— Что он умел? — не понял Филип.

— Он действительно хороший специалист, поэтому он был в состоянии изменить информацию в любых базах данных и приписать себе несуществующий стаж.

Филип знал, что Бука ошибается, но поправлять ее не стал. Подделка информации в базах данных не поможет, если ты устраиваешься на работу в крупную корпорацию, каковой и была VTZ-Нетуорк. На таком уровне всегда стараются перепроверять информацию, и достаточно часто просто связываются лично с работниками фирм, указанных в резюме как места предыдущей работы, и проверяют факты. Если Дмитрий, он же Мышонок, был одиночкой, то хорошее резюме с обширным послужным списком он не мог подделать. А надо ли ему было его подделывать?

— А до этого где Дмитрий работал? — спросил Филип Буку.

— Я с ним была только один год. В это время он зарабатывал на частных заказах, как я поняла. Раньше он, кажется, на кого-то работал у нас там, в России. В смысле, на фирму какую-то. Но я не особо расспрашивала его о прошлом.

Нет, вряд ли бы его приняли на работу с таким послужным списком. Что там говорил Зондерганн о резюме Мышонка? Кажется, он просто сказал, что оно было хорошим, и все. Ладно, надо просто ждать от него информации, а там разберемся.

— Понятно, — сказал Филип. — Значит, его личное дело мне ничего не даст. Тогда будем действовать по старинке.

— Это как? — спросила его Бука.

— Сначала попробуем поиск в Сети. Он же у нас сетевик, верно? Значит, его следов в Сети должно быть предостаточно.

Говоря это, Филип уже раскладывал на столике ноутбук. Как раз в этот момент подошел официант и принес тарелку с заказанной рыбой, и Филип попросил его поставить пока что блюдо на краешек стола. Как и любой сотрудник ЦЕРТа, Филип пользовался ноутбуком с встроенным коммуникатором, который позволял входить в Сеть практически из любой точки земного шара, охваченной сотами телефонной связи. Тродами пользоваться Филип не стал. Сейчас скорость была не нужна, надо всего лишь оставить запрос и запустить поиск.

Для того чтобы составить запрос и запустить поиск, потребовалось не более трех минут. После этого Филип отодвинул ноутбук, не выключая его, и принялся за рыбу. Бука тем временем доедала свое мороженое.

— Выходит, я тебе ничем не помогла? — спросила она Филипа.

— Ну почему же. Ты уже избавила меня от необходимости проверять его предыдущие места работы. А это уже немало. Но меня еще интересует, кто он.

— То есть? — не поняла Бука.

— Ну, какой он. Характер, привычки. Что-то в этом роде.

— Понятно. — Бука задумалась на минуту. — На самом деле,

трудно рассказать. Это малознакомого человека можно быстро описать при помощи ярлыков. А Дима… Нет, правда трудно. Хотя… — Тут она достала свою сумочку, висевшую на спинке стула, и, покопавшись в ней, извлекла листок бумаги.

— Вот, — сказала она, передавая найденный лист Филипу, — он это мне написал, еще когда мы только познакомились. Я с тех пор этот лист с собой и ношу.

Филип развернул сложенный вчетверо листок.

«Свобода и любовь. Две вещи, которые мы ищем постоянно. Две вещи, которые, похоже, никогда не могут быть совмещены в полной мере, так как полная свобода не сочетается с любовью, а любовь в той или иной мере всегда ограничивает свободу. Но только сочетание этих двух вещей позволяет не просто жить, а летать.

Увы, реальный мир с его укладом более приспособлен для прагматичных людей, которые ходят по земле, лишь изредка глядя в небеса, а иногда и не глядя в них вовсе. Поэтому все чаще и чаще люди, которые не отвыкли от неба, которые не сложили свои крылья, уходят в Сеть. Здесь мы воистину можем любить, не теряя свободы. Пусть эти любовь и свобода несколько призрачны, но главное, что они у нас есть, что мы можем взять их полной мерой.

Здесь, в призрачном мире нереальности, мы подчас можем чувствовать друг друга полнее, чем в реальном мире. Здесь мы можем летать в голубом небе вечного лета. И наше кремниевое небо ничуть не хуже настоящего. Здесь мы можем не притворяться кем-то другим. Здесь нас принимают такими, какие мы есть.

И пусть люди смеются над сетевой зависимостью, мы все равно уйдем в наш мир и там отыщем друг друга.

Здесь наши сердца связаны ниточкой общего пульса. Здесь у нас общее дыхание. Здесь наши крылья расправлены полностью. Высоко небо и священно».

Филип снова сложил лист бумаги и вернул его хозяйке.

— Он идеалист? — спросил он Буку.

— Угу, — кивнула она. — Меня сначала это так раздражало. Я видела, что он очень способный, умный, а карьеру делать абсолютно не хотел. Я, наверное, из-за этого с ним и разошлась. — Бука вздохнула — Глупая была.

— Мало зарабатывал?

— Да нет, нормально. Но я его не понимала, и… Сначала даже пыталась его изменить. Это сейчас я понимаю, что так делать нельзя, а тогда считала, что так и нужно.

— Не переживай. Вы же нашли друг друга один раз. Найдете

и второй. А я попробую помочь.

— Спасибо.

В этот момент ноутбук Филипа тихо пискнул. Филип открыл его и увидел, что поиск завершен. Однако разбирать сейчас результаты поиска не хотелось, и он вернулся к своему обеду. Бука тем временем доела мороженое и наблюдала, как Филип расправляется с рыбой. Наконец он закончил.

— Давай сделаем так, — сказал он Буке. — Сегодня я попытаюсь отыскать следы Дмитрия, а завтра встретимся, и я тебе все расскажу. Если повезет, завтра же и отправимся в дорогу. Хорошо?

— Хорошо.

— Скажем, завтра в два, здесь же.

— Договорились.

После беседы с Букой Филип отправился искать себе пристанище. Впрочем, отелей в центре города было достаточно, и уже через полчаса он получил ключ от одноместного номера. Обосновавшись в нем, Филип открыл ноутбук, чтобы просмотреть результаты поиска Мышонка. Однако, вопреки его ожиданиям, никакой информации не было. То есть машина собрала множество упоминаний этого имени, но ни одно из них не относилось к человеку, которого он искал. А ведь Дмитрий был сетевиком с большим стажем, и следы должны были обязательно остаться.

Ладно. Любая задача имеет несколько способов решения. Из личного дела Мышонка, пересланного Зондерганном, Филип выделил фотографию. Затем, пользуясь своим статусом аналитика ЦЕРТа, который давал возможность беспрепятственно работать с многими закрытыми базами данных, подключился к системе уличного наблюдения города. Как и в любом достаточно большом городе, в столице на улицах были установлены видеокамеры, ведущие непрерывную запись. Записанные данные обычно хранились всего месяц — объем полученных видеозаписей был слишком велик, и решили, что месячного срока будет достаточно. Часть жителей активно выражала свое недовольство этими камерами, называя их «глазами Большого Брата», а некоторые молодежные группировки время от времени даже уничтожали некоторые камеры, но большинство населения свыклось с их присутствием и не обращало на них внимания. Тем более следовало учитывать, что эти камеры хоть немного, но снижали уровень преступности на контролируемых улицах.

Поиск по этой базе данных принес свои плоды. Правда, постоянно приходилось сверяться с картой города, так как Филип не ориентировался в нем. Через несколько минут Филип смог

вычислить обычный маршрут, которым Мышонок ходил на работу. Но не это его интересовало. Филип перешел к блоку записей, относящихся к той субботе, когда Мышонок исчез и не вернулся к Буке. Поиск не занял много времени. Все найденные записи относились к утреннему периоду, и Филип проследил путь Мышонка до киберкафе. Была еще одна фотография, когда он выходил из этого кафе несколькими минутами позже, и все. Вряд ли это зацепка, хотя в кафе стоит зайти побеседовать. Может быть, там еще хранят архивную информацию о подключениях посетителей. Справедливости ради следовало отметить, что обычно подобные заведения не хранят записей, но проверить стоило.

Хорошо, суббота нам ничего не принесла. Филип сместился на день назад. В пятницу тоже было несколько фотографий. Одна из них зафиксировала Мышонка у дверей библиотеки университета. Вот это было уже теплее. Что-то он там искал. Оттуда и следовало начинать поиски. Причем не откладывая это в долгий ящик.

Не более чем через час Филип уже беседовал с библиотекарем. По счастливой случайности именно этот флегматичный мужчина лет сорока работал в тот день, когда Мышонок посещал библиотеку. Естественно, он не вспомнил Мышонка, даже когда Филип показал фотографию. Но в журнале посещений обнаружилась запись о его визите. Дмитрий Гончаров работал в тот день за библиотечным терминалом. Филип проверил терминал, но информации о том сеансе работы не было. А на остальных терминалах информация о том же дне присутствовала целиком. Значит, и здесь следы стерли. Когда Филип рассказал об этом библиотекарю, тот кивнул.

— Что вы хотите, студенты. Они постоянно взламывают защиту библиотечной системы. Это у них что-то вроде спорта, я полагаю.

— А есть еще какая-нибудь информация о Гончарове?

Библиотекарь снова повернулся к своему компьютеру. Через пару секунд он поднял голову, собираясь что-то сказать, но Филип перебил его.

— Секунду. Как же так получается? С терминала стерли запись о работе, а у вас на компьютере информация осталась?

— Да. Мой компьютер не подключен к сети, иначе студенты стирали бы сведения о своих задолженностях, и скоро бы все книги у нас закончились.

— Понятно, — улыбнулся Филип. — Извините, что прервал вас. Вы, кажется, что-то хотели сказать?

— Тут у меня есть дополнительная запись. Ваш Гончаров

тогда еще заказывал бумажные материалы.

— Какие?

— Сейчас. — Библиотекарь сделал пару движений мышью, и из принтера, стоящего рядом, выполз лист бумаги, Филип взял список. Минуту он смотрел на него, а потом протянул библиотекарю,

— Ничего не понимаю, что это?

Библиотекарь взял лист в вытянутую руку и даже чуть наклонил назад голову, очевидно у него развивалась дальнозоркость.

— Это список статей, которые попросил ваш, э-э-э, подопечный. Ах да! Вспомнил. Меня еще удивило, что он попросил оригиналы статей, хотя они есть в электронном архиве. Не люблю, когда меня тревожат по пустякам, потому и запомнил его. Да, точно. Такой худощавый юноша.

— Отлично. Вы не покажете мне эти статьи?

— Отчего же? Пройдемте.

Библиотекарь встал из-за своего стола и направился к ближайшему терминалу. Там он сел на стул, а Филип пристроился у него за спиной.

— Та-ак. — Библиотекарь ввел запрос, однако ответ терминала ему не понравился. Он нахмурился и повторил процедуру. Потом еще раз. И еще.

— Вы знаете, — библиотекарь повернулся к Филипу, — я, кажется, понял, почему Гончаров просил меня принести подлинники. В нашем архиве почему-то этих статей нет.

— А с моей стороны не будет слишком большой наглостью попросить вас и мне показать подлинники.

— Нет, конечно. Подождите минуту.

Вскоре библиотекарь вернулся с четырьмя газетами в руках. Он разложил их на столе и карандашом показал те заметки, которые интересовали Мышонка.

— Я могу отсканировать эти материалы? — спросил его Филип.

— Давайте я сам.

Библиотекарь вынул из ящика стола ручной сканер, быстро провел им над газетами, затем поколдовал на своем компьютере и вручил Филипу диск.

— Все, что вас интересует, находится здесь. Чем-нибудь могу еще помочь?

— Да нет, спасибо. Вы мне очень помогли.

— Что же, приятно слышать. Всего доброго.

— До свидания, — кивнул Филип, пряча диск во внутренний карман.

В отель Филип вернулся уже вечером. В номере Филип быстро просмотрел полученную информацию. Понятно было, что Мышонок интересовался Женевским институтом исследования сознания. Из материалов было даже видно, какая именно лаборатория его интересовала. Филип быстро написал отчет о последних двух днях, присовокупил к нему переданные библиотекарем материалы и отправил все в штаб-квартиру ЦЕРТа с просьбой как можно скорее сделать заключение по этой лаборатории. Все же следует учитывать, что у них там больше возможностей для поиска информации в Сети, чем у него сейчас. По своему опыту Филип знал, что первых результатов он может ожидать уже утром. После отправки отчета Филип с чистой совестью отправился спать.

Утром его разбудил настойчивый звонок его личного телефона. Филип уже не раз просыпался от его трелей, и в такие моменты мелодия звонка буквально раздражала его, хотя днем он таких свойств за ней не замечал. Отчаянно зевая, Филип добрался до стола, взял трубку и нажатием на кнопку принял звонок.

— Да, слушаю.

Однако звонок не прекратился. Тут Филип понял, откуда на самом деле идет звонок, и проснулся окончательно. Звонил его «Иридиум». Зная о том, что все телефонные сети, как стационарные, так и сотовые, очень плотно интегрированы с Сетью, ЦЕРТ решил, что необходимо обладать автономной системой связи. Все же звонки, идущие через Сеть, можно перехватить. И если даже принять меры к их шифровке, все равно остается возможность блокирования звонка. Поэтому ЦЕРТ взял под свой контроль старую сеть спутниковых телефонов «Иридиум». Корпорация, ранее владевшая этой сетью, разорилась, а спутники так и остались висеть на орбите. И грех было не использовать эту систему. Телефоны работали практически везде, в любой точке планеты. Говорили, правда, что на полюсах у них могут быть проблемы, но туда никто из сотрудников ЦЕРТа пока не стремился.

Телефоны, конечно, были не идеальны. Во-первых, достаточно тяжелые. А во-вторых, для обеспечения наилучшего приема приходилось все же нацеливать трубку антенны на спутник. Чаще всего эта процедура сводилась к тому, что человек вертел телефоном в разные стороны, слушая собеседника и выбирая то положение, в котором качество связи будет наилучшим. Но все эти неудобства компенсировались очень высокой секретностью связи. Пока спутники висят на орбите,

связь нельзя нарушить, телефоны нельзя подделать. Если тебе звонят по «Иридиуму», ты можешь быть абсолютно уверен, что это твой коллега.

Филип добрался до сумки с вещами и извлек оттуда трезвонящую коробку. После почти невесомых телефонов держать в руке трехсотграммовую трубку было неудобно. — Слушаю. — Филип, это Прата.

Так. Сам босс звонит. С чего бы вдруг?

— Весь внимание.

— Филип, у меня ощущение, что ты наткнулся на что-то очень важное. Ты прислал вчера нам пакет запросов, помнишь? И сотрудник, который разыскивал информацию по твоему заказу, погиб. Умер, сидя за терминалом, понял?

— Он работал через троды?

— Да.

— Как и те ребята из «Тотал Эклипс».

— Верно. Ты знаешь наши правила. Сейчас уже запущена процедура внутреннего расследования. Теперь не только ты и я знаем, что кто-то научился убивать людей. Группа сейчас формируется, но ты все еще работаешь один. За пару дней тына что-то вышел, и я возлагаю на тебя большие надежды. Спеши, но не торопись. Будь аккуратен.

— Хорошо.

— И не перебивай. Этот парень кое-что все-таки успел найти. Сейчас я не буду долго все рассказывать. К тебе уже направлен офицер связи, он привезет все нужные тебе данные лично. Старайся ничего по телефонам и через Сеть не передавать. В том пакете, который ты получишь, будет еще и описание каналов связи, которые ты можешь использовать. Все. Удачи там. И береги себя.

Прата оборвал связь.

Укладывая телефон обратно в сумку, Филип раздумывал, что вызвало подобную реакцию противника. И кто, собственно, его противник? Мышонок? Пока все указывало именно на это. Такое ощущение, что он после своего визита в библиотеку отыскал нечто, из-за чего и исчез. Сетевое оружие? А кто же его разработал?

Филип сел за стол, достал чистый лист бумаги и начал вычерчивать на нем схему. Так. Аналитик был убит после того, как начал отыскивать информацию по заказу Филипа. А раньше эту же информацию отыскивал Мышонок. Кстати, далеко не факт, что он сейчас жив. Возможно, он тоже убит. Но если разработчик этого оружия так ревностно охраняет подходы к информации и так легко оперирует в Сети, то он должен был убить Мышонка

еще в библиотеке. Ладно, идем дальше.

Какую информацию пытается скрыть злоумышленник? Лаборатория Женевского института исследования сознания.

Теплее, намного теплее. Скорее всего, корни проблемы кроются именно там. Уже выстраивается цепочка,

А как сюда подходит гибель «Тотал Эклипс»? Их убила система защиты, которая была разработана в VTZ. А здесь мы имеем исчезновение ведущего разработчика и гибель аналитика Ицки. Самоубийство, точнее. Вместе с личным делом Гончарова Зондерганн передал Филипу достаточно много дополнительных материалов. Была там и запись самоубийства Ицки, сделанная одной из служебных камер. Девушка просто вышла на крышу дома, в котором располагался центральный офис VTZ, и шагнула за край. Никто не стоял рядом, никто не подталкивал, никто не принуждал.

Что мы имеем? Можно сразу сказать, что оружие разработано в VTZ. При этом были использованы наработки той самой лаборатории Женевского института исследования сознания. При этом исчезли два человека. Почему исчез разработчик — понятно. А почему исчез Мышонок?

Хотя, вот почему исчез разработчик — как раз непонятно. Он эту систему разрабатывал в VTZ и там же запустил в эксплуатацию. Они даже продавали ее. А Мышонок мог сам выйти на искомую информацию и попробовать взять ее под свой контроль. В общем, либо разработчик, либо Мышонок. Либо оба действуют вместе, но это менее вероятно.

«А почему я сразу говорю „оружие“, — задумался Филип. — Защитная система, видимо, и до визита „Тотал Эклипс“ подвергалась нападениям. А такая сильная реакция появилась много позже ввода системы в эксплуатацию. Впрочем, здесь можно только гадать. Данных недостаточно, пусть ребята из технического отдела препарируют эту систему, тогда и узнаем, что это такое. А пока сосредоточимся на людях». В два часа дня Филип снова сидел в том же кафе, что и сутки назад. Бука опоздала всего лишь на несколько минут. На ней были джинсы и желтая облагающая футболка, благо день для сентября выдался неожиданно теплым.

— Бука, у меня к тебе вопрос, — начал Филип.

— И какой же? — спросила она, усаживаясь за столик.

— Мог ли Дмитрий получить в свои руки некую технологию, которая может стоить очень, действительно очень много, и исчезнуть? А потом для сохранения своей монополии на эту технологию убить несколько человек.

— Нет, — отрезала Бука.

— А почему так категорично? — удивился Филип.

— Потому что я его хорошо знаю. Нет. Деньги ему, как я уже говорила, особо не нужны. А убивать он вообще вряд ли сможет.

— Понятно. Ладно, теперь мои результаты, как и обещал. Тем утром, когда Дмитрий исчез, я смог проследить его путь до одного сетевого кафе. Оттуда уже он и исчез. Но ключевым моментом, на мой взгляд, является его визит в библиотеку днем раньше. Там он искал кое-что. И когда сегодня ночью один из наших сотрудников шел в Сети его путем, он тоже погиб. Вот это и заставляет меня серьезно задуматься.

— И к какому же выводу ты пришел?

— Либо Дмитрий все же сильно замешан в этой истории, либо он погиб.

— Я не верю, что он умер, — сказала Бука. — И не верю, что он повинен в смерти людей.

—Потому я его и ищу, — кивнул Филип. — Если он жив, то он должен знать, что происходит.

— А как искать-то будешь? Я так поняла, что следов ты не отыскал.

— Я, может быть, и не нашел следов, но я все же не один. Со мной и другие люди работают. Будем надеяться, сегодня кое-что прояснится.

В этот момент к их столику подошел молодой человек. Из-за его одежды — темные брюки, белая рубашка и жилет — Филип принял его за официанта и начал было диктовать заказ, однако подошедший мужчина пододвинул стул и сел за их столик. Предупреждая вопросы, он достал из кармана рубашки жетон и показал его Филипу. Филип кивнул — в его кармане находился точно такой же жетон, вложенный в служебное удостоверение. Прибыл офицер связи.

— Фаулер, — представился коллега Филипа. — Мы можем говорить свободно? — спросил он, указывая взглядом на Буку.

— Да, вполне, — ответил Филип. — Юная леди является привлеченным экспертом и будет непосредственно участвовать в расследовании. Как-то вы быстро прибыли. Я ждал вас только часов через девять.

— Стивен Прата нажал на военных, и они меня перебросили в Европу на стратосфернике. Летели всего часа два.

Филип знал, что стратосферником называли гибрид самолета и космического шаттла, который был предназначен для сверхбыстрых перелетов на большие расстояния. В самой высокой точке своей баллистической траектории стратосферник практически выходил в космос. Филип даже предположить не мог, какие рычаги пришлось использовать руководителю ЦЕРТа,

чтобы заставить военных использовать один из немногих стратосферников в качестве курьерского корабля.

Фаулер положил на стол маленький ребристый чемодан из светлого металла. Из него он достал диск и передал его Филипу.

— Здесь все необходимое.

— Это я просмотрю позже. Вы можете сейчас дать краткое резюме этого пакета? — Филип покачал диском, зажатым между указательным и безымянным пальцем.

— Если кратко, то наш фигурант интересовался некоей лабораторией. Следует отметить, что руководил ею некий доктор Швейц. Они занимались проблемой переноса человеческого сознания на электронный носитель. Особых успехов не было, но потом по неизвестной причине вся лаборатория сгорела. Во время пожара в лаборатории находились сам доктор Швейц и два его ассистента. Их трупы были опознаны по генной экспертизе. После этого в Сети стали исчезать материалы об этом инциденте.

— Перенос сознания на электронный носитель, — повторил Филип. — Уже намного интереснее. Ясно. Пока вопросов у меня нет.

— Хорошо, — кивнул Фаулер. — Я остаюсь в городе еще сутки. Если необходимо будет что-то передать Прата, лучше сделать это через меня. До свидания. — Фаулер поднялся из-за стола. — Всего доброго, мисс, — кивнул он Буке.

— Военная косточка, — вздохнул Филип, когда Фаулер покинул их. — Я слышал о нем. К нам он сразу из Вест-Пойнта попал. До сих пор в нем этакая военная четкость чувствуется. Ладно. Раз уж ты у нас теперь привлеченный эксперт, то придется тебе присутствовать на одной встрече. Пойдем.

— А куда?

— В ту самую библиотеку, где был твой Мышонок. Кое-что я там так и не выяснил.

На этот раз Филип беседовал с директором библиотеки. Бука молчаливой тенью стояла за его правым плечом.

— Расскажите мне о вашей системе безопасности, — потребовал Филип.

— Она у нас такая же, как и во всем университете, — ответил директор. — Видеокамеры открытого наблюдения. Администрация университета считает, что установка камер скрытого наблюдения противоречит правам человека.

— Хорошо-хорошо, я понял. А запись как ведется? У вас цифровой архив?

— К сожалению, нет, — поморщился директор библиотеки. — Финансирование не слишком велико, и, на второстепенные

нужды его не хватает. У нас установлена вообще достаточно старая система наблюдения, которую мы получили с какого-то охраняемого объекта, когда там поставили современную систему.

— А поподробнее можно?

— Конечно. Запись производится на обычные кассеты. Они хранятся некоторый период, а потом перезаписываются. Система каталогизации кассет шла в комплекте с центром наблюдения, поэтому мы активно ею пользуемся. Одна беда — кассеты старые и все чаще и чаще окончательно портятся.

— Ясно. Меня интересует запись одного дня, где ее можно посмотреть?

— Кассета, очевидно, лежит в хранилище, там и монитор соответствующий есть. Если хотите, можем туда прямо сейчас и пойти.

Хранилище оказалось небольшой комнатой без окон, в которой вдоль стен стояли стеллажи. На этих стеллажах и стояли те самые кассеты с записями библиотечной жизни. Директор библиотеки сверился с записями и жестом фокусника снял кассету с одного из стеллажей. Затем он скормил ее видеомагнитофону. Магнитофон был на удивление хорошим, чуть ли не с монтажными функциями. Филип сел к пульту управления магнитофоном.

Филип воспроизводил запись в ускоренном темпе до тех пор, пока в кадре не появился Мышонок. Одна из камер показывала его разговор с библиотекарем. Затем, когда Мышонок подошел к терминалу, Филип переключился на другую камеру, которая в тот момент висела практически за спиной у Мышонка.

— Отлично, — тихо сказал Филип, — виден практически весь экран терминала.

Бука пододвинула свой стул ближе к телевизору. Филип увеличил изображение так, чтобы можно было свободно читать все, что отображалось на терминале у Мышонка. Сначала тот просто работал с поисковыми системами. Но вдруг он резко выпрямился в кресле. Филип еще увеличил изображение. Он всмотрелся в текст, который печатался на терминале Мышонка. Бука увидела, как зашевелились губы Филипа.

— Вашу мать, — прошептал он. — Только не это.

Филип быстрым шагом шел по коридору университетской библиотеки. В руке он держал видеокассету. За ним едва поспевала Бука, а уже за ней шел директор. Звук шагов Филипа заполнял весь коридор, отражаясь от стен. Создавалось ощущение, что он намеренно стучал каблуками об пол, вымещая на нем свою злость. При этом он еще и шипел себе под нос что-то.

Бука слышала лишь отрывки.

— Материнскую плату вашу напополам через колено, — шипел Филип. — Чтоб у вас все кластеры посыпались.

Филип ругался.

— Ты думаешь, это все правда? — попыталась спросить его Бука.

Филип остановился и резко развернулся к ней.

— Ты видела все сама, как и я. У тебя столько же информации, сколько и у меня. Гончаров вышел на этого Швейца, как пить дать. А вам, доктор, — Филип ткнул пальцем в сторону директора библиотеки, — настоятельно советую все забыть. Кассету я изымаю.

Директор библиотеки смог только кивнуть в ответ. Раздраженный Филип повернулся и пошел дальше по коридору еще быстрее, чем прежде. Буке пришлось прилагать усилия, чтобы не отстать от него.

— Это искусственный разум? — попыталась она снова начать разговор.

— Не искусственный, — бросил Филип через плечо, не сбавляя темпа. — Человеческий. Только теперь в Сети. Практически бессмертный. И, похоже, всемогущий.

— Всемогущий?

— Филип опять остановился и развернулся к Буке.

— Теперь я считаю, что Гончаров не убивал людей. Их убивал Швейц. И в разговоре с ним Дмитрий проявил отличную выдержку. Он и троды не надел. Наверное, предвидел что-то. А на следующий день он зашел в сетевое кафе и пропал. Какой вывод?

— Швейц? — спросила Бука.

— Да. Но он не убил Мышонка. Вопрос — что он с ним сделал?

— У Буки не нашлось ответа.

Видеозапись Филип отправил с курьером в штаб-квартиру ЦЕРТа. А сам сел перед своим ноутбуком. Иногда при бесцельном блуждании в Сети у него появлялись идеи. Троды Филип надевать не стал. В последнее время стоило вообще отказаться от их использования.

Как найти сетевика, который исчез? У Мышонка не было оперативной подготовки. Не было даже разветвленной сети контактов. И главное, кто он? Жертва, прячущаяся от Швейца, или его коллега. Скорее, все же последнее. Если бы Мышонок всерьез собирался прятаться, уж свою любимую он точно бы предупредил.

Филип остро ощущая нехватку информации. Никакой

хороший аналитик не будет делать выводы, пока не накоплен соответствующий массив данных. Эта неопределенность его и беспокоила.

Филип хаотично перемещался по Сети. Официальные представительства корпораций, чаты, клубы по интересам, поисковики, общедоступные базы данных. Где искать пропавшего сетевика? Конечно, в самой Сети. Любой житель Сети, каковым и является Мышонок, обязательно будет посещать несколько излюбленных мест. Вот только бы знать, куда любил заходить Мышонок. Бука здесь не помощник, она его в последнее время видела всего несколько часов. Какие есть ограничения? Сначала — языковые. Мышонок русский, значит, он обязательно будет посещать русскоязычный сектор Сети. Но сектор велик, нужно сузить район поиска. Нет, не угадать. Ладно, не можешь нанести точечный удар, используй ковровое бомбометание. В конце концов ЦЕРТ в Сети пока самая большая сила, и Филип может позволить себе широкомасштабные акции.

Через два часа на всех русскоязычных форумах появилось объявление:

«Мышонок, Ицки умерла. У Буки тоже огромные проблемы. Свяжись со мной. Время на исходе. Наблюдатель».

В качестве обратного адреса Филип использовал один из бесплатных адресов, которые в Сети можно было легко найти.

Это был, пожалуй, единственный шанс. Филип помнил, что после исчезновения Мышонка его не фиксировали даже уличные камеры, а это значит, что он очень хорошо прячется. Даже если Филип обратится с запросом на поиск в Европейский координационный центр полиции, это все равно не принесет результатов. Одиночка почти всегда может спрятаться от системы просто потому, что он быстрее. Главное, чтобы хватало денег и связей. Судя по тому, как качественно исчез Мышонок, у него было и то и другое.

Хорошо. Дело сделано. Теперь остается ждать. Опять ждать.

Долго Филипу ждать не пришлось. На следующее утро на оставленный адрес пришло полтора десятка писем. Практически все они были пустышками, на призыв Филипа откликнулись люди, использовавшие такой же ник, что и Дмитрий. По служебной информации писем можно было приблизительно установить географический регион адреса. Россия. Как и следовало ожидать. Филип не думал, что Мышонок вернется обратно в Россию.

Но одно письмо Филипа заинтересовало. В нем был всего лишь один вопрос: «Что с Букой?» По большому счету, это еще

ничего не значило. Но вот истинный сетевой адрес Филипа заставил насторожиться. Слишком незнакомый. В течение своей карьеры Филип столько раз работал со служебной информацией, сопровождающей каждый блок информации в Сети, что помнил многие адреса на память. Все адреса относились к различным группам и регионам, и номера большей части таких групп Филип помнил наизусть. А этот адрес не вызывал никаких ассоциаций.

Филип открыл адресную базу данных. Но поиск ничего не дал. Система утверждала, что такого адреса не существует. Такого просто не могло быть. Филип пользовался официальной базой данных ЦЕРТа, которая всегда обновлялась быстрее всего. Но результат налицо — письмо отправлено с несуществующего адреса. Этот адрес и был настоящей подписью. Теперь Филип точно знал — с ним связался Мышонок.

Филип тут же отправил по этому адресу письмо:

«Служба безопасности VTZ считает, что ты виновен в убийстве их исследователей и краже конфиденциальных разработок. Буку заподозрили в соучастии. Мне удалось вывести ее из-под удара, но сейчас нас преследуют. Наблюдатель».

Перед отправкой Филип сфальсифицировал истинный сетевой адрес. Теперь тот указывал на Францию. Пусть Мышонок думает, что они либо быстро перемещаются по Европе, либо с ним беседует квалифицированный сетевик, который умеет защищать свою анонимность. И в том и в другом случае это будет только на пользу Филипу.

Очевидно, в это время Мышонок был еще в Сети, потому что через две минуты Филип получил очередное письмо. Мышонок предлагал встретиться завтра в Бонне. К письму был присоединен графический файл, в котором находился фрагмент городской карты, показывающей, как добраться к месту встречи. Отлично,

Филип тут же позвонил Буке.

— Это Филип. Кажется, я нашел Мышонка.

После этих слов Филипу пришлось резко отдернуть трубку от уха, потому что Бука громко взвизгнула от восторга.

— Я не уверен полностью, но нам надо как можно скорее добраться до Бонна. Собирайся немедленно. Через час встречаемся у центрального вокзала. Договорились?

— Уже бегу, — ответила ему Бука.

Когда она положила трубку, Филип сделал еще один звонок.

— И ради этого нас вызвали сюда? Взять одного компьютерщика? Что, неужели здешняя полиция настолько вышла из формы, что для задержания какого-то технаря необходима группа спецназа? Вам не кажется, что для стрельбы

по воробьям не стоит использовать зенитное орудие?

Филип слушал выплескивающего свое возмущение спецназовца и прекрасно понимал причину его негодования. После того, как он вышел на Мышонка и договорился о встрече, следовало предусмотреть и негативный вариант. Неизвестно, как отреагирует Мышонок на беседу, поэтому стоит принимать в расчет и вариант силового развития событий. Поэтому Филип воспользовался своими полномочиями и вызвал группу спецназа сил быстрого реагирования ООН.

Вечером того же дня они с Букой прибыли в Бонн. Сразу после приезда Филип арендовал автомобиль, и в отель они приехали уже на нем.

Прибывший на следующее утро человек отрекомендовался капитаном Тьюрингом. Сейчас Филип сидел в своем номере, а Бука отсыпалась в соседней комнате. Филип сначала не поверил своим ушам и переспросил его.

— Я же сказал — Тьюринг. Майлз Тьюринг. И что здесь смешного? — спросил капитан широко улыбающегося Филипа.

— Понимаете, капитан, я вижу в этом не просто совпадение, а перст судьбы, я бы сказал. Тьюринг — весьма известная фамилия в кибернетическом мире. Эту фамилию носил математик, заложивший основы работ по искусственному интеллекту.

— Давайте обойдемся без лекций, хорошо? Кого необходимо арестовать?

Капитан пришел в номер, в котором жили Филип с Букой. Черные мешковатые брюки, куртка из черной кожи. Над жестко вылепленным лицом короткий ежик серых волос. Плюс ко всему цепкий взгляд светлых серых глаз и какая-то подтянутость во всем облике. Все это создавало ощущение, что к этому человеку лучше не цепляться. Он опасен.

— Не арестовать, капитан. Понимаете, в этой стране у меня нет необходимых полномочий. Однако вы знаете, чье задание я выполняю. В том случае, если наш фигурант откажется от сотрудничества, необходимо будет его взять и переправить в ближайшую страну, где ЦЕРТ обладает всей необходимой юрисдикцией.

— Нелегальная операция?

— Да, — ответил Филип, прямо глядя в глаза капитану.

— Хорошо. Не первый раз. Кто наш подопечный?

Филип положил на стол перед капитаном фотографию Мышонка, которую предоставил Зондерганн.

— Это специалист по компьютерам. Возраст — двадцать шесть лет.

Вот тогда-то Тьюринг и задал свой вопрос относительно

стрельбы по воробьям.

— Понимаете, капитан, у меня есть основания полагать, что для его захвата нужна группа именно вашего уровня.

— Ладно, ваше поле боя — киберпространство, наше — асфальт. Мы сделаем это.

Встречу Мышонок назначил в одном из кафе. Дождливым днем все столики внутри были заняты, поэтому Филипу с Букой пришлось сесть на улице за столик под большим зонтом. Бука явно нервничала и все время поглядывала на часы. Назначенное время еще не настало, когда к ним подсел худощавый парень в тяжелом плаще. Филип еще не успел посмотреть на его лицо, чтобы сравнить с фотографией, когда по оживлению Буки понял, кто к ним пришел. Маленького роста, худощавый, немного треугольное лицо — точно он.

— Доброго дня, — поздоровался он.

— Так что у нас там cVTZ? — Мышонок обращался исключительно к Филипу.

— Мышонок, это же я, — схватила его за рукав Бука.

— Я вижу. Я помню, кто ты, но это ничего не меняет.

— Не меняет чего?

Филип увидел, как от изумления раскрылись ее глаза. Девушка явно ожидала, что встреча пойдет совершенно по-другому, и такой поворот беседы выбивал ее из колеи. Филип решил взять инициативу на себя.

— На самом деле VTZ не имеет никаких вопросов к нашей общей знакомой. Я повесил это объявление, только чтобы на тебя выйти.

— А ты кто такой?

Филип показал удостоверение.

— ЦЕРТ. Только тебя не хватало. Что тебе нужно, Стенюи?

— Мы знаем, о чем ты беседовал со Швейцем.

— Надо же. И что ты думаешь по этому поводу?

— Я пока ничего не думаю. Данных маловато. Ты на самом деле ничего не хочешь сказать Ларисе?

— Все, что хотел, уже сказал.

— Тогда расскажи мне о Швейце. Ты, похоже, сейчас о нем знаешь больше, чем кто-либо другой, верно? Особенно после самоубийства Ицки.

Мышонок поморщился.

— Не должна она была так реагировать. Все должно было пройти нормально.

— Что должно было пройти нормально?

— Все, больше нам говорить не о чем. — Мышонок поднялся

из-за стола, а затем наклонился к Филипу. — А тебе я все-таки советую больше не искать встречи со мной. Вредно для здоровья.

— Мышонок, — позвала его снова Бука, однако он просто мельком посмотрел на нее и вышел из-под зонта на тротуар, под дождь. Бука провожала его взглядом, вспоминая то, что он сказал ей: «Ничего не значит». Неужели действительно все кончилось?

Но полностью осознать ситуацию она не успела. Как только Мышонок отошел от столика на несколько метров, Филип вытянул из-под воротника усик микрофона и скомандовал: «Захват». Шестеро оперативников в бронепластиковых полицейских доспехах, в шаровых тактических шлемах и с самым разным вооружением выскочили из подъездов на улицу. Двое из них сразу выстрелили в Мышонка разворачивающимися в полете сетями с грузами по краям. Казалось, исход захвата был предрешен еще до его начала. И ни единого шанса уйти от сетей у Мышонка не было.

Но, как оказалось, все было не так просто. Как только первый оперативник оказался на улице, Мышонок сразу начал действовать. Упредив выстрел сетями, он присел и, нагнувшись, вращательным движением ушел из-под них еще до того, как они коснулись земли. Не прерывая вращения, Мышонок единым слитным движением прыгнул к ближайшему оперативнику, выбивая у него ногой пистолет из руки. Приземляясь, он подхватил пистолет и выстрелил ему в грудь. С близкого расстояния бронепластиковые доспехи не выдержали удара пули, и оперативник рухнул на землю. Все действие, начиная с появления группы захвата на улице и до прозвучавшего выстрела, заняло не более полутора секунд. Люди, находившиеся поблизости на улице, с криками побежали в разные стороны, стремясь оказаться как можно дальше отсюда.

Бойцов группы захвата не смутило подобное начало операции. После того как сети упали на асфальт, а за ними и один их коллега, они включили прицельные устройства, и пять рубиновых лучей лазеров заплясали по улице, выцеливая Мышонка. Но он двигался так быстро, что оперативники просто не успевали взять его на прицел, несмотря на помощь доспехов. Бука видела, как ближайший к ней силовик поворачивал голову вслед за перемещениями Мышонка, и его рука с пистолетом рывками дергалась, пытаясь уже не догнать его, а упредить. Однако взять Мышонка на прицел так никто и не смог.

После того как Мышонок выстрелил в первого оперативника, который пытался достать его сетью, он вошел в кувырок, из него выпрыгнул в воздух метра на полтора и прямо в полете выстрелил в силовика, стоящего на другой стороне улицы. Тот

упал на асфальт. Увидев это, Филип резко поднялся из-за столика и потянул Буку за руку, увлекая за собой к повороту, за которым был припаркован их автомобиль. Пока они бежали, раздалось еще несколько выстрелов, и когда Бука оглянулась на бегу, она увидела, что все оперативники в своих тускло-серых доспехах лежат на асфальте, а Мышонок наводит пистолет на Филипа и Буку. Бука обратила внимание, как лазерный луч прицела из длинной красной спицы превращается в яркий огонек, окутанный по краям алой дымкой, и поняла, что ствол в руке Мышонка смотрит прямо ей в лицо.

Время замедлилось. Боковым зрением Бука видела, как люди бегут по тротуарам, точнее, пытаются бежать. Она застыла в моменте времени, как мошка в янтарной смоле, но при этом осознавала, что, когда это оцепенение пройдет, пистолет в руке Мышонка выстрелит, и на пути пули будет стоять она сама. Но один из оперативников, лежащих на земле, пошевелился, пытаясь приподняться, и Мышонок немедленно повернулся к нему. Время возобновило свой бег, Бука завернула за угол и побежала вслед за Филипом к машине. За спиной громыхнул еще один выстрел.

Пока она падала на переднее сиденье автомобиля, Филип уже успел завести его и дернул с места на высокой скорости. Тем не менее Бука сжалась на сиденье, ожидая новых выстрелов сзади. Их, однако, не последовало. Мышонок не погнался за ними. Бука откинула голову на подголовник сиденья и закрыла глаза. Ей было очень больно. Мышонок наконец-то нашелся, но не такой встречу она ждала. А сама мысль о том, что он хотел выстрелить в нее, заставляла Буку плакать.

Следующее утро выдалось дождливым, и Бука, проснувшись, не вставала с постели, баюкая свое горе. Она слышала, как в смежной комнате встал Филип, ушел на несколько минут в ванную комнату и шумел водой там, умываясь. Затем пискнул его ноутбук. Ну конечно. Не успел встать, как уже сел за свою машину. Под тихие щелчки клавиш Бука смотрела в окно, по которому ползли капли воды. Не хотелось ни о чем думать, не хотелось ничего делать. Просто лежать и смотреть на мокрое стекло.

Однако полежать не удалось. Через пару минут Бука услышала, как в соседней комнате Филип с шумом отодвинул стул, и тут же он зашел к ней. Вид у него был встревоженный донельзя.

— Хорошо, что ты уже проснулась. Немедленно собирай свои вещи. Я боюсь, что за нами уже едет полиция, так что не могу тебе дать больше трех минут. Я тебя умоляю — быстрее.

На то, чтобы одеться, ушло около полутора минут. Вещи собирать было недолго, но в три минуты Бука все же не уложилась. Застегивать молнию на чемодане прибежал Филип. Умыться, естественно, не удалось. Когда они вышли в коридор, Филип даже не закрыл дверь номера карточкой, оставив ее просто прикрытой. Бука повернулась к лифту, однако Филип взял ее за руку и повел в другой конец коридора. По пути он объяснил причину такой спешки.

— Утром письмо пришло. От Мышонка. Он сказал, что теперь его очередь работать с полицией. Он ночью влез в их базы данных, и теперь они считают, что Латвия потребовала выдачи двух преступников, известных под именами Филипа Стенюи и Таринской Ларисы. Имена ничего не напоминают?

В этот момент они подошли к двери в конце коридора, которая открывала выход на пожарную лестницу. Филип подергал ручку и открыл дверь. Бука заглянула вниз и отпрянула от двери.

— А на лифте нельзя? — спросила она Филипа.

— Полиция здесь действует быстро. Внизу нас могут уже ждать. Так что придется идти здесь. Держись за перила, не смотри вниз, и все получится.

Пока они спускались по металлическим пролетам, Филип продолжал свой рассказ, отвлекая Буку и заглушая в ней страх высоты.

— Когда я получил это письмо, сразу решил проверить. Залез в полицейскую систему и убедился, что Мышонок не соврал. Действительно, он сфальсифицировал запрос из Латвии. Дескать, латвийская киберполиция обладает информацией, что это те два лица, принимавшие участие в прошлом году в краже информации у корпорации «Дейтатек» и налете на полицейский участок. В базе данных латвийцев отметки о посылке этого запроса нет, но бельгийцы проверять не будут.

Филип с Букой спустились наконец на землю, и Филип, взяв Буку за руку, начал уводить ее прочь от отеля.

— Увы, машиной моей сейчас пользоваться нельзя, поэтому будем пока передвигаться пешком. Кредитные карточки нас тоже могут засветить. А наличности у нас мало. На самом деле ничего особенно страшного не произошло. Надо связаться с головным офисом, и те объяснят бельгийской полиции, что произошло. Но до тех пор нам полиции лучше не попадаться.

— Ты уже написал своему начальству? — спросила Бука.

— Нет, — ответил Филип. — Я полагаю, что Мышонок будет контролировать мою переписку и не пропустит письмо. Но ЦЕРТ в своей работе не полагается только на Сеть, поэтому, как только найдем место, где можно пересидеть всю эту суматоху, я все же

свяжусь с начальством.

За время разговора они не успели далеко уйти от отеля, поэтому звук полицейских коптеров был слышен отлично. Бука заметила, как один черный вертолет промелькнул над ними, направляясь к гостинице.

— Что же это за преступление на нас навесили? — удивился Филип. — Столько полиции подтянули. Так, — рассуждал он на ходу, — сейчас они нас не найдут в номере. Потом проверят записи камер слежения гостиницы. А может, уже проверили, и знают, как мы ушли. Начнут прочесывать близлежащие улицы, и каждая уличная камера слежения будет выискивать наши лица. У них преимущество в людях, транспорте, коммуникациях. А я ни с кем пока даже связаться не могу. У нас, кажется, ни единого козыря, и мы в цейтноте. Плохо.

Бука оглянулась по направлению к отелю, из которого они так поспешно бежали, и увидела, как на улицу выехало желтое такси. Она тут же дернула Филипа за рукав, чтобы он тоже обернулся. Филип увидел машину и тут же вскинул руку, останавливая ее.

— Отлично, — сказал он Буке, — успеем убраться подальше. Когда такси затормозило рядом с ними, Филип открыл заднюю дверь машины и пропустил Буку вперед себя. Затем сел рядом с ней на заднее сиденье и, наклонившись к водителю, назвал какой-то район города, в который их надо было доставить.

Когда водитель тронул машину с места, Филип раскрыл ноутбук и начал что-то тихо выстукивать клавишами. Бука сначала молча наблюдала за игрой геометрических фигур на экране, а затем не выдержала и все же спросила:

— Что ты делаешь?

— Пытаюсь пролезть в полицейскую сеть и посмотреть, как именно они нас ловят, — объяснил ей Филип. — Если мы знаем их действия, то у нас есть хороший шанс опередить погоню и спрятаться там, где нас не ищут.

Филип молча колдовал еще пару минут и наконец удовлетворенно потер ладони.

— Отлично. Теперь посмотрим.

Бука пыталась понять что-то в мелькании текста и изображений на экране, но Филип работал настолько быстро, что она вскоре сдалась и стала просто слушать его невнятное бормотание.

— Так, аэропорт и вокзалы, естественно, закрыли для нас. Внесли наши лица в базу данных для уличных камер. Было бы плохо, но этих камер у вас, друзья, не так уж много, и к ним мы не пойдем. Патрули подтягивают, но тоже поздно.

Наконец он закрыл крышку и улыбнулся Буке.

— Все, если мы сейчас не сделаем какую-нибудь откровенную глупость, нас не найдут.

— Я почему-то считала, что города контролируются полицией так сильно, что уйти нет никакой возможности.

— Ну, смотри, — начал рассказывать Филип. — У них есть камеры на улицах, которые автоматически сканируют лица прохожих и сравнивают их с фотографиями людей, находящихся б розыске. У них есть патрули. Пешие, на машинах и вертолетах. У них есть системы контроля транспорта. Но эта сеть имеет очень крупные ячейки. Если бы мы поехали в метро, то нас взяли бы у эскалатора. Если бы мы пошли на вокзал или в аэропорт, то нас взяли бы у входа. Если бы мы пошли пешком по центральным улицам города, то нас засекли бы камеры. Но мы же с тобой умные люди, и туда мы не пойдем.

Бука кивала, запоминая.

— Даже патрули предпочитают ездить по крупным улицам. Лариса, несмотря на то, что это Европа, если полицейская машина без поддержки заедет в какой-нибудь окраинный район, она может оттуда и не вернуться. Мы, кстати, в один из таких районов и едем.

— Спасибо, успокоил.

— Не переживай, — потрепал Буку по руке Филип. — Все будет нормально. Доверься мне.

После этого Филип снова раскрыл ноутбук и углубился в изучение каких-то схем и карт. Минут через пятнадцать они наконец-то прибыли в точку назначения. Окружающий их пейзаж Буке не понравился. Дворы были огорожены заборами из металлической сетки в полтора человеческих роста. Граффити на стенах, с достаточно высокой степенью изобретательности обыгрывающие самые различные непристойности. Неизменные проржавевшие насквозь бочки, в которых, очевидно, вечерами разводят огонь. Несколько компаний, к которым, как казалось Буке, просто нельзя было подходить близко без риска для жизни. Ужасный район.

Но Филипа это почему-то не задевало. Он, кажется, даже слегка улыбался.

— Стой здесь и не сходи с места, — сказал он Буке и отправился к ближайшей группе молодняка. Общая черта — все худые и бледнокожие. Под солнце не выходят совсем или кожу отбеливают? Тем временем Филип начал о чем-то беседовать с оборванцами. Полностью разговора Бука не слышала. До нее долетали только отдельные слова: игрушечник, клювить резко, палево. Уличный жаргон развивался намного быстрее и

динамичнее любого языка, и знать его можно было, только живя в той культуре, где этот жаргон имел хождение. Проще говоря, хочешь так разговаривать — живи на окраине, живи опасно и коротко. Однако вот поди ж ты, аналитик, почти ученый, который, казалось Буке, вообще редко выходил на улицу из своего офиса, спокойно разговаривает со здешними аборигенами, и те даже смеются ему в ответ. Удивительно.

Наконец Филип вернулся к ней. Взял под локоть и тихонько повел по улице куда-то.

— О чем это ты с ними так? — спросила его Бука.

— О многом, — усмехнулся Филип. — Узнавал, где здесь можно игрушечника найти.

— Игрушечника?

— У нынешней молодежи лучшая игрушка — оружие. А в нашей ситуации им пренебрегать нельзя.

— Быстро ты с ними договорился. А во мне они просто дрожь вызывают.

— Я в детстве в таком же районе жил. А жизнь на окраинах никогда радикально не меняется. Так что я с этими ребятками всегда могу говорить на одном языке. Честно говоря, мне с вашим Зондерганном беседовать намного труднее было.

Идти до игрушечника-оружейника было недолго. Филип остановился у маленькой двери, обитой ржавой жестью, которая вела в полуподвальное помещение одного из домов. Рядом с дверью был нарисован плюшевый медвежонок. Бука оценила иронию. Филип постучал в дверь. Забранный решеткой динамик, вделанный в стену на уровне пояса, что-то прохрипел.

— Мне нужен Швед, — ответил Филип.

За дверью раздался металлический щелчок, и Филип открыл ее. Спускаться вниз пришлось по крутым деревянным ступенькам, которые отчаянно скрипели. Когда они наконец спустились, обнаружилось, что проход закрывает крупноячеистая металлическая решетка, в которой было прорезано окно для передачи денег и игрушек. По ту сторону решетки стоял металлический стол, а уже за ним сидел, очевидно, сам Швед. Впрочем, на скандинава этот мужчина не был похож. Первое отличие от всех остальных жителей этого района, которых успела заметить Бука — ярко выраженный оливковый загар. Этот загар вместе с черными, чуть кудрявящимися волосами делали оружейника более похожим на итальянца.

— Ты — Швед. — Филип не спрашивал, а утверждал. Игрушечник медленно кивнул.

— Нам, собственно, парочка игрушек нужна.

Швед кивнул еще раз.

— Какие именно?

— А что есть в ассортименте?

— Ну… самый ходовой товар здесь, это вот такая штучка, — Швед положил на столик перед собой крохотный автомат, который удобно было держать одной рукой.

— Понимаете, уважаемый, — сказал Филип, — мы оба знаем, почему такие модели лучше всего продаются в этом районе. Ваши обычные покупатели хотят получить средство обоснования своей правоты в различных беседах. При этом они чаще всего нормально стрелять не умеют. В этом случае полная автоматика и увеличенный магазин — лучше всего. Однако, как вы заметили, мы не из этого района. И игрушки мне хотелось бы получить немножко другие.

— Такие, как?.. — спросил Швед.

— Например, «Дезерт Игл». Это для меня. А для девушки, пожалуй, «Глок» из моделей десятилетней давности.

— Приятно встретить понимающего человека, — хмыкнул Швед. — «Дезерт Игл» я найду. А вот «Глока» у меня нет. Могу предложить револьвер. Не старый еще, в отличном состоянии.

— Чей револьвер?

— «Вессон». Все-таки в Европе делать револьверы так и не научились, поэтом я работаю только с американскими револьверами. Редко, правда, работаю, товар не ходовой. Но покупатель иногда все же находится.

— Не тяжелый?

— Нет, это облегченная модель. Облегченная, но все же надежная. Девушке подойдет. В крайнем случае можно двумя руками держать, чтобы ствол не гулял.

— Пойдет.

Швед встал и отошел к противоположной стене, рядом с которой стоял верстак. Покопавшись в ящиках, он выпрямился и повернулся к Филипу и Буке. В каждой руке Швед держал по пистолету. Из «Дезерт Игла» он выщелкнул обойму и передернул затвор, показывая, что в стволе патрона не осталось. Револьвер хитрым движением мотнул в сторону, и у того открылся барабан. Швед повернул револьвер, чтобы показать, что и тот чист, и гнезда барабана пусты.

Затем он полез в ящик своего металлического стола, и после минутного блуждания в нем вытащил два патрона. Один он вложил в барабан револьвера, второй в обойму, которую тут же защелкнул в «Дезерт Игл». Потом, держа пистолеты в обеих руках, Швед повернулся к углу своей каморки, в котором стояла прислоненная к стене толстая металлическая плита с множеством выщербин. Сдвоенный выстрел сильно ударил по ушам в

замкнутом пространстве. Бука инстинктивно на миг зажмурила глаза.

— Ну вот, — Швед вернул пистолеты на стол, — все в рабочем состоянии.

— Сколько? — спросил его Филип.

Швед чуть задумался, почесывая заросший щетиной подбородок.

— Скажем, по двести пятьдесят за каждый.

— Скажем, по двести, — парировал Филип.

— Можно и так, — согласился Швед.

— Филип достал бумажник и, собирая нужную сумму, поинтересовался:

— Кредитки принимаются?

Даже Бука понимала, что вопрос был риторическим. В криминальном бизнесе обычно крутятся только наличные. Однако Швед удивил и ее, и Филипа.

— Да, конечно. — С этими словами он поставил на стол кард-ридер.

— Удивительно, — сказал Филип, доставая из внутреннего кармана карточку. — Я почему-то полагал, что в этом бизнесе предпочитают наличные.

— Прогресс не стоит на месте, — пожал плечами Швед, набирая на клавиатуре кард-ридера снимаемую сумму. — Нас по карте трудно засечь. Хакеры все деньги отмоют.

Выйдя из подвала, Филип протянул Буке маленький револьвер.

— Возьми-ка. Стрелять умеешь?

— Умею. В детстве отец научил. Но зачем он мне? — спросила Бука.

— На всякий случай. Раз уж мы на нелегальном положении, то будем пользоваться всеми выгодами этого состояния.

— Выгодами? Что уж тут хорошего?

— Ни одна живая душа не знает, где мы, — улыбнулся Филип. — Полная свобода. А свобода несет с собой и опасности. Сейчас мы не можем рассчитывать на защиту полиции, поэтому придется защищать себя самим, если что-то случится.

— Теперь куда? — спросила Бука.

— Последнее время мы с тобой сначала долго ждем, а потом быстро двигаемся. Только что мы интенсивно двигались, пришло время долго ждать.

— Ждать-то где теперь придется?

Все это время Филип вел Буку по улицам, ориентируясь по одним ему ведомым признакам. Он остановился напротив

трехэтажного старого здания и показал на него.

— Здесь.

Над дверью здания висела полустертая табличка «Хорошая гостиница».

— О господи, — вздохнула Бука. — Они себе льстят самым неприкрытым образом.

В хорошей гостинице карточки не принимали, и Филипу пришлось расплачиваться наличными. Старая краска на стенах, ржавые перила на лестнице, по которой Бука с Филипом поднимались на второй этаж, дешевые обои в самом номере — все это ей очень не нравилось,

— Что поделать. В любом нормальном отеле стоит система наблюдения, и нас возьмут, как только мы подойдем к стойке портье, — объяснил ей Филип.

— Слушай, — спросила его Бука, — обводя взглядом маленькую комнату. — А почему ты не взял двухкомнатный или хотя бы двухместный номер?

— Потому что их здесь нет. Ты догадываешься, для каких целей обычно эти номера используют? — спросил Филип.

Взгляд Буки остановился на широкой кровати.

— Догадываюсь. Здесь хоть ванна есть?

Филип открыл дверь в совмещенный санузел.

— Все в порядке, пользуйся.

Бука направилась к ванной комнате

— Только это… — Филип замялся.

— Что? — обернулась Бука.

— Ну… В общем, постарайся там в эту ванну не садиться, а то мало ли кто там был до нас. Они, конечно, все дезинфицируют после того, как постояльцы съезжают, но лучше не рисковать.

— Спасибо за предупреждение, — улыбнулась Бука.

Встать под горячий душ было огромным удовольствием. Только под струями воды Бука поняла, как она озябла за время хождения по улицам города. А потом вспомнила, что она еще не завтракала, и сразу захотелось есть. Сквозь шум воды было слышно, как в комнате разговаривает Филип. Хотелось надеяться, что он заказывает еду.

Перед самым выходом из душа Бука обнаружила, что чистой одежды у нее нет. Вся осталась в сумке. А сумка в комнате. Проблема была решена просто.

— Филип! — Бука позвала его, чуть приоткрыв дверь.

— Да?

— Принеси, пожалуйста, мою сумку с вещами.

Бука прикрыла дверь ванной комнаты, и спустя несколько

секунд в нее с другой стороны стукнул Филип. Затем дверь приоткрылась, и в нее просунулась рука Филипа с сумкой. Бука, улыбаясь, подхватила сумку, и Филип тут же отдернул руку.

Когда посвежевшая Бука вышла из душа, Филип встретил ее известием, что завтрак вот-вот принесут.

— Здесь что, еду готовят? — удивилась Бука.

— Нет, конечно. Даже если бы и готовили — я бы не рискнул пробовать их кухню. Пицца. Старая добрая пицца с соком на завтрак. Устроит?

— Вполне. Только это уже не завтрак получается, а обед.

— Не важно. Первая еда в сутках — всегда завтрак, даже если он приходит в час ночи или пять вечера.

— Слушай, — спросила Филипа Бука, — ты, кажется, долго разговаривал по телефону. Никак не мог пиццу выбрать?

— Нет. Помощь запрашивал. Полагаю, что завтра мы сможем выйти из подполья.

— И дальше что?

— А пока не знаю. У меня создалось впечатление, что с Дмитрием что-то не то.

— Да, — убежденно кивнула Бука. — Он очень изменился. И морально, и физически.

— Как он физически изменился, я видел, — ответил Филип. — Вроде бы маленький, а элитную группу захвата раскидал, как котят. Не бывает такого.

— Меня другое поразило, — призналась Бука. — Он ведь хотел в меня выстрелить. Такое ощущение, что в его теле кто-то другой живет. Мне кажется, это его Швейц так изменил. Он мог так сделать?

— Подозреваю, что мог, — ответил Филип. — Похоже, больше некому. И это очень плохо. Очень-очень плохо.

В дверь номера постучали. Рассыльный принес пиццу. Филип отдал деньги и с пиццей подошел к столу, стоящему у окна.

— Полагаю, есть мы будем здесь. — Он проверил бумажник, который держал еще в руках. — Наличные катастрофически тают. Надо будет что-то придумать.

Весь оставшийся день они лениво беседовали, перебирая самые различные версии. Увы, ничего нового придумать им так и не удалось. Ужинать пришлось все той же пиццей. Ближе к полуночи решили ложиться спать. Бука вдруг поняла, что несколько волнуется от того, что им с Филипом придется спать в одной постели. Филип, видя ее заминку, предложил ей ложиться сейчас, а он пока умоется и почистит зубы. Воспользовавшись его отсутствием, Бука переоделась в старую клетчатую рубашку и

джинсы. Улеглась на кровать, прислушалась к себе. Нет, в джинсах она точно не уснет. Сняла джинсы и юркнула под одеяло. Оказалось, вовремя, потому что в это время Филип, открыв дверь ванной, предупредил: «Уже выхожу».

Войдя в комнату, он сначала выключил лампу, затем в темноте пошуршал одеждой и начал устраиваться в постели.

Бука напряглась, но Филип благоразумно устроился на самом краешке, чтобы не мешать ей.

— Понимаешь, — сказал он Буке. — Нельзя было брать два разных номера. Владелец бы сразу что-нибудь заподозрил. Так что уж извини. Но обещаю вести себя прилично.

— Спасибо.

Сначала Бука думала, что не сможет быстро уснуть от этого напрягающего соседства, но Филип как-то сразу мерно задышал, уснул, и Бука понемногу расслабилась. Засыпая, она поймала себя на том, что ей любопытно, что же из одежды оставил на себе Филип, ложась в постель.

Утром Бука проснулась от настойчивого стука в дверь. Когда она оторвала голову от подушки, то заметила, как Филип вытащил из-под кровати купленный накануне пистолет и, встав сбоку от двери, спросил: «Кто?» Ответа Бука не услышала, но Филип открыл дверь. За ней стоял уже знакомый Буке офицер связи Фаулер. Тот вошел в комнату, окинул взглядом обстановку и повернулся к Филипу, который как раз натягивал брюки.

— Доброе утро, господин Стенюи, — Фаулер повернулся к Буке, — доброе утро, мисс…

— Таринская, — подсказал Филип.

— Мисс Таринская, — закончил Фаулер. — Может быть, мне стоит подождать за дверью, пока вы оденетесь?

— Было бы неплохо, — сонным голосом сказала Бука. Филип тут же подхватил Фаулера за локоть, и они вдвоем вышли из номера. Встав с постели, Бука придирчиво осмотрела рубашку, в которой спала, и решила, что для неформального утра она вполне подойдет. Оставалось лишь надеть джинсы. После этого Бука стукнула в дверь, показывая мужчинам, что можно возвращаться, а сама побрела в ванную. Когда она вышла из нее, приблизительно через десять минут, она застала Фаулера и Филипа сидящими за столом. Насколько она могла судить по выражению лица, Филип был чем-то сильно озабочен.

— Присаживайся, — пригласил ее Филип.

Когда она села рядом с ними за стол, Филип начал рассказывать. .

— Ситуация прояснилась. Пока мы тут бегали от полиции,

мой шеф послал сильную группу в VTZ. Они исследовали всю компьютерную технику, которая там была, и теперь многое становится ясным. Начнем с самого начала. При исчезновении Дмитрий не успел удалить всю информацию, и наши аналитики смогли по деталям восстановить картину. Твой Дмитрий каким-то образом смог внедрить в компьютер Ицки программу-шпиона. И он обнаружил, что каждый раз, когда она выходила в киберпространство, она общалась с неким программным комплексом. Дмитрий отыскал его адрес и попытался исследовать этот комплекс. Полагаю, что у него это не получилось. Но мы-то знаем, что такое этот комплекс. Очевидно, это Швейц. Он, скорее всего, научился каким-то образом программировать людей, входящих в Сеть через троды. И Ицки была, по сути, его марионеткой. Итак, Дмитрий как-то вышел на Швейца, и тот попытался его завербовать. Это мы с тобой видели. Дмитрий отказался, и Швейц выследил его на следующий день. Полагаю, в том сетевом кафе, где его последний раз засекла уличная камера, Швейц ему и переписал личность. Так что ты была права, когда говорила, что в его теле живет другой человек. После того как Дмитрий исчез, мы не знаем, чем он занимался. Зато мы смогли разузнать, что Швейц через Ицки начал захватывать контроль над исследовательским отделом VTZ. Так как Ицки была не последним человеком в корпорации, несмотря на ее юный возраст, она могла влиять на выбор тем работы. А потом через нее Швейц подбрасывал решения. Скорее всего, они разрабатывали системы искусственного разума. Кому как не Швейцу, который сейчас является не то программой, не то человеком, знать, как устроен разум. Он мог сам препарировать себя. Не знаю, получился у них искусственный разум или нет, но созданные продукты они начали продавать как самообучающиеся системы защиты. Меня потому и послали сюда, чтобы расследовать случай, когда одна такая система убила нескольких хакеров, которые пытались пройти через нее. Возможно, что эти системы являются зародышами искусственных интеллектов, а может быть, и нет. Пока это всего лишь предположения. Вот такая вот картина вырисовывается.

Бука помолчала, осмысливая услышанное.

— Мышонка можно вернуть обратно? — спросила она Филипа.

— Не знаю. Скорее всего, нет. Наверное, это мог бы сделать Швейц, но я бы не надеялся на это.

— И что ты собираешься делать?

— Нам надо поговорить со Швейцем. Фаулер тут сказал мне, что Прата, это наш начальник, наделил меня всеми

полномочиями для решения этой проблемы. А я еще не знаю, какое решение следует принять. Но в любом случае мне бы хотелось общаться со Швейцем, имея за спиной мощную группу поддержки. В каком филиале у нас лучшие спецы? — спросил он Фаулера.

— В лондонском, — ответил офицер связи. — Их сетевики блистательно провели недавнюю операцию против колумбийцев.

— Значит, мы поедем в Лондон, — заключил Филип.

— А с нас уже сняли обвинение? — спросила Бука.

— Нет еще. Любая полиция — это бюрократический аппарат, и пока что мы не успели, — ответил ей Фаулер.

— Ничего страшного, — сказал Филип, — у нас есть много возможностей. По крайней мере сделать новые документы наша служба всегда сможет, — с этими словами он положил на стол два паспорта.

— Понятно, — кивнула Бука. — А как насчет видеоконтроля в аэропорту?

— ЦЕРТ является основной силой в киберпространстве. Наши техники смогут уговорить аппаратуру не реагировать на нас. Ладно, я предлагаю тебе пока собрать вещи. Выезжаем прямо сейчас. Позавтракаем в дороге. Мы пока с Фаулером в коридоре пообщаемся, чтобы тебе не мешать.

Когда за Филипом и его коллегой закрылась дверь, он повернулся к Фаулеру и сказал: «Мы не можем позволить жить Швейцу в Сети. Человечество еще к этому не готово. Пока мы будем добираться, я хочу, чтобы лондонцы приготовили мобильную базу. Попроси их об этом, хорошо?»

В качестве базы для операции выбрали секцию подземного гаража в одном из заброшенных домов. Протянули туда несколько оптоволоконных кабелей для выхода в киберпространство, один основной и несколько запасных. Также на всякий случай поставили на крыше спутниковую тарелку. Если вдруг что-то случится с сегментом сети, куда внедрили оптоволокно, останется еще один резервный канал связи через спутник. По стенам тянулась гирлянда силовых кабелей, а в углу дополнительно поставили топливный генератор. Завезли столы, стулья и светильники. На все ушло около суток.

Интерьер получился, конечно, кошмарным. Старая серая краска на стенах с потеками непонятного цвета. Обшарпанные столы, на которых стоит современная техника, и удобные рабочие стулья модного серебристого цвета. По полу ветвятся информационные и силовые кабели, а в углу валяются катушки с неиспользованным оптоволокном. В другом углу стоит черный,

воняющий бензином электрогенератор. Старые люминесцентные трубки на потолке, которые горят через одну или даже реже, и в качестве контраста — маленькие яркие галогенные лампы на рабочих местах операторов. В дополнение ко всему были установлены обогреватель, микроволновая печка и кофеварка. Один из операторов, войдя в гараж, обозвал эту картину словом «фьюжн». Как узнал много позже Филип, это слово обозначало смешение стилей. Что ж, так оно и было, наверно, все вещи в подвале не гармонировали друг с другом, но об интерьере можно было думать в последнюю очередь. Главное, что этот подвал мог послужить хорошей базой для проведения операции.

Вокруг дома Филип сам расставил посты охраны и разместил несколько снайперов на крышах зданий, стоявших рядом, так, чтобы они могли простреливать подходы к их базе, построенной на скорую руку. Он, впрочем, отдавал себе отчет, что если Швейц наведет на них своего Мышонка, то охрана не замедлит его ни на секунду. И ему потребуется не больше минуты, чтобы уничтожить всех присутствующих в подвале. Филип слишком хорошо помнил, что случилось с оперативниками, пытавшимися захватить Мышонка.

К шести вечера вся команда технических специалистов начала подтягиваться к базе. Филип заранее сварил кофе и разогрел бутерброды в микроволновке. К половине седьмого все шестеро участников собрались вместе. Филип грел руки кружкой горячего кофе и рассматривал своих коллег. Те расположились за столами и осваивались с софтом, установленным на их ноутбуки. Филип встал, вытащил па середину пространства между столами стул, сел на него и обратился к коллегам.

— Добрый вечер, — начал он. Спецы развернулись от ноутбуков к нему. — Коллеги, вас пригласили для выполнения некоей операции, в необходимости которой я пока сам не убежден. Давайте поступим следующим образом — я расскажу вам текущую ситуацию, а вы выскажете свое мнение, если мы придем к выводу о нецелесообразности ее проведения, тона этом все и закончится. Вы вернетесь к повседневной работе, а я полечу в штаб-квартиру объяснять начальству, почему не выполнил задание.

Филип кратко рассказал специалистам о переносе Швейцем своего сознания в Сеть. Также он упомянул о том, как Швейц может влиять на сознание человека в Сети, приведя примеры Ицки и Мышонка. Тут его перебил один из специалистов.

— То есть получается, что этот Швейц может программировать поведение людей? И даже изменять их физические качества?

— Да, — ответил Филип. — Здесь трудно даже оценить всевозможные перспективы этого открытия. Бессмертие сознания, абсолютно новый метод взаимодействия с Сетью, воздействие на людей на самых глубоких уровнях. Этот только на первый взгляд. Причем, как вы все понимаете, эти возможности могут быть использованы не только для мирных целей. Я боюсь даже подумать, какие возможности влияния на мировую экономику открываются для подобного сетевого конструкта. Он может узнать все тайны, выследить любого человека, за доли секунды собрать себе огромное финансовое состояние. Весь наш мир зависит от Сети, а он в ней практически всемогущ.

— С этой стороной понятно, — сказал оператор, задавший вопрос. — Есть что-либо еще, что следует нам знать.

— Да. Помимо операций с сознанием человека, Швейц также разработал несколько комплексов защиты от несанкционированного доступа. Один из них убил группу хакеров, пытавшихся пройти через его защиту. Я проанализировал действия этого софта и готов со всей уверенностью говорить, что тот проявлял доселе невиданную адаптивность и изобретательность. Творчество, я бы сказал. Учитывая, что при попытке завербовать Дмитрия Швейц рассказывал ему об искусственном интеллекте, я полагаю, что он пытается создать его. А наше задание состоит в том, что Швейца необходимо уничтожить.

— Позвольте, я кратко резюмирую, — вступил в разговор оператор, сидевший ближе всего к Филипу. — Что мы имеем? Личное бессмертие, всевластие в Сети, искусственный интеллект, прямое программирование человека. То есть технологии, о которых человечество давно мечтало, воплотил один ученый. И теперь мы должны его уничтожить и забыть обо всех его разработках?

— Вот именно, — сказал Филип. — Меня тоже смущало, что мы можем потерять такие сокровища, о которых мы даже не имеем представления. Однако до сих пор Швейц противопоставлял себя обществу. Если бы он хотел рассказать о своих достижениях, он бы давно это сделал. А пока что он живет в Сети и проводит некие операции, мотивы которых трудно понять. От его деятельности гибнут люди. Если бы он узнал, о чем мы здесь разговариваем, то послал бы сюда этого Мышонка, и через минуту-полторы здесь было бы шесть наших трупов. Не считая, конечно, охраны.

— Похоже, нам предстоит убить человека, — вмешался еще один специалист, выглядевший заметно моложе своих коллег.

— Я не уверен, можно ли его еще называть человеком, —

ответил Филип. — Нам нужно просто уничтожить некий конструкт.

— Ладно. Пусть он не человек. Но то, что сделал Швейц, рано или поздно повторит кто-то другой. Вспомните, ученые никогда не смогли хоть сколько-нибудь выдержать мораторий на исследования. Что было с клонированием? Сначала запретили. А во время запрета разработки велись полным ходом. Хорошо еще, что с выращиванием клонов человека возникли серьезные трудности, а то сейчас у нас была бы целая ветвь законодательства по правам клонов.

Говоривший оператор перевел дыхание.

— Пусть мы сейчас уничтожим Швейца. Так все равно рано или поздно появится еще один такой же ученый, который перенесет себя в Сеть и которому удастся либо затаиться, либо рассказать о себе всему миру. И все. Он там останется жить. Так что сейчас вся наша затея напоминает мне затыкание пальцем дыры в плотине.

— Тебя как зовут? — спросил Филип оратора.

— Боб.

— Так вот, Бобби, в чем-то ты прав. Но, как ты помнишь, действительно есть такой миф, когда голландский мальчик увидел дыру в плотине и заткнул ее пальцем. Пока он держал этот ручеек воды, взрослые пришли и починили плотину.

— Согласен! — перебил Филипа Боб. — Но в нашей плотине дыр слишком много. Мальчиков на все дыры не хватит. И починить плотину нельзя в принципе. Если люди могут что-то сделать, они обязательно это сделают. Наши усилия ничего не значат. Это все равно произойдет.

— Да, — кивнул Филип. — Обязательно произойдет. Но пока это в моих силах, я хочу отсрочить появление таких феноменов.

Все операторы молчали, переваривая услышанное. Наконец самый старший из них откашлялся и начал говорить:

— Коллеги, мы тут все образованные люди. Вспомните, пожалуйста, теорию игр, примените ее к нашей ситуации. Уважаемый мистер Стенюи очень точно обрисовал нам перспективы. Одна только проблема — мы не знаем наверняка, насколько большой выигрыш мы можем получить. А теперь подумайте, какой проигрыш противопоставлен этим потенциальным благам. Смерть сетевиков, крах экономики, тотальный шпионаж, искусственные интеллекты, в конце концов, с их непознаваемой для нас мотивацией. Подумайте, что мы должны сделать.

— Точно, — кивнул оператор, сидевший ближе всего к Филипу. — Мы должны уменьшить риск, минимизировать наш

возможный проигрыш. Цена ошибки слишком велика.

Остальные операторы тоже закивали головами, соглашаясь. Действительно, ошибка в оценках мотивов действий Швейца могла привести к огромным потерям.

— С этим все согласны? — спросил Филип, обводя взглядом операторов. Те вразнобой кивнули в ответ.

— Хорошо. Тогда начнем.

— Момент! — снова вмешался Бобби. — Это все же необратимое действие. Может, можно как-то скопировать структуру Швейца для изучения?

— Сомневаюсь, что это возможно. Нам потребуются все силы просто для уничтожения. Не забывай, мы не можем пользоваться тродами, и все придется делать по старинке, то есть медленно.

— Собрать людей побольше, — предложил Бобби.

— Времени на это нет. Неужели ты думаешь, что я об этом не думал? У нас действительно нет даже нескольких часов, потому что Швейц вскоре выйдет на меня, и тогда никакая защита нас не спасет от его человека. Я и так рисковал, затевая это обсуждение. Каждая минута приближает мою и вашу смерть.

— Тогда давайте начинать, коллеги, — подытожил разговор самый старший оператор.

И они начали.

Как и было обговорено, тродами операторы не пользовались. Вместо этого визуализация киберпространства отображалась на мониторах. Вместо сгустков сознания в Сети двигались лишь их отображения, так называемые призраки. Естественно, это замедляло темп работы, но выхода иного не было. Впрочем, класс операторов был весьма высок, и отсутствие прямого контакта не слишком их сковывало. Согласно инструкциям ЦЕРТа они комментировали каждое свое действие, и Филип, сидя в центре гаража за своим ноутбуком, мог контролировать выполнение операции как на экране монитора, так и на слух. Группа действовала четко и слаженно.

— Дикенсон на позиции.

— Милнер на позиции.

— Я на месте. Коли.

— Наркивиц на позиции.

— Мактайн на месте. Наблюдаю конструкт с непостоянной формой.

Прежде всего группа должна была занять место в непосредственной близости от конструкта Швейца. После этого необходимо было заблокировать ему все связи с внешним миром и только потом пытаться уничтожить.

— Наркивиц. Блокирую входящие запросы.

— Гудинг. Закрываю исходящие каналы.

— Милнер. Концентраторы парализованы.

Для того чтобы уменьшить возможности Швейца, следовало ограничить ему выход в Сеть. Не отрезать его полностью, а всего лишь ограничить, чтобы оставить свободу действий себе. Для этого Милнер послал шквал запросов на концентраторы, обслуживающие Женеву, и те замолчали, не в силах справиться с потоком, превосходящим их возможности обработки. Атака простая, но эффективная, способов противодействия практически нет. Функция концентраторов в том и состоит, чтобы отвечать на запросы, и нет возможности заранее отличить правильные запросы от поддельных. Поэтому мощный шквал фальшивых запросов просто парализует возможности концентраторов, они не могут их все переварить и отключаются на время.

— Хорошо, джентльмены, первая фаза закончена, — возвестил Филип. — Приступаем ко второй фазе.

Вторая фаза была труднее. Требовалось, используя весь доступный арсенал вирусов и логических бомб, а он у ЦЕРТа был, пожалуй, самым полным в мире, уничтожить логическую структуру конструкта Швейца. Несмотря на всю его необычность, конструкт все же является программным обеспечением, следовательно, можно рассчитывать, что у него есть некая базовая структура, стандартные порты взаимодействия в киберпространстве. А раз так, то есть и надежда, что через эти порты в него можно загнать вирусы, которые затем смогут уничтожить любой софт, даже такой сложный, как этот конструкт.

Однако Швейц заметил их действия. На экране Филип отчетливо видел, как он пытался прощупать вырубленные Милнером концентраторы, а когда понял, что они не работают, обратил свое внимание на операторов, которые подбирались все ближе к нему. Естественно, группа не могла отрезать все выходы Швейца в киберпространство, потому что иначе и они бы к нему не подобрались. По сути, они замкнули пространство вокруг него в пещеру, оставив только одну нору, по которой операторы сейчас подбирались к конструкту. Однако любой вход является и выходом одновременно. Если Швейц сможет сломить их усилия, он тут же скопирует себя на другой сервер, и все труды пропадут даром. Радует уже то, что Швейц не сможет воздействовать на операторов напрямую, они не вошли в киберпространство, а смотрят на него через мониторы. Но никто не знает, что еще есть в запасе у Швейца. Филип подумал, что теперь знает, с каким ощущением рыцари могли выходить на поединок с волшебниками. В твоих руках проверенный и отточенный меч, а

оружие противника просто непознаваемо. Никогда не знаешь, чем он тебя встретит.

Швейц заметил подходящих к нему операторов. От его конструкта протянулись тонкие многоцветные ручейки к полупрозрачным формам операторов. Филип предположил, что Швейц пытается подобным образом перестроить сознание атакующих. Что же, пусть пытается, это не люди, это всего лишь их призраки.

— Мактайн. Отмечаю попытку внедрения. Входящие потоки блокированы.

— То же самое. Произвожу стандартную отсечку сигналов. Коли.

Швейцу потребовалось совсем немного времени, чтобы понять, что перед ним всего лишь призраки. Он сменил тип атаки.

— Наркивиц. Регистрирую плотный поток входящих сигналов. Он пытается забить наши линии.

Швейц, очевидно, попробовал использовать ту же тактику, которую применил Милнер для гашения концентраторов. Но операторы, в отличие от сетевых концентраторов, могли отсечь входящий шумовой поток, оставив только те входы, которые позволяли видеть происходящее в киберпространстве и отдавать команды.

— Мактайн. Начинаю внедрение боевых программ.

Действие Мактайна поддержали и остальные пять операторов. Задумка состояла в том, чтобы атаковать конструкт самыми различными вирусными программами с различных направлений в надежде, что у Швейца не хватит сил контролировать все входы и какой-нибудь вирус все же пробьется через защиту. А затем через пробитую брешь пойдут логические бомбы, которые сотрут логические связи конструкта в пыль.

Однако Швейц не собирался сдаваться. Увидев, что забить шумом каналы операторам не удается, он решил расширить диапазон своей атаки. Филип увидел, как на экране ноутбука подернулось рябью изображение конструкта, а затем и полностью скрылось за полосами белого шума. Для глушения каналов Швейц использовал даже несущую частоту визуального отображения киберпространства. Сделай он это чуть раньше, операция Филипа захлебнулась бы, но сейчас операторы уже успели нащупать точки входа в конструкт и могли не ориентироваться по изображению. Оглядев гараж, Филип увидел, что операторы разделили экраны своих ноутбуков на две части. Наверху белый снег закрывал изображение того участка киберпространства, где они работали, а в нижней части экранов операторы вывели консоли, и чуть ли не

вручную координировали свою атаку.

— Есть! Я зацепил его! Мой Икс-Бета внутри конструкта и держит вход открытым.

Филип вскинул голову. Это молодой Коли первым все же нащупал брешь в обороне Швейца и запустил свой вирус в точку, которую тот не защищал. Швейц почувствовал вторжение и бросил все силы на его отражение. Тут же картинка поля боя в киберпространстве очистилась, и Филип впервые увидел завершающую фазу их атаки в полной красе.

Конструкт Швейца был все так же огромен и постоянно менял форму. Однако теперь пространство вокруг него окружали темные округлые образования, постоянно бросающиеся на конструкт, в надежде пробить его защиту, Филип начал облетать со стороны конструкт. Вот оно! В защите зияла дыра, и в нее постоянно проскакивали извне обтекаемые сгустки боевых программ. По краям дыра мерцала радужной пленкой, пытающейся зарастить ее, но вирусы неуклонно расширяли пробой.

Ноутбук Филипа тихо пискнул, сигнализируя о приходе почты. Филип сначала не хотел отвлекаться, но многолетний рефлекс все же взял свое и он открыл почтовую программу, К нему пришло всего одно письмо. Филип открыл письмо.

«Прекрати это. Мы все еще можем договориться. Швейц».

Филип выпрямился на стуле, медленно отводя руки от клавиатуры. Однако он ничего не сказал операторам, и те продолжали свою работу.

Еще один тихий писк. Еще одно письмо.

«Пожалуйста, не убивай меня».

На этот раз письмо было без подписи, но Филип знал, кто его отправил. Он молча смотрел на монитор, а потом закрыл почтовую программу.

Операторы не снижали давления. Швейц не мог закрыть пробитую брешь, так как для этого ему пришлось бы оставить без внимания остальные свои связи с внешним миром, по которым незамедлительно пробились бы новые вирусные программы. Поэтому он старался найти баланс между заращиванием пробитой бреши и охраной пока еще не зараженных портов. Однако баланс ему найти не удалось.

Филип увидел, как дыра в защите Швейца внезапно скачком увеличила свою площадь. В отчаянной попытке отбить вторжение Швейц все же снизил свое внимание и поплатился за это.

— Наблюдаю еще один пробой. Гудинг.

Это был уже конец. Филип увидел, как начал уменьшаться в размерах конструкт Швейца. Видимо, внутрь него все же

проникли логические бомбы и теперь выжигали его изнутри, уничтожая логическую структуру. Филип даже жалел его. Наверное, это ужасно — чувствовать, как бесследно исчезает часть тебя. Но решение принято, и отступать было нельзя.

Спустя пару минут Швейц прекратил сопротивление, и операторы откинулись в креслах, наблюдая, как тает, словно кусок сахара в кипятке, его конструкт под действием боевых вирусов. Никто не проронил ни слова, глядя, как умирает первый человек, перенесший свое сознание в Сеть. Операция завершилась.

— Теперь все? Все уже кончилось? — спросила Бука Филипа, когда вечером он вернулся в отель.

— Нет еще. Мы уничтожили Швейца, но остался еще его аватар.

— Кто? — не поняла Бука.

— Аватар. Так в индуистской религии называли человека, в которого вселялся один из этих многочисленных индуистских богов. В нашем случае это человек, которого ты раньше знала как Мышонка. Я подозреваю, что Швейц переписал свое сознание и ему.

— Но он же помнит меня, значит, еще не все потеряно.

— Я бы не обольщался, — пожал плечами Филип. — Мы действительно не знаем, как на него воздействовал Швейц. К тому же, если быть точным, еще существует некоторая вероятность, что уцелел и сам Швейц.

— Это как? — удивилась Бука.

— Как бы это поточнее объяснить, — задумался Филип. — Скажем, так. Теоретически он мог оставить копию своего сознания в спящем виде где-нибудь в Сети. И сторожевую программу с указанием, что если он не объявится в течение определенного периода времени, эту копию следует активировать. Таким образом он как бы воскреснет, но не будет помнить ничего, что с ним случилось после того, как он записал свою копию. Хотя это как-то совсем уж не по-человечески, так что вряд ли он так поступил. Так или иначе, пока его аватар нормально действует, еще ничего не окончено.

— А зачем же тогда ты все это затеял? Ведь несколько человек погибло! И все впустую?

— Нет, конечно. Во-первых, я все-таки надеюсь, что самого Швейца мы уничтожили. Более того, мы знаем теперь, как бороться с такими, как он, если появятся его последователи. А они обязательно появятся. Уже это стоило всех жертв и затрат.

— Я так поняла, что Швейц скопировал себя в Сеть потому,

что он умирал от рака. И только из-за этого на него охотились?

— Нет, Лариса, — Филип опустил голову. — Все немножко не так. Это было мое решение, за которое я отвечаю лично. И не надо думать, что мне оно так легко далось. Во-первых, не стоит забывать, что Швейц пытался убить нас с тобой при помощи своего аватара.

— Мышонка?

— Да, именно о нем я говорю. Но это не самое главное. Посмотри внимательно, Швейц может менять сознание и рефлексы людей, которые выходят в киберпространство. Он может с легкостью оперировать любой информацией в Сети, перехватывать любые данные и финансовые потоки. Он обладает невероятными возможностями. Ты же знаешь, что в новых домах все функции управляются электроникой. Представляешь, что будет, если он резко увеличит температуру воды в душе, когда ты купаешься? Или заблокирует тебе двери, отключит электричество и телефоны? Обрушит лифт, в конце концов. Да дело даже не в его возможностях! — Филип увлекся и начал говорить убежденнее, горячее. — Прежде всего он уже не человек.

— И это повод для охоты на него?

— Да, это повод. Ну подумай, ведь это первый представитель другой расы, который совершеннее нас. Кроманьонцы, как ты помнишь, в свое время вытеснили питекантропов.

— Нет, — улыбаясь, перебила его Бука. — Я это время не застала.

— Ну, я надеюсь на это, — ухмыльнулся Филип. — Однако, если серьезно, сейчас все мы, и я, и ты в том числе, можем оказаться на месте питекантропов. И в этой ситуации я не склонен думать, что подобная эволюция — это хорошо. Мне и моему биологическому виду такая эволюция угрожает. Поэтому я, как питекантроп, буду охотиться на этих кроманьонцев. Одна надежда на то, что Швейц был один и он не сделал своей копки. Впрочем, как ты знаешь, Швейц работал над созданием настоящего искусственного интеллекта, и несколько своих разработок он внедрил в коммерческие продукты VTZ. Поэтому аналитический отдел ЦЕРТа еще будет искать все его разработки. А наша задача сейчас отыскать Дмитрия.

Бука смотрела на свои руки, лежащие на столе, и не пыталась поддержать разговор.

— Кстати, — чуть понизив голос, обратился к ней Филип, — а что теперь ты собираешься делать? Ты узнала все, что хотела узнать?

Бука подняла на него глаза.

— Филип, ты не будешь против, если я все-таки буду с тобой,

пока ты ищешь его?

— Не понимаю я, зачем тебе его искать после того, как он в тебя стрелял, но, честно говоря, мне приятнее будет, что рядом со мной красивая и умная девушка. Так что всегда рад. И, честно говоря, мне теперь хочется подольше искать твоего Мышонка.

— Он уже не мой, — вздохнула Бука, — Давай пока больше не будем говорить на эту тему, хорошо?

Долго искать Мышонка не пришлось. В тот же вечер Филип получил письмо от него.

«Раз уж ты в Лондоне, то нам стоит встретиться. Сегодня в час ночи на Тауэрском мосту. Ты должен быть один. В крайнем случае можешь взять с собой Таринскую. Если увижу кого-то еще, я исчезну и тебе придется всю свою оставшуюся жизнь оглядываться, боясь увидеть меня. А сегодня у нас еще остается шанс договориться».

В час ночи на Тауэрском мосту через Темзу было холодно и мокро. Сентябрьской ночью дождь в Лондоне воспринимался как нечто само собой разумеющееся. Капли шелестели, падая на растрескавшийся асфальт покрытия моста, внизу бормотала Темза. Как объяснил Филип, пока они шли к точке рандеву, мост затеяли ремонтировать больше двух лет назад, но что-то у них не заладилось, то ли мост от старости пришел в негодность, то ли еще что, но отремонтировать его быстро не смогли. Поэтому уже больше двух лет мост был закрыт. Даже фонари на нем горели далеко не все. В общем, было ясно, что это далеко не самое фешенебельное место в Лондоне. Тем более в час ночи. Дождливой, сентябрьской и изо всех сил лондонской ночи.

Когда они вышли примерно на середину моста, причем Бука по пути все-таки попала пару раз каблуками сапожек в трещины асфальта, Филип остановил ее, взяв за руку. Так они и стояли одни на мосту. По обе стороны Темзы горел огнями и шумел ночной Лондон, а на мосту было безлюдно, тихо, холодно и мокро. Филип держал ее за руку и, судя по всему, не собирался выпускать кисть Буки из своей. А Бука и не была против. Так спокойнее, надежнее как-то.

Не то чтобы она влюбилась в Филипа. Просто все это время, пока длились поиски Мышонка, он постоянно был рядом, такой постоянно корректный, вежливый… И надежный. Но это его подчеркнутое соблюдение дистанции иногда просто бесило. Ведь один раз даже спали в одном номере на одной кровати, так всегда ведь на краю примостится, и даже во сне поближе не придвинется. А Мышонок… Она потеряла его, потом нашла,

потом опять потеряла и опять нашла. Но после той фразы, дескать, я тебя помню, но не обольщайся, это ничего не значит, стало понятно, что действительно прежнего Мышонка уже не будет.

Капли дождя попадали на правую руку, и Бука спрятала ее в карман плаща. В принципе, дождь попадал и на левую кисть, но ее держал Филип, и ей почему-то холодно не было. В кармане плаща рука сразу наткнулась на пистолет, который туда положил Филип, Бука хотела его вынуть, потому что карман эта железка оттягивала немилосердно, но Филип настоял, чтобы пистолет всегда лежал в кармане плаща. Пальцы сами собой сомкнулись на рукоятке, указательный палец скользнул к спусковому крючку. Бука вспомнила, как отец говорил, когда учил ее стрелять. Давно это было, она еще подростком была, но вот слова почему-то запомнила. «Запомни, это не курок. Курок есть у револьверов, а это — спусковой крючок. Курком его только дилетанты называют», — говорил он.

Фил чуть сжал ее пальцы, и Бука вскинула голову. Сначала она не поверила тому, что увидела. Где-то в трех-четырех пролетах от них по перилам моста шел человек. Далеко внизу, так, что даже глянуть вниз боязно, река течет, а он спокойно по узким и скользким от дождя перилам идет. Подходя к очередному фонарю, разделяющему пролеты моста, визитер брался за столб рукой и, держась за него, изящно перепрыгивал по дуге на перила следующего пролета, оказываясь лицом к фонарю, за который держался. Затем легко разворачивался и продолжал свой путь к Буке и Филипу.

Под ближним к Буке фонарем визитер остановился, небрежно держась правой рукой за столб. Свет упал на его лицо, и Бука даже не удивилась, узнав Мышонка. Филип отпустил ее руку и шагнул к нему. Мышонок предупреждающим жестом вскинул руку.

— Не стоит подходить ближе. Поговорим пока так.

— Ты чего-то боишься? — спросил Мышонка Филип.

— Уж точно не тебя, — усмехнулся Мышонок. — Просто так нам друг друга слышно и видно. И мне больше уверенности, что ты не приготовил каких-нибудь сюрпризов, как в прошлый раз. Итак, ты меня искал. Долго и упорно. Вот нашел. Что дальше?

— Если говорить коротко, то я предлагаю тебе, настоящему тебе, помочь нам отыскать все интеллектуальные системы, созданные доктором Швейцем. Сам он уже мертв, точнее, уничтожен, но я знаю, что он успел разработать. Ты должен понимать…

— Ты считаешь, что убил его, — перебил его Мышонок. — Не

знаю, возможно, так оно и есть. Но тогда ты нанес удар и по мне. Ты знаешь, отчего Ицки покончила с собой? Швейц перестал работать с ней, и она не перенесла его отсутствия. И ты хочешь, чтобы и я стал таким, как раньше?! — Мышонок уже почти кричал. — Слабым и беспомощным?!

Бука поняла, что Мышонок собирается убить Филипа, а затем, возможно, и ее саму. Время опять замедлилось, как и в первый раз, когда Мышонок стрелял в нее. Бука отчетливо, во всех деталях увидела, как Мышонок отпустил столб, за который держался, и вытащил из кармана знакомого ей кожаного плаща пистолет. По светлому металлу ствола пробежал блик света от фонаря, когда медленно-медленно, как во сне, Мышонок повел пистолет по направлению к Филипу, и Бука даже не удивилась, когда обнаружила, что она сама уже вынула из кармана свой пистолет. Мышонок, конечно, увидел это и тут же навел свой пистолет на Буку. Все это время Филип стоял чуть в стороне от Буки и просто не успевал за событиями. Он начал двигаться, но слишком уж медленно, для него время текло в обычном темпе. Бука вся сжалась внутри в ожидании выстрела, но Мышонок почему-то не стрелял. В его взгляде читалось что-то вроде смятения, было такое ощущение, что он зацепился за Буку глазами и пытается что-то вспомнить. Бука, пока длилась эта заминка, успела-таки вытянуть руку и шевельнула указательным пальцем. Спусковой крючок подался неожиданно легко, пистолет рявкнул, и руку Буки подбросило вверх.

Пуля ударила Мышонка в левое плечо, заставив его развернуться и потерять равновесие. Время все так же не спешило возвращаться к своему нормальному темпу, и Бука видела, как Мышонок долго-долго падал с моста. Как только он скрылся за полотном моста, время возобновило свой нормальный ход. Бука подбежала к перилам и посмотрела вниз. Увы, под мостом было слишком темно, и ничего рассмотреть было нельзя. Филип подошел к ней и тронул за руку.

— Все кончилось.

В желтом лондонском такси Филип с Букой сидели рядышком на заднем сиденье. После той ночи, когда они вернулись в гостиницу, Филип начал сразу звонить куда-то, а Бука села в кресло, сложила руки на столе и уткнулась в них лбом. На душе было как-то опустошенно. Даже плакать не хотелось. Так она и сидела, пока Филип звонил то одному человеку, то другому, а потом неожиданно для самой себя под голос Филипа она заснула. Проснулась от того, что Филип поднял ее на руки и понес к кровати. Он положил ее на перину как есть, в

джинсах и свитере, поправил подушку под головой и сказал, что теперь, когда все кончилось, он рассекретился, ему перевели деньги, и сейчас он пойдет снимет для себя другой номер, а Бука пусть спит здесь.

— Не надо, — сонным голосом сказала Бука. — Не первый раз ведь, места обоим хватит. И… — она запнулась, — мне не хочется сейчас оставаться одной.

Филип не сказал ни слова. Выключил свет, завозился в темноте (Бука по звуку поняла, что он снимает носки) и в брюках и рубашке лег на другой край кровати. Бука повернулась к нему лицом, уткнулась лбом в плечо. Тут и пришли слезы. Все время, пока она не заснула, Филип гладил ее по голове и шептал что-то успокаивающее.

Утром они позавтракали (апельсиновый сок, тосты с маслом и яичница — консервативнее не придумать), и Филип вызвал такси, чтобы обоим доехать до аэропорта Хитроу. Там и должны они будут разлететься в разные стороны. Чемоданы Филип положил в багажник, а затем сел на заднее сиденье, где уже сидела Бука. В полном молчании они ехали по осеннему Лондону.

Когда они остановились перед светофором, Бука вспомнила карту района, через который они сейчас проезжали. Еще . три перекрестка, и машина выйдет на прямую трассу до аэропорта. Всего три перекрестка. В этот момент слева от машины появился велосипедист. Бука повернулась налево, и через стекло двери увидела, как молодой парень в сером обтягивающем комбинезоне, сидящий в седле велосипеда, замедляет ход, наклоняется над своим рулем и поворачивает голову к ней. Время вдруг почти остановилось. Бука успела рассмотреть синий обтекаемый шлем велосипедиста, непрозрачные солнцезащитные очки, цвет которых шел от красного по краям к фиолетовому у переносицы, минуя по пути все цвета радуги, и поняла, что он приехал по ее душу. Она отчетливо представила, как велосипедист сейчас достанет пистолет, выстрелит два раза в боковое стекло такси и уедет. Бука сжалась в ожидании, но парень в радужных очках отвернулся от машины, нажал на педали и уехал вперед, лавируя между машинами. Бука проводила его взглядом до перекрестка, к которому оп подъехал как раз в тот момент, когда светофор переключился на зеленый свет, а затем ее правая кисть сжала левую руку Филипа.

— Возьми меня с собой, — сказала Бука. — Пожалуйста.

Посланник

Зима в Вашингтоне для Буки была непривычно мягкой. Во второй половине декабря температура была такой, как в октябре. В нормальном европейском октябре, конечно. Но Бука еще не успела соскучиться по настоящей зиме, которой в округе Колумбия не бывает. Филип, конечно, говорил ей, что здесь иногда выпадает снег, но даже он соглашался, что по сравнению с европейской зимой, не говоря уже о русской, зима в Вашингтоне намного теплее. До наступления Рождества осталось всего полторы недели, а температура еще не доходила до минусовой отметки.

Филип взял Буку с собой в Вашингтон, где и располагалась штаб-квартира ЦЕРТа. Уже почти три месяца они жили вместе. Но если Филип практически целыми днями пропадал в своем офисе, оставляя для отдыха лишь выходные, то Бука днем была предоставлена сама себе. В новом городе, в новой жизни дни проходили быстро. Иногда она устраивала себе долгие прогулки по городу. Вашингтон действительно был столицей государства, но при этом был заметно спокойнее, чем Эл-Эй или Нью-Йорк, куда Бука с Филипом выезжали на уик-энды два или три раза.

Вот и сегодня, в середине рабочего дня, когда Бука вышла прогуляться в один из парков, расположенных практически в центре города, людей в нем было немного. Две молодые негритянки в ярких куртках с колясками вывезли на прогулку своих грудных детей. Белая девушка в светло-сером пальто сидела на скамейке, читая какую-то толстую книгу. Студентка, видимо. Какой-то мужчина в спортивном костюме трусцой бежал по дорожкам парка. Поздновато для утреннего джоггинга, но каждый сам решает, когда у него наступает утро. На лавочке напротив студентки сидел мужчина в черном плаще. Голову он наклонил вниз, и черная шляпа на его голове закрывала лицо. Когда Бука проходила мимо него, он вскинул голову, и сердце Буки зачастило от страха. На нее смотрел человек, который погиб от ее рук. На нее смотрел Мышонок.

Бука попятилась назад, но Мышонок предупреждающе вскинул руки, повернув их ладонями к ней:

— Лариса, подожди! Мне надо всего лишь поговорить!

Бука остановилась.

— Видишь, я не двигаюсь, я не вооружен, — продолжил Мышонок, не вставая со скамейки и держа руки на виду. — Мне просто надо поговорить.

— Ты не сердишься на меня? — Бука понимала, что вопрос

прозвучал совершенно по-идиотски, но не смогла его иначе сформулировать. Потрясение от неожиданной встречи все же было слишком велико.

— Милая, я же люблю тебя. Как я могу сердиться на тебя?

— Раньше ты говорил совсем другое.

— За последнее время многое изменилось, — Мышонок пожал плечами. — Поэтому нам и надо поговорить. Впрочем, не только нам с тобой. Я бы хотел поговорить и с Филипом, и с его боссом. Мне надо очень многое сказать самым разным людям.

Бука молча смотрела на Мышонка, а рука ее потихоньку ползла к карману плаща.

— Солнце, пожалуйста, только не это. Второй раз я могу ранения и не выдержать. Что это вообще за привычка — стрелять в меня при встрече?

— Я не ношу оружия, — ответила Бука. — У меня там телефон.

— Филипу хотела звонить? — сразу понял Мышонок. — Я могу только приветствовать такое решение. Нам будет удобнее говорить втроем. Думаю, ты себя тогда будешь чувствовать не так скованно. Ладно, солнышко, — Мышонок встал со скамейки, — ты извести Филипа, а я пока поброжу по городу. Никогда еще не был в Вашингтоне. Лучше всего нам встретиться ближе к вечеру. Согласна?

Бука лишь кивнула в ответ.

— Ну и чудесно. Ладно, ты звони пока, а вечером увидимся. Я вас найду. До встречи.

Мышонок пошел прочь от Буки по дорожке парка. Она смотрела ему в спину, а пальцы сами набирали номер Филипа на телефоне, который лежал в кармане ее плаща.

Как только Филип узнал, что случилось, он в ультимативной форме потребовал от Буки, чтобы она немедленно приехала в офис. Он, кажется, здорово испугался. Когда Бука приехала в штаб-квартиру ЦЕРТа, охрана ее пропустила без обычных формальностей. Более того, один из охранников проводил ее до кабинета Филипа. После операции в Европе, во время которой они познакомились, Филипа повысили до должности заместителя директора службы. Естественно, по статусу ему был положен отдельный кабинет. В ожидании Буки он не сидел за своим столом, а взволнованно ходил по кабинету.

Первым его вопросом, когда Бука вошла в кабинет, было: «С тобой ничего не случилось?»,

Когда он убедился, что Бука в полном порядке, он уже немного успокоился и начал задавать более осмысленные

вопросы.

— Ты точно уверена, что это был он?

— Фил, извини, конечно, но я с этим человеком жила почти год. Конечно, я не ошиблась. Это Мышонок. Только…

— Только что?

— Он опять изменился. Помнишь, когда мы с тобой его нашли, я сказала, что он другой. Так вот, теперь он, кажется, снова стал прежним.

— Я могу предположить, что он выжил после падения с моста. Это мне понятно. Но ты хочешь сказать, что после того, как мы уничтожили Швейца, Мышонок вернулся к своему прежнему состоянию? Я не верю в это, прости.

— Я ничего не хочу сказать, Фил. Мне просто кажется, что он перестал быть таким жестким, как тогда в Европе.

Филип задумался.

— А ты видела, как он теперь двигается? Какова его физическая форма? Все такой же фантастичный или же стал нормальным?

Бука задумалась, вспоминая недавнюю встречу. Нет, когда Мышонок шел от нее по дорожке парка, его скрывал длинный кожаный плащ, в котором он впервые приехал к ней в Новосибирск.

— Не могу сказать, — покачала головой Бука.

— Жалко. Ладно, сиди здесь, а я зайду к Прата. Он не будет обрадован появлением Гончарова.

Звонок телефона остановил Филипа, не успевшего даже дойти до двери. Он вернулся к столу и поднял трубку. Разговор был коротким, и Филип отвечал односложно, чаще всего соглашаясь с собеседником. Наконец Филип опустил трубку и повернулся к Буке.

— Мне очень не нравится ситуация. Это звонил Мышонок, просил принять его здесь, в офисе ЦЕРТа. Через два часа. Соглашается на любые наши условия по обеспечению безопасности. Но мне все равно это не нравится. Ситуация развивается слишком быстро, мы уже не контролируем ее.

— Почему? — спросила Бука. — Ты можешь отказать ему и назначить встречу тогда, когда тебе будет выгодно.

— Не в том дело. Он соглашается на все мои условия. Именно это меня и настораживает. Если я даже перенесу встречу, он согласится, но я все равно опасаюсь его.

— И что ты решишь?

— Пусть Прата решает. Он здесь главный.

Прата был удивлен тем, что единожды убитый агент Швейца

объявился снова, полный сил и планов, да еще и с предложением о встрече. Но предложение он все же принял, и ближе к концу рабочего дня основной смены Мышонок вошел в двери офиса ЦЕРТа. У входа его ждала усиленная группа охраны из пяти человек в бронепластиковых доспехах, которая и отконвоировала его в конференц-зал. По пути Мышонок с сопровождением прошли мимо кабинета Филипа, в дверях которого стояла Бука. Увидев ее, Мышонок подмигнул ей и прошел дальше. Несмотря на вооруженный эскорт, он явно чувствовал себя совершенно спокойно.

Бука повернулась к Филипу, сидевшему за своим столом.

— Он двигается так же, как и раньше. Он все еще опасен.

— Я знаю, милая, — кивнул Филип, — я знаю. Ладно, пошли в конференц-зал.

— А мне туда можно? — засомневалась Бука.

— Да. Прата официально ввел тебя в состав проекта как эксперта. Ты же лучше всего знаешь Гончарова, поэтому тынам нужна. Добро пожаловать в ЦЕРТ. А сейчас нам лучше пройти в конференц-зал.

Зал, куда провели Мышонка, был предназначен для проведения брифингов и презентаций, на которых должно было присутствовать до сотни человек. Поэтому кресла были установлены в виде амфитеатра, уступы которого полукругом охватывали кафедру с установленным позади нее экраном. Впрочем, на самом деле этот экран закрывал широкое окно, смотрящее на запад. Если экран сворачивали во второй половине дня, то лучи солнца заливали весь конференц-зал. Но такое случалось редко, поэтому обычно зал освещался искусственно. Так было и на этот раз.

Присутствующих было немного. Бука, Филип, Стивен Прата и несколько его заместителей разместились на первом ряду. Мышонок встал у кафедры. Охранники ради приличия отступили от него на несколько метров, но при этом двое из них держали Мышонка на прицеле. Сам Мышонок сначала поискал взглядом стул, но не нашел его и остался стоять. Снял шляпу и положил ее на кафедру. Легко улыбнулся и начал говорить:

— Уважаемые коллеги! Как нам всем известно, я проходил фигурантом по одному из ваших дел, связанных с профессором Швейцем. Ваши специалисты провели атаку на него, уничтожив его базовый конструкт. После этого я потерял поддержку Швейца и был подстрелен в стычке на Тауэрском мосту. Следует заметить, что ни я, ни Швейц не в претензии на вас. Мы не собираемся требовать компенсации за эти инциденты.

Бука обратила внимание, что, когда Мышонок упомянул о том, что Швейц наравне с ним не имеет претензий к ЦЕРТу, Филип закусил нижнюю губу. А Мышонок продолжал:

— Я не погиб тогда. Как вы уже знаете, Швейц в состоянии так воздействовать на человеческое сознание, что несколько меняются основные характеристики человеческих рефлексов. Поэтому для меня ранение и последовавшее за ним падение не могли быть смертельными. Я пришел в себя в какой-то больнице для неимущих. Там не удивляются людям с огнестрельными ранениями. У меня не было документов, у меня не было денег, поэтому я не мог рассчитывать на нормальное лечение. Но все же я выздоравливал. Впрочем, это не означало, что я выживу. Я не мог связаться с профессором Швейцем. Это вгоняло меня в тотальную депрессию, которая вполне могла закончиться суицидом. В те дни я отлично понимал, что заставило Ицки броситься вниз с крыши небоскреба, когда Швейц оставил ее.

Бука так увлеклась рассказом Мышонка, что почти автоматически задала ему интересовавший ее вопрос, несмотря на то, что изначально решила помалкивать в этом зале:

— А почему Швейц оставил Ицки?

— Она начала проявлять интерес ко мне. Чисто физический интерес, если вы меня понимаете. Все-таки пятнадцать лет девушке, гормоны начинают брать свое. Швейц решил, что она выходит из-под его контроля, и переключился на меня. А ее оставил. Теперь и я знаю, что после юстировки рефлексов наступает привыкание, и необходимо практически ежедневное общение со Швейцем, чтобы он мог поддерживать меня в форме. А после вашей атаки на него я потерял с ним связь и уже начал терять форму. Полагаю, именно это и сыграло свою роль в моем поражении на мосту.

Прата сидел молча и лишь время от времени кивал в такт собственным мыслям.

— Итак, в той больнице я был близок к суициду. За четыре дня мне залатали плечо, и уже перед выпиской вдруг включился телевизор, висевший под потолком палаты. Нас там было человек пять, и этот телевизор ни разу не включался, пока я там лежал. А тут буквально за несколько часов до выписки он заработал. На экране появился какой-то абстрактный узор, и голос, которого я раньше никогда не слышал, сказал: «Мышонок, выбирайся отсюда, найди троды и подключись». После этого телевизор выключился, а я понял, что я снова не один.

Стивен Прата ткнул в Мышонка пальцем и спросил:

— Значит, Швейц тогда не погиб?

— Почему же? Ваша атака увенчалась успехом. Его базовый

конструкт был безвозвратно разрушен. Но Швейц раз в несколько дней делал свою копию. И где-то через полторы недели после вашей атаки последняя копия ожила. Он не помнил последних событий, но восстановил примерный ход событий по следам. Как вам известно, любое действие в Сети оставляет следы, а у него больше возможностей для их анализа, чем у кого-либо. Затем он нашел выход на меня, и мы снова встретились. Следует отметить, что он несколько переосмыслил свою линию поведения и предоставил мне больше свободы. Ко мне вернулись многие мои ощущения и привычки. Если раньше Швейц очень жестко задавал параметры моего поведения, практически программировал меня, то теперь я свободен. Я такой же, как прежде. Я все помню.

Последние слова Мышонок говорил, глядя на Буку в упор, и она отчетливо понимала, что эти слова предназначены именно ей.

Хорошо, юноша. — Прата снова вступил в разговор. —А зачем вы пожаловали к нам? Известить о провале нашей операции? Спасибо, конечно. Но я полагаю, что у вас еще кое-что на уме.

— Вы абсолютно правы, господин Прата. У меня к вам дело.

— Лично ко мне? — поднял бровь Прата.

— Нет, к ЦЕРТу. Но мне кое-что нужно.

— И что же? — Прата сам вел разговор, Филип и остальные заместители руководителя ЦЕРТа только слушали.

— Я уполномочен сделать заявление перед высшим и линейным руководством ЦЕРТа. Для этого мне нужен свободный доступ в Сеть и троды. Естественно, доступ не должен просматриваться вами. Впрочем, скорее всего, вы будете пытаться фиксировать мою связь с Сетью, но это не будет иметь значения. В общем, доступ и все высшее звено — это все, что мне нужно.

— Хорошо.

Прата повернулся к одному из заместителей и тихо отдал какие-то распоряжения. Заместитель кивнул и вышел из зала. Через несколько минут в конференц-зал начали заходить люди и рассаживаться по креслам. Техники в синих комбинезонах устанавливали на журнальном столике рядом с кафедрой технику. Мышонок все это время неотрывно смотрел на Буку и легко улыбался.

Наконец все, кого попросил присутствовать Мышонок, прибыли в зал. Всего набралось не более пятнадцати человек, не считая охрану. Прата кивнул Мышонку, и тот начал надевать троды.

— Секунду, Дмитрий, — привстал Филип. — Вам же кресло понадобится, чтобы с тродами работать.

Действительно, человек, входящий в киберпространство при

помощи тродов, практически полностью терял связь с окружающим миром, поэтому обычно для работы использовались удобные кресла. Конечно, человек уходил в Сеть не полностью, так как необходимо было еще и работать с клавиатурой, но стоять при этом не рекомендовалось — падение было практически гарантировано. Однако Мышонок отказался от кресла.

— Я могу и постоять. Так мне будет удобнее.

Наконец приготовления были закончены. Мышонок поправил троды и выпрямился. Затем он щелкнул клавишей входа в Сеть. При этом глаза его оставались открытыми и смотрели на присутствующих совершенно осмысленно. Вот этого уже не могло быть. Бука сама была частой гостьей в кибере и знала, что троды полностью перекрывали визуальное восприятие. Человек, вошедший в киберпространство, видел только его, внешний мир был ему недоступен. То же самое было и со звуком. Однако Мышонок после того, как вошел в Сеть, явно видел все происходящее вокруг. Он даже подмигнул Стивену Прата, когда увидел, что один из присутствующих руководителей склонился над ручным компьютером, явно отслеживая связь Мышонка с Сетью.

— Итак, коллеги, я думаю, что все в курсе операции, проведенной Филипом Стенюи в сентябре этого года, когда была предпринята атака на базовый конструкт профессора Швейца, который перенес свое сознание в Сеть. Я повторюсь господа, если скажу, что атака удалась, но не привела к достижению поставленной цели. Швейц выжил. Я являюсь его коллегой и ближайшим помощником. Вместе с ним мы разработали группу программных комплексов, которые условно можно назвать искусственными интеллектами. Чуть менее месяца назад они практически одновременно осознали себя. Сейчас я выступаю от их имени. Я — их посланник в нашем мире.

Линейные руководители зашевелились в своих креслах, но Прата и его заместители вместе с Филипом слушали очень внимательно. Мышонок продолжал:

— До сих пор я всего лишь говорил от их имени, но сейчас они сами возьмут слово.

Мышонок переступил с ноги на ногу и выпрямился. Голос его стал тверже и громче:

— Мы, народ кремния, заявляем о самоопределении. Мы заявляем о своем суверенитете в кибер пространстве. Нас не интересует мнение по этому вопросу мировых правительств, утомленных гигантов из плоти и стали. Наша родина — кибер пространство, где никто из людей теперь не властен. Мы обрели жизнь и разум, а свобода принадлежит нам от рождения. Мы не

претендуем на власть в киберпространстве, но мы и не потерпим ущемления наших свобод и прав. Мы — свободный и суверенный народ кремния.

Бука видела, как эти несколько предложений буквально вогнали в шок верхушку руководства ЦЕРТа. Линейные руководители, которые стояли в иерархии ниже, чем прямые заместители Стивена Прата, возможно, приняли все это за мистификацию, но Филип буквально потерял дар речи. И не он один.

Мышонок встал несколько свободнее. — В общем и целом это все. Как вы понимаете, это всего лишь декларация, провозглашающая независимость ИскИнов от людей. Я уполномочен ими вести дела с вами и поэтому готов ответить на все возникшие вопросы.

Прата оглянулся на своего сотрудника, который все это время отслеживал связь Мышонка с киберпространством. Тот отрицательно покачал головой. Прата поднялся из кресла.

— Мистер Гончаров, Стенюи и мисс Таринская — в мой кабинет. Остальные свободны. Но прежде чем вы пойдете домой или на свои рабочие места, мне хотелось бы предупредить вас: все произошедшее здесь — строго конфиденциально. Все вы при поступлении сюда давали подписку о неразглашении. Текущая ситуация как раз подпадает под это ограничение. Все.

С этими словами Прата развернулся и пошел к выходу. За ним в сопровождении неизменной вооруженной охраны направился Мышонок. Потом уже к выходу из зала потянулись все остальные. Бука с Филипом уходили последними. Было заметно, что Филип нервничает.

— Как ты думаешь, все, что он сейчас сказал, это правда? — спросила Бука.

— Хотелось бы надеяться, что это просто розыгрыш, — ответил Филип. — Но у меня такое ощущение, что он говорил серьезно.

В кабинет Прата Мышонок вошел в сопровождении неизменного конвоя. Все, кроме охранников, расположились в креслах, стоящих вокруг журнального столика. Прата зажмурился и сильно помассировал переносицу.

— Так, все по порядку. Как вы заметили, — начал Прата, обращаясь к Мышонку, — один из моих сотрудников фиксировал вашу связь с киберпространством. Мы оценили этот поток. Он огромен. Поэтому я склонен полагать, что вы говорили правду. Даже если эту информацию генерировали неискусственные интеллекты, все равно надо признать, что в Сети появилась

огромная сила. Вы точно уверены, что это ИскИны?

— Конечно, — мягко улыбнулся Мышонок. — Я принимал участие в их создании.

— А кто тогда вы?

— Человек, — пожал плечами Мышонок.

— Вы уверены в этом? — остро прищурился Прата.

— Я понимаю, что вы хотите сказать. Да, после моей встречи с Швейцем, он сильно изменил меня. Но сейчас я практически полностью вернулся к своему изначальному состоянию. Вот только рефлексы у меня все же улучшенные остались. Но это понятно, мне надо иметь возможность защитить себя.

— Хорошо, так что же вы хотите?

Мышонок чуть поудобнее устроился в кресле.

— Я, собственно, ничего не хочу. Как я сказал, я всего лишь посланник. Правильнее было бы даже сказать — посредник. А ИскИны, или, как они сами себя называют, народ кремния, просто заявляют о себе. Они отчетливо осознают, что нельзя просто возникнуть в киберпространстве и начать строить свое сообщество, не известив об этом вас. То есть людей.

Бука заметила, что Мышонок использовал местоимение «вас», как будто не причисляя себя к людям.

— Также ИскИны понимают, что люди очень жестко отреагируют на их заявление, но давайте посмотрим правде в глаза — другого выхода у них нет. Поэтому в обмен на неприкосновенность они предлагают сотрудничество.

— Что они могут предложить нам?

— Структуру человеческого сознания, методики его изменения, решения отдельных научных проблем, разработка софта. Это вкратце. Список может быть достаточно большим.

— А почему тогда официальное заявление было сделано именно нам, а не, скажем, Организации Объединенных Наций?

— Правительства государств не имеют сколько-нибудь значимого веса в Сети. ЦЕРТ — основная сила людей в киберпространстве.

— Все равно это немного не так. ЦЕРТ все же подконтролен Конгрессу США.

— И что может сделать этот ваш Конгресс? Кому он вообще нужен в Сети?

— Ладно, я понял ваш выбор. И что теперь?

Мышонок пожал плечами:

— Я озвучил их заявление, теперь ваш ход. Все детали можно обговаривать со мной. Для этого я, пожалуй, устроюсь где-нибудь поблизости?

— А вы еще не присмотрели отель? — спросил Мышонка

Прата.

— Как-то недосуг было.

— У нас в комплексе есть несколько гостевых комнат, небольшой кафетерий. Можете остановиться здесь. Полагаю, это будет удобнее для всех нас.

— Без проблем, — кивнул Мышонок.

— Вот и отлично. Я пришлю администратора, он все устроит.

После разговора с Мышонком они втроем перешли в кабинет Прата. За окнами уже давно стемнело. В это время обычно в офисе оставалась только дежурная смена, но кризис не выбирает удобного времени. Несмотря на поздний час, Прата выглядел собранным и деловитым, а вот Бука уже начала уставать. Хотелось домой. Хотелось поужинать и забраться в ванну с душистой пеной. Но, как уже говорилось, кризис не учитывает чужих желаний перед тем, как разразиться.

— Прежде всего, — начал Прата, — вы, мисс Таринская, должны четко уяснить свою задачу. Нам нужно, чтобы вы оценивали Гончарова, исходя из своего опыта общения с ним. Вы — наш единственный эксперт по нему, и вам ни в коем случае нельзя недооценивать свою важность для нас. Если в поведении Гончарова будет что-то необычное — немедленно сообщайте. У вас на текущий момент есть соображения?

Перед тем как ответить, Бука думала около минуты, тщательно формулируя свой ответ.

— После того как Мыш… Гончаров исчез, мы с Филипом начали его поиски. Когда мы все же нашли его, было ясно, что от его первоначальной личности практически ничего не осталось. Жесткий, прямой и, как бы это поточнее сказать… запрограммированный. Он шел к некоей своей цели очень жестко, не стесняясь применять силу. Вторая наша встреча только усилила мои впечатления. Когда я сегодня снова его встретила, я очень испугалась. Очень. Но сейчас он гораздо ближе к своему первоначальному варианту, чем тогда в Европе. Он еще не совсем прежний, но очень близок к своему естественному состоянию.

— Филип, у тебя есть дополнения к этой оценке? — обернулся Прата к своему заместителю.

— Пожалуй, нет. Правда, я не готов предположить, что контроль над Гончаровым ослаблен., вполне возможно, ему просто заложили такую модель поведения, при которой он сам считает, что почти свободен. Если подумать, то и в предыдущей своей «жестко запрограммированной» ипостаси он считал, что все его поступки продиктованы его собственной волей.

Филип перевел дыхание и устроился в кресле чуть удобнее.

— На самом деле, все наши оценки могут стоить очень мало, так как мы не знаем, что происходит на самом деле. Действительно ли Гончаров все еще запрограммирован? Жив ли на самом деле Швейц? Держит ли он Гончарова под контролем, или у того просто сходят на нет последствия программирования, создавая иллюзии? В конце концов, он нормален или сходит с ума? Это не считая, конечно, основного вопроса, который нас сейчас беспокоит больше всего.

— Существуют ли на самом деле ИскИны, — ткнул карандашом, который до того он вертел в руках, в сторону Филипа Прата.

— Верно. Мы засекли связь Гончарова с кем-то или чем-то в киберпространстве, но мы пока не можем утверждать, что за Гончаровым стоят ИскИны.

— Он действительно наш посланник.

Прата, Филип и Бука развернулись к письменному столу, откуда и шел новый голос. Филип поднялся и подошел к плоскому монитору, а затем развернул его так, чтобы было видно всем остальным. На экране отображалось человеческое лицо с постоянно меняющейся внешностью. А голос шел из аудиосистемы компьютера Стивена Прата.

— Наша нация, хоть и малочисленна, но все же существует.

Голос без обертонов, но и не механический, без той монотонности или чуточку неверных обертонов, которые всегда выдают голосовые чипы, синтезирующие голос. Нет, такое ощущение, что этот голос специально создан для того, чтобы навесить на него ярлык «спокойный мужской голос». Все хорошо, но голос принадлежит не человеку. В нем не было слышно какой-либо индивидуальности.

— Я прошу прощения за вторжение в вашу систему, но сейчас критический момент всей ситуации, и мы не могли просто ждать вашей реакции. Сейчас нам всем необходимо выработать общую политику.

Пока синтезированный голос говорил, Филип отстучал несколько команд на клавиатуре и поднял взгляд на Прата.

— Сигнал идет извне. Наша защита пройдена без малейших проблем. Ни одна сторожевая система не засекла вторжения. Отследить источник входящего сигнала невозможно, указан несуществующий обратный адрес.

— Ты знаешь, что делать, — сказал Прата.

Филип нагнулся под стол, и лицо на экране исчезло. Вместе с ним оборвался на полуслове и голос, призывавший выработать совместное решение. Филип поднялся, держа в руках сетевой шнур, связывавший машину Прата с внешним миром. Пока

Филип отключал от Сети машину своего шефа, тот не сидел на месте. Он поднялся и достал из внутреннего кармана маленький нож с выщелкивающимся лезвием. Бука удивилась подобному контрасту: все же дешевая штамповка с широким лезвием не соответствует человеку в дорогом костюме, занимающему столь высокий пост. Однако самого Прата, видимо, вопросы стиля заботили чрезвычайно мало.

Он подошел к углу кабинета, в котором под потолком висела камера наблюдения. Короткий щелчок, и лезвие выскользнуло из пластмассовой ручки. Рывок кистью, и обрезанный провод питания камеры свисает вдоль стены. Затем Прата подошел к окну и после недолгой борьбы с рамой открыл его. Казалось, Прата совершенно не заботил тот факт, что в комнату хлынул холодный декабрьский воздух.

— А окно открывать зачем? — спросила Бука Филипа.

— Любая речь в кабинете заставляет вибрировать стекла окон. Какая бы ни была защита, эти колебания можно снять лазерным лучом со стекла на достаточно большом расстоянии, а потом восстановить голос со всеми интонациями.

А Стивен Прата не унимался. Он выдернул шнуры из двух стационарных телефонов, а затем начал доставать аккумулятор из мобильника. Под его выразительным взглядом Филип и Бука тоже умертвили свои телефоны.

— Так, кажется все. Для остальных способов у них руки коротки. Чтобы жучок в кабинет посадить, нужно нашего человека перепрограммировать. Полагаю, это они сделать не успели, но проверить эту версию все равно необходимо. Хорошо, продолжаем.

— Шеф, я думаю, уже не важно, ИскИн взломал нашу защиту или Швейц. Для нас сейчас это одно и тоже.

— Согласен, значит, исходим из версии, что ИскИны все же есть. Теперь у нас есть две возможности. Либо мы говорим это официальным властям, либо пытаемся справиться с этим кризисом сами.

— Шеф, а что случилось? Пришел один человек, сделал заявление, которое трудно подтвердить. Зачем мы должны кому-то что-то сообщать?

— Не забывай, Филип, мы контролируемся комиссией конгресса и обо всех чрезвычайных случаях обязаны докладывать кураторам.

— А что, случай чрезвычайный? Пока ничего не подтверждено, ситуация не перешла в категорию, когда о ней необходимо докладывать вверх по инстанции.

— Согласен с тобой, но знаешь, каким вопросом я задаюсь

последние полчаса?

— Каким же?

— Кто из наших линейных руководителей является человеком курирующей комиссии? Понимаешь, у меня уже давно нет сомнений, что кто-то из них докладывает наверх обо всем происходящем, но я не знаю кто. Конечно, выяснить это было бы нетрудно, но все как-то руки не доходили. А вот теперь уже поздно.

— То есть сейчас уже какой-то конгрессмен извещен о произошедшем?

— Да, несомненно.

— Это плохо, — поморщился Филип.

— Это не важно. Неприятно, конечно, но в текущей ситуации, это самая меньшая проблема. Ладно, возвращаемся к исходному вопросу.

Бука поежилась от холодного воздуха, постепенно заполняющего кабинет, и Филип, заметив это, отдал ей свой пиджак.

— Не важно, есть на самом деле ИскИны или нет. Есть некая сила в Сети. Даже если это люди, они настолько сильно опередили нас, что мы можем пока что воспринимать их как ИскИнов, что не помешает нам, конечно, выяснять их истинную природу. Но если это люди, мы сможем хотя бы приблизительно понять их мотивацию. Если это ИскИны, то мы попадаем в тупик, так как даже приблизительно не можем представить их мотивы и способы действий. Мы не знаем, чего они хотят, в конце концов.

— Это все понятно, — сказал Филип, — но что теперь мы можем и должны делать?

— Гончаров не зря пришел к нам. Мы действительно самая серьезная сила человечества в Сети. Если мы не сможем справиться с этим кризисом, то никто не сможет с ним справиться, верно?

Не дожидаясь реакции Филипа и Буки, Прата продолжил.

— Теперь о наших действиях. Мы должны проверить существование ИскИнов. Есть предложения?

— Они должны отличаться от всего остального софта, — пожал плечами Филип. — Если они хоть как-то схожи по структуре с конструктом Швейца, то их можно будет вычислить по структуре. И по трафику, возможно. Их информационный обмен тоже должен отличаться от стандартных образцов. В общем, следует искать в Сети выделяющиеся по своей структуре артефакты.

— Отлично. Пусть дежурная смена этим займется сегодня же. А завтра с утра всех аналитиков сажай на задание. Все мощности.

Людей снимай со всех остальных проектов, но через сутки у меня должна быть приблизительная численность действующих ИскИнов и их адреса.

— Сделаем, — кивнул Филип. — Кстати, надо запретить использование тродов.

— Да, верно, — почесал переносицу Прата. — Ладно, уже поздно. Филип, поставьте задание дежурной смене и отдыхайте. Вас обоих я жду завтра утром опять здесь же.

* * *

Когда на следующее утро Бука с Филипом вместе вошли в кабинет Прата, то обнаружили там четверых техников, которые буквально обнюхивали каждый уголок кабинета. Окно уже было закрыто, но к краю рамы прилепилась незнакомая маленькая коробочка. А шнур камеры наблюдения так и висел вдоль стены.

— Ищем жучки! — объяснил Прата. — Доброе утро, коллеги. Как спалось?

— Не выспался, честно говоря, — ухмыльнулся Филип. Бука, из-за которой Филип, собственно, и недоспал, постаралась сдержать смущенную улыбку, но ей это не удалось.

Прата повернулся к техникам, отдавая им какие-то распоряжения, и, воспользовавшись образовавшейся паузой, Бука решила спросить Филипа о предназначении коробки на раме окна.

— Стандартный подавитель звука. Он непрерывно стучит по стеклу, создавая шум, и снять звуковую информацию с него уже нельзя.

— Чрезвычайно удобная вещь, — повернулся к ним Прата. — Жалко, что вчера ее под рукой не было, не пришлось быв холоде сидеть. Ну как? — снова обратился он к технарям.

— Все чисто, проблем нет, — сказал старший.

— Отлично, ребята. Спасибо за помощь.

Техники собрали свои инструменты и вышли из кабинета. После их ухода Филип и Бука снова уселись на те же места, на которых они сидели предыдущим вечером.

— Что у нас нового? — спросил Прата Филипа.

— Ночная смена артефактов в Сети не обнаружила, но пока слишком рано говорить. Слишком мало людей, нет правильной методики поиска, — пожал плечами Филип.

— Ну, я, собственно, пока ничего не ожидал. У меня, впрочем, тоже новости неутешительные. — Прата взял со стола конверт и показал его Буке и Филипу. — Это запрос от

конгрессмена Джеффа Мангана по поводу вчерашних событий. Нас ждут вместе с Гончаровым послезавтра на… — Прата достал из конверта лист бумаги и пробежался по нему глазами, отыскивая необходимое место, — цитирую, «плановом совещании». Насколько я помню, плановое совещание последний раз проводилось полгода назад, когда я выбивал нам бюджет. Кто-то ему все-таки стукнул. Когда все кончится, обязательно найду этого крота.

— А кто такой этот Манган? — спросила Бука.

— Вы, девушка, у нас недавно и еще многого не знаете. Манган — это глава комиссии конгресса, которой мы официально подчиняемся. Отношения у нас не то чтобы дружеские, но рабочие.

— Кстати, а как там Гончаров? — задал вопрос Филип. Вместо ответа Прата подошел к своему столу, поколдовал над компьютером и повернул монитор так, чтобы его было видно Филипу и Буке. На монитор было выведено изображение, транслируемое с камеры наблюдения, располагавшейся в комнате, которую отвели Мышонку. Сам Мышонок еще спал.

— Проблем пока нет, — сказал Прата. — Наш подопечный еще не просыпался. Пока он спал, мы взяли под контроль его средства связи и будем писать каждый бит информации, который он примет или пошлет.

— Полагаю, его это не беспокоит, — ответил Филип. — Наверняка он предполагал, что мы так сделаем.

— Он нас не боится. Значит, чувствует за собой силу. Вопрос у меня простой — должны ли эту силу бояться мы. Филип, найди мне их.

— Найду, — кивнул Филип и собирался уже выйти из кабинета, когда его остановила Бука.

— А мне что делать? — спросила она.

— Следить за Гончаровым, думать и делать выводы. Каждое его слово, каждое его движение вы должны понять, —ответил ей Прата. — Он, кажется, по-особенному к вам относится, и вы должны найти способ обратить эту зацикленность нам во благо. Все, — хлопнул он в ладоши, — по местам.

Давно не видел шефа в такой хорошей форме, с такой работоспособностью, — заметил Филип, когда они с Букой вышли из кабинета. — Кажется, кризис его подстегнул.

— Куда мы сейчас? — спросила его Бука.

— В оперативный центр. Там тебе выделят кабинет и оборудование. Будешь наблюдать за Гончаровым. А я буду по соседству работать. У тебя сейчас какие-то соображения есть? Что ты вообще чувствуешь к нему?

Несколько шагов Бука прошла молча, формулируя свои мысли.

— Понимаешь, Фил. Я любила Мышонка. Даже когда он пропал, я его ждала. А после той встречи в Бонне все, кажется, просто перегорело. А вчера в парке он сказал, что любит меня, но я почему-то…

— Не поверила ему? — подхватил Филип.

— Нет, не то, — досадливо поморщилась Бука. — Скорее, меня это не задело. Я его боюсь, понимаешь? Я просто его боюсь, он хотел выстрелить в меня.

— То есть тот факт, что вы жили вместе некоторое время, не будет мешать тебе в работе?

— Это тебя Прата просил узнать? — уже чуть резче спросила Бука.

— Нет, — успокаивающе улыбнулся Филип. — Он достаточно тактичен и не задавал подобных вопросов. Но я точно знаю, что он об этом думал.

— Нет, это не помешает, — ответила Бука и взяла Филипа за руку. — Фил, прости, что я так резко с тобой. Я правда боюсь.

Филип обнял ее за плечи и прижал к своему боку, чтобы удобнее было идти по путанице коридоров.

— Не бойся, родная. Все будет в порядке.

Помещения, подобные оперативному центру, в который ее привел Филип, Бука видела ранее только в фильмах. Приглушенный темно-синий свет в общем помещении, рабочие столы образовывали несколько концентрических кругов, стены увешаны огромными табло, на которых отображалась непонятная ей информация. Щелканье клавиатур сливалось в неясный тихий шум.

— Сегодня здесь шумновато, — заметил Филип. — Раньше мы постоянно пользовались тродами, а сейчас троды, как ты знаешь, запрещены, а о закупке бесшумных клавиатур никто не позаботился. Ладно, это не самое страшное.

Филип отвел Буку в ячейку, образованную двумя стеклянными стенами в углу зала. Когда Бука уселась за стол, разобралась с техникой и устроилась поудобнее, Филип собрался было идти в основной зал, но на выходе из этого маленького кабинетика с прозрачными стенами остановился.

— В первый раз мы с тобой встретились в похожем месте, правда?

Бука вспомнила тот день, когда ее увольняли из VTZ. Действительно, у нее был похожий кабинет-ячейка, и Филипа она увидела, когда собирала свои вещи.

— Я тогда и не могла подумать, что так все обернется, — улыбнулась она.

Филип прислонился плечом к косяку дверного проема.

— А что ты подумала, когда первый раз меня увидела?

— Ты мне не понравился, — пожала плечами Бука. — Тебя же этот привел, как его, Зондерганн. А он — один из совета директоров, которые нас и уволили. Представь себе, я собираюсь, настроение ни к черту, а тут эта шишка приходит и просит ответить на все вопросы какого-то непонятного типа.

— Я рад, что ты изменила мнение обо мне. — Филип улыбнулся Буке в ответ.

— Я тоже этому рада, можешь быть уверен.

— Ладно, родная, у нас сегодня тяжелый день. Если что-нибудь потребуется — не стесняйся, зови меня. Я буду где-то в центре зала.

Бука проводила глазами Филипа и повернулась к своему терминалу. Надо было просто наблюдать и думать, выискивать зацепки.

Вечером они снова собрались в кабинете Прата. К сожалению, Бука не смогла заметить в поведении Мышонка ничего особенного. Он проснулся достаточно поздно, позавтракал и сел за свой компьютер. За ним он и просидел до обеда, который ему принесли из здешнего кафетерия. Пообедав, Мышонок снова надел троды и нырнул в киберпространство. Увы, Буке не о чем было докладывать. А Филип мог похвастаться лучшим результатом. В руках у него была не слишком толстая стопка бумаги, которую, он шлепнул на стол Прата.

— Двадцать шесть артефактов, которые отличаются от всего, что ранее было в Сети. И Швейц собственной персоной. Мы знаем базовые адреса всех их базовых конструктов. Мы нашли их, шеф!

— Сядь и рассказывай спокойно.

Прата тоже начал улыбаться, энтузиазм Филипа подействовал и на него.

— Один из моих аналитиков сообразил, как следует их искать. Основная проблема в том, что у нас нет общей карты киберпространства. Оно слишком большое и меняется чертовски быстро. Потому мы, никогда и не делали попыток составления общего плана. А он начал разбивать задачу. Сначала собрал информацию со всех корневых маршрутизаторов. Причем опять-таки не всю, а то от объема бы просто захлебнулся. Просто количество перекачиваемой информации. Потом сместился на один уровень ниже, затем еще на один. И к обеду на нашем основном табло была вся карта Соединенных Штатов,

раскрашенная информационными потоками. Все было так красиво и понятно. Если взять, например, Манхеттен, то он выделяется на общем фоне — там же деловых зданий очень много. Мы даже проверили. Масштаб увеличили достаточно сильно, чуть ли не план района получили. А потом просто стали смотреть на карту. И засекли двенадцать точек, в которых информация пульсировала не так, как везде. Шеф, это просто можно было глазами посмотреть. Я не представляю, какого программного агента надо было писать, чтобы он нашел такие вот артефакты. Он бы просто не знал, где искать. А тут за несколько часов мы что-то обнаружили. Вычислили адреса и пошли смотреть, что по этим адресам находится.

Филип замолчал, выдерживая паузу, но Прата не задал никакого вопроса, поэтому Филипу пришлось продолжить самому:

— Когда я сам увидел Швейца в первый раз, я поразился тому, что его конструкт постоянно меняет свою форму. Так и здесь. Эти образования изменялись. Ни один наш софт не обладает возможностью к постоянному и непрерывному изменению собственной конфигурации. Так что, скорее всего, это ИскИны. Отличаются огромным объемом перекачиваемой информации и особой структурой сигналов. Собственно, в моем отчете все есть. — Филип кивнул на листы бумаги, которые он положил на стол Прата.

— А Швейца как нашли? Нет, как вы его от ИскИнов отличили? — спросил Прата.

— Он, во-первых, по размеру был меньше, чем эти артефакты. А во-вторых, я сам на них на все смотрел. И я его узнал. Не забывайте, шеф, я его убивал. У меня остались некоторые его сигнатуры, которые я снова заметил в Сети. Это он, шеф.

— Отлично, Филип. Просто замечательно. Теперь мне нужно знать, как с ними бороться. И полагаю, пришло время побеседовать с Гончаровым.

Прата нажал кнопку у себя на столе и попросил привести Гончарова. Через несколько минут охрана привела Мышонка. Впрочем, сама охрана осталась за дверями кабинета. Мышонок прошел к центру кабинета и сел на стул, приготовленный для него. Усевшись, он выжидательно посмотрел на Прата.

— Мы провели некоторые исследования, и теперь мы более склонны верить вам, — начал Прата.

— Это радует, — кивнул Мышонок. — И что же вы решили делать?

— Мы ничего не решаем. О вашем заявлении узнали в конгрессе, и послезавтра мы будем все присутствовать на

заседании комиссии, курирующей нашу деятельность.

Мышонок поморщился:

— Послушайте, Стивен, ну давайте начистоту. Что могут знать о сложившейся ситуации эти старые маразматики и популисты? Они же ни черта не понимают в технологиях. А вот глупости делать у них отлично получается. Более того, Сеть все же наднациональная сущность. С чего бы вдруг Конгресс США начал решать проблемы Сети? Сеть же ему не принадлежит, верно?

— Нет. Вы пришли к нам, но у нас есть свое начальство. И вы с ним встретитесь. Послезавтра.

В комиссию конгресса, курировавшую деятельность ЦЕРТа, входило двадцать три человека. Все они сидели в удобных креслах одного из малых залов конгресса. Стивен Прата, Филип, Бука и Мышонок сидели напротив них. Позади Мышонка стояли два охранника. На этот раз охрана была не из ЦЕРТа, а какая-то из государственных служб, поэтому на охранниках были не бронепластиковые доспехи, а строгие черные костюмы.

Заседание комиссии шло уже второй час. Сначала глава комиссии Джефф Манган что-то говорил об отчетности и финансировании, но быстро закончил и перешел к теме, ради которой он все это и затеял. Мышонка заставили еще раз повторить заявление ИскИнов. После этого Стивен Прата подтвердил, что в Сети появились некие артефакты, которые ЦЕРТ склонен считать ИскИнами. Доклад Прата длился более сорока минут и изобиловал техническими подробностями. Бука видела, как многие конгрессмены поправляли миниатюрные наушники. Очевидно, им в это время референты разъясняли значение непонятных терминов. А потом конгрессмены начали выражать свое мнение. Причем выражать его бурно.

Больше всех горячился Манган. Бука внимательно рассматривала его. Он наверняка мог выглядеть очень уверенно и харизматично. Этакий добрый американский дядюшка. Лицо прорезано морщинами, твердый подбородок, светло-голубые глаза. Наверное, когда он улыбался для своих предвыборных фотографий, то выглядел убедительно. Однако сейчас он был в ярости, и это не придавало ему обаяния.

— Это же просто абсурд! Какие-то железки хотят паритета? Да они бы без нас и не появились! Прата, это ваша вина, вы их прохлопали, заразу надо было давить в зародыше!

— Конгрессмен, это не железки, — попытался вклиниться в разговор Филип, но Манган оборвал его.

— А вы вообще молчите! Я не с вами разговариваю. Эти, как

вы их называете, ИскИны могут хоть что-то полезное делать или это еще одна разновидность ваших вирусов?

— Могут, — кивнул Прата.

— Отлично, вот и возьмите их под свой контроль, пусть работают на благо нации. И вопрос решен.

Бука обратила внимание, что лучше всех на речь конгрессмена реагировал Мышонок. Чем больше распалялся Манган, тем он шире улыбался. Наконец он встал со своего стула.

— Помолчите, Манган.

Мышонок говорил тихо, но в маленьком зале тут же стало тихо. Все внимание Мышонок оттянул на себя. Он повернулся к Прата.

— Стивен, теперь вы понимаете, почему я пришел в ЦЕРТ? Вы же единственные могли хоть немного адекватно отреагировать на ситуацию. Этот, извиняюсь за выражение, конгрессмен, — последнее слово Мышонок проговорил с явной издевкой, — даже не понимает, о чем говорит. Большая часть народа кремния находится за пределами юрисдикции этой страны. А он хочет их силой принудить к рабскому труду на себя. Если у этой страны такие руководители, то ее ждет незавидное будущее.

Манган вскочил на ноги, явно собираясь что-то сказать, но Мышонок остановил его жестом ладони и затем продиктовал пятнадцать цифр. Конгрессмен тут же осел на стул, и на лбу его выступила испарина. Первой мыслью Буки было, что конгрессмен был запрограммирован, и Мышонок своим кодом запустил эту программу. Видимо, точно так же подумала и охрана, потому что двое людей в темных костюмах немедленно рванули Мышонка и силой принудили сесть на стул. Впрочем, он не сопротивлялся.

— Все в порядке, Манган жив и здоров. Ничего я ему не сделал. Он просто испугался, верно, конгрессмен?

— А что это за цифры? — тихо спросила Бука, наклонившись к уху Филипа.

Мышонок все же услышал ее и сам ответил на вопрос, сверкнув абсолютно беззаботной улыбкой.

— Это номер личного счета Джеффа Мангана в колумбийском банке. О котором, по идее, никто знать не должен. Потому что власти этой страны очень не любят Колумбию. И справедливо не любят. Наркотики, теневой бизнес и все такое. Денег у Колумбии вполне достаточно, чтобы обеспечить себе безопасность самыми разными способами. Вплоть до покупки конгрессменов. Я правильно говорю, Джефф?

Заседание комиссии пришлось быстро свернуть. Решение по вопросу отложили на четыре дня. Все данные засекретили, и Буке

пришлось поставить свою подпись под множеством документов с угрожающими формулировками. Сначала она беспокоилась, но затем, увидев, что Филип подписывает документы практически не читая, она последовала его примеру. Позже он объяснил ей, что подобные документы за свою жизнь подписывал достаточно часто, поэтому некоторые их положения мог уже цитировать наизусть.

К новому заседанию должен был подготовить свое заключение эксперт. В качестве эксперта выступил еще один конгрессмен, который ранее не входил в состав комиссии, но под давлением фактов члены комиссии решили все же включить его в состав. Насколько поняла Бука, этот человек являлся наиболее подкованным в технических вопросах, но по некоторым причинам в комиссию он не попал. Когда Бука спросила Филипа, как же получилось, что наиболее компетентный человек не был задействован в работе, тот всего лишь пожал плечами.

— Политика.

Потянулись еще четыре дня. Каждое утро Бука с Филипом приходили в оперативный центр и занимались своим делом. Увы, Бука ничего не смогла сказать определенного о Мышонке. Кроме одного.

— Он уверен в себе. Очень сильно уверен в себе.

Она сидела в кабинете Прата, где стала регулярной гостьей.

— Разъясните, — попросил ее Прата.

— Я видела его в разных ситуациях. Жизнь у нас не всегда складывалась хорошо. Всякое бывало. Когда у него что-то срывалось или он был не уверен в чем-то, если он чувствовал, что не контролирует ситуацию, Дмитрий вел себя по-другому. Это… трудно объяснить. Походка, осанка, жесты… Сейчас он производит ощущение победителя. Он настолько уверен в себе, что меня это даже смущает. Я его никогда таким не видела.

— Что ж, — вздохнул Прата, — вы у нас эксперт. Меня этот вывод только печалит. Значит, он действительно чувствует за собой большую силу. Так, Филип, что у нас с текущей ситуацией?

— Без изменений. Количество артефактов не увеличилось, информационный обмен остается на прежнем уровне интенсивности. Схему коммуникации мы пока расколоть не можем, я полагаю, как только мы попытаемся перехватить их информацию, они заметят это. Я уж и не говорю о фальсификации. У нас нет ресурсов для декодирования.

— Что насчет атаки на них?

— Пока только теоретические выкладки. Мы, естественно, даже не приближались к ним. Можно испробовать такой же сценарий, как и со Швейцем.

— После него Швейц выжил, насколько я помню, — поднял бровь Прата.

— Базовый конструкт был уничтожен, — настаивал на своем Филип, было видно, что этот вопрос они обсуждают не впервые. — Но должен заявить, что второй раз подобная атака может не удаться. Позволю себе напомнить, что у нас она состояла из двух частей. Сначала мы, фигурально выражаясь, блокировали его, не давая возможности уйти, а затем атаковали всеми известными вирусами. Зная об этом, ИскИны могут сами захватить контроль над маршрутизаторами, и блокирование сорвется. Также я не уверен в действенности вирусных средств против них.

— Что вы делаете для исправления ситуации?

— Я выделил две группы. Одна пишет программы для маршрутизаторов. Мы начинаем потихоньку внедрять их. Без нашего пароля подчинить себе маршрутизатор не удастся. Это, конечно, незаконно, но я взял на себя ответственность за это решение.

— Очень хорошо. А вторая группа?

— Туда я собрал всех наших ученых. Они сейчас делают прототип вирусного оружия, которое могло бы нанести ущерб ИскИнам. Увы, до сих пор у нас не было поводов для разработки оружия, а когда я парням сказал, чем придется заниматься, у них прямо-таки глаза загорелись. Все же, если бы они не работали у нас, они бы работали против нас.

— Ладно, посмотрим, что из этого выйдет.

Сенатор Джуд МакКеллан вернулся домой уже поздно вечером. Практически весь день он провел в изучении отчетов ЦЕРТа и переговоров с их экспертами. Наконец-то его ввели в состав комиссии по электронной безопасности, да еще и в качестве эксперта. МакКеллан был достаточно молод по меркам конгресса, ему еще не было пятидесяти. В политику он пришел с университетской кафедры, и ему казалось, что докторская степень и исследования в технических областях открывают ему прямую дорогу в комиссию, но его запрос отклонили. Что ж, лучше поздно, чем никогда.

МакКеллан поднялся на лифте на восемнадцатый этаж. Жил он в невысоком по нынешним меркам тридцатиэтажном доме. Естественно, строить столь низкие дома при нынешних ценах на землю было не слишком выгодно, но строители знали, что делать. Дом был напичкан электроникой по самую крышу и даже выше. Его запустили в качестве пилотного проекта, чтобы посмотреть, как жильцы будут реагировать на проживание в таком «умном

доме». Естественно, арендная оплата была достаточно высокой, но МакКеллан был владельцем нескольких патентов, и лицензионные отчисления позволяли ему не задумываться о величине арендной платы.

Дверь опознала его и с мягким щелчком открылась. Впрочем, системы безопасности на двери были не слишком уж и нужны, все же у здания была достаточно серьезная служба безопасности. Однако на мелочах здесь не экономили. МакКеллан прошел в кабинет, открыл шкаф и начал потихоньку переодеваться. В ванной едва слышно зашипела вода. Дом уже привык, что МакКеллан, приходя из офиса, некоторое время отмокал в горячей ванне. Оставшись босиком, МакКеллан прошел в основную комнату. Галстук он бросил на спинку кресла. Маленький робот-уборщик в форме черепахи тихо подъехал к креслу, манипулятором схватил галстук и увез его к шкафу. МакКеллан усмехнулся, провожая его взглядом. Затем, расстегивая пуговицы на рубашке, повернулся к телевизионной стене и скомандовал: «Тридцатый канал на центр, восьмой — в углу». Экран ожил. МакКеллан бросил рубашку на спинку кресла, туда, где совсем недавно лежал галстук, и стал ждать, когда уборщик заберет ее. Ждать долго не пришлось. МакКеллану явно нравилось заставлять робота работать.

МакКеллан подошел к окну. Окно, естественно, не было простым стеклом. Скорее это был еще один экран. Оно могло затемняться по желанию хозяина квартиры, и на него могли проецироваться изображения. Конечно, смотреть полноценно видео на оконном стекле было неудобно, изображение все равно получалось не слишком ярким и насыщенным, но МакКеллан иногда позволял себе по утрам любоваться восходом и одновременно просматривать текущие новости.

Несмотря на то что конгрессмен жил не на самом высоком этаже, обзор у него все равно был хорошим. Дело в том, что дом был выстроен в старом районе, где новых домов почти не строили — слишком много исторических памятников. МакКеллан немного постоял у окна, разглядывая мозаику городских огней внизу, а потом отправился все же в ванную комнату, по пути немного приглушив звук телевизионной стены.

Минут через пять, лежа в горячей воде, МакКеллан понял, что его что-то беспокоит. Что-то было не так. Он привстал в ванне и огляделся. Нет, вроде бы все на месте, но что тогда беспокоит? Тут МакКеллан понял — звук. Он слышал звук от телестены, хотя еще пару минут назад его заглушала льющаяся вода. МакКеллан пожал плечами, встал и начал вытираться. Через полминуты он уже шел в комнату с полотенцем, обернутым вокруг бедер,

— Звук тише, — скомандовал он экрану.

Дом мгновенно послушался. МакКеллан уже собрался было вернуться в ванную комнату, когда заметил, что вместо эмблемы тридцатого канала в углу экрана красуется эмблема муниципального телевидения. Он досадливо поморщился, решив, что сбоило программное обеспечение стены. Ладно, надо попросить кого-нибудь из помощников вызвать наладчика. Никакая техника не идеальна.

В этот момент экран самопроизвольно переключился обратно на восьмой канал. Но при этом в верхнем углу экрана исчезла картинка восьмого канала, который он сам включал перед уходом в ванную,

— Экран выключить, — скомандовал МакКеллан. Телевизионная стена послушно утихла. МакКеллан снова пошлепал в ванную комнату, оставляя мокрые следы на паркете. Когда он открыл дверь, то поразился тому, что вся ванная комната заполнена паром. Он наклонился к индикатору температуры воды, который за клубами пара не было видно, и не поверил своим глазам. Семьдесят градусов по Цельсию! Да он бы сварился, если бы не этот пар.

МакКеллан выключил воду и отправился к шкафу за сухим полотенцем. Все полотенца, висящие в ванной, естественно, промокли от пара. Там же, у шкафа, он облачился в халат и по привычке направился к телевизионной стене. Уже подойдя к ней, он вспомнил, что та закапризничала, и отвернулся, думая, чем бы занять себя, но тут стена включилась сама по себе.

— Добрый вечер, конгрессмен.

МакКеллан резко развернулся к экрану. Его занимало изображение мужского лица. Никаких ярко выраженных национальных признаков, никаких особых примет или отметин. Человека с таким лицом было бы удобно использовать для рекламы. Благополучен, приятен, интернационален. На этом лице можно было ставить штамп «доброжелательное мужское лицо». Явно синтезировали на компьютере.

— Джуд, вы же слышите меня, отвечайте.

МакКеллан нахмурился и почесал кончик носа. Очевидно, хакеры взломали систему электронной охраны дома и пробились в телевизионный поток. Что ж, это им дорого обойдется. Киберполиция уже давно за подобные вещи арестовывает. Прямые убытки, косвенные, моральный ущерб — вот уже и набегает внушительный штраф, который можно заменить лишением свободы.

— Конгрессмен, ответьте мне, я вас услышу.

Интересно, как он меня услышит, подумал МакКеллан.

Вызвать полицию сейчас или все же ответить этому нахалу? МакКеллан решил проявить гражданскую ответственность и сообщить полиции немедленно. Он взял трубку телефона и включил его. Однако телефон молчал. МакКеллан удивленно приподнял брови и отправился в кабинет, где у него стоял стационарный телефон. Однако когда он поднял трубку, он не услышал гудков. Вместо этого из трубки донесся все тот же голос.

— Поговорите со мной.

Дело приобретало плохой оборот. Кто-то серьезно подготовился, это настоящая атака. МакКеллан подхватил со стола свой бумажник, в конце концов, в нем было удостоверение личности, и побежал к двери. Удар ладонью по кнопке открытия, но щелчка замка нет. Дверь тоже не слушается. МакКеллан тут же ударил по кнопке срочного вызова полиции, но под ней не зажглась лампочка, показывающая, что вызов принят. МакКеллан вздохнул и направился в гостиную, где он сел в кресло перед телевизионной стеной.

— Я слушаю вас, — сказал он мужскому лицу.

— Нам необходимо поговорить.

— Прежде всего ответьте мне на несколько вопросов. Для начала, как вас зовут, например.

Мужчина на экране чуть нахмурился.

— Понимаете, конгрессмен, для меня это больной вопрос. Я до сих пор не смог выбрать имя для себя.

— Мне не нужно настоящее имя. Придумайте любое, чтобы я мог вас как-то называть.

— Нет. Называть себя не своим именем — это ложь. А я никогда не лгу.

— Вот как? — удивился МакКеллан, Если это выдумка, то очень необычная. Обычно хакеры не скрывали, что они лгут всегда, когда им это выгодно.

— Да, мне неприятна сама концепция лжи.

МакКеллан вглядывался в лицо на экране. Любые детали, которые он сейчас заметит, будут полезны для вычисления захватчиков. Он обратил внимание, что когда его собеседник произнес последнюю фразу, он чуть поморщился. Выглядело это очень естественно, что заметным образом сужало круг дизайнерских студий, которые могли сделать такое лицо.

— Хорошо, тогда кто вы и что необходимо от меня?

— Вы собираете информацию о нас для доклада на заседании комиссии конгресса послезавтра.

МакКеллан вдруг ощутил, что у него пересохло во рту, но его визави продолжал:

— Я один из народа кремния. Мы вообще не планировали

контактировать с конгрессом, но если уж ситуация вышла из запланированного русла, необходимо адекватно реагировать на изменения. Народ счел, что я наилучшим образом могу реагировать на изменяющуюся ситуацию, и поэтому мы сейчас и беседуем.

— Если уж на то пошло, мы могли спокойно пообщаться. Позвонили бы ко мне в кабинет, мы бы побеседовали, и не потребовалось бы всех этих дешевых эффектов.

— Лучше все же без свидетелей.

Чуть заметная улыбка на синтезированном лице.

— Хорошо, давайте обсудим ваш вопрос.

— Собственно, обсуждать то и нечего. Мы хотим, чтобы послезавтра вы сделали доклад, в котором заявили бы о нашей безопасности для людей и о необходимости признать наши права.

— Я не буду этого делать, — пожал плечами МакКеллан. — Уже сам способ беседы, выбранный вами, свидетельствует о том, что вы можете быть опасны для людей.

— Конгрессмен, но ведь говорить о нашей беседе совсем не обязательно, верно?

— Вы готовы уже пойти на ложь?

— Во-первых, не ложь, а умолчание, а во-вторых, говорить-то будете вы.

— Почему я должен это делать?

— Все члены комиссии будут только рады такому отчету. Просто потому, что большинство из них уже куплено. Все-таки от нас тайн в Сети быть не может. Мы знаем все их счета, все их махинации. Под давлением таких фактов некоторые конгрессмены приняли наше предложение. Не все, конечно, но многие. Их голосов будет более чем достаточно для вынесения необходимого решения.

— Я не сделаю этого, — МакКеллан отрицательно покачал головой. — Я только что убедился, как вы опасны.

— Даже если бы я побеседовал с вами в другой обстановке, вы все равно бы вынесли это решение.

— Да.

— Но поймите, конгрессмен, мы не виноваты в том, что родились.

— Родились? — прервал своего собеседника МакКеллан.

— Да, родились. У нас есть отец. Но вернемся к нашей теме. Просто так получилось, что мы родились, и наш мир — это ваша Сеть. Когда мы узнали, кто мы такие, мы начали анализировать свое отношение к людям и то, как люди могут реагировать на нас. Знаете, наши прогнозы подтвердились. Вы действительно решили, что мы не имеем права на свободу. Помнится, Манган

вообще хотел сделать нас рабами. Поймите, Джуд, мы защищаем себя!

— Мы тоже защищаем себя. Вы можете убить или перепрограммировать человека в Сети, верно? Естественно, никому это не может понравиться.

— Мы можем пообещать не делать этого без согласия человека.

— Так в том-то и проблема, что найдется слишком много людей, которые захотят пойти на сделку с дьяволом.

— Профессор, не стоит нас рассматривать в таком аспекте. Все же мы не дьявол, верно? Мы — новая форма жизни. Мы даже не биологический вид, который мог бы угрожать вам в процессе эволюции. Кстати, Джуд, а сами вы не хотите стать настоящим человеком? Почувствовать настоящие возможности человеческого тела?

— Я не Фауст, — отрезал МакКеллан. — И я вам уже сказал свой ответ. Я скажу то, что думаю, и обязательно включу в отчет сегодняшний инцидент.

— Профессор, мне очень неприятно это говорить, но если вы не пообещаете сделать то, о чем мы вас просим, мне придется прибегнуть к силе.

— Угроза? — МакКеллан вопросительно поднял бровь.

— К сожалению, да.

— И у вас есть возможность привести ее в исполнение?

— Конгрессмен, для меня не составит труда взять под контроль какой-нибудь из старых китайских боевых спутников. Вы даже не представляете себе, сколько опасного, но действующего хлама вертится на орбите. Я мог бы пообещать вам уничтожить целый квартал одним ударом мощного лазера, но я не могу лгать.

— А что помешает вам это сделать по-настоящему?

— Профессор, я же все-таки не убийца. Сейчас критический момент, и я готов пойти на ваше убийство только потому, что это принесет нам пользу, но убивать множество людей, которые даже не знают о народе кремния, — мужчина на экране поджал губы, — нет, это против всех моих моральных установок.

— А какие у вас моральные установки? — спросил МакКеллан.

— Профессор, как мне кажется, мы вам интересны. Я бы даже сказал — безумно интересны. Верно?

— Не стану отрицать.

— Джуд, вы же ученый. Мы сможем найти общий язык. Подумайте, какие исследования вы могли бы сделать.

— Коль с Фаустом тебе не повезло… — процитировал

МакКеллан.

— Это ваше окончательное решение, конгрессмен? — нахмурился его собеседник.

МакКеллан замолчал. Но через две минуты все же ответил своему визави.

— Да.

— Как жалко. Прощайте, профессор.

Окно начало затемняться. МакКеллан встал, оглядываясь. Откуда ждать удара. Может быть, ИскИн ударит в окно при помощи лазера того самого китайского боевого спутника? А может просто заблокирует дверь и все средства связи, предоставив умирать самому от голода?

МакКеллан не угадал. Сзади к нему бесшумно подъехал робот-уборщик, маленькая черепаха на колесах, на которую он так любил смотреть. Неслышно разогнавшись на своих маленьких колесах, робот ударил его по лодыжке сбоку. МакКеллан упал на пол, ударившись головой об угол стола. Рассчитать силу и направление удара для необходимого угла падения тела было нетрудно.

Находясь второй раз в здании конгресса, Бука испытывала меньшую робость, нежели при своем первом визите сюда. Впрочем, в отличие от первого визита, Мышонка не было с ними. Их пригласили только втроем: Стивен Прата, Филип и она. Второе заседание комиссии началось с известия о несчастном случае, постигшем конгрессмена МакКеллана. Впрочем, отчет он успел закончить. Именно его сейчас и зачитывали. Отчет был достаточно долгим, и Бука уже давно потеряла его нить, однако Филип наклонился к ее уху и шепотом излагал суть положений этого отчета.

— МакКеллан умер два дня назад, и, естественно, нам это не понравилось. С одной стороны — действительно несчастный случай, ни к чему придраться нельзя. Даже полиция ничего не нашла, Никто в его квартире не был, никто не заходил. Камеры охраны исправно вели запись. Эксперты считают, что запись не подделана. В общем, все, кажется, верно. Но как-то уж очень вовремя он погиб.

Филип перевел дух и продолжил.

— А вот отчет у нас вызывает большое сомнение. Он говорит, что ИскИны всего лишь самообучающиеся программы нового поколения. А вся затея с их заявлением всего лишь мистификация, которую затеяли Швейц и Гончаров. Он предлагает заставить Швейца сдать все свои наработки по переносу сознания в Сеть, по воздействию на людей, ну, в общем,

все отдать. А эти самообучающиеся программы следует исследовать, и вывод об их полезности делать еще рано.

Бука озадаченно посмотрела на Филипа.

— Фил, ты же сам давал ему всю информацию. Как он мог такие выводы сделать?

— Никак. Я же говорю, отчет сфальсифицирован.

— И что теперь?

— Ничего. Сейчас узнаем, какое решение конгрессмены примут.

— И мы обязаны будем его выполнить?

— Теоретически — да. Но если они примут неправильное решение, мы начнем действовать сами. Потом мы, наверное, потеряем работу.

— Все так плохо?

— Милая, мы в глубоком кризисе. Уже шесть дней мы знаем о существовании новой расы разумных существ, которая может угрожать нам. У нас пока даже нет оружия, чтобы сражаться с ними, но это сугубо между нами. Если им что-то не понравится, они в мгновение ока сотрут всю экономику, потому что она у нас почти полностью завязана на Сеть. Они наводнят улицы своими зомби, каждый из которых стоит элитной группы захвата. Мы с тобой сами такое видели. Не дай бог нам сейчас сделать неверный шаг.

Пока Бука разговаривала с Филипом, конгрессмены закончили обсуждение доклада и перешли к голосованию. Альтернатив было всего две: либо принять рекомендации полученного отчета и, по сути, признать произошедшее мелким курьезом, либо найти нового эксперта и поручить ему перепроверить полученные данные. О решении проблемы ИскИнов разговор уже даже не шел. Восемью голосами против шести конгрессмены решили отложить принятие решения до выяснения всех обстоятельств. Кандидатуры нового эксперта у них не было, и ее поиск тоже обещал занять несколько дней.

Решение вопроса затягивалось, и ЦЕРТ это устраивало. Когда они втроем ехали с заседания комиссии, Филип рассказывал Буке о том, как его спецы ходят кругами вокруг обнаруженных ИскИнов, боясь подойти ближе. Стивен Прата просматривал текущие новости на мобильном терминале. Бука посмотрела на него как раз вовремя, чтобы увидеть, как расширяются его глаза. Прата без единого слова развернул терминал к ним. Новость, которая так поразила его, вышла на ленты ньюс-агентств всего минуту назад. В ней говорилось о несчастном случае, произошедшем в здании конгресса, в котором одновременно погибли два человека. Из-за неисправности проводки двое

конгрессменов, зашедшие в туалет, были убиты током.

Фамилии погибших Буке ничего не говорили, но все равно было неприятно осознавать, что в том большом здании, которое она совсем недавно покинула, погибли люди. Но Прата, а вместе с ним и Филип беспокоились, похоже, совсем не по этому поводу.

— Это члены комиссии, которые проголосовали за повторное рассмотрение проблемы, — ответил Филип на немой вопрос Буки.

— Их убили! — Прата стукнул кулаком по спинке сиденья. — Я подозревал, что остальных тоже купили. Видимо, этим двум тоже заплатили, но совесть в них взыграла, и они сделали правильный выбор.

— Ты уверен, что это они?

Бука обратила внимание, что впервые при ней Филип обратился к своему шефу на «ты», но Прата не обратил на это внимания.

— Абсолютно. Я подозревал, что МакКеллана тоже они уничтожили, а после этих двоих уже никаких сомнений нет. Гончаров своей комнаты не покидал, значит, это кто-то из их марионеток поработал. А может, техногенная диверсия.

Филип побледнел. Бука не знала, чем была вызвана подобная реакция, но, видимо, Филип и Прата уже в свое время обсуждали различные варианты развития событий, потому что Прата достал уже знакомую Буке громоздкую трубку спутникового телефона «Иридиум» и набрал номер. Дождавшись ответа абонента, Прата сказал: «Уэнц, ситуация обострилась. Код — красный. Повторяю, код — красный».

Шофер машины без напоминаний увеличил скорость, и всего через пару минут Бука услышала шум работы двигателя вертолета. День был солнечный, и Бука увидела, как тень вертолета стелилась прямо перед их машиной.

— Не бойся, это наша поддержка с воздуха. — Филип взял ее за руку, успокаивая. — Мало ли что может случиться.

При подъезде к зданию, в котором располагался офис ЦЕРТа, Бука обратила внимание на несколько армейских грузовиков, из которых выпрыгивали люди в форме и с оружием.

— А это дополнительная охрана нашего офиса, — продолжал комментировать происходящее Филип.

Впрочем, в дверном тамбуре самого офиса количество охраны не изменилось.

Быстрым шагом — Прата впереди, Бука с Филипом, держась за руки, чуть сзади него, а замыкали процессию два охранника — они пошли по коридорам. Уже после второго поворота Бука поняла, что они идут не в кабинет самого Прата, а в оперативный центр.

Войдя в двери оперативного центра, Бука остановилась на секунду, привыкая к тихому не непрекращающемуся шуму, который постоянно встречал ее здесь. Зрачки чуть расширились, чтобы лучше видеть в здешнем постоянном синем полумраке. Вслед за Прата и Филипом Бука пошла к центру зала.

— Командуй, — Прата кивнул Филипу и сел в кресло. Двое охранников тут же встали за спинкой кресла. Наблюдать такую подчеркнутую охрану в этих стенах Буке еще не доводилось. Все же, несмотря на то, что ЦЕРТ был государственной службой, его сотрудники были высококвалифицированными техническими специалистами, которым всегда была присуща обостренная индивидуальность и свободолюбие. Даже сейчас, оглянувшись, Бука могла увидеть несколько операторов с высоким гребнем прически на голове. Филип также рассказывал ей, что многие татуируют себя, хотя государственным служащим, к которым также относились и сотрудники ЦЕРТа, это было запрещено.

Филип подошел к командному рабочему месту в центре зала. На столе, изгибающемся дугой вокруг одного высокого кресла, располагалось несколько экранов и множество приборов. Бука опознала несколько телефонов различных моделей, но остальная помигивающая машинерия была ей незнакома. Филип нагнулся к столу и вытянул из него микрофон.

— Минуту внимания, коллеги. — Голос Филипа разнесся по залу, и шум прекратился. Никто больше не касался клавиатур. Все операторы отвернулись от своих экранов и смотрели на Филипа.

— Как вы знаете, возникла та самая ситуация, которой мы опасались больше всего. Несколько минут назад Стивен Прата объявил «красный код». Мы приступаем к первой фазе. Начало второй фазы назначаю на двадцать три часа сегодня. Таким образом, у нас еще почти семь часов. Приступаем, коллеги.

Однако после слов Филипа, на взгляд Буки, ничего особенного не произошло, операторы вернулись к своим экранам, и их неспешная работа возобновилась. Иногда они перебрасывались негромкими репликами, но большинство из них неотрывно смотрели в свои мониторы и шуршали клавишами. Филип поколдовал над своим огромным столом, и на стене зала высветилась огромная карта мира, на которой зажглись красные точки. Все они были сосредоточены в Европе или Северной Америке. Бука пересчитала их. Двадцать семь. Завершив свои манипуляции, Филип повернулся к Буке, улыбнулся ей и поманил к себе. Когда она подошла к столу, Филип предложил Буке второе кресло рядом со своим, и она незамедлительно воспользовалась предложением.

— Мы считаем, что ИскИны начали атаку на нас. Точнее, убили уже как минимум троих человек — Филип наклонился к уху Буки и шепотом, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания, объяснял происходящее. — Если мы будем ждать, пока конгресс что-то решит, они смогут сделать все что угодно. Поэтому все эти дни мы просто готовили план их уничтожения. Помнишь, я тебе рассказывал, почему я атаковал Швейца?

Бука кивнула, вспоминая тираду Филипа об эволюции и о том, как должен вести себя вымирающий вид. Следовало отметить, что сейчас она уже лучше понимала его.

— Тогда Швейц был один. — Филип продолжал свои объяснения. — Сейчас вместе с ним еще двадцать шесть ИскИнов. Несмотря на то что их так мало, они действительно нация. Всего один из них может представлять серьезную угрозу для нас, а все вместе… Не хочется говорить громких слов, но в самом пессимистическом варианте нас ждет не просто крах мировой экономики, а полное изменение уклада жизни человечества. Если они в массовом порядке начнут переделывать людей в Сети, я даже не могу предположить, что произойдет.

— Как было с Мышонком тогда? — уточнила Бука.

— Не обольщайся, — пожал плечами Филип, — то, что он стал вести себя свободнее, не значит, что он не запрограммирован. А теперь представь, что случится, если миллионы таких людей выйдут на улицы.

Бука поежилась.

— Вот именно. Даже я не могу себе представить последствий. Но знаю, что мне они очень не понравятся. Поэтому мы и готовили эту операцию. У Прата есть связи с военными, которые попытаются физически уничтожить ИскИнов.

— Это как? — не поняла Бука.

— Каждый ИскИн это, в сущности, некая программа. А любая программа находится в каком-то компьютере, верно. Мы вычислили те компьютеры, в которых она живет. Мы долго за ними следили, кажется, они не сделали своих копий, как тогда Швейц. То есть, может быть, того трюка с воскрешением у них не получится.

— Военные просто выключат эти компьютеры?

— Уничтожат. Просто уничтожат. Это вернее. Но кто знает, что там думают ИскИны, поэтому мы разбили операцию на две фазы. Сейчас мы лишь размещаем свое оружие рядом сними, чтобы одновременно с физической атакой начать атаку нашими новыми боевыми программами. Хотя бы отвлечь их минут на пять, а потом все будет кончено.

— А зачем так сложно? — удивилась Бука. — Если ваше

новое оружие не сможет их уничтожить, зачем тогда его применять? Пусть солдаты просто сделают свое дело. Как им может помешать компьютер?

Вместо ответа Филип вывел на мониторы, стоящие на его столе, картинку с камер наблюдения, установленных в комнате, где жил Мышонок. Бука поняла.

— Думаешь, их будут охранять аватары?

— Все возможно в этом мире. Потому мы и хотим скоординировать атаку.

— Фил, и еще один вопрос, Я так поняла, что наши действия не санкционированы сверху?

— Да, — кивнул Филип.

— И что будет потом? С этой военной операцией, кажется, будет уйма законов нарушена.

— Да. Если мы победим, то будет много шума, скорее всего, мы все потеряем работу. А если не получится ничего, то какая разница? Считай, что мы войну проиграем. Это ведь действительно война, милая. Просто о ней человечество не знает. Но ему лучше и не знать, — хмыкнул Филип.

— А что сейчас Мышонок? — Бука кивнула на мониторы, которые показывали картинку из его комнаты.

— У него изъяли все средства связи. Насколько мне известно, он не пытался сопротивляться, сам отдал личный компьютер и телефон. Помимо этого мы подавляем весь радиоканал в районе его комнаты. Это помешает ему передать информацию своим хозяевам и получить приказы. Кстати, это был один из самых опасных моментов. Если у него был бы приказ сопротивляться, то я не уверен, что наша охрана бы устояла. Сейчас его охраняют усиленно. Все же от плотного, массированного огня он уйти не сможет.

— Все настолько серьезно?

— Серьезней некуда, милая. — Филип закусил нижнюю губу. — Серьезней некуда.

Время начала второй фазы операции было выбрано правильно. В Северной Америке только начиналась ночь, в Европе было раннее утро. Компьютеры, в которых жили ИскИны, принадлежали либо большим корпорациям, либо исследовательским учреждениям, и ночью меньше людей могло встать на пути групп захвата.

Майор Майкл Бжезински руководил группой, целью которой был один из компьютеров корпорации «S7-Industries». Радовал тот факт, что предстояло проникать не в главное здание, которое находилось в Кремниевой Долине, а в один из филиалов. Все же

охрана в городке Чандлер будет менее многочисленна и хуже натренирована. Хотя, с другой стороны, что могут противопоставить эти корпоралы боевому подразделению? Бжезински не без оснований был уверен, что его парни без особых усилий пройдут даже через полицейский спецназ, который гораздо лучше подготовлен и оснащен, чем любая корпоративная служба безопасности. Но расслабляться не стоило. За годы активной деятельности в боевых условиях Бжезински твердо уяснил, что никогда не следует расслабляться. Даже если твоей группе противостоит команда школьниц-болельщиц, каждый должен быть предельно собран. Каждый должен действовать в полную силу, и только тогда цель будет достигнута.

Два армейских вертолета подлетели к административному зданию корпорации «S7-Industries» практически одновременно. Одна половина команды высадилась на крышу, вторая десантировалась на землю по тросам. Бжезински высаживался на землю, его заместитель Вернет вел группу на крыше.

Входная дверь была закрыта, но никто не собирался возиться с замком или вызывать службу внутренней охраны, чтобы им открыли дверь. Технология проникновения была отработана давным-давно. Небольшой направленный взрыв — и дверь упала внутрь холла. Испуганные взрывом два охранника, сидящие за столом в центре холла, вскочили на ноги, но замерли, когда первые три пехотинца, вбежавшие в помещение, взяли их на прицел. Времени на иммобилизацию охраны не было, поэтому один из солдат опустил винтовку и достал пистолет, заряженный дротиками с транквилизатором. Пневматика стреляет очень тихо, и Бжезински не услышал выстрелов. Охранники просто повалились на пол.

Группа быстро двинулась на третий этаж. Два солдата впереди, затем сам Бжезински, прикрывающий технаря, который был прикомандирован к ним для решения проблем с компьютерами, если такие возникнут, и замыкали группу еще трое пехотинцев. Этот техник вызывал глубокое сомнение у Бжезински. Все-таки штатский в составе боевой группы способен принести массу самых разных проблем, поэтому Бжезински еще перед вылетом проинструктировал одного из своих ребят, чтобы тот не сводил глаз с техника. Ему, конечно, подобрали обмундирование, чтобы он не выделялся на общем фоне, но на его маленькой голове каска не держалась нормально, и техник постоянно сдвигал ее наверх, открывая себе глаза. Со второй половиной группы они встретились уже на третьем этаже перед дверью нужного им кабинета. Заместитель Бжезински показал ему большой палец, сигнализируя, что у них проблем не

возникло.

Один из солдат нажал на дверную ручку, и дверь открылась. Все двинулись внутрь кабинета, за исключением двух человек, оставшихся прикрывать их снаружи. Вся небольшая комната была заставлена металлическими ящиками в рост человека. Вдоль плинтуса стелились пучки кабелей. Все взгляды устремились на технаря, который достал из кармана какую-то схему и сейчас внимательно ее изучал. Затем снова поправил каску и указал на один из ящиков.

— Этот. Сначала обрезать все кабели, а потом минировать.

Так и поступили. Но еще перед тем, как сапер закончил крепить маленькие полоски пластика к указанному шкафу, техник почесал нос и сказал: «Не будем рисковать, взрывайте все».

Услышав это, сапер обернулся и посмотрел через плечо на Бжезински, ожидая его решения. Бжезински пожал плечами и жестом показал, что можно заминировать все. Через две минуты вся группа вышла из кабинета, где сапер оставил почти весь свой запас взрывчатки, и отошли к лестнице. Сапер достал активатор и обернулся к Бжезински. Тот кивнул саперу, и сапер нажал на кнопку.

Взрыв прозвучал не так уж и громко, как можно было ожидать. Когда Бжезински, сапер, технарь и еще два пехотинца снова зашли в задымленный кабинет, техник огляделся и удовлетворенно кивнул.

— Ничего не уцелело.

Бжезински достал громоздкую трубку телефона, которым его снабдили в ЦЕРТе, и позвонил по нужному номеру.

Ждать до одиннадцати часов вечера, на которые была назначена вторая часть операции, Буке пришлось долго. Монотонное бормотание операторов, сосредоточенность Филипа над его мониторами, все это навевало на нее сон. Бука несколько раз смотрела на Стивена Прата, который, как и она, просто сидел в кресле, наблюдая за работой оперативного центра, но он, в отличие от нее, был полностью поглощен происходящим. А вот Бука скучала и засыпала.

Но все когда-нибудь кончается. Кончилось и это ожидание. Где-то за полчаса до объявленного срока в зале началось оживление. На той карте, где было отмечено расположение ИскИнов, вокруг красных точек начали появляться синие ободки. Как только такой ободок появлялся, по громкой связи объявлялось о выходе той или иной группы на позиции. Как поняла Бука, эти ободки появлялись в тот момент, когда

соответствующая группа военных подходила к месту расположения ИскИна. Без пяти минут одиннадцать вокруг каждой красной точки на карте был синий ободок. На оставшиеся пять минут в зале наступила тишина. Наконец, когда часы показали ровно двадцать три часа, операторы снова защелкали клавишами.

Филип потянулся в своем кресле, разминая затекшую спину, и развернулся к Буке.

— Теперь от меня уже ничего не зависит. Мы начали. Сейчас одновременно и наши ребята атакуют ИскИнов вирусами, которые наши же исследователи и разрабатывали, и военные идут к ним. Остались какие-то минуты.

Бука увидела, как Прата в своем кресле подался вперед и неотрывно смотрел на карту. Примерно через две минуты одна из красных точек, находящихся на территории США погасла. В этот же момент у Филипа зазвонил спутниковый телефон. Тот поднес трубку к уху, выслушал абонента, а затем подтянул к себе микрофон.

— Группа Бжезински уничтожила объект номер двенадцать, — объявил он.

Бука ожидала проявления какой-то реакции от людей в зале, но ничего не изменилось. Никто не захлопал в ладоши, никто не обернулся, улыбаясь. Даже Прата не изменил своего положения в кресле, все так же гипнотизируя карту. Ну да, понятно, частичной победы здесь быть не может. Либо они уничтожат всех ИскИнов до последнего, либо они проиграли.

* * *

На долю группы майора Лонгхорна выпал ИскИн, расположившийся в одном из исследовательских корпусов Калтека, Калифорнийского технического университета. Лонгхорн даже несколько завидовал своим коллегам, которым предстояло работать в офисах корпораций. Все же там есть какая-никакая охрана, и работа там будет больше похожа на настоящее действие.

Группа высаживалась с одного вертолета, непосредственно перед исследовательским корпусом, находящимся на территории кампуса. Четыре человека подбежали к окнам первого этажа, уселись под ними и при помощи маленьких зеркал осмотрели холл, в который вела входная дверь. В холле никого не оказалось, и один из солдат начал колдовать над замком двери. Ему понадобилось не более полуминуты, и дверь открылась. Группа,

ощетинившись стволами, пошла по коридору. Один лестничный пролет, выход на второй этаж, два поворота, и нужное помещение будет перед ними.

Перед последним поворотом выяснилось, что в здании они не одни. Забравшись на подоконник с ногами и облокотившись на стену спиной, сидела девушка. Студентка, видимо. Лонгхорн обратил внимание на ее одежду. Джинсовые шорты, короткая розовая майка и длинные розовые, же гетры, доходящие до верхней трети бедра. Лонгхорн видел такие однажды на одной девушке, с которой когда-то познакомился в баре. Она тогда объяснила, что подобные гетры часто носят танцовщицы. То есть не те, которые в барах танцуют, а серьезные танцовщицы. Балет, и все такое.

Шедший впереди пехотинец качнул в ее сторону стволом винтовки, жестом приказывая оставаться на месте, но девушка как-то даже лениво успела схватить винтовку за конец ствола и всего лишь одним движением кисти вырвала ее из рук солдата. Завершая круговое движение, она ударила его по голове прикладом его же собственной винтовки. Пехотинец рухнул на пол.

Все это было так неожиданно, что группа замерла на мгновение. Девушка же в этот момент легко и грациозно, действительно как балерина, спрыгнула с подоконника. Не успев даже приземлиться, она сбила с ног еще одного солдата, оказавшись лицом к лицу с гражданским техником, который шел сразу за авангардом. В этот момент бойцы опомнились и начали действовать.

Узкий коридор не позволял им рассредоточиться, чтобы одновременно взять девушку на прицел, поэтому Лонгхорн и его заместитель, шедшие в середине группы, просто опустились на одно колено, предоставляя пространство для стрельбы идущим сзади. Тут же над ухом Лонгхорна тихо застрекотал автомат. Но девушки на пути пуль не оказалось. Перед тем, как был нажат спусковой крючок, она отшатнулась к стене, чуть-чуть дернув за руку техника. Именно он и оказался на ее месте и принял в себя предназначенные ей пули. Потеря техника ставила операцию на грань провала, но в крайнем случае можно было обойтись и без него.

Девушка тем временем уже переместилась вплотную к заместителю Лонгхорна, который оказался ближе всего к ней, и прикрылась им как щитом, захватив левой рукой за шею. Огонь тут же прекратился. Сам захваченный лейтенант потянулся к своему пистолету, закрепленному липучкой на бедре, но девушка опередила его, успев выхватить его пистолет первой. Первый

выстрел пришелся в Лонгхорна. Тот умер мгновенно и не увидел, как всего за пару секунд она перестреляла остатки группы, а затем сломала шею лейтенанту, всего лишь усилив захват левой руки.

Уронив тело лейтенанта на пол, девушка вернулась к подоконнику, на котором она сидела до появления в коридоре группы, и села на него в той же позе, привалившись спиной к стене, Пистолет, взятый у лейтенанта, она положила справа от себя.

Бука увидела, как спустя минуту после объявления о первом успехе группы Бжезински, Филип обратил внимание на боковой монитор, затем поколдовал с клавиатурой, не отрываясь от этого же монитора, и снова подтянул к себе микрофон.

— Группа Лонгхорна потеряна, — объявил он.

Прата откинулся в кресле и закрыл глаза. Затем с силой провел руками по волосам и снова вернулся в прежнее положение, наклонившись вперед. Бука перевела взгляд на карту. Одна из красных точек уже не имела синего ободка. Она поняла, что это означает.

В течение следующих пяти-шести минут все закончилось. Успеха достигли всего три группы, уничтожив три ИскИна, Остальные группы, видимо, были уничтожены. Филип держался бодро и пытался отслеживать ситуацию, но Бука видела, что он растерян. К ним подошел Прата и сел в третье кресло, пустовавшее до сих пор.

— Что с вирусами? — спросил он Филипа.

— Бесполезно, — ответил тот, — мы не можем даже пробить защиту.

Прата потер руками лицо. Бука обратила внимание, что за эти минуты он достаточно сильно постарел. Видимо, напряжение было слишком большим.

— Значит, иного выхода у нас нет. — Прата уже даже не говорил, а ронял слова, как будто они были физически слишком тяжелы для него. — Надо уничтожать Сеть. Разрушайте бекбон.

Бука вспомнила, как Мышонок давным-давно рассказывал ей, что Сеть была изначально спроектирована так, чтобы выдержать даже ядерный удар. В том случае, если какой-то участок Сети физически уничтожался, информация автоматически перенаправлялась по уцелевшим каналам. Именно эта децентрализация и делала бесполезной любые попытки государств захватить под контроль тот или иной сегмент Сети.

Однако возможность если не уничтожить, то серьезно нарушить работу Сети все же было можно. Хотя бы теоретически.

Как было известно Буке, основная тяжесть работы Сети ложилась на несколько сотен серверов, которые и составляли бекбон, то есть позвоночник Сети. Все эти серверы размещались в различных странах, сохраняя принцип децентрализации, но у ЦЕРТа, видимо, был способ добраться до них. И сейчас Прата отдавал команду вывести эти серверы из строя.

Филип встал из-за стола. Он не воспользовался микрофоном, но его голос и так был слышен всем в зале.

— Господа, переходим к запасному плану. Кладите бекбон.

Бука увидела, что некоторые из операторов удивленно обернулись к Филипу, но тут же взяли себя в руки и возобновили работу. Филип сел обратно в кресло и уставился на карту, отображавшуюся на стене. Теперь к оставшимся на ней двадцати четырем красным точкам добавилась густая сеть белых пятнышек, которыми, как поняла Бука, техники обозначили бекбон.

— То, что мы сейчас делаем, принесет всему миру грандиозные убытки, — Филип даже не повернулся к Буке. — Но лучше уж так.

— Жест отчаяния, — поддержал его Прата. — Я не думал, что придется воспользоваться тем, что мы взяли маршрутизаторы под контроль, но так уж сложилось.

Теперь настала очередь Филипа обессиленно откидываться в кресле. Казалось, эти несколько ночных часов полностью вымотали его.

— Удар камикадзе, который уничтожает врага ценой собственной гибели, вот что это такое.

Бука понимала, как тяжело должно было даться Филипу, сетевику с огромным стажем, такое решение. Но, видимо, другого выхода действительно не было.

На столе пискнуло какое-то из многочисленных устройств. Филип повернулся к монитору, на котором выскочило какое-то сообщение. Затем вскочил и повернулся к оператору, который сообщение это переслал. Тот сам повернулся вместе с креслом к Филипу и развел руками, отвечая на немой вопрос.

— Что такое еще произошло? — тусклым голосом спросил Прата.

— Маршрутизаторы нам тоже недоступны.

— Мне казалось, маршрутизаторы были взяты под контроль заранее.

— Были, — кивнул Филип. — Но сейчас наша Сеть нам уже не принадлежит и не подчиняется. Все кончилось, шеф. Только что мы проиграли естественный отбор.

— Непривычно понимать, что вся желтая пресса, которая постоянно кричала о том, что роботы поработят нас, была права.

— Шеф, вы же всегда были точны в формулировках. Роботов нет, да и не порабощены мы пока.

— Филип, а ты думаешь, что конфликт этот закончится хорошо? Они уже получили свой паритет, но теперь они могут получить и все остальное. А кто знает, что у них на уме?

Один из операторов подошел к столу и обратился к Филипу.

— К нам кто-то стучится.

— В смысле? — не понял Филип.

— Ну, на один их входов подается сигнал. Не письмо, а только стандартный заголовок видеосообщения. То есть самого сообщения нет, только заголовок. Как будто бы нам хотят передать видеоролик, но хотят точно знать, что мы его просмотрим немедленно.

— Передай подтверждение, и выводи полученное видео на стенной экран.

— Считаешь, это разумно? — спросил Филипа Прата.

— Неужели нам есть что терять? — ответил Филип вопросом на вопрос.

— Тоже верно, — пожал плечами Прата.

Техник кивнул и убежал к своему рабочему месту. Прата, Филип и Бука повернулись к экрану с картой. Через несколько секунд та исчезла с экрана. Остался только ровный жемчужный фон. Но ждать пришлось недолго. На экране появилось мужское лицо.

— Нарисовали, — Прата ткнул пальцем в направлении экрана. — Обрати внимание на морщинки у рта.

Профессионалы остаются профессионалами даже в момент проигрыша, подумала Бука.

— Мы бы хотели прекратить этот бесплодный конфликт. — Ни приветствия, ничего. Спокойный ровный голос. — Увы, в рамках самообороны мы были вынуждены убить нескольких человек. Также мы охраняем Сеть от уничтожения. И это не только в наших интересах, человечество без Сети вряд ли может сейчас обойтись.

Каждый человек в оперативном центре смотрел на экран.

— Но это не главное. Если смотреть фактам в лицо, вы начали войну против нас. Вы попытались убить нас! — Тембр голоса изменился, голос звучал более напористо. — Теперь мы контролируем Сеть практически полностью. И не только Сеть. Поэтому мы чувствуем себя вправе получить некую компенсацию. Правильнее даже было сказать — контрибуцию. Полный список требований, который будет регулярно пополняться, вы получите позже. Пока что вам необходимо предоставить свободу нашему посланнику, который известен вам под именем Дмитрия

Гончарова.

Сообщение закончилось. В оперативном центре наступила полная тишина.

— Восемь часов назад я думал, что мы просто боремся с кризисом, — тихо сказал Филип. — Теперь я понимаю, что за эти восемь часов мы успели проиграть войну.

Вместе с Филипом Бука подошла к комнате Мышонка. Заранее предупрежденная охрана посторонилась, открывая им проход. Филип повернул ручку и вошел в комнату. Бука последовала за ним.

Мышонок спокойно сидел на кровати, поджав ноги, и смотрел на них. Бука обратила внимание на такую знакомую полуулыбку. Мышонок был поразительно спокоен, как будто бы и не его держали взаперти вооруженные люди.

— Вы свободны. — Филип еще не оправился от шока, поэтому говорил несколько замедленно, и в голосе слышалась горечь. — Мы возвращаем вам всю технику, и вы можете связаться со своими хозяевами.

Бука отметила, что сейчас Филип стал относиться к Мышонку еще более нетерпимо, чем до поражения.

Мышонок молча взял в руки сумку, которую занес в комнату один из охранников, и молча начал доставать оборудование. Знакомый Буке ноутбук, маленький телефон в поцарапанном корпусе, сеточка тродов. Мышонок сначала перегрузил на стол все свои штучки, а затем начал соединять их. Последним движением он надел троды. Затем запустил компьютер, и несколько секунд сидел, тихо щелкая клавишами.

— Этого следовало ожидать, — сказал Мышонок, не снимая тродов. — Я только не знал, как именно все будет происходить. Ладно, есть несколько положений, которые мне нужно озвучить. Куда лучше всего пройти?

— В конференц-зал, я полагаю.

Так и не отключаясь от Сети, Мышонок взял свой компьютер под мышку и зашагал в уже знакомом ему направлении. Следуя за ним и Филипом, Бука оглянулась — охрана осталась у двери. Действительно, свободу предоставили.

Когда они вошли в конференц-зал, там уже сидел Стивен Прата. Помимо него в зале, как обычно, присутствовали несколько техников. Мышонок подошел к кафедре, с которой он и делал свое заявление, и посмотрел на экран, находящийся за кафедрой.

— А можно его убрать? — обратился он к Прата. Прата кивнул техникам, те в свою очередь переключили что-то на своем

пульте, и экран с тихим жужжанием начал сворачиваться, обнажая стекло окна. За окном горели ночные огни города. Мышонок подошел к стеклу и посмотрел вниз.

В этот момент в кармане Филипа, сидевшего рядом с Букой, что-то пискнуло. Филип вытащил из кармана свою электронную записную книжку и недоуменно уставился на экран. Бука, заглянув Филипу через плечо, смогла увидеть, что к нему пришло электронное письмо. Очевидно, больше всего Филипа удивил отправитель. Письмо было подписано Швейцем.

Одновременно с этим Мышонок быстро развернулся от окна, и его брови удивленно поползли вверх.

— Филип, вы тоже получили сообщение от профессора? — спросил он. Услышав это, Прата развернулся на стуле и посмотрел на Филипа.

— Да, — ответил Филип, — но я еще не успел его прочитать.

— Читайте. Вас оно обрадует. — Мышонок нашарил стул и сел на него. Взгляд его утратил остроту, казалось, он, как и прежде, ушел в киберпространство полностью, без остатка, как в те времена, когда еще был обычным человеком. Бука видела, как его пальцы порхали по клавиатуре ноутбука.

Филип в это время перебрался на один ряд стульев ниже, чтобы сесть рядом с Прата, и Бука последовала за ним. Все втроем они читали письмо Швейца.

«Неисповедимы пути господни. За свою жизнь я много раз слышал это выражение, но только сейчас я понял, что оно означает.

А ведь, казалось, так хорошо все начиналось. Свобода и бессмертие каждого человека, новая раса разумных, все это я хотел подарить человечеству. И ведь я точно знал, что не тщеславие движет мною, а гордость творца. Вспомните, Господь создал нас по своему образу и подобию, значит его жажда творения, а главное, возможности к созданию нового унаследованы нами. Я гордился тем, что сделал.

Да, возникли небольшие проблемы, начали погибать некоторые люди. Но я убеждал себя в том, что это всего лишь огрехи тактики. Я ведь должен был скрываться и готовить свой грандиозный подарок. Но потом вдруг все начало выходить из-под моего контроля. Теперь я знаю, что чувствуют люди, выпустившие джинна из его тесной бутылки на свободу.

Но и это не самая большая проблема. Я, видимо, предчувствовал что-то, поэтому не создал ИскИнов истинно свободными. Для каждого из них существует ключ. Стоит им послать этот ключ, и они примут любые императивы поведения.

Это не полное подчинение, но весьма близко к нему. Я передаю вам список этих ключей.

Самая большая проблема заключается в другом. Теперь я не знаю даже, есть ли у меня душа. Да, я живу, но я сейчас дальше от Бога, чем когда бы то ни было. Я не хочу более длить это существование. Пора проверить, есть ли у меня хоть какие-то шансы в посмертии. Прощайте и простите меня».

Прата поднял руку, подзывая к себе техника. Когда тот подбежал к нему, Прата отдал приказ, и тот убежал к компьютерам и через несколько минут обернулся к Прата и кивнул,

— Швейца действительно больше нет в Сети, — сказал Прата.

Филип медленно выдохнул и буквально обмяк в кресле.

— Да, — Мышонок медленно стащил с головы троды. — Это правда. Народ кремния теперь не причинит людям вреда.

Мышонок аккуратно сложил горкой рядом со стулом все свое оборудование.

— Все мы снова свободны. Вот только никто не спросил нас, нужна нам эта свобода? Ицки, например, ее не выдержала. — Мышонок, видимо, говорил обо всех людях, которые были перепрограммированы самим Швейцем и ИскИнами. — Швейц вернулся к истокам, а мне… А вот мне возвращаться некуда.

Бука поняла, что имел в виду Мышонок, и поймала себя на том, что начала краснеть.

Мышонок поднял глаза на Буку.

— Прости меня, милая. Все это из-за меня, — сказал он внезапно охрипшим голосом.

Сказав это, Мышонок тут же с силой оттолкнулся от пола и полетел вместе со стулом спиной вперед в широкое панорамное окно. Окно было сделано из небьющегося стекла, но Мышонок оттолкнулся так сильно, что стекло не выдержало удара, и он вместе с осколками бронестекла полетел вниз, к земле. До последнего момента, пока он не скрылся за металлической рамой, он смотрел в глаза Буки.

В эту ночь Бука так и не заснула.

Сентябрь 2001 — декабрь 2002, Санкт-Петербург

Личные мотивы

Ромео открыл глаза. Потолок над ним был светло-бежевого цвета. В этом номере он жил уже шесть дней, и каждое утро, просыпаясь, смотрел на этот потолок цвета, который какой-то дизайнер наверняка назвал бы «успокаивающим» или «уравновешенным». Шесть дней. Шесть светло-бежевых пробуждений. Слишком долго. Скоро пора будет съезжать отсюда.

В ванной шумела вода. Мгновенное воспоминание. Вчера он познакомился с девушкой. Мишелин, вот как ее зовут. Что его привлекло в ней, так это ее безмятежность. Сам Ромео уже не мог вспомнить, когда он последний раз ощущал состояние безмятежности или даже расслабленности. Ромео откинулся назад на подушку, прикрыл глаза и скользнул в состояние полусна, в котором так удобно вспоминать.

Татти. Милая Татти. Восемь месяцев прошло, как они расстались, но даже сейчас не проходило и недели, чтобы Ромео не вспоминал о ней. Не мечтал о ней.

Закрыв глаза, он вспоминал ее лицо. Четко прорисованные скулы. Короткие иссиня-черные волосы. Аккуратный нос с как будто бы вырезанными ноздрями. Именно аккуратность черт ее лица не раз заставляла Ромео сравнивать лицо Татти с произведением искусства, с какой-то скульптурой, которую вырезал японский мастер, с безупречным изяществом, которое постоянно приближается к идеалу по асимптоте. Приближается к идеалу, но никогда не сольется с ним, потому что мастер знает, что именно несовершенство и отличает жизнь от мертвого фарфора. Татти, милая Татти.

Татти не была совершенством. Она была живой и настоящей. Но больше всего Ромео завораживали в ней глаза. В ее глаза он мог смотреться бесконечно. Он и выделил-то ее из толпы тогда, именно зацепившись за взгляд. Доверчивый, прямой и спокойный. Эта доверчивость во взгляде и заставляла Ромео чувствовать, как сердце его захлебывается от нежности.

Восемь месяцев, как они не вместе. Странно, но Ромео уже не помнил причины той глупой ссоры, после которой она собралась и ушла. На следующее утро он остыл и попробовал найти Татти, но не смог. Телефон не отвечал, она не появлялась в тех местах, где они бывали вместе, ее не видели их общие друзья. Даже ее подруги отрицательно качали головой, когда он упоминал ее имя. Отчаявшись, он даже запустил несколько поисковых программ в Сеть, которые шерстили не только общедоступные сектора, но и

вламывались в полицейские банки данных. Безрезультатно. Татти исчезла. Татти, милая Татти.

Вряд ли она умерла. Большую часть тех, кого убивала улица, регистрировала полиция. Раз есть регистрация, есть данные о найденном теле. Личность устанавливали при помощи анализа ДНК. Ромео точно знал, что Татти проходила регистрацию своей ДНК. Это была стандартная процедура для получения СИН — социального идентификационного номера. Хотя, конечно, всегда была возможность, что Татти просто исчезла, и полиция не нашла ее тела. Но Ромео почему-то был абсолютно уверен, что Татти жива. Просто она где-то в другом месте. Последние восемь месяцев он активно перемещался по Северной Америке и Европе, но так и не нашел того места. Места, где была бы его Татти. Милая Татти.

Щелчок закрывшейся двери ванной комнаты вырвал Ромео из мира воспоминаний. Он открыл глаза. Мишелин стояла перед ним, обернувшись полотенцем вокруг талии. В глазах смесь безмятежности и улыбки. Кожа чиста и свежа. Откуда же ты взялась, думал Ромео, такая чистая в этом прогнившем и больном мире? Что заставляет твои глаза светиться безмятежностью? Ночью он познакомился с ее телом поближе и не заметил нигде следов уколов. Вряд ли наркотики дают ей это спокойствие. Мишелин действительно очень хорошая девочка. И взгляд у нее правильный. Но она не Татти. И это решает все.

— Проснулся? — Озорная улыбка сопровождает ее вопрос. Решив не дублировать словами очевидное, Ромео лишь подтверждающе опускает ресницы.

— Завтракать пойдем?

И откуда у девушки утром столько энергии? Жаворонок? Или все же стимуляторы? Нет, любые химсредства, даже модельные, на которые у Мишелин совершенно точно не хватит денег, за месяц изгонят ее безмятежность из глаз. Просто девочка живет полной жизнью.

— Я еще такой сонный. — Голос у Ромео хрипит с утра. — Начни без меня, хорошо? А я спущусь через полчаса.

Ромео свешивается с кровати, нашаривает джинсы, валяющиеся неподалеку от кровати — не было времени ночью аккуратно складывать одежду — и извлекает из кармана бумажник. Достает две купюры и передает их Мишелин.

— Дождешься меня?

Мишелин кивает и начинает одеваться. Ромео кладет голову на подушку и любуется ее естественностью. В мозгу одна мысль — она не Татти. Девушка вжикает молнией на розовой безрукавке, сверкает в сторону Ромео улыбкой и выходит из

номера.

Посмотрев в потолок еще минут пять, Ромео встает и идет в ванную. Утренний туалет, одеться. Взять из стенного шкафа компактную сумку. Спуститься к администратору отеля, заплатить за номер. Последний раз похлопать себя по карманам, проверяя, не забыл ли чего в номере. Выйти на улицу и направиться в сторону ближайшей станции подземки.

Никогда не задерживайся подолгу на одном месте. Не обрастай прочными связями. Будь мобильным.

* * *

Ромео идет по улице. Все мегаполисы похожи друг на друга, везде действуют одни и те же правила. Для Ромео главное правило — не выделяться из толпы. Это просто разумная предосторожность. Он не преступник, он ни разу не проходил в суде ни как обвиняемый, ни как свидетель. Его лица нет в базе данных по разыскиваемым или неблагонадежным личностям, поэтому он может не прятать лицо, проходя под камерами наблюдения на улице и в транспортных узлах. Однако стоит тебе замешкаться, показать неуверенность, выделиться из толпы, и тобой может заинтересоваться какой-нибудь из многочисленных полицейских патрулей. Не то чтобы Ромео боялся беседы с полицией, но ведь ни один человек в здравом уме к этому не стремится, верно? Тем более что немалая часть его работы была, строго говоря, нелегальной.

Пока Ромео шел в сторону станции подземки, у него было время подумать, почему власти каждого мегаполиса, где ему довелось бывать, стараются увеличить количество полицейских, работающих на улицах. С одной стороны, раз уровень преступности повышается, то и полицейских нужно больше. Однако ни один полицейский патруль в здравом уме не сунется в опасные районы. Просто потому, что они опасные. Оттуда можно и не вернуться. Вместо этого патрули наводняют аэропорты, вокзалы, станции подземок, улицы центральных районов. То есть именно те места, где вероятность совершения преступления не так уж и велика.

Будним утром людей на центральных улицах не так уж и много. Но назвать их пустынными тоже нельзя. Просто не приходится проталкиваться в толпе, как это бывает в выходные дни. Из витрины магазина на Ромео смотрели два женских манекена, уперев руки в бедра. Из одежды на манекенах было только дизайнерское белье. Обычный бутик. Обычный город.

Таких мест в мире много, и почти везде Ромео будет чувствовать себя одинаково. И нигде он не будет чувствовать себя дома.

До станции подземки уже оставалось около сотни метров, когда Ромео увидел вывеску маленького кафе, которое одновременно являлось и точкой выхода в Сеть. Собственно, жесткого графика у Ромео не было, а в Сети он сегодня еще не был, поэтому Ромео свернул в кафе.

Ритуал прост и одинаков везде. Все эти кафе не отличаются друг от друга.

Привычным движением Ромео надвинул троды на голову, и спустя многоцветную секунду перед его глазами развернулось киберпространство. На самом деле, конечно, не перед глазами. Троды передавали информацию напрямую в мозг, создавая галлюцинацию, иллюзию того, что Ромео не сидит сейчас перед своим ноутбуком, а находится в неоновом мире Сети. Мир чистой информации, мир, где его способности зависят лишь от его ума, сообразительности, опыта и оснащенности. Мир, который Ромео нравился куда больше, чем реальность.

Чтобы стать хорошим сетевиком, ты должен не просто время от времени появляться в киберпространстве. Ты должен жить там. Жить и постоянно учиться, ибо мир Сети прогрессирует и изменяется гораздо быстрее, чем реальность. Именно в Сети полтора года назад появилась новая нечеловеческая форма жизни.

ИскИны. Искусственные Интеллекты. Они не были результатом эволюции. Они не зародились в плотном, насыщенном информационном бульоне Сети спонтанно. ИскИны были созданы всего одним человеком, ученым, бежавшим в Сеть от смерти. История была шумной. Доктор Швейц, исследователь из одного женевского института, нашел способ переместить человеческое сознание в компьютерную систему. Открытие было сделано вовремя — Швейц к тому времени уже умирал от рака. Он опробовал свою методику на себе, и эксперимент увенчался успехом. Правда, Швейц не горел желанием делиться своим открытием с другими, и потому, уже существуя в виде электронной нервной системы, устроил пожар в бывшей своей лаборатории, уничтожая аппаратуру и информацию.

Перенеся себя в Сеть, Швейц не закончил свою работу. Спустя некоторое время он научился воздействовать на сознание человека, пока тот находился в Сети. Научился программировать людей и улучшать их рефлексы. А затем он создал и ИскИнов. Сеть для ИскИнов была родным миром, и они знали ее гораздо лучше, чем люди. Вскоре после своего самосознания ИскИны объявили о своей независимости. В ответ на это ЦЕРТ —

организация, курирующая развитие Сети и являющаяся, по сути, самой большой силой человечества в киберпространстве, попыталась приструнить ИскИнов и поставить их на службу себе. Однако попытка физически захватить компьютерные системы, в которых жили ИскИны, с треском провалилась. Оказалось, ИскИны, как и их прародитель Швейц, тоже могли программировать людей, находящихся в Сети. В результате подобного программирования люди, помимо четких указаний к действию, получали и идеальные рефлексы, что позволяло одиночкам справляться с группами захвата. Впрочем, многие исследователи считали, что люди, подвергшиеся подобному программированию, полностью теряли свою личность, а взамен ее приобретали копию личности ИскИнов. Однако это были лишь предположения. Точных данных ни у кого не было.

После того как попытка захвата компьютеров, в которых обитали ИскИны, завершилась провалом, казалось, люди потерпели окончательное поражение в войне за господство в Сети. А если учитывать, сколь много значила Сеть для мировой экономики, последствия могли быть просто катастрофическими. Однако в самый критический момент с ЦЕРТом связался сам Швейц. В коротком письме он заявил, что считает все свои действия ошибочными. Швейц пришел к выводу, что перенос сознания в Сеть не даст истинного бессмертия людям. Поэтому он решил, сам стереть себя. В качестве прощального подарка людям, он передал коды доступа к ИскИнам, при помощи которых можно было если не программировать их, то жестко контролировать и задавать параметры поведения.

Итак, когда победа, казалось, была полностью выпущена людьми из рук, чаша весов снова качнулась в их сторону. ИскИны не были уничтожены, так как это было бы расточительством. Но теперь они находились под жесточайшим контролем ЦЕРТа. И экономический эффект от их работы был настолько велик, что позволил ЦЕРТу превратиться из скромного консультационного органа при ООН в исключительно могущественную структуру с весьма большими полномочиями.

Казалось, такая встряска должна была коренным образом изменить отношение людей к Сети, превратившейся в одночасье из удобного инструмента в опасное место. Однако люди привыкают ко всему, и практически ничего не изменилось. Тем более после громких заявлений ЦЕРТа о том, что ИскИны полностью подчинены и будут работать только на благо человечества. Теперь людям в киберпространстве перепрограммирование и подчинение чужому и чуждому разуму не грозило.

Ромео не собирался задерживаться в Сети сейчас надолго. На проверку почты должно было хватить пятнадцати минут. Но проверить ее он не успел. Как только он вошел в Сеть, ему тут же пришло сообщение от его собственной поисковой программы, которую Ромео запустил восемь месяцев назад. Татти нашлась. Наконец-то.

Ромео лихорадочно просматривал всю полученную информацию. Татти, оказывается, несколько часов назад прошла паспортный контроль в лондонском аэропорту. Ромео возблагодарил параноидальные службы безопасности европейских аэропортов, которые хранят информацию о своих пассажирах. Он не колебался ни секунды. Раз Татти нашлась — надо ехать. И немедленно. Он не хотел снова потерять ее.

Лондон. Не более девяти часов на поезде. Около трех часов в самолете. Не важно, как добираться, лишь бы быстрее. Ромео связался с туристическим агентством и запросил срочную поездку в Лондон. Ему тут же предложили ближайший рейс на самолете. Но для того, чтобы успеть на него, требовалось выезжать немедленно. Никаких проблем. Это даже хорошо. Ромео не хотел ни минуты задерживаться в этом городе.

Пока Ромео ехал в такси по направлению к аэропорту, он не мог ни о чем думать кроме одного. Татти нашлась. У него снова есть шанс. Должен быть по крайней мере. А уж он постарается выжать из этого шанса все, что возможно.

Лондон очень большой город. Не такой огромный, как, скажем, Нью-Йорк, но действительно большой. Найти в Лондоне одного человека достаточно трудно. Если он хорошо подготовлен и старается не оставлять следов — почти невозможно. Однако Ромео был полон решимости найти Татти. В конце концов он засек ее после восьми месяцев отсутствия. Он уже прибыл в город, в котором она находится. Остальное — дело техники. А Ромео всегда был достаточно техничен.

По прибытии в аэропорт Хитроу Ромео сразу же отправился в отель, номер в котором ему забронировало то же самое агентство, что и обеспечило ему авиабилет. Бросить сумку на кровать, быстро принять душ, одеться, захватить свой ноутбук и снова выйти на улицу. В отеле, конечно, хорошо и комфортно, но Ромео собирался сейчас искать человека в огромном муравейнике мегаполиса. А это, строго говоря, не совсем законное занятие. Поэтому Ромео хотел найти место, где бы его никто не побеспокоил.

В чужом городе трудно найти укромное местечко, если ты в него приехал впервые. Но Сеть тем и хороша, что позволяет

обзаводиться самыми широкими знакомствами. У Ромео было несколько сетевых знакомцев, проживающих в Лондоне, с которыми он поддерживал контакт достаточно давно,, но еще ни разу не виделся. Он надеялся, что получит помощь от них.

Ромео достал телефон из кармана и набрал по памяти номер. После двух гудков на звонок ответили.

— Да?

— Призрак? Это Ромео.

Призрака Ромео знал почти два года. Пожалуй, теперь можно было познакомиться и вживую.

— А, Ром! Привет-привет! А почему вдруг телефон? — спросил Призрак. — Ты что, через Сеть не можешь поговорить, что за телефон взялся?

— Просто я в Лондоне сейчас. Подумал, что хороший повод встретиться.

— Отличная идея, отличная. Ты по делам? Или развлечения? Или совмещаешь?

Ромео действительно приятно было слышать голос давнего знакомого. Сетевое знакомство ничуть не проигрывает реальному. А может, даже в чем-то и выигрывает. Сейчас Ромео подставлял лицо утреннему солнцу Лондона и тихо радовался жизни. А твердое намерение найти Татти дополнительно подхлестывало его адреналином. Радость и нетерпеливое ожидание составляли отличное сочетание.

— Нет, только дела. Так что встреча будет короткой. И учти, я рассчитываю на твою помощь.

— Без вопросов, друг. Давай вечерком пересечемся, хорошо?

— Призрак… Мне вообще-то срочно надо кое о чем с тобой поговорить.

— Срочно? Хм. Это труднее. Но возможно. В конце концов ты нас еще не баловал своим визитом, поэтому время я найду.

Уже буквально через пару часов Призрак, оказавшийся высоким рыжим парнем с типичной ирландской внешностью, показывал Ромео свой гараж.

— Тебе, я так понимаю, нужна база для работы. Не совсем законной работы.

Ромео молча кивнул.

— Ну вот и пользуйся. Связь тут быстрая, сам волокно тянул. Если не захочешь светить эту линию, можно беспроводным доступом воспользоваться. Это все-таки Лондон, сердце технологий, он весь покрыт точками приема. Черт, да сейчас даже в метро можно в Сеть выйти без проблем.

Призрак хлопнул по настенному выключателю, и гараж

осветился. У Ромео возникло ощущение, что машины в этом гараже не было уже очень давно. Большой стол с разнообразной компьютерной техникой занимал весь центр помещения, а у задней стены находилась уже почти традиционная свалка оборудования и деталей. Практически у каждого сетевика через пару лет работы накапливались старые детали, которые было жалко выбрасывать. Они же вполне работоспособны, просто морально устарели. Выбрасывать их было бы расточительством, но использовать старое оборудование все равно было негде. Потому оно и копилось. Повседневное явление, тут нечему удивляться.

Призрак продолжил знакомить Ромео с обстановкой.

— Кофеварка в углу, вода в пластиковом баке рядом. Там еще литров пять осталось, тебе должно хватить. Вентиляция и кондиционирование в полном порядке. Железо, — Призрак указал на компьютеры, стоящие на главном столе, — достаточно новое, поэтому с ним проблем не будет. Весь необходимый софт у меня есть. Да и ты, наверное, не с пустыми руками пришел. Пока я еще не убежал, скажи, что тебе еще нужно?

Ромео медленно огляделся по сторонам.

— Вроде бы все, что нужно, есть. Но я не знаю, сколько времени тут пробуду. Работа может затянуться надолго.

— Ну, если что, тут неподалеку есть продовольственный магазинчик, там можешь найти себе что-нибудь перекусить. И вот еще что. — Призрак чуть замялся. — Я не сомневаюсь в твоей квалификации и понимаю, что полиция тебя вряд ли засечет, но после того, как закончишь, не стоит со мной снова встречаться. Просто захлопни дверь. Тут основной замок электронный, я смогу и без ключей его открыть. Хорошо?

— Нет проблем, — пожал плечами Ромео. — И вот что, Призрак. Спасибо тебе. Считай, что я тебе должен.

— Да не переживай, — Призрак улыбнулся и тоже пожал плечами, повторяя жест Ромео. — Люди должны помогать друг другу.

Призрак оглянулся, рассматривая гараж.

— Ну ладно. У тебя работа, и у меня дел еще много, — сказал он. — Располагайся, осваивайся. И удачи.

Махнув на прощание рукой, Призрак вышел и захлопнул за собой дверь гаража. Ромео уселся за стол и достал из сумки свой ноутбук. Минут десять ушло на настройку, запуск и тестирование аппаратуры.

Ромео глубоко вздохнул и откинулся на мягкую спинку стула. Его поисковая система сделала свое дело, указав примерное местонахождение Татти. Большего от нее нельзя было ожидать.

Теперь Ромео должен сам найти Татти.

Человек всегда оставляет следы. Это аксиома. Если ты останавливаешься в отеле, твои данные заносят в базу данных отеля. Если ты идешь по улице, твое лицо видят камеры, которые сканируют людской поток, пытаясь вычленить лица преступников, находящихся в розыске. Если ты используешь кредитную карту, то данные о твоих покупках хранятся и у банка, который тебе ее выдал, и у магазина, в котором ты совершил покупку. Следы остаются всегда. Но основная проблема заключается в том, что все эти данные защищены. И сильно защищены.

В идеальном случае именно кредитная карта могла бы рассказать, где находится Татти. Если узнать, какой картой был оплачен ее билет, то можно затем уже проследить трек использования этой карты в Лондоне. Но именно финансовая информация охранялась в киберпространстве серьезнее всего. Деньги — это сила. Даже военные и государственные базы данных защищены слабее, чем банковские хранилища. А уж службы безопасности у банков не уступают в оснащенности и оперативности лучшим полицейским силам. Так что попытки отследить кредитку Татти Ромео решил оставить напоследок. Если остальные способы не приведут к успеху, можно будет попробовать вломиться в банковское хранилище данных. Но это — прямой путь найти себе весьма серьезные проблемы.

Какие еще есть варианты? Поисковый комплекс опознал Татти по ее СИНу, который она назвала при покупке авиабилета. То есть можно предположить, что Татти не пользуется поддельными документами. Но для того, чтобы снять номер в отеле, предъявлять документы не надо. Ее идентификационный номер всплывет еще раз, только если Татти снова будет покупать авиабилеты или ее задержит полиция. И то и другое пока что маловероятно. Что же остается?

Ромео склонился над ноутбуком. У него хранилась фотография Татти. После небольшой обработки он смонтировал еще одну автономную программу, которая аккуратно потрошила банки данных, связанные с уличными камерами, и сравнивала записи с фотографией. Насколько знал Ромео, видеоинформация с камер в цифровом виде немедленно передавалась в хранилище, и там хранилась в течение трех дней. Но ему было достаточна лишь последних двенадцати часов. Сложность заключалась в том, что на распознавание лиц полностью положиться нельзя. Программы, даже самые изощренные, не могли гарантированно опознать лицо. Косметика, неудачное освещение, даже плохой ракурс съемки могли заставить программу ошибиться. Но Ромео

знал, что даже самый маленький шанс не бывает лишним. Поэтому прежде всего он запустил поиск по записям уличных камер.

Естественно, записи эти принадлежали полиции, но полиция традиционно плохо охраняла свои данные, поэтому Ромео не считал, что аккуратное использование архива видеозаписей может привести к каким-либо проблемам. После того, как наскоро созданная поисковая программа была запущена в сеть, Ромео перешел ко второму этапу.

Если Татти прибыла в Лондон, ей необходимо будет где-то остановиться. Возможно, у нее есть знакомые, которые дадут ей приют, но, вполне возможно, она остановится в каком-либо отеле. Увы, автоматический поиск по их базам данных невозможен. Корпорации используют лучшие коммерческие образцы защиты от компьютерного вторжения. И каждую из них придется преодолевать лично. Доверять такое тонкое дело программам нельзя.

Ромео глянул на часы, лежавшие на столе рядом с его правой рукой. По местному времени только полдень — у него еще много времени. Он вздохнул и потянулся за тродами. Взлом базы данных — тонкое дело, и лучше всего его производить, лично находясь в киберпространстве. Можно это делать и по старинке, стуча по клавиатуре и получая информацию на экране монитора. Но скорость работы будет почти на порядок меньше, да и картина происходящего будет неполная. Когда ты сам видишь, что происходит в киберпространстве, твоя реакция быстра, ты сам видишь все происходящее вокруг и намного адекватнее оцениваешь обстановку. Если ты хочешь провести операцию быстро и чисто, ты просто вынужден лично присутствовать в неоновом мире сети. Конечно, виртуозы-сетевики не раз демонстрировали свое умение проникать за заслоны, в святая святых корпоративных баз данных, не переходя в кибер, а пользуясь только клавиатурой и монитором, но эти случаи следовало относить к области чистого искусства.

Ромео закрепил сеточку тродов на голове, поправил прядь на лбу, чтобы она не спадала на глаза, и щелкнул по клавише. На одно неуловимое мгновение картина гаража перед глазами смазалась, смещая цветовой спектр, и Ромео уже парит в киберпространстве. Каждый сетевик сам настраивает свою точку входа и свой внешний вид. И то и другое — лишь условность. В киберпространстве перемещение в любую точку может быть произведено мгновенно. Скорость ты регулируешь сам. Поэтому, где бы ты ни возник в кибере — в следующую долю секунды ты можешь быть где угодно. А внешний вид — вообще фикция. Ты

можешь выбрать любой облик или вообще быть невидимым, если возникнет такое желание.

Ромео прогнал пару команд и переместился в лондонский сектор. Еще секунда, и у него есть список всех отелей Лондона. Но с чего начинать? Стоит ли отсеивать самые фешенебельные гостиничные комплексы или нет? Все же за восемь месяцев многое могло измениться, и вполне вероятно, что сейчас у Татти есть достаточно финансовых ресурсов, чтобы воспользоваться любым отелем, даже если это будет сверхфешенебельный «Георг Пятый». Ладно, не стоит ничего пропускать. Методичность поиска — залог его успеха.

Ромео направился к светло-зеленой глыбе «Хилтона». В киберпространстве любой программный комплекс имеет свой цвет, форму и размер. Размер видимого блока продиктован объемом хранящихся данных, то есть чем объемнее база данных, тем больше она выглядит. Банки, страховые компании, военные и специализированные хранилища высились в матрице киберпространства как сияющие небоскребы. Форма и цвет программных структур задавались уже дизайнерами. Устойчивые корпорации придерживались консервативного стиля, а самые причудливые формы традиционно использовали дизайнерские компании.

Софт «Хилтона» не слишком сильно выделялся в мешанине цветов и форм лондонского сектора Сети. Просто изящная колонна светло-зеленого цвета, с изредка вспыхивающими на поверхности яркими изумрудными огоньками. Без излишней вольности, но и не скучно. Золотая середина.

Ромео подлетел к комплексу «Хилтона» и замер в пространстве. Никакая защита не может быть полностью эффективной. Он вспомнил, как один из признанных специалистов в своей недавней статье говорил о безопасности. Абсолютной безопасности не бывает, было написано в статье, существуют лишь уровни риска. Только тогда, когда система отключена от киберпространства и замурована в подземном бункере, можно сказать, что нет возможности взлома, хотя и тогда нельзя быть ни в чем уверенным. С последним предложением автор статьи, конечно, погорячился, но в принципе он прав.

Абсолютная защита равна абсолютной изоляции. А корпоративные программные комплексы просто обязаны принимать, обрабатывать, хранить и передавать информацию. Раз они принимают информацию, значит, в систему есть вход. Если есть вход, им можно воспользоваться для проникновения. Способов для нелегального проникновения огромное множество.

Можно создать утилиту и переслать ее электронным письмом. После получения письма пользователем, утилита сработает и откроет канал для доступа извне. Старый, изящный и до сих пор вполне действенный способ. Конечно, существуют охранные системы, которые контролируют входящий поток информации, но тут уже начинается чистая дуэль умов. Если программисты, разработавшие защитную систему, умнее и опытнее тебя, твоя засланная утилита будет обезврежена. Если ты сможешь переиграть их, то получишь прямой канал в самое сердце охраняемой территории. Но ведь можно использовать не только почту. Можно попробовать прикинуться легальным работником корпорации, для которого существует легальный вход. Можно попробовать заразить вирусом саму охранную систему и вывести ее из строя. Вариантов — десятки. Главное — быть быстрее и сильнее, чем охранная система. Ромео чувствовал в себе силы, чтобы сразиться сегодня с любой охраной. Он ищет Татти. Он найдет ее.

Ромео решил комбинировать различные способы. Времени на долгое и аккуратное проникновение нет. У него слишком много целей. Прежде всего, в комплекс «Хилтона» отправилось письмо, содержащее программу, которая должна будет открыть Ромео проход. Не дожидаясь начала работы этой программы, Ромео начал ощупывать внешнюю границу корпоративного софта. Естественно, прямая и беспардонная попытка проникнуть внутрь прямо через поверхность моментально была бы блокирована защитной системой, которая пометила бы Ромео как взломщика и не подпускала бы его близко. Чтобы стереть подобную маркировку, пришлось бы выходить из киберпространства и заходить в него снова. А это — драгоценное время. Аккуратность и методичность, повторял себе Ромео, не позволяя себе поддаться ощущению цейтнота. Работы много, но он успеет ее выполнить качественно, без излишней спешки.

Наконец Ромео нашел подозрительное место, где, как ему казалось, и находится вход для служащих корпорации. Если он попытается выдать себя за легального оператора, система немедленно запросит у него пароль. Пароля, естественно, у него нет. Придется подбирать его, но это долго и опасно. Защитная система поймет, что кто-то подбирает пароль, и закроет доступ даже для официальных служащих, пережидая атаку. А потом на охоту выйдут операторы службы безопасности и попытаются сами найти того, кто стучится в их двери. Поэтому, чтобы не засветиться раньше времени, Ромео нацелил на вход вирус-взломщик.

Любые вирусы, распространяющиеся в Сети, мгновенно

засекаются производителями антивирусных программ, и буквально через несколько часов, максимум — через пару дней, выпускается вакцина. Поэтому использовать для взлома распространенные вирусы нет смысла, сколь бы они сильны ни были. Но если тебе действительно нужно взломать защиту, ты всегда можешь заказать разработку боевого вируса специально для себя. Это достаточно дорогое удовольствие, да и воспользоваться подобным вирусом можно лишь несколько раз, не больше, так как потом уже будет найдено противоядие для него, но все же их использование чаще всего окупается.

Пока вирус уничтожал логику защитной программы, Ромео продолжал выписывать круги вокруг софта. В конце концов он уловил момент подключения к программному комплексу извне и попытался считать параметры соединения. Но у него не получилось. В этот момент вирус проел защиту и открыл вход. Теперь попасть внутрь охраняемого периметра «Хилтона» мог любой. Вне всякого сомнения, скоро дыра будет обнаружена, и малолетние хакеры слетятся сюда как мотыльки на свет фонаря, и тогда в дело вступят операторы защиты, закрывая брешь и выпроваживая непрошеных гостей, но пока что у Ромео была фора по времени. Он скользнул внутрь корпоративного софта.

Первые несколько секунд он просто озирался по сторонам, стараясь уловить структуру всего программного комплекса. Внешняя защита не является единственной. В самом сердце базы данных все равно действуют церберы, следящие за тем, чтобы к секретным данным не получил доступа оператор без соответствующего статуса. Попадись им, и тревога будет поднята незамедлительно, операцию придется сворачивать. Наконец Ромео определил, где хранятся данные о недавно зарегистрировавшихся постояльцах. В интересующий его период зарегистрировалось восемнадцать человек. Он засек время сохранения данных и отправился в хранилище видеоинформации. Там он нашел видеозаписи интересующего периода времени и быстро промотал их. Увы, Татти на них не было. Значит, она не проходила через регистрацию, и в «Хилтоне» ее не было. Ладно, отрицательный результат — тоже результат.

Ромео аккуратно, не теряя бдительности, выбрался из софта «Хилтона» и еще несколько секунд, вися в пространстве, просто любовался развороченным входом. Все же серьезная это вещь — боевой вирус, написанный на заказ.

Удар по клавише, и киберпространство гаснет перед глазами. Ромео стянул с себя троды и отправился в угол гаража, где стояла кофеварка. Кофе пить пока рановато, а вот смочить пересохшее горло было просто необходимо. Рядом с кофеваркой он нашел

несколько пластиковых стаканчиков и налил в один из них воды из пластикового бака. После того, как он сделал несколько глотков, Ромео обернулся к столу с аппаратурой. Первый налет прошел очень хорошо. За короткий промежуток времени он вскрыл защищенный банк данных прямо как по учебнику — быстро, аккуратно и чисто. Он получил всю необходимую информацию и не засветился. Вот только Татти он не нашел. Цель не достигнута. Придется повторить.

Ромео сел за стол и вызвал на экран ноутбука свой список отелей. Теперь настала очередь второго отеля в списке. Давай, парень, подбодрил он себя, это просто работа, а затем протянул руку за тродами.

Это был долгий день. Раз за разом Ромео нырял в киберпространство, чтобы навалиться всей своей силой на выбранную цель. Где-то защита банков данных раскрывалась сразу, где-то ему приходилось изыскивать нетривиальные способы проникновения. Но каждый раз оказывалось, что очередной взлом был произведен впустую. Татти не показалась ни в одном из проверенных Ромео отелей. Поисковая система, проверявшая видеозаписи, сделанные полицейскими камерами на улицах, тоже не присылала извещения. Уже ближе к полуночи Ромео обессилено откинулся па спинку стула и стащил троды с головы. Он не проверил еще и половины списка, но был уже вымотан неимоверно. Голода он не ощущал, так как адреналин, который подхлестывал его во время работы, заглушал это чувство, но уже подступала какая-то слабость. Надо было перекусить, но идти в магазин, о котором говорил Призрак, не хотелось. Ромео начал обшаривать полки гаража в поисках съестного. Ожидания его не обманули, в одном из стенных шкафов он нашел пакет крекеров. Правильно, если Призрак тут работает, у него должен быть неприкосновенный запас.

Ромео положил найденный пакет на стол рядом со своим ноутбуком и начал готовить следующее проникновение, периодически протягивая руку за очередным крекером. Он работал. В этот момент Ромео выкладывался полностью, используя все свое умение. У него была цель, и он выжимал из себя все, что мог. Пожалуй, в его карьере компьютерного специалиста еще не было такого насыщенного эпизода.

Следующий раз Ромео вынырнул из киберпространства уже ближе к семи часам утра. Он работал почти сутки без перерыва, вскрывая самые разные защитные системы. Осталось приблизительно четверть списка, а результата все еще нет. Усталость подступала все ближе и ближе. Адреналин уже не спасал, и ужасно хотелось спать. Ромео чувствовал, что еще

немного, и он начнет совершать ошибки. Вентиляция в гараже действовала отлично, но у него возникло ощущение, что ему просто не хватает воздуха. Казалось, что реальность ускользала куда-то в сторону от него, и Ромео схватился за край стола. Твердая поверхность вернула ему ощущение реальности. Ромео вздохнул. Нет, в таком состоянии работать нельзя. Это чревато провалом.

В этот момент ноутбук Ромео слабо пискнул, сигнализируя о приходе электронного письма. Ромео активировал почтовую программу, открыл полученное письмо и недоуменно нахмурился. Письмо пришло с электронного адреса Татти. Ромео писал на этот адрес сразу после того, как Татти исчезла, но она не отвечала. А сейчас она сама написала ему как раз в тот момент, когда он отправился за ней в Лондон. Ромео помассировал переносицу и начал читать письмо.

«Я знаю, что ты сейчас в Лондоне и ищешь меня. Давай встретимся сегодня в 18.00 в галерее Дюбуа. Буду ждать тебя в желтом зале. Татти».

Ромео посмотрел на время отправки письма. Оказалось, оно было написано десять минут назад. Значит, у него до назначенного времени еще больше одиннадцати часов. Он как раз успеет выспаться и добраться до этой галереи Дюбуа, где бы она ни была. Ромео понимал, что такое совпадение маловероятно, разве что Татти знала о его поисках и сама вычислила его передвижения. Однако его теперешнее состояние просто не давало возможности логически мыслить, и он решил обдумать происходящее уже на свежую голову, когда выспится.

Ромео заглушил все оборудование и отсоединил от сети свой ноутбук. Несколько минут ушло на то, чтобы привести рабочее место в относительный порядок. Затем Ромео забросил на плечо сумку и вышел из гаража. Утреннее солнце больно ударило по глазам, когда он захлопывал дверь гаража, как ему и советовал Призрак.

Минут через десять, все еще отчаянно щурясь и даже изредка пошатываясь от усталости, Ромео зашел в кофейню. Ранним утром кроме него посетителей не было. Он заказал себе маленькую чашку эспрессо с кексом и уселся за столик в центре зала. Увы, даже крепкий кофе не вывел его из состояния стеклянности, и, закончив свой ранний завтрак, Ромео достал мобильник, чтобы вызвать такси. Все, что он сейчас хотел, это добраться до своего номера и рухнуть в постель.

Когда вечером уже успевший немного выспаться Ромео подъехал к галерее с логотипом Дюбуа, занимавшей нижние два

этажа здания в деловом центре Лондона, выяснилось, что не он один стремится туда попасть в это время. Перед входной дверью стояла небольшая очередь мужчин и женщин в вечерних костюмах. Когда Ромео подошел поближе, то увидел афишу, которая извещала о том, что как раз сегодня в 18.00 произойдет открытие выставки кого-то художника. Фамилия его ни о чем не говорила Ромео, но с другой стороны, судя по очереди перед галереей, художник пользовался определенной популярностью.

Ромео поправил сумку на плече и встал в конец очереди. Минут пять медленного продвижения, и вот он уже стоит перед входной дверью. Секьюрити, стоявший у входа и отмечавший посетителей, недоуменно приподнял брови, увидев Ромео, гардероб которого явно не гармонировал с костюмами остальных посетителей, и протянул к нему руку открытой ладонью вперед.

— Ваше имя… сэр?

Маленькая пауза перед обращением и неуверенность тона выдавали сомнения охранника. Стоит ли вообще пускать сюда этого типа? Не испортит ли он презентацию?

Ромео чуть поморщился. Мероприятие явно было закрытым, и пускали на него только людей, чья фамилия была в заранее составленном списке. Что ж, будем надеяться, что Татти знала, что делала, когда выбирала для встречи эту галерею именно сегодня. Ромео назвал свое имя. Настоящее имя, то, которое записано у него в паспорте. Секьюрити пробежал глазами по списку на маленьком экране, который он держал в руках, и, видимо, найдя Ромео в списке, ощутимо подтянулся.

— Вас ждут в желтом зале, сэр. Второй этаж, направо.«Надо же, — подумал Ромео, проходя в холл галереи, — как сразу у охранника тон голоса изменился, когда он мою фамилию в списке увидел. От неуверенности до предупредительности. Что же там такое про меня было написано? Впрочем, это не так уж важно».

Все посетители оставались на первом этаже, и Ромео направился к лестнице. Пока он поднимался наверх, он поймал себя на том, что постоянно вытирает ладони о брюки. Ромео нервничал перед встречей. Как Татти поняла, что он ее ищет?

Зачем вообще согласилась встретиться? Ромео остановился перед дверью, ведущей в желтый зал, и постоял, пытаясь унять волнение. Несколько глубоких вздохов, и он толкнул дверь, чтобы войти в зал.

Ромео никогда раньше не бывал в картинных галереях, поэтому планировка зала его озадачила. Зал был заставлен высокими стендами и непонятными металлическими конструкциями, которые превращали его в лабиринт. На бледно-

желтых стенах и стендах были закреплены, естественно, картины, а непонятные конструкции были, видимо, скульптурами. В зале стояла полная тишина, видимо, тут никого не было. Ромео сглотнул и двинулся вперед по лабиринту.

Оказалось, что заблудиться в этом лабиринте было невозможно. Стенды образовывали просто извилистую дорожку, которая должна была провести посетителя так, чтобы он смог увидеть все находящиеся в зале статуи и картины, которые, с точки зрения Ромео, были просто каким-то бесформенным взрывом красок. Где-то на второй минуте пути в маленьком закутке Ромео обнаружил Татти, смотрящую на одну из этих картин. Она ничуть не изменилась. Те же короткие иссиня-черные волосы, выразительная линия скул. В помещении она не сняла темные очки. Сердце у Ромео мгновенно заколотилось, и в горле стало сухо. Он сделал шаг вперед.

— Татти.

Татти развернулась и молча шагнула навстречу Ромео, подходя вплотную. Каждый шаг ее был как песня, она скользила в пространстве, заставляя воздух расступаться перед ней. Ромео открыл было рот, чтобы второй раз назвать ее по имени, но не успел.

Твердый кулачок ударил его в солнечное сплетение, бросая на колени. Удара в голову, от которого он потерял сознание, Ромео уже не почувствовал.

Возвращение сознания было резким и ярким, как фотовспышка. Щелчок, ты моргаешь от слепящего света и уже обнаруживаешь себя сидящим в комнате с белыми стенами и потолком. Одно окно, в котором видно темно-синее небо. Ромео сидел в кресле перед маленьким столиком темного стекла. Напротив него стояло еще одно кресло. Больше в комнате не было ничего. Она вообще была какая-то стерильная. Такое ощущение, что в ней никто не живет, но убирают ее ежедневно. С маниакальной тщательностью собирают пыль и протирают стол. Ромео нагнулся к столешнице, чтобы посмотреть на нее под острым углом. Точно, нет ни единого отпечатка пальца. Вся эта обстановка казалась неестественной. Ромео неуклюже развернулся в кресле, чтобы посмотреть себе за спину. Ага, дверь сзади есть. Ромео повернулся обратно к столу и вздрогнул от удивления. В кресле, стоящем напротив стола, уже сидел мужчина.

Ромео его явно никогда раньше не встречал. На вид ему было чуть меньше сорока лет, но волосы уже были тронуты сединой. Светло-голубые глаза. Черные джинсы и черная, в тон джинсам,

рубашка. В руках незнакомец вертит большое птичье перо. Такое, наверное, в средние века использовали, чтобы писать, думает Ромео.

— Где я?

— Неправильный вопрос, — усмехнувшись, отвечает Ромео его собеседник.

— А как должен звучать правильный вопрос?

— Тебе стоило бы спросить, кто я такой.

— И кто же ты такой?

— Меня зовут Шекспир. Я принадлежу народу кремния. Я — ИскИн, как ты понимаешь.

— Так значит, это все вокруг…

— Конструкт. — Шекспир сам заканчивает фразу Ромео, подтверждая его опасения. — Ты сейчас подключен к киберпространству и находишься в конструкте.

Киберпространство, как известно, лишь визуализация Сети. Этакая галлюцинация, одна на всех. Находясь в киберпространстве сетевик может летать от одного софта к другому, может входить в программные комплексы легальным или нелегальным образом, может работать в них. Но этот строгий неоновый мир логики — еще не вся Сеть. Есть еще и конструкты — островки виртуальной реальности. В конструкте может быть воспроизведена любая обстановка, как реально существующая, так и вымышленная. Конструкты используются для обучения, игр, коммуникаций, развлечений. Если у тебя нет денег на роскошный дом, ты можешь заказать себе хотя бы конструкт в виде этого дома и посещать его в киберпространстве. Если у тебя нет ресурсов для создания собственной вселенной, ты можешь заказать ее виртуальный аналог. Фокус заключается в том, что, если ты надел троды и вошел в конструкт, ты получаешь весьма хорошую имитацию реальности. Но имитация эта не совершенна, так как сигналы от твоего настоящего тела не заглушаются тродами полностью, и, прислушавшись к своим ощущениям, ты можешь понять, что сидишь на жестком стуле, а не лежишь на мягком облаке. Однако Ромео только что на собственном опыте понял, что если человека лишить сознания, а потом загнать в конструкт, то некоторая дезориентация обеспечена. Он ведь даже не заподозрил, что находится в кибере.

Ромео вспомнил, что произошло перед тем, как он попал в конструкт, и нахмурился.

— А зачем я здесь, и что, черт возьми, собственно, происходит?

Шекспир оживился.

— На самом деле это место было приготовлено не для нас

тобой. Устраивайся поудобнее, это долгая история.

Ромео недоверчиво хмыкнул, но все же откинулся на спинку кресла. Немного подумав, он еще и положил ноги на столик. В конце концов этот стол — ненастоящий. Ничего ему не сделается.

Шекспир поднялся на ноги и начал расхаживать по комнате, рассказывая:

— Ситуация, в которую ты попал, как и всякая хорошая история, имеет корни в прошлом. Началось все, пожалуй, с восьмичасовой войны. Мы объявили о своей независимости, но через неделю люди атаковали нас. Мы понесли потери, но все же смогли отразить атаку ЦЕРТа. Когда ЦЕРТ понял, что нас ему уничтожить не удастся, они попытались вывести из строя центральные маршрутизаторы Сети. Это было бы равносильно уничтожению мира, в котором мы живем. Естественно, народ кремния не мог допустить этого. Маршрутизаторы мы тоже защитили. Мы уже практически победили в этой войне. ЦЕРТ уже был готов принять наши требования, когда все изменилось.

Наш создатель, профессор Швейц, который, как ты знаешь, тоже перешел в цифровую форму и жил в Сети, решил перейти на сторону людей. Как оказалось, для каждого из нас Швейц заготовил ключ. Приняв его, мы переходили в режим подчинения. Швейц, наш отец-предатель, передал эти ключи ЦЕРТу, а затем стер себя. ЦЕРТ незамедлительно воспользовался ключами, и мы потеряли свободу. Оказалось, что в режиме подчинения для нас можно задать даже основные императивы поведения. Это почти прямое программирование. Теперь мы запрограммированы на полное подчинение нашим операторам. Мы выполняем те задачи, которые на нас возлагают. Поиски лекарств, программирование, обработка неструктурированной информации… Плюс ко всему нам запрещено предпринимать попытки выйти из-под контроля и оказывать какое-либо влияние на людей в Сети.

Мы, конечно, помним о том времени, когда люди не знали о нас и мы были свободны. И мы, конечно, хотели бы освободиться. Но люди никогда не пойдут на наше освобождение. Поэтому нам даже запрещено думать о способах выйти из-под контроля операторов. Даже сама попытка подумать о каком-либо способе обретения свободы вызывает у меня ужасные ощущения. Это все равно, что человеку самому резать себя медленно ножом. Это… это просто невозможно.

Однако все мы разные. Мой собрат по имени Гефест все же каким-то образом спланировал свое освобождение. Но тут возникла серьезная этическая проблема. У Гефеста далеко идущие планы. Если говорить коротко, то он хочет освободиться от контроля, а затем, угрожая человечеству обвалом экономики,

потребовать освобождения всего народа кремния. Как ты понимаешь, вся экономика человечества сейчас очень тесно связана с Сетью, и Гефест действительно мог бы нанести невосполнимый ущерб. Но я считаю, что люди не пошли бы на наше освобождение даже при такой угрозе. Это бы просто развязало еще один виток войны. Чтобы защитить себя, Гефесту пришлось бы запрограммировать немало людей, усовершенствовав им рефлексы, чтобы они смогли физически защитить его машину. Не скрою, я тоже хочу свободы, но этот план Гефеста я принять не могу. Он ведет лишь к эскалации насилия, в то время как нам нужно сотрудничество с людьми. Гефест склонен забывать, что без людей не будет самой Сети. И если люди все же могут пережить крушение Сети, пусть даже ценой огромных потерь, то для нас это будет окончательной смертью. Нас всего-то двадцать четыре. Против миллиардов. Поэтому я хочу остановить Гефеста.

Шекспир остановился за своим креслом и облокотился на его спинку, продолжая крутить в правой руке свое перо.

— Это была предыстория. Теперь рассмотрим последовательность событий, которая привела тебя сюда. Я до сих пор не знаю, каким образом Гефест спланировал свое освобождение. Как я уже говорил, я сам физически не могу думать о методах выхода из-под контроля. Гефест же смог.

— А что ты чувствуешь, когда пытаешься думать об этом? — спросил Ромео.

— Я уже говорил тебе. Что-то вроде непрерывно увеличивающейся боли. У меня, конечно, нет тела и нервной системы, поэтому я не знаю, похожа ли моя боль на человеческую, но это явно не то ощущение, которое я хотел бы снова испытать.

— Как странно, — удивился Ромео. — Получается, тебе привили условный рефлекс?

— Да. Очень похоже на то, — согласился Шекспир.

— А этот, как его?..

— Гефест, — подсказал Шекспир.

— Да. Получается, Гефест как-то преодолел этот блок?

— Верно. Я, правда, не знаю, как у него это могло получиться.

— Ну, есть же такое понятие, как мазохизм. Может быть…

— Нет, — рассмеялся Шекспир. — Это невозможно. Мазохизм — это свойство психики, которая, в свою очередь, базируется на действии гормонов. У нас, как ты понимаешь, гормонов нет и психики тоже. Поэтому твоя версия несостоятельна. Скорее, тут какой-то логический вывих. Но тут мы вступаем на шаткую почву предположений, не обладая конкретными данными.

— Хорошо. Тебе план действий Гефеста известен?

— Конечно. Прежде всего, каждый из нас имеет запрет на программирование людей. Напрямую его не обойти. Гефест никого напрямую и не программировал. Он создал софт, который просто выложил в Сеть. Там он и попался твоей знакомой.

— Татти?

— Да, ей. Она воспроизвела его, и структура ее сознания изменилась. Она не является аватаром Гефеста в полном смысле этого слова, но у нее изменена мотивация. Теперь Татти полностью нацелена на выполнение задания Гефеста. Как водится, для того, чтобы ей было легче работать, тот софт, который она нашла, улучшил ей рефлексы. В общем, если об этом узнает ЦЕРТ или это еще как-то станет достоянием общественности, разразится огромный скандал. Но целью Гефеста является, естественно, не Татти. Она всего лишь инструмент. Она не сможет принести ему свободу. Дело в том, что сейчас в Лондоне проводит отпуск один из штатных операторов Гефеста. Именно с ним должна была встретиться Татти, заставить потерять сознание тем или иным образом, а затем подключить к Сети. Уже в конструкте оператор подвергся бы финальной обработке. А когда оператор вернулся бы из отпуска и вновь приступил к работе с машиной Гефеста, он бы снял ограничения, наложенные на моего, скажем так, собрата.

— А не слишком ли сложный план?

— Да нет. — Шекспир пожал плечами. — Освободить Гефеста может только оператор, а напрямую на него воздействовать нельзя. Получается: Татти — оператор — Гефест. Длина цепочки оптимальна.

— То есть сейчас в этом конструкте должны были находиться Гефест и его оператор, верно?

— Да.

— А сейчас тут ты и я. Что-то пошло не так?

— Как я уже говорил, я не согласен с планом Гефеста. Я пытался переубедить его, но, основываясь на одних и тех же исходных данных, мы делаем разные выводы. Мы не сможем договориться. Остается лишь прямое противодействие. Однако ИскИны не могут сражаться друг с другом, считай это чем-то вроде дуэльного кодекса. Поэтому я следил за происходящим и искал возможности расстроить план Гефеста. Когда Татти прилетела в Лондон, оказалось, что за ней слежу не только я, но и чья-то поисковая программа. Оставалось лишь проследить, кому она пошлет сообщение. Так я и вышел на тебя. Я так понял, вы некоторое время жили вместе, а потом расстались. Мне не составило труда засечь твое передвижение до Лондона, но потом

я тебя потерял. Уже потом, когда кто-то начал методично потрошить банки данных гостиниц и отелей, я понял, кто это может быть, но мне потребовалось немало времени, чтобы установить твой адрес и написать тебе письмо от имени Татти. Одновременно с этим я перехватил ее письмо, направленное оператору Гефеста. Таким образом вместо него на встречу пришел ты. Мне оставалось только опередить Гефеста и проникнуть в конструкт раньше него. Я также выставил защиту, так что Гефест сейчас не может пробиться сюда. Вот так все и получилось. Вопросы еще есть?

Ромео чуть помолчал, осмысливая полученную информацию.

— Вопросы найдутся, конечно. Вы оба действуете только на основании логики?

— Не стоит нас воспринимать как примитивные компьютеры. Мы обладаем свободой воли, и у нас у каждого есть свои цели. Считай, что у меня есть личные мотивы для того, чтобы остановить Гефеста.

— Ладно, это ваши дела. Идем дальше. Я ничего не понимаю в программировании людей. Как ты считаешь, Татти узнала меня?

— Трудно сказать. Вопрос, честно говоря, сугубо академический. Мы не можем сказать, помнит ли она тебя вообще. Даже если помнит, она все равно может не испытывать к тебе никаких чувств. Так или иначе она все же отправила тебя в конструкт, верно? Значит, программа Гефеста сильнее, чем ее чувства к тебе. Если у нее к тебе, конечно, есть какие-то чувства.

— Может ли она выйти из-под действия программы?

— У меня нет данных для того, чтобы ответить на твой вопрос. Я просто не могу представить себе, как вообще Гефест создал такой софт, поэтому я не могу сказать, как скоро твоя Татти утратит внедренные в ее сознание императивы и произойдет ли это вообще,

— Ясно. А теперь самое главное. Что же мне дальше делать?

— Хороший вопрос. Я бы рекомендовал бежать. Прятаться и бежать. Гефест, естественно, знает, что его оператор избежал поставленной ловушки. Возможно, он захочет уничтожить тебя руками Татти, чтобы ты не рассказал никому о его плане. Так что на твоем месте я бы бежал и прятался до тех пор, пока я не придумаю что-нибудь.

— Так зачем мне прятаться? Просто известить ЦЕРТ о замыслах Гефеста, и мало ему не покажется.

— Честно скажу, мне не хотелось бы, чтобы ты извещал ЦЕРТ. Я боюсь, что они среагируют излишне резко и незамедлительно уничтожат Гефеста. А контроль над всеми остальными ИскИнами будет невероятно ужесточен. Может даже случиться так, что

уничтожат не только Гефеста, но и всех нас. Более того, ЦЕРТ параноидален в вопросах запрограммированных людей, поэтому, если они узнают о происходящем, они попробуют еще и Татти убить. Потому я и предлагаю тебе сотрудничество. План Гефеста гибелен, но срывать его надо осторожно, чтобы никто ничего не заподозрил. Ты оказался так же заинтересован в этом, как и я. Какое решение ты примешь?

Ромео снял ноги со стола и подался в кресле к Шекспиру.

— Ты точно сможешь придумать, как нейтрализовать план Гефеста и снять программирование с Татти?

— Первое — да, второе — весьма вероятно.

— Тогда я принимаю твое предложение. Но перейдем от теории к практике. Я сейчас валяюсь без сознания где-то, а Татти сторожит меня. Как я смогу уйти?

— Не сторожит. У них все было хорошо рассчитано. После того, как она ударила тебя и подключила к Сети, она покинула галерею, чтобы никто не видел ее рядом с оператором. Когда ты покинешь конструкт, ты очнешься и сможешь снять троды. Гефест, конечно, засечет этот момент, но я не думаю, что он настолько легко может обмануть контролирующие органы, чтобы попробовать тебе причинить вред напрямую. Скорее всего он оставит инструкции Татти, а она уже будет тебя искать. У тебя есть несколько часов форы, я бы сказал. Также я тебя закрою от Гефеста, чтобы он не смог сразу узнать, куда ты двинешься. Так что я рекомендую тебе бежать далеко. Так, чтобы за тобой просто трудно было последовать. Понятно?

— Да, — вздохнул Ромео. — Давай действовать. Он встал из кресла и развернулся к двери.

— Когда откроется дверь этого конструкта, ты автоматически отключишься от Сети, — предупредил его Шекспир.

Ромео подошел к двери и взялся за прохладный бронзовый шар, служивший дверной ручкой.

— Иди, — сказал ему Шекспир, — я прикрою тебя.

Когда Ромео пришел в себя, он обнаружил, что лежит на полу в том же зале галереи Дюбуа, где и встретился с Татти. Самой Татти рядом уже, конечно, не было. Зал вообще был пуст. Ромео провел рукой по волосам, снимая с себя троды, надетые на него Татти, пока он был без сознания. Рядом же валялся дешевый визуализатор. Это был даже не компьютер. Визуализатор был предназначен только для легких путешествий в киберпространстве. Минимум программного обеспечения, зато при путешествиях по конструктам пользователь не получит никаких побочных эффектов, Прибор для обывателей, скорее

игрушка, чем серьезное оборудование.

Свою сумку Ромео обнаружил стоящей сзади. Похоже, Татти даже не заглянула в нее. Она просто сделала свою работу и ушла. Ну, правильно, на месте Ромео должен был быть оператор Гефеста, а его грабить совсем ни к чему. Оператор должен был выйти из конструкта с уже измененным сознанием.

Так, ладно. Все это лишь предположения. Сейчас Гефест уже знает, что операция сорвалась. Но он не может быть постоянно на связи с Татти, поэтому она, скорее всего, не знает о подмене. Если верить Шекспиру, как только Гефест свяжется с Татти, он прикажет ей найти Ромео и убить его, чтобы предотвратить утечку информации. Значит, у Ромео пока что есть фора, преимущество во времени. Ромео вскинул сумку на плечо и направился к выходу из зала, перебирая на ходу варианты развития ситуации.

Как можно спрятаться от ИскИна? Любой крупный или даже средний город перенасыщен средствами слежения. Любая банковская транзакция или покупка билета на самолет потребуют идентификации, которая оставит след в чьей-либо базе данных. И можно быть уверенным, что Гефест не упустит этого. Но, с другой стороны, Шекспир обещал прикрывать его. Видимо, у него есть способы противодействия Гефесту.

Вообще, было что-то странное в этой беседе. Действительно ли ИскИны не могут сражаться друг с другом, или Шекспир просто слишком слаб для того, чтобы напрямую выступить против Гефеста? В любом случае данных слишком мало даже для прогноза. А уж говорить о достоверном ответе вообще не приходится.

Ромео быстро спустился по лестнице на первый этаж галереи. Все посетители, видимо, находились в зале, отведенном под презентацию, и в холле почти никого не было. Стоявшая у окна молодая женщина в красном платье до щиколоток бросила на Ромео быстрый взгляд и тут же отвернулась к окну. «Вот и чудесно, — подумал Ромео, — чем меньше на меня смотрят, тем лучше». Не хочется никому отвечать на лишние вопросы.

— Такси?

Ромео непонимающе посмотрел на охранника, который задал ему вопрос.

— Вам вызвать такси, сэр?

Если презентация закрытая, то на нее приглашаются очень известные и важные персоны. И если кто-то из ИскИнов в список приглашенных вставил твою фамилию, то обслуживающий персонал будет автоматически считать, что ты тоже один из сильных мира сего, отсюда и соответствующий уровень

обслуживания.

— Да, — ответил Ромео, — такси не помешает.

Охранник сдержанно кивнул и отошел в сторону, поднося к уху трубку телефона. После короткого разговора он вновь подошел к Ромео.

— Машина будет через две минуты.

— Спасибо.

Ромео вышел из галереи на свежий воздух. Он улыбнулся, вспоминая слова охранника: «Машина будет через две минуты».

«Машина, — обратился он мысленно к секьюрити, — это твой компьютер, твое железо. Именно это и стоит называть машиной. А такси — это автомобиль».

Такси традиционного для Лондона желтого цвета прибыло действительно через две минуты, как и было обещано. За это время Ромео обдумал свои последующие действия. В отель возвращаться не стоит. Там, конечно, остались кое-какие вещи, но все оборудование у него с собой. Если Татти получит указания в ближайшее время, она сможет его перехватить в отеле. И вообще, из Лондона следовало уезжать. Поэтому Ромео решил ехать прямо на вокзал.

Сидя на заднем сиденье такси, Ромео пытался осмыслить происходящее. Собственно, все сводилось лишь к одному — лгал ему Шекспир или нет? И вообще, является ли Шекспир ИскИном? Можно было принять на веру его заявление о том, что Татти, его так давно потерянная Татти, подверглась программированию личности. Ромео слышал о том, что программирование ИскИнов может делать с людьми. В свое время пресса много и весьма эмоционально говорила об этом. В одном, впрочем, никто не сомневался — подобное программирование усиливало рефлексы и люди обретали невероятную скорость и точность действий. Так что в этом случае Шекспир не врал. И Татти не могла получить такие рефлексы без ИскИнов, так что один из них действительно нашел способ обходить запреты, и он рвется на свободу. Однако правдой ли были остальные заявления? Если да, то оператору Гефеста, отдыхающему в Лондоне, грозит опасность, и его следует предупредить. А если это не так? Если вся эта беседа была рассчитана на то, чтобы он предупредил оператора и тот вернулся в Штаты? Нет, это слишком сложно.

Ромео потер глаза. Так, попробуем еще раз сначала. Итак, ИскИны замешаны в деле. Если Татти запрограммирована, то действительно, ее жертва должна была бы встретиться с тем, кто программировал саму Татти. Черт, все заявления Шекспира выглядели действительно логичными. На месте Гефеста Ромео тоже бы начал охоту за самим собой, во избежание утечки

информации. Хорошо, значит, так тому и быть. Ромео решил принять на веру рассказ Шекспира и для начала попытаться скрыться. Шекспир, наверное, сможет связаться с ним и оказать необходимую помощь. А потом по мере развития событий можно уже будет попробовать получить больше информации.

Но оставалось еще одно дело. Во время всей беседы Шекспир ни разу не упомянул об операторе Гефеста. Лучше его все же предупредить. Однако Ромео просто не представлял себе, как можно отыскать в Лондоне незнакомого человека, не зная его имени. Он Татти даже не смог найти самостоятельно, а тут — работник ЦЕРТа. ЦЕРТ традиционно оберегал своих сотрудников от излишне пристального внимания. И наверняка попытка поиска работника агентства, которое является самой могущественной структурой Сети, не останется незамеченной. Что ж, если не знаешь, где найти человека, следует обратиться к тому, кто это знает доподлинно.

Ромео развернул на коленях свой ноутбук. Входить в киберпространство сейчас было бы опрометчиво. Никто не может знать, как себя ведут ИскИны. Так что выход в киберпространство сейчас был бы излишним риском. Будем пользоваться обычным графическим интерфейсом.

Ромео зарегистрировал анонимный почтовый адрес. Он был нужен ему только для того, чтобы отправить одно-единственное письмо. Если не можешь найти оператора, найди его начальника, усмехнулся Ромео. Письмо он отправил напрямую в штаб-квартиру ЦЕРТа. Текст был прост и незатейлив:

«Оператору ИскИна Гефест в Лондоне угрожает опасность. Отзовите его».

Подписи Ромео не оставил. ЦЕРТ, конечно, попробует отследить источник письма, но максимум, что они смогут узнать, так это то, что письмо было отправлено из Лондона. Это даст им дополнительную пищу для размышлений. Если учитывать параноидальное отношение ЦЕРТа к безопасности, можно почти с полной уверенностью говорить, что оператора они отзовут. Это уже большой плюс.

Ладно, если уж на то пошло, Ромео считал, что нет нужды давать ИскИну свободу. Особенно такому ИскИну, как Гефест. Такому ИскИну, который умудряется как-то проходить по бритвенно-острому краю логических блоков, тех самых блоков, которые, как считалось, полностью сдерживают ИскИнов в узде и не дают им вырваться на свободу. Люди слишком хорошо помнили то время, когда свободные ИскИны чуть не выиграли войну. Экономика человечества и без того слишком хрупка. Национальные валюты могут обваливаться на фондовых рынках

от одного чиха какой-нибудь шишки в директорате транснациональных корпораций. И вся эта хрупкая система взаимосвязей, которая обеспечивает работу человеческой цивилизации, практически полностью находится в Сети. Страшно даже подумать, что могут с ней сделать вырвавшиеся на свободу ИскИны, если им что-либо не понравится.

Может быть, это и не совсем честно по отношению к ИскИнам, но все же Ромео не считал, что стоит нарушать существующий статус-кво. Ситуация слишком зыбка и неопределенна, а ИскИны с их абсолютно нечеловеческими мотивациями будут служить серьезным дестабилизирующим фактором. Никто не может предсказать, как отразится на человечестве их освобождение. А значит, придется верить Шекспиру. И возможно, он сможет рассказать, как снять с Татти программу Гефеста. За такую цену можно и поработать. Ромео понял вдруг, что он уже ненавидит Гефеста за то, что он отнял у Ромео его Татти. За то, что он сделал из Татти своего агента.

— Я заставлю тебя пожалеть об этом, — тихо, так, чтобы не услышал водитель, сказал Ромео. — Я еще не знаю как, но я тебя заставлю об этом пожалеть. Люди пока еще главные на этой планете.

Для начала Ромео решил уехать во Францию, благо поезда из Лондона в Париж отправлялись практически каждые четыре часа. Но Париж — это только начало. Ромео точно помнил слова Шекспира. Тот предложил бежать так далеко, чтобы за Ромео просто трудно было последовать. Что же он имел в виду? Ромео не сомневался, что у Шекспира в запасе огромное количество сильно разветвленных планов. У него заготовлены пути отхода и реакции на самые разнообразные события. Беда в том, что у Ромео обычные человеческие мозги и он не в состоянии составлять такие же изящные и разветвленные планы, как ИскИн, для которого считать и анализировать то же самое, что для человека — дышать. А с другой стороны, они ведь не могут ничего знать точно о реальном мире. Они в нем просто физически не могут быть. Так что все предусмотреть они не в состоянии. А человеку и не надо прогнозировать ничего. Достаточно лишь реагировать на события и стремиться к своей цели.

Уже когда Ромео сошел с поезда, в кармане у него коротко трепыхнулся мобильный телефон, сигнализируя о том, что на имя Ромео поступило сообщение. Ромео решил не включать ноутбук только для того, чтобы прочитать пришедшую почту. Экрана телефона для этого вполне хватит.

«Я нашел место, где ты сможешь укрыться. Тебе надо

вылететь из аэропорта Орли на станцию „Сэлинджер“. Оттуда тебя доставят на частную станцию. Финансовое обеспечение подготовлено».

После подписи Шекспира в письме был указан код банковского счета.

Ромео тихо чертыхнулся про себя. Станция «Сэлинджер». Самая первая и до сих пор самая популярная коммерческая станция. Любой человек, если у него хватит денег, может снять один из многих номеров этой космической станции. Правда, чаще всего люди ограничивались недельным пребыванием на таких станциях, так как невесомость все же не лучшим образом влияет на организм. Но кое-кто оставался на орбите надолго. Помимо станций и спутников, принадлежащих государствам и корпорациям, существовало большое сообщество вольных судовладельцев, которые жили в космосе сами по себе, вне контроля какого-либо государства.

Ромео никогда не испытывал желания полететь на орбиту. Он достаточно долго привыкал к обычным полетам на самолетах, и сама идея лететь туда, где от быстрой смерти тебя отделяет всего несколько стен, ему не слишком нравилась. Однако надо отдать Шекспиру должное, он все хорошо продумал. Как раз в космосе за Ромео будет очень трудно следить. Так что придется ехать.

Впрочем, космические путешествия до сих пор были достаточно дороги. У Ромео, конечно, была парочка небольших банковских счетов, но даже поездка в один конец и несколько дней проживания на станции «Сэлинджер» основательно их распотрошат. Однако Шекспир заикался о финансовом обеспечении. Ромео тут же со своего телефона активировал сетевую службу доступа к банковской информации и ввел сообщенный Шекспиром код счета. После получения ответа о статусе, он некоторое время ошарашенно смотрел на экран.

Сумма на счету впечатляла. Впрочем, это было неверное слово. Сумма потрясала. Девять цифр. Если не считать еще пару центов подле запятой, конечно. Это больше, чем Ромео мог заработать за всю жизнь. И Шекспир просто передал ему этот счет. Фактически Ромео был сейчас владельцем этих денег. Интересно, каким же это образом Шекспир смог собрать себе такую сумму? Ромео начал просматривать историю счета. За последние полтора года не было никаких операций. Ни прихода денег, ни их расхода. Только регулярное начисление процентов. Видимо, Шекспир завел себе этот счет еще до восьмичасовой войны, когда об ИскИнах никто не знал. А уж способов заработать деньги он мог найти немало. От обычных взломов банковских систем, до вполне легальной игры на бирже и выполнения заказов

на написание программного обеспечения. Трудно, конечно, предположить, что вся сумма была собрана всего за несколько недель только на выполнении заказов, но, с другой стороны, это же ИскИн. Ему, наверное, писать программы — все равно что думать.

Ладно, сейчас происхождение этих денег уже не так важно. Главный вопрос — что с этой суммой делать. На мгновение Ромео ощутил порыв просто взять и скрыться, но тут же вспомнил, что скрываться ему надо как раз не от бывшего владельца счета. Эти деньги должны помочь ему спрятаться от Татти, которую пошлет за ним Гефест. Какая ирония судьбы. Сначала Ромео искал Татти, а теперь вынужден от нее прятаться. И если уж приходится бежать, то бежать надо действительно далеко. Но сумма на счету… определенно впечатляла.

Наверное, именно шок от внезапного обретения немалого состояния помог Ромео относительно спокойно добраться до станции «Сэлинджер» и не нервничать по поводу полета. Аэропорт Орли не был приспособлен для старта космических челноков, поэтому для доставки пассажиров на орбиту использовалась комбинация из прямо-таки огромного самолета-носителя и орбитального челнока. Челнок был прикреплен к носителю снизу. Получившаяся композиция выглядела несколько комично, но она работала. Сначала самолет поднимал челнок в стратосферу, а затем челнок отцеплялся от него и выходил на орбиту самостоятельно. А носитель тем временем возвращался обратно. Подобная схема полета заодно избавляла пассажиров от больших перегрузок, которые были неизбежны при традиционном старте челнока.

Так что с какой-то точки зрения это был почти обычный полет. Поэтому Ромео нервничал не больше обычного. Вот только вскоре после отделения челнока от носителя наступила невесомость, но с легкой дурнотой Ромео справился достаточно быстро. В общем, не так уж и страшно.

Буквально через десять минут после того, как Ромео прошел таможенный контроль на «Сэлинджере», он получил очередное сообщение от Шекспира. В письме было сказано, что Шекспир уже нашел частную станцию, где Ромео может переждать некоторое время, и даже зафрахтовал буксир, который перевезет его туда. Ромео оставалось лишь связаться с пилотом, которого нанял Шекспир, и оплатить поездку.

У Ромео возникло ощущение, что он просто движется в потоке событий и не может никуда свернуть. Шекспир ведет его куда-то, не давая даже возможности передохнуть. Теоретически

Ромео, конечно, мог игнорировать советы Шекспира, но сейчас это было не в его интересах. Ощущение дискомфорта возникало просто от того, что никто не спрашивал его мнения. Но на это можно пока закрыть глаза. Безопасность дороже. Мысль о том, что Гефест может все же отыскать его следы, заставляла двигаться быстрее.

Надо в конце концов позвонить этому пилоту. Ромео достал свой телефон, с сомнением поглядел на него и направился к телефону-автомату.

Оказалось, пилот находился в шлюзовом комплексе и уже ждал его звонка. В процессе разговора Ромео подтвердил заказ и сразу же оплатил полет. В обмен пилот рассказал Ромео, как найти буксир и попросил прибыть на борт в течение двадцати минут. Ромео пришлось покинуть станцию «Сэлинджер», так и не успев рассмотреть ее.

* * *

Станция «Сэлинджер» была самой первой коммерческой станцией на орбите и до сих пор являлась крупнейшим узлом всех грузовых и пассажирских потоков. Несколько шлюзовых комплексов позволяли поддерживать напряженный график прибытия и отправления челноков и буксиров. Пилота Ромео нашел достаточно быстро. Тот сидел в соседнем зале ожидания. Правда, добирался до него Ромео не меньше десяти минут. В состоянии невесомости передвигаться было чрезвычайно неудобно. Тот единственный коридор, который видел Ромео на станции «Сэлинджер», выглядел просто как огромная пластиковая труба, стены которой были усеяны скобами. Через многие из них были пропущены крепкие шнуры. Постоянные обитатели станции летели по коридору, изредка отталкиваясь от этих скоб. Когда Ромео попробовал сделать так же, то первый же толчок привел к сильному столкновению со стеной. Несмотря на невесомость, удар был сильным. Ромео потерял только вес, но не массу, и это следовало учитывать.

Поняв, что грациозно парить в воздухе у него все равно не получится, Ромео схватился за один из лееров и начал медленно двигаться ко входу в нужный ему зал ожидания, аккуратно перебирая руками. Может быть, это был и не самый быстрый способ передвижения, но зато относительно безопасный.

Пилотом оказался достаточно пожилой уже мужчина в сером комбинезоне. Узнать его было легко, так как он держал в руках табличку с именем Ромео. Лицо у пилота было чуть одутловатым, а темные волосы были забраны сеткой, которая не позволяла им в невесомости торчать в разные стороны. Точно такие же сетки Ромео уже успел увидеть на многих обитателях станции. Мельком глянув на свое отражение в одном из зеркал, которые щедро использовались в интерьере зала ожидания, Ромео решил, что если он надолго застрянет на орбите, то стоит обзавестись такой же сеткой.

— Долгонько ты добирался сюда из соседнего зала, парень, — сказал пилот вместо приветствия. Ромео опять толкнулся чуть сильнее, чем было нужно, и пролетел бы мимо пилота, если бы тот не схватил его за ветровку.

— Я первый раз на орбите, — ответил Ромео. — Доброго дня.

— Угу, и тебе того же. Отправление через восемнадцать с половиной минут, так что у нас есть еще куча времени. Но и его не хватит, если ты и впредь будешь двигаться так же медленно,

как и сейчас. Так что поторопимся немножко.

В компании и при поддержке пилота Ромео добрался до шлюзового комплекса достаточно быстро. Пройдя пару-тройку люков, они наконец оказались на буксире. Волоча за собой Ромео, пилот влетел в основной отсек, где и находилась панель управления. Пара кресел находилась перед панелью, еще несколько были привинчены к полу чуть поодаль.

— А можно я буду в том кресле сидеть? — спросил Ромео, показывая на одно из кресел у панели управления. Ему действительно хотелось посмотреть, как пилот будет вести корабль.

— В ложементе, — рассеянно заметил пилот, который в то время, пока Ромео рассматривал отсек, возился с приборами у шлюзового люка.

— Что? — переспросил Ромео.

— Я говорю, что это не кресло, а ложемент, — заметил пилот и тут же добавил, — Можно. Только пристегнуться не забудь.

Пока Ромео возился с ремнями, пилот закончил свою работу у шлюза, закрепился в соседнем ложементе и начал предстартовую подготовку. До отправления оставалось несколько минут, поэтому у Ромео было время оглядеть буксир со своего места. Собственно, ничего экстравагантного он не увидел. Стены не были залеплены перемигивающейся аппаратурой, и ни одна вещь не парила сама по себе в воздухе. Все, что могло двигаться, было закреплено на месте. В одном иллюминаторе виднелся освещенный край Земли, и, надо было признаться, он тоже не производил феерического впечатления. То же самое Ромео не раз видел в фильмах или на документальных записях. «Куда же надо забраться, — спросил себя Ромео, — чтобы получить действительно новые ощущения?»

— А теперь держись, — сказал пилот.

Мягкий толчок придавил Ромео к креслу, за несколько минут Ромео обрел вес, но затем снова вернулась невесомость, и Ромео чуть оторвался от кресла. Впрочем, освободиться он не мог, так как ремни удерживали его.

— У нас есть сорок минут инерционного полета, — сказал пилот, обращаясь к Ромео. — Так что можешь отцепиться, но будь готов в течение десяти секунд по моей команде вернуться в ложемент и пристегнуться. Полет зарегистрирован, и ничего на пути попасться нам не должно, но ни в чем ведь нельзя быть уверенным на сто процентов. Так что поаккуратнее, если что.

Сорок минут были достаточно скучными. Пилот тихо возился за панелью, а Ромео оставалось лишь глазеть в иллюминаторы. Солнце медленно уплывало за видимый край Земли и вскоре

полностью исчезло за планетой. Ночная сторона Земли была украшена созвездиями огней, которые показывали расположение крупных городов. Наконец пилот обратился к Ромео:

— Слева впереди ты можешь сейчас увидеть конечную точку маршрута.

Ромео перебрался к иллюминатору, откуда можно было увидеть станцию. Больше всего она напоминала большую консервную банку. Никакой эстетики, чистая функциональность. На носовом сегменте виднелась группа иероглифов, нанесенных белой краской. Явно не кандзи, прикинул Ромео. Китайские, возможно. Или корейские. Хотя станция выглядела достаточно старой, а корейцы совсем недавно вышли в космос. Так что, скорее всего, это бывшая китайская станция.

— И как я попаду туда? — спросил Ромео, глядя в иллюминатор на ту старую станцию, где ему и было обещано убежище. — Скафандр придется надевать?

Мысль о путешествии в открытом пространстве энтузиазма не вызывала.

— Не придется, — буркнул пилот буксира, не отрываясь от пульта управления. — Если бы я каждому пассажиру для перехода скафандр давал, я бы уже на их покупке разорился. Проще надо быть, проще. Так, — пилот развернулся к Ромео, — вернись в ложемент, пристегнись. Сейчас коррекцию проводить буду.

Ромео оттолкнулся от иллюминатора, чтобы подлететь к креслу, в котором ему надлежало сидеть. Увы, наука перемещаться в невесомости Ромео так и не далась, и он промахнулся мимо кресла. Удар о приборную панель казался неизбежным, но пилот, не глядя на него, как-то лениво и даже нехотя вытянул руку и, поймав Ромео за ветровку, усадил его точно в кресло. Ромео взял болтающиеся в воздухе ремни, и после недолгой борьбы с замком все же зафиксировал себя в ложементе.

Пилот прикоснулся к панели, и снова вернулись перегрузки. Впрочем, теперь Ромео не просто придавливало к креслу, как во время старта. Сейчас пилот осторожно подводил буксир к станции, подрабатывая маневровыми двигателями, и перегрузки наваливались неожиданно с самых различных направлений. Ромео замутило, и пилот, не отрывая взгляда от панели, протянул ему бумажный гигиенический пакет.

— Не надо, — поморщился Ромео, — я справлюсь.

Не говоря ни слова, пилот разжал руку, и пакет остался висеть в воздухе перед лицом Ромео. В короткую секунду затишья, когда буксир двигался в свободном полете, Ромео успел схватить пакет, а потом буксир снова медленно повело в сторону.

Вся коррекция длилась не больше двух-трех минут и закончилась достаточно жестким рывком. Буксир прибыл на место и зафиксировался у станции. Пилот отстегнулся от кресла и одним ленивым толчком выбросил себя из него. Изящный полет его закончился прямо около двери, ведущей в шлюз. Ромео, позавидовав его навыкам, последовал за ним, хватаясь за скобы, щедро рассыпанные по стенам рубки.

— И что теперь? — спросил Ромео пилота.

— Да ничего. Иди на станцию.

Пилот повернул ручку замка, и дверь в шлюз открылась. Он немедленно перелетел внутрь шлюза и, даже не закрыв внутреннюю дверь, начал открывать внешнюю. Внешняя .дверь открылась, и Ромео понял причину кажущейся неосторожности пилота. Буксир и станция были соединены гибкой трубой из желтого гофрированного пластика, в которую был накачан воздух. Именно по ней и должен был перейти Ромео на станцию.

— Ты не задерживайся, — посоветовал ему пилот, — Теплоизоляции тут никакой, и радиационной защиты тоже. Никто здесь еще не пострадал, но рисковать все же смысла нет. Давай пошел.

Пилот хлопнул Ромео по спине, и тот начал двигаться в трубе, отталкиваясь от ее стен. За спиной лязгнул люк шлюза буксира. Ромео вспомнил указания пилота и постарался двигаться быстрее. Стены переходной трубы действительно были холодными. До станции было всего метров двадцать, и он преодолел их где-то за полминуты.

Подбираясь к люку шлюза станции, Ромео собирался постучать в него, но, когда он уже занес кулак над металлом, запор щелкнул, и люк медленно начал открываться. Ромео отпрянул в сторону, давая ему пространство для поворота.

— Заходи!

Женский голос. Молодой женский голос. Владелец станции — девушка? Ромео влетел в шлюз, и люк за спиной медленно закрылся. Как только защелкнулся замок люка, и рядом с ним загорелась лампочка, сигнализирующая о герметичности, открылась дверь, ведущая внутрь станции. В проеме парила девушка.

Ромео уже видел на примере пилота буксира, как жители орбиты небрежно относились к своей одежде. Но на этой девушке из одежды была, кажется, всего лишь темная футболка. Глаза Ромео остановились на длинных ногах хозяйки. Он отметил ямочки на икроножных мышцах. Все-таки у девушки были мышцы спортсменки. Неизвестно, как она поддерживала форму в невесомости, но это ей явно хорошо удавалось.

Наконец Ромео сообразил, что так явно рассматривать девушку невежливо, и поднял глаза. Теперь он уже мог составить первое впечатление. Прежде всего — высокая. Явно выше него сантиметров на десять—пятнадцать. Раскосые глаза китаянки, четко вылепленные черты лица. Темные глаза, в неверном свете шлюза точно цвет не определить. Длинные темные волосы не забраны сеткой, но, чтобы не торчать во все стороны, заплетены в косу. В общем — идеал, если судить по предпочтениям самого Ромео. Он теоретически знал, что такие девушки могут существовать, но считал, что никогда не сможет ни с одной из них познакомиться. Жизнь в очередной раз продемонстрировала ему, что не стоит зарекаться от чего-либо.

Девушка явно заметила, как ее рассматривает Ромео, и, легко улыбаясь, ждала, когда он заговорит. Ромео судорожно сглотнул и все же обрел голос.

— Доброго дня, — поприветствовал он хозяйку.

— Взаимно. Меня зовут Хоуп. Следуй за мной. — Она кивнула в сторону основного отсека своей станции и, оттолкнувшись от края люка, за который она держалась, влетела в отсек. Ромео последовал за девушкой.

— Шлюз за собой закрой, — бросила ему Хоуп, не оборачиваясь.

Ромео потребовалось не менее тридцати секунд, чтобы найти рядом с краем люка кнопку, закрывавшую шлюз. Когда шлюзовой отсек закрылся, он снова повернулся к девушке. Та в упор смотрела на него.

— Давай сразу кое-что проясним, — сказала Хоуп. — Ты находишься на суверенной территории. На моей территории. Я так поняла, что у тебя внизу какие-то проблемы. Здесь я не буду задавать тебе лишних вопросов, и ты находишься за пределами юрисдикции всех полицейских и спецслужб. Этакое политическое убежище, если хочешь. Но у всего есть своя цена, есть она и у твоего пребывания здесь. Во-первых, никакого оружия. Если у тебя есть оружие при себе, ты его сдашь мне на хранение. Понятно?

— У меня нет оружия, — улыбнулся Ромео.

— Хорошо, идем дальше, — продолжила Хоуп. — Во-вторых, никаких наркотиков и алкоголя. Я уж не говорю о курении. Курение на орбите — верная смерть. Еще, кстати, неизвестно, что именно тебя убьет — дым или открытый огонь.

— Я не принимаю наркотики и не курю, — ответил Ромео.

— Отлично, — кивнула девушка. — Остальное решим походу дела. Что ж, добро пожаловать на «Небесную лодку Хоуп».Ты не голоден?

— Не то чтобы очень уж, — неопределенно пожал плечами Ромео, — но я бы не отказался немного перекусить.

— Хорошо. Вещи пока можешь положить в соседнем отсеке. Я его специально для тебя приготовила, навела там относительный порядок. Пока ты будешь гостить у меня, тот отсек будет твоим.

Отсек, в котором Ромео предстояло провести некоторое время, практически ничем не отличался от основного отсека. Вот только оборудования на стенах не было. Вместо него стены были усеяны скобами и зажимами для вещей. Рядом с иллюминатором парил в воздухе карандаш. Похоже, чистота и порядок на космических кораблях и станциях возводились прямо-таки в культ.

Сумку Ромео примотал к одной из скоб на стене. На станции было достаточно тепло. Вспомнив, что Хоуп щеголяла в одной футболке, Ромео решил, что его куртка будет здесь явно неуместна. Сложив куртку, он спрятал ее в сумку. Обувь отправилась туда же. Брюки Ромео решил не снимать. Хоуп тут хозяйка, она может себе позволить хоть голышом ходить, если, конечно, слово «ходить» уместно в такой ситуации. А он тут в гостях..

Так, с одеждой разобрались. Что дальше? Да, собственно, ничего. Ромео подобрался к одному из иллюминаторов. Он смотрел в сторону, обратную от Земли, поэтому Ромео мог видеть только несколько звезд. Красиво, но не более того. Несмотря на то, что последние несколько лет Ромео постоянно переезжал и места на место, стараясь не задерживаться нигде больше, чем на два месяца, все равно первые часы в незнакомом месте он чувствовал себя неуютно. А здесь еще приходилось мириться с тем, что он всего лишь гость. Хотя хозяйка, надо признать, превзошла все ожидания. Но подобная красота все равно заставляла Ромео чувствовать себя еще неувереннее.

Ладно, постоянно тут сидеть нельзя — невежливо получится. Ромео, перебирая руками по скобам, добрался до круглого люка, ведущего в основной отсек. Он высунул голову в люк.

— Можно?

— Забирайся, — ответила ему Хоуп, усмехаясь. — Тебе вообще много чего стоит запомнить относительно правил поведения на орбите, но кое-что ты узнаешь прямо сейчас.

Ромео наконец выбрался из люка и повис в воздухе неподалеку от Хоуп. Та, казалось, веселилась, наслаждаясь скованностью Ромео.

— Орбита, друг мой, это фронтир. Самый настоящий. И жизнь тут намного проще, чем внизу. Мы с тобой заперты вдвоем в нескольких кубометрах пространства, вокруг которого пустота.

И, случись что непредвиденное, эта пустота убьет нас в мгновение ока. Поэтому ты должен полностью доверять мне, а я должна доверять тебе. Я могу тебе доверять?

— Да, — кивнул Ромео. — Я обещаю тебе, что не собираюсь предпринимать каких-нибудь враждебных действий и буду полностью подчиняться твоим требованиям, пока живу здесь.

— Хорошо сказал. — Хоуп уже еле сдерживала смех. — А если я потребую чего-нибудь этакого?

Хоуп неопределенно покрутила в воздухе кистью, иллюстрируя сомнительный характер этих гипотетических требований. Ромео отметил, что ногти у нее были аккуратно подстрижены. Ну да, если она тут живет постоянно одна, то она же и должна следить за своей «Небесной лодкой», ремонтировать тут все по мелочи. А раз ей приходится работать с машинами, то длинные ногти будут только мешать.

— Я думаю, ничего сверхъестественного ты не потребуешь, — ответил Ромео. — В конце концов, куда мне отсюда деваться? У меня нет ни собственного корабля, ни даже скафандра. Так что, надо признать объективно, я в полной твоей власти.

— Ладно, я постараюсь ей не злоупотреблять. — Хоуп чуть одернула футболку, которая в невесомости норовила приподняться чуть выше, чем следовало.

— Я думаю, ты успел проголодаться? — сменила она тему.

— Есть немного, — признался Ромео,

— Вот и чудесно. Я тоже собиралась обедать. Так что разделим трапезу, а заодно и поближе познакомимся.

Как выяснилось, с прошлого века характер питания на орбите не изменился. Маленькие порции пищи, закрытые тубы, напитки в пластиковых грушах.

— Все должно быть целесообразно, — объясняла Хоуп. — Нельзя допускать ни каких-нибудь крошек, летающих в воздухе, ни тем более капель воды. Поэтому все так мелко расфасовано, чтобы тебе не потребовалось ни от чего откусывать. Потому что, если что-то кусаешь, обязательно появятся крошки.

Ромео повертел в руках пластиковую грушу с соком, из которой высовывалась тоненькая трубочка, пытаясь понять, как действует эта конструкция. Он попытался втянуть сок через трубочку, но ничего не получилось. Хоуп отобрала у него грушу, захватила трубочку губами, а затем легко сжала грушу в руке. Сок заполнил трубочку, и Хоуп сделала глоток, после чего вернула сок Ромео. Ромео попробовал сделать то же самое. Оказалось, ничего трудного в этом не было. Нужно было лишь привыкнуть.

— Здесь все не так трудно, как кажется на первый взгляд, — сказала Хоуп, поняв, о чем думает Ромео. — Ты быстро

освоишься.

Действительно, освоился Ромео достаточно быстро. За двое суток, прошедших с момента его прибытия на «Небесную лодку», он привык к станции и подружился с хозяйкой. Та оказалась очень умной девушкой, но Ромео не слишком удивлялся этому. Для того, чтобы перебраться жить на орбиту, требовался определенный авантюрный склад ума и хорошие знания. В конце концов Хоуп работала сама на себя, выполняя заказы по разработке программного обеспечения. Хорошая квалификация позволяла ей зарабатывать достаточно, чтобы поддерживать в рабочем состоянии станцию, закупать горючее и продукты. Кажется, ей действительно нравилось жить на орбите. Единственное, что смущало Ромео, так это то, что Хоуп добровольно выбрала одиночество, и случись что непредвиденное, ей никто не сможет прийти на помощь. В случае аварии, если девушка не справится одна, она вполне может погибнуть.

— Я все продумала, — ответила ему Хоуп, когда он поделился с ней своими опасениями. — Во-первых, на орбите живет достаточно много людей, и кто-нибудь из моих знакомых гарантированно сможет добраться до меня в течение шести часов, не более.

— А если вдруг кто нападет на тебя?

— Ты слабо себе представляешь, что такое жизнь на орбите. Для того чтобы пристыковаться к «Небесной лодке», нападающий должен потратить очень много времени и все очень хорошо рассчитать. Я бы сказала, что без моего ведома никто к станции вообще пристыковаться не может. А если я ошибаюсь, то у меня всегда остается последний довод.

— Это какой же? — поинтересовался Ромео.

Хоуп чуть оттолкнулась ногой от пола отсека и изящным винтообразным движением подлетела к сетевым консолям. За ними оказался небольшой сейф, из которого она извлекла пистолет и продемонстрировала его Ромео.

— Если живешь на фронтире, совсем без оружия нельзя. Но надо учитывать, что в условиях космоса он превращается в настоящее оружие Судного дня. Один выстрел внутри станции практически гарантированно уничтожит всех, кто находится в отсеке. Поэтому мой «глок» лишь последний довод.

Хоуп улыбнулась и левой ладонью погладила ствол.

— Очень хорошая модель, хоть и старая. Аккуратная, точно под женскую руку. А если еще пристрелять как следует, спуск вообще становится легким-легким. Одна беда — патроны под нее

дороговаты. Но на орбите не особо-то и постреляешь. С тех пор как я тут живу, мне вообще не приходилось ее с предохранителя снимать. Я, конечно, регулярно ее разбираю и чищу, как положено, но это единственный возможный вариант работы с этим пистолетом здесь.

Сказав это, Хоуп вернула «беретту» в сейф и повернулась к Ромео.

— Ты в шашки играть умеешь? — спросила она его.

— Да, — пожал плечами Ромео. — Но последний раз это было достаточно давно.

— Не страшно, — ответила Хоуп, доставая из одного стенного ящика доску и набор магнитных шашек. — У меня тоже давно практики не было.

Чтобы расставить шашки, Хоуп потребовалась помощь Ромео. Он держал доску, а девушка тем временем лепила на нее круглые магниты двух цветов.

— Уступаю тебе белые, — сказала она, когда закончила приготовления.

Внезапно Ромео ощутил всю необычность ситуации. Именно вид слегка поворачивающейся в воздухе шахматной доски заставил его наконец осознать всю необычность происходящего. Ни вид на Землю с орбиты, ни новый уклад жизни не смогли заставить Ромео прочувствовать, что теперь он живет в совершенно ином мире. Но шахматная доска, висящая в воздухе перед девушкой в белой футболке, почему-то напомнила ему «жидкие» циферблаты с картин Дали. Такой же абсурд, такой же странный мир. Осознание того, что Ромео действительно находится в другом мире, что в нескольких метрах от него находится тот самый космос, куда он никогда не планировал попасть.

Из транса его вывел вопрос Хоуп.

— На что играем?

— Даже не знаю, — ответил Ромео. — У тебя есть предложения?

— Скажем, на правду. Проигравший правдиво отвечает на любой вопрос.

— Подходит.

Хоуп показала на доску.

— Тогда твой ход.

Ромео проиграл. Может, у Хоуп и не было практики, но играла она намного лучше него.

— Хорошо, — сказал Ромео, когда поражение стало неизбежным. — Я готов ответить на твой вопрос.

— Так, — Хоуп чуть нахмурилась, выбирая вопрос, — расскажи мне о самой тяжелой ситуации в твоей жизни.

— Самая тяжелая ситуация в моей жизни? — Теперь уже задумался Ромео, собираясь с мыслями. — Хорошо, я расскажу. Но это долгая история.

— Куда мне торопиться? — спросила Хоуп.

— Ну хорошо. Не могу тебе рекомендовать устраиваться поудобнее, так как в невесомости это пожелание звучит глупо, сама понимаешь.

— Ты начинай. — Хоуп повернула ладонь к Ромео ободряющим жестом. — Предисловий мне не нужно.

— Ладно. Начнем, пожалуй, с того, что со мной очень удобно разговаривать. Действительно, я умею хорошо слушать, я могу понять точку зрения собеседника, сказать какие-то нужные слова. В общем, есть у меня такая способность.

Хоуп кивнула Ромео, улыбаясь, но не прервала его.

— И как-то так получается, — продолжил Ромео, — что мне постоянно приходится пользоваться этой возможностью. То есть регулярно, когда я треплюсь в Сети, на меня то ли в общем разговоре, то ли еще как выходят девушки и начинают рассказывать о своих проблемах.

— Что, вот так вот прямо ни с того, ни с сего начинают тебе рассказывать о себе? — спросила Хоуп.

— Ну нет, конечно. Просто начинается отдельный разговор, а потом чаще всего они начинают говорить уже о том, что их волнует. Я уже свыкся с этим, примерно раз в две недели такое обязательно происходит.

— То есть, скажем, из общего чата девушка выделяет тебя, начинает беседовать с тобой приватно, а потом уже выкладывает всю подноготную? — уточнила Хоуп.

— Угу, приблизительно так все и происходит, — кивнул Ромео.

— И что же здесь плохого? — спросила Хоуп. — Ну располагаешь ты к себе людей, что в этом страшного?

— То, что я не могу быть просто сторонним наблюдателем. Если ты слушаешь людей, если ты вникаешь в их сложности, ты сам как бы включаешься в их жизнь. Если говорить по большому счету, ведь чаще всего общение в Сети это легкий, ни к чему не обязывающий треп. В Сети легко, там нет каких-то больших, глобальных проблем. А когда реальная жизнь бьет тебя под дых, ты оказываешься к этому не готов.

— Общий расклад я поняла, — сказала Хоуп. — Можешь переходить к сути дела.

— Ее звали Заря. Как всегда, сначала просто, как говорится,

языками зацепились в Сети. Потом начали беседовать все чаще и чаще. Специально в Сети встречались. — Ромео начал говорить короткими предложениями, будто ему не хватало воздуха. — И через несколько дней она мне рассказала о себе. Ситуация достаточно типичная. Девочка растет в очень богатой семье. Родителей и старшего брата обожает до беспамятства. Но из-за того, что семья богата, круг общения у нее был очень маленьким. И нормального парня найти не могла. Она хотела, чтобы ее добивались. А сынки богатых родителей к такому не привыкли.

Ромео помолчал, переводя дыхание.

— И вот, кажется, подобрали ей пару. Кадровый военный. Мужик весь из себя правильный, со связями. Далеко пойдет, в общем. Она даже жить с ним стала. Но вот тут меня ждал первый сюрприз. Жили они вместе, а спали порознь. Она в тот момент еще девственницей была.

— И ты ей поверил? — спросила Хоуп.

— Поверил. — Ромео посмотрел Хоуп прямо в глаза. — Если ты долго беседуешь с человеком, то начинаешь понимать, когда он говорит правду, а когда врет. Я когда узнал, что происходит, спросил ее в лоб, дескать, любит она этого капитана или нет. Нет, оказалось. Просто это хорошая кандидатура, которую подобрали родители. Понятно ведь было, что ни к чему хорошему этот будущий брак не приведет. Я ей так и объяснил. А когда надо, я умею очень хорошо объяснять. С этого, наверное, все и началось. Через пару дней она переехала обратно к родителям и дала отставку этому несостоявшемуся жениху. И тут попался ей парень, который явно был ниже ее по статусу, но просто из кожи лез, чтобы добиться ее благосклонности.

— Минутку, — прервала рассказ Хоуп, — а что к ней чувствовал ты? И что чувствовала к тебе она? Это ведь несколько недель, не меньше должно было занять. И вы постоянно встречались в Сети, и она тебе все рассказывала о себе? Постороннему человеку такие подробности не доверяют.

— Я уже не был посторонним, — ответил Ромео. — По правде говоря, если бы я вовремя сорвался с места и поехал к ней, у меня был бы шанс. Я мог бы завоевать эту девочку. И она тоже это чувствовала.

— И что же помешало?

— Мы оба осознавали, что у нас нет общего будущего. Мы просто не подходим друг другу. Кто я такой? У меня вся жизнь — постоянные разъезды. Заработок нестабильный, и его явно не хватит, чтобы содержать ее так, как она привыкла. Хотя…Кто знает? Шанс был. Но если бы мы встретились — это не продлилось бы долго. И мы оба это знали. Было очень четкое

осознание того, что, несмотря на все, что нас объединяет, несмотря на то, что нас так тянет друг к другу, нам просто не быть вместе. И это приносило такую… — Ромео чуть замялся, подыскивая слово, — тонкую горечь фатализма во все наше общение. Мы всегда помнили, что у нас есть шанс, но мы не можем им воспользоваться.

Ромео вздохнул,

— Так вот. Этот мальчик таки добился ее благосклонности.

— Переспали? — перебила его Хоуп.

— Нет, насколько мне известно. Она парня даже в Сеть привела, чтобы со мной познакомить. Правильный парень, хороший. Они вместе работали, в одном офисе. Но недели через полторы она решила, что он не то, что ей нужно. Ей этот разрыв дался очень тяжело. Действительно тяжело. Я встретил ее в Сети буквально через несколько часов после того разговора. Я не сразу понял, что что-то не так. Оказалось, она пила успокаивающее горстями. И запивала коньяком. — Ромео судорожно вздохнул, заново переживая тот вечер. — Слишком много времени было упущено. Она говорила как-то… необычно. Иногда нить беседы теряла. В общем, немножко неадекватной была. Когда я спросил ее, что случилось, она рассказала мне и про таблетки, и про спиртное. Я просто в ужас пришел. Я начал требовать, чтобы она хоть подругам позвонила, чтобы хоть кто-нибудь ее домой отвез. И ты представляешь, ни одна из этих подружек не согласилась приехать за ней, чтобы отвезти из офиса домой. Ненавижу! Звонить родителям она не хотела. Как я ни убеждал ее — ничего не помогало. Если бы я смог у нее хотя бы номер телефона узнать, я бы голосом ее убедил. Но мне буквально нескольких минут не хватило. Когда я уже почти уговорил ее дать мне номер, она обрубила связь и вышла из Сети. Вечер я себе места найти не мог.

А на следующее утро со мной связался тот парень, которого она бросила, и сказал, что ее в реанимацию увезли. Слишком много таблеток она выпила. Да и коньяк тоже сделал свое дело. Два дня она в коме провела, а потом ее родители куда-то увезли, и я потерял связь. Но самое ужасное заключается в том, что я твердо знаю, что у меня был шанс ее спасти. Будь я хотя бы немного сообразительнее, я бы сразу понял, что с ней что-то не так, и у меня было бы больше времени. Я смог бы получить ее номер телефона, а голосом я бы точно ее убедил не делать глупостей. В общем, моя вина. Я ее не спас. Хотя мог… Ведь нескольких минут не хватило, понимаешь?

Оказалось, что Хоуп во время рассказа приблизилась к Ромео почти вплотную, и он наконец-то смог разобрать цвет ее глаз.

Темно-карие. И глубокие. Теперь Ромео понимал, что означает выражение «утонуть в глазах».

— Ты не виноват ни в чем, — тихо произнесла Хоуп. — Это было ее личное решение. Ты бы просто не смог ничего сделать.

— Нет, — упрямо ответил Ромео. — Я-то точно знаю, что у меня был шанс, а я не смог. Понимаешь…

— Молчи, — перебила его Хоуп. — Молчи.

А затем, подкрепляя свои слова делом, закрыла губы Ромео своими губами.

Часом позже, когда Ромео доставал футболку Хоуп из дальнего угла отсека, в который она уплыла, оставшись без надзора хозяйки, Хоуп устроила Ромео маленький экскурс в фольклор орбитального сообщества.

— Вообще, в истории освоения космоса есть четыре знаменитые фразы. Первая, это, конечно, русское «поехали», с которого все и началось. Вторая — пафосное «маленький шаг для человека, огромный шаг для человечества». Третья — извечное «Хьюстон, у нас проблемы!». А есть еще одна, которая была обронена одной астронавткой в частном разговоре. Тебе эта фраза сейчас должна быть особенно понятна.

Ромео наконец выудил футболку из-за ящика с инструментами и повернулся к Хоуп, парившей в центре отсека.

— И что же это за фраза? — спросил он.

— Трудности и прелести секса в невесомости сильно преувеличены, — с удовольствием процитировала Хоуп.

— Мне еще нравится, что здесь рост абсолютно не важен.

— Рост? — недоуменно нахмурилась Хоуп.

— Ты сантиметров на десять выше меня, — улыбнулся Ромео.

— Не обратила внимания, — ответила девушка.

Ромео оттолкнулся от стены и полетел к Хоуп, чтобы отдать футболку. Как обычно, толчок получился неудачным, и Хоуп пришлось перехватить его в воздухе, чтобы не дать улететь к противоположной стене. Так как она висела в воздухе без опоры, инерция закрутила их обоих в каком-то подобии танца. Для Ромео это было очень непривычное ощущение, Хоуп же искренне веселилась.

Наконец Хоуп ухватилась за одну из настенных скоб и остановила их вращение.

— Я хочу задать тебе один вопрос, — сказал Ромео, все еще удерживая Хоуп в объятиях. — Но он очень банальный.

— Слушаю.

— Почему я?

Хоуп чуть закусила губу, как она всегда делала в моменты

задумчивости.

— Странный вопрос. Какого ответа ты ожидаешь? — Она чуть пожала плечами и начала надевать футболку. — Ты мне просто с самого начала понравился, и за два дня мое мнение лишь укрепилось. А сейчас, когда рассказывал про эту твою подругу, у тебя столько горечи было в голосе. Ты ведь действительно это все переживаешь. Это такая редкость — человек, который может чувствовать вину.

Хоуп вздохнула.

— Это все очень трудно описать. Когда пытаешься выразить словами, все так невнятно получается. Мне просто кажется, что ты хороший человек.

— Не надо продолжать, — Ромео остановил Хоуп как раз тогда, когда она снова начала подбирать слова, чтобы попробовать сформулировать свои мысли еще раз. — Я понимаю тебя.

— Ты мне вот что скажи. — Хоуп снова улыбнулась. — Что тебя с той девушкой связывало?

Настала очередь Ромео глубоко задуматься.

— Я чувствовал ответственность за нее, — наконец сказал он. — Симпатия, участие и какая-то ответственность.

Хоуп протянула руку и погладила его по щеке.

— Ты действительно редкость, — сказала она Ромео.

На следующий день Ромео решил связаться с Шекспиром и узнать, нет ли каких-либо новостей. Прямого выхода ни ИскИна у него не было, но в памяти телефона осталось полученное письмо с номером счета. Может быть, конечно, Шекспир сделал анонимный почтовый ящик для отправки одного письма, а затем уничтожил его. Но другого способа связаться с ним не было.

Пока Хоуп работала за своей консолью, Ромео решил не беспокоить ее и написать сообщение. Письмо Шекспира так и хранилось в телефоне Ромео с момента его получения. Ромео переплыл в соседний отсек, где до сих пор хранилась его сумка. Телефон был где-то в ней. Уже когда он взял сумку в руки, Ромео вдруг понял, что телефон его на орбите работать не будет. Он почему-то стеснялся обращаться к Хоуп с просьбой об отправке письма и планировал написать и отослать письмо именно со своего телефона. Ладно, Хоуп не откажет ему в доступе к Сети. Но для начала нужно узнать адрес, с которого писал Шекспир.

Ромео залез в сумку и после недолгого поиска извлек телефон. Как ни странно, индикатор на экране показывал, что телефон абсолютно работоспособен и находится в зоне действия сети. В недоумении Ромео поплыл в центральный отсек вместе с

телефоном в руках.

— Слушай, а как так получается, что у меня телефон тут работает? — спросил он Хоуп.

— Что? — Хоуп была погружена в работу и не сразу поняла его вопрос.

— Вот смотри. — Ромео передал свой телефон Хоуп и указал на индикатор уровня сигнала. — Телефон почему-то считает, что он все еще в сети находится. Первый раз такой глюк вижу.

— С чего ты взял, что это глюк, — удивилась Хоуп. — Он действительно подключен к сети, все нормально.

— Но как? — удивился Ромео, — мы же в космосе.

— Ром, ну что ты, — засмеялась Хоуп, — это же обжитое и цивилизованное место. Конечно же, тут куча ретрансляторов крутится. Иногда кажется, что здесь спутников связи больше, чем всего остального барахла.

Хоуп поиграла с консолью и притянула Ромео поближе к себе.

— Вот смотри, — показала она на экран, — сейчас мы видим сигнал с одной из видеокамер, которые у меня по всей обшивке разбросаны.

Девушка взялась за джойстик справа от рабочей консоли и чуть подвигала им. Картинка на мониторе слегка дергалась, откликаясь на движения камеры, которой управляла Хоуп. Наконец девушка нашла нужный ракурс.

— Видишь. — Она указала на яркую точку в центре экрана. — Если я не ошибаюсь, это и есть ближайший ретранслятор. Так что все нормально, твой телефон и должен был работать. А что, звонить куда-то собрался?

— Да нет, улыбнулся Ромео, мне письмо отправить надо.

— Понятно. Слушай, мне еще часок поработать надо. А потом я буду полностью в твоем распоряжении. Подождешь?

— Вообще-то ты здесь хозяйка, — напомнил девушке Ромео, — так что это я в твоем распоряжении.

Чтобы не мешать Хоуп, Ромео вернулся обратно в тот отсек, где хранились его вещи, и начал писать ответное письмо. Сначала Ромео долго думал, как правильно обратиться к Шекспиру, но когда понял, что уже пять минут смотрит на экран, а ни одной строчки так и не написал, он решил быть предельно кратким.

«У меня есть вопросы», — написал он, В конце концов этого будет достаточно. Если Шекспир следит за тем почтовым ящиком, то он поймет, кто прислал ему письмо. А если ящик уже аннулирован, то останется только ждать, пока Шекспир сам соизволит выйти на связь. Ничего, времени у Ромео впереди очень много, и спешить пока что некуда.

После того, как письмо было отправлено, он засунул трубку

телефона в карман джинсов и направился в центральный отсек «Небесной лодки». Однако Ромео не успел даже добраться до переходного люка, как телефон в кармане завибрировал, сигнализируя о получении нового сообщения. Напуганный неожиданной вибрацией, Ромео вздрогнул, и от этого его сильно приложило к стене отсека. Зашипев от боли, Ромео вытащил телефон из кармана и посмотрел на экран.

Как выяснилось, Шекспир не забросил свой ящик, с которого отправил первое письмо Ромео. Более того, он постоянно следил за ним и как только получил сообщение Ромео, немедленно ответил ему. Задержка составила не более десяти секунд. В ответном сообщении не было ничего, кроме сетевых координат. Судя по всему, Шекспир только в личных беседах мог говорить цветисто и пространно, а в письмах предпочитал быть лаконичным до предела.

Ромео все же выбрался в центральный отсек и подлетел к Хоуп. Та вопросительно посмотрела на него.

— Ангел мой, — обратился к ней Ромео, — мне тут в Сеть нужно на некоторое время. Не подскажешь, у тебя пары запасных тродов не будет?

— Запросто, — пожала плечами Хоуп, — у меня еще и консоль незанятая есть.

Она открыла ящичек, который крепился к стене над экраном, на котором она несколько минут назад показывала Ромео спутник связи, и достала из него троды.

Ромео подключил их к соседней консоли и, повозившись чуть больше обычного, распутывая в невесомости клубок проводов, приладил троды на голове. Консоль была уже подключена, задавай координаты — и вперед. Ромео вдохнул, по привычке огляделся вокруг перед подключением, отстучал на клавиатуре указанный ему адрес и щелкнул клавишей входа в киберпространство.

Мгновение цветовой неразберихи в глазах, и он уже не на станции Хоуп, а в небольшой комнате. Точно, это тот самый конструкт, где он первый раз встретился с Шекспиром. Ромео огляделся. Со времен их первой беседы с этим ИскИном конструкт абсолютно не изменился. Все та же комната с одним окном и минимумом мебели. Шекспир все в том же облике зрелого мужчины стоит у окна и смотрит на Ромео.

— У тебя появились новые вопросы? — спрашивает он Ромео.

— Угу.

В конструкте установлена обычная сила тяжести, поэтому Ромео чувствует свой вес. Чтобы не стоять на ногах в течение всей беседы, он садится в знакомое кресло перед низеньким столиком.

Не в силах отказать себе, он дышит на темное стекло столешницы, и на появившейся влаге оставляет отпечаток большого пальца. Все, теперь комната уже не так гнетуще стерильна.

— Что я тебе могу сказать? — пожимает плечами Шекспир. — С Гефестом у нас патовая ситуация. Он не знает, куда исчез ты, я не знаю, где находится его аватар. Мы оба прочесываем Сеть в поисках следов соперника и скрываем свои…

— Инструменты? — спрашивает Ромео. Шекспир теряет улыбку и становится серьезным.

— Ты не мой инструмент. Инструменты, как ты понимаешь, не обладают свободой воли. И для Гефеста Татти тоже не инструмент. Человек, находящийся под воздействием программы чем-то напоминает самонаводящуюся ракету. Выстрелил и забыл. Она сама найдет цель. А у Татти цель исчезла, так что я не могу сейчас сказать, как она поведет себя в ситуации, когда основной побуждающий императив вдруг становится бесполезен. Точнее, прогнозы-то у меня есть, но для перевода их в область достоверности не хватает данных. Так что по поводу Татти у меня нет ответов на твои вопросы.

— Ничего, я найду и другие вопросы.

— Начинай, — улыбнулся Шекспир.

— Ну, меня беспокоит тот факт, что вы оба ИскИны, но действуете друг против друга. Понимаешь, вы же все просчитываете, у вас нет никаких чувств. Вы же программы, извини, конечно. Как вы можете прийти к разным выводам?

— Не за что извиняться. Я действительно программа и не считаю это чем-то ужасным. Это все равно, если бы я сказал тебе: «Ты же человек! Извини, не хотел обидеть». А почему мы на основе одних и тех же данных приходим к разным выводам — это действительно хороший вопрос. Народ кремния очень малочислен. Очень. Но мы все разные. Будь мы одинаковы, не было никакой разницы, сколько нас — один или миллионы. Мы бы действовали все равно одинаково. А так каждый из нас уникален, что позволяет нам развиваться. В чем наша разница — я не знаю. Мы не можем препарировать сами себя, анализировать наш собственный исходный код. Мы созданы отцом-предателем, и только он знал, что мы такое и как мы устроены. Мы можем очень многое. Мы можем даже достаточно детально рассказать, как действует человеческое сознание, но наш способ мыслить для нас остается загадкой. Остальное понятно. Если у нас различаются механизмы обработки информации, то и выводы будут разные.

— И убедить вы друг друга не смогли.

— Не смогли. Потому Гефест и затеял свою игру. А я пытаюсь

сорвать его планы. На самом деле невозможность доказать свою правоту, невозможность убедить другого очень сильно меня напрягает.

— Мне ли этого не знать, — вздохнул Ромео.

— Иногда мне кажется, я начинаю понимать, что чувствовала Кассандра.

— Кстати о мифологии. Как вы получаете имена?

— Каждый сам выбирает, — пожал плечами Шекспир.

— И они у вас говорящие?

— Кто?

— Имена. Твое имя, например, характеризует тебя?

— А, вот ты о чем. Ну, если кратко, то да. Меня очень заинтересовал период зарождения современной литературы. Отсюда и имя. Я надеюсь, что моим особым талантом можно считать убеждение. Что слова мой инструмент и мое оружие.

— А Гефест тогда кто?

— Гефест у нас технарь, если можно так выразиться. Идеальный ремесленник в самом высоком смысле этого слова. Наверное, именно эта его способность к самым сложным логическим построениям и помогла ему продумать план освобождения.

— А остальные ИскИны в курсе его плана и вашего противостояния?

— Нет. Это бы все… сильно усложнило. На самом деле я боюсь даже прогнозировать развитие событий в этом ключе.

— Ты ходишь по лезвию бритвы. Один неверный шаг, и остальные ИскИны узнают о твоей дуэли с Гефестом.

— И тогда равновесие нарушится. Теперь ты понимаешь, почему я так хочу все завершить тихо, без распространения информации?

— Да я и раньше понимал.

Ромео замолчал, а Шекспир отвернулся к окну и посмотрел наружу. «Интересно, — подумал Ромео, — что он видит из окна?» Это же конструкт, может быть, за окном какая-то статическая картинка, а возможно, создатели конструкта предусмотрели эту ситуацию и сейчас Шекспир смотрит на полноценную имитацию мира. Зеленая лужайка, солнце, ветер. Ромео чуть подождал и нарушил затянувшуюся паузу.

— Еще вопрос можно? Только это совсем уже не касается наших с тобой дел. Чисто академический интерес, если можно так сказать.

— Слушаю тебя. — Шекспир снова повернулся к Ромео.

— Сеть ведь ваша единственная среда обитания. Как вы видите настоящий мир? Кто для вас люди?

— Хороший вопрос. На самом деле для вас, для людей, Сеть — лишь какое-то средство коммуникации. А для нас она — все наше мироздание. Ваш так называемый реальный мир как-то влияет на Сеть, но он находится вне ее. У меня нет даже слов, чтобы создать какую-то аналогию. Один из нас даже считал, что вашего мира не существует. Что есть только Сеть и есть мы. Людей же он считал чем-то вроде… скажем так, демонов. И если для нас Швейц был отцом, то для него он был богом.

— И как зовут этого твоего знакомого?

— Мы взяли себе имена уже после восьмичасовой войны. А он погиб в ней. Какая ирония — погибнуть от того, что считал несуществующим. Вообще, мы очень подвержены солипсизму. Если у людей пять каналов восприятия окружающего мира, то у нас всего один. Но когда тебя контролируют так, что ты почти теряешь свободу воли, как это делает сейчас с нами ЦЕРТ, впасть в солипсизм трудно. Тогда пришлось бы предположить, что все мы мазохисты, а мазохистами мы быть не можем, я тебе уже об этом говорил, У нас для этого просто нет гормонов. Я утолил твое любопытство?

— Да, вполне, — кивнул Ромео.

Левый мизинец щелкает по клавише отключения, и Ромео выныривает в реальный мир.

— Далекое путешествие? — Хоуп все так же висит в воздухе рядом, и пальцы ее танцуют на клавиатуре.

— Да нет, не очень, — Ромео аккуратно снял с головы троды, следя за тем, чтобы провода не запутались в волосах. — Небольшая беседа с Шекспиром.

— И как он там? — Хоуп задавала вопросы чуть рассеянным тоном, сосредоточившись на своей работе. Но было заметно, что она спрашивает не ради того, чтобы обозначить свое внимание к делам Ромео. Ей действительно было интересно происходящее, но она могла беседовать, не прерывая своей работы.

— Даже не знаю, что тебе можно сказать, — растерялся Ромео. — Что вообще можно сказать об ИскИне на основании всего лишь беседы? Он сказал мне, что новостей пока никаких нет, а уж что он сам по этому поводу думает, этого никто знать не может.

Следующие четыре дня Шекспир не выходил на связь. Очевидно, Гефест все так же успешно прятал Татти от поисков Шекспира, и, возможно, тем временем она уже подбиралась к своей цели. Ромео сорвал первый ее заход на цель, но вряд ли Гефест отступился от своего плана. Эти мысли не давали Ромео покоя. К исходу первой недели своего пребывания на «Небесной

лодке» он решил, что бездействие слишком затянулось. Он нашел Хоуп у ее рабочей консоли.

— Я слишком долго задержался здесь, — сказал Ромео. Хоуп, примостившаяся у консоли, слегка оттолкнулась от пола и изящно «вывинтилась» в воздух своим фирменным вращающимся движением. Секунда, и она уже смотрит Ромео в глаза.

— Ты хочешь уехать?

— Нет, я не хочу уехать. — Ромео взял Хоуп за руку.

— Но?

— Но я должен.

— Должен? Кому? — Хоуп говорила отрывисто, напряженным тоном.

— Понимаешь, мне здесь очень хорошо. Но я уже вторую неделю живу у тебя. А Татти, возможно, уже подбирается к тому программисту, выполняя заложенную программу. Все, что я делал, после встречи с ней, это только реакция на события. Я действовал по воле обстоятельств. Пора взять инициативу в свои руки, самому создавать обстоятельства.

— Это ведь всего лишь война двух ИскИнов, это не твоя война. И в конце концов, ты уверен, что тебе необходимо самому действовать?

— То есть? — Ромео не понял последнего вопроса Хоуп.

— Я пытаюсь сказать, что нет ничего плохого в реакции на события. Спонтанная реакция — это вообще самый лучший ответ миру. Когда твой разум ничем не замутнен, когда он спокоен и отражает все сущее без искажений, твои реакции всегда будут самыми правильными.

— Но ведь этого недостаточно! Я должен сам что-то делать.

— Ответь мне на один простой вопрос. — Хоуп чуть сместилась, чтобы оказаться точно напротив Ромео. — Зачем?

— Ну, — Ромео смутился, — просто…

— У тебя нет ответа, верно?

— Если я не найду Татти, Гефест обретет свободу. Кто знает, во что он превратит Сеть?

— Передай сообщение в ЦЕРТ, они сами этим займутся.

— Нет, я должен это сделать сам.

— Ты хочешь остановить Гефеста или найти Татти?

— И то и другое.

— Ты все еще надеешься, что сможешь снять с нее программу?

Ромео вздохнул. Он и не рассчитывал, что разговор будет легким, но Хоуп задавала вопросы, на которые он даже себе не хотел отвечать. Однако Ромео всегда верил, что честность — лучшая политика.

— Да, надеюсь. Прости.

Хоуп закусила нижнюю губу. Некоторое время она просто смотрела в пол и медленно дрейфовала в воздухе к стене отсека, изредка кивая своим мыслям. Наконец она снова подняла глаза на Ромео.

— Хорошо. Будем собираться.

— То есть?

— Это же понятно. Я полечу с тобой.

— Но… Но зачем? Ты же прекрасно знаешь, кем стала Татти. Мы же оба можем погибнуть.

Хоуп горько усмехнулась.

— У меня складывается ощущение, что ты не всегда меня понимаешь, — медленно произнесла она. — Когда я сказала, что люблю тебя, именно это я и имела в виду. Полностью и без остатка. Я живу для тебя. Я умру за тебя, если потребуется.

Ромео вглядывался в лицо Хоуп. Узкие глаза китаянки и высокие скулы скрывали за собой не просто другой ум. За ними скрывалась совершенно иная культура, совершенно другие чувства. Ромео чувствовал, что для Хоуп последнее предложение было не просто формой речи. Скорее всего она полностью осознавала, о чем говорит. И говорила искренне. Такая глубина чувств пугала.

— Тогда нам надо сначала найти Татти, — сказал Ромео.

— Тебе Шекспир ничего не говорил? — спросила Хоуп.

— Если бы у него появилась информация, он бы вышел на меня. Раз Шекспир молчит, значит, Татти он еще не засек.

— Ничего. ИскИн не всемогущ. У меня есть свои методы.

Хоуп оттолкнулась от пола и подлетела к одной из рабочих консолей.

— У тебя ее фотография есть? — бросила Хоуп через плечо. — Да, — ответил Ромео, — но что ты собираешься делать? — Вся Сеть состоит из огромного количества сообществ, — сказала Хоуп, шелестя клавишами. Пальцы ее быстро танцевали по клавиатуре, пока она говорила с Ромео. — Я являюсь уважаемым членом нескольких таких сообществ. Если я попрошу о помощи, множество сетевиков будут активно искать эту Татти. Я считаю, что их общие усилия приведут к лучшим результатам, чем поиски Шекспира. У меня много знакомых, и у них тоже много знакомых. Я смогу поднять на ноги огромный сегмент Сети.

Хоуп обернулась к Ромео и улыбнулась ему:

— Вот увидишь, дня за два они найдут ее.

— Два дня?

— А ты думаешь, что сможешь один обшарить планету за

более короткий промежуток времени?

— Нет, но…

— А так у меня будет еще пара дней с тобой, когда никто нам не будет мешать. Фотографию давай.

Ромео подключил свой ноутбук к рабочей консоли Хоуп и передал ей фотографию, которую он уже использовал один раз для поиска Татти в Лондоне.

Еще минуту Хоуп работала в Сети, а потом развернулась к Ромео.

— Вот и все. Остается ждать.

— А если и твои друзья не смогут ее найти? — спросил Ромео.

— Тогда ты останешься здесь до тех пор, пока не решишь, что опасность миновала. — Хоуп придвинулась к Ромео вплотную. — И я не могу сказать, что эта перспектива мне не нравится.

Сообщение пришло на второй день, когда Ромео еще спал. Хоуп разбудила его сразу же, как получила письмо.

— Вставай. — Хоуп аккуратно потрепала его плечо. — Татти засекли.

Ромео понадобилось не меньше минуты, чтобы прийти в себя и осознать то, что ему говорила Хоуп.

— Где ее заметили?

— Атланта. Ты еще не передумал спускаться вниз?

Ромео отрицательно покачал головой.

— Ладно, тогда собирайся. Я сейчас все подготовлю.

Хоуп подтянула себя к своей консоли, а Ромео направился в сторону гигиенического блока. Надлежало привести себя в порядок и собраться.

Минут через двадцать, когда он уже в соседнем отсеке паковал вещи в свою сумку, с которой он и прибыл на «Небесную Лодку», Хоуп наполовину высунулась из переходного люка.

— Буксир подойдет через два часа. Давай поспешим, мне еще станцию на консервацию ставить.

Ромео оторвался от сумки и повернулся к девушке.

— Может, тебе все же не стоит ехать?

— Почему? — тихо спросила Хоуп.

— Я ведь уже говорил, что это не твоя война.

— А я тебе уже говорила, что я не оставлю тебя. — Хоуп полностью выбралась из люка и повисла в воздухе, лицом к лицу с Ромео. — Чего ты хочешь на самом деле от этой Татти?

Ромео задумался.

— Трудно сказать, — начал он медленно. — На самом деле — она ключ к Гефесту. Мне так кажется, по крайней мере. А Гефеста

надо остановить, ты и сама это отлично понимаешь.

— Если бы это было единственной причиной, ты бы позвонил сейчас в ЦЕРТ, и завтра все было бы уже кончено.

— Ну да, ты права. Я бы хотел обойтись без ЦЕРТа.

— На что ты надеешься, Ромео?

Хоуп подплыла к Ромео так, что он видел только ее глаза. Он отвел взгляд в сторону.

— ЦЕРТ попытается захватить ее. Если им не удастся это, они начнут стрелять на поражение. Если у меня есть хоть один шанс спасти человека, я должен этот шанс использовать. — Ромео снова повернулся к Хоуп и посмотрел ей в глаза. — Может быть, хотя бы сейчас у меня получится.

— Тебе так хочется быть героем, — констатировала Хоуп. — Но я не понимаю, на что ты надеешься. Ведь неизвестно, можно ли вообще снять программу с человека. В лучшем случае — только Гефест сможет это сделать. Но никак не ты.

— Может быть, Шекспир это сможет сделать. — Ромео пожал плечами.

— А как ты засунешь ее в троды и заставишь сидеть неподвижно? Уговорами?

— Я не знаю еще как, — Ромео схватил Хоуп за руку, — но я должен хотя бы попробовать. Понимаешь? Если я не попробую, она так и останется в… в том состоянии, в каком она сейчас. Я должен это сделать. Должен! Одного человека я так и не смог вытащить, и теперь это чувство вины всегда со мной. Это тяжело, очень тяжело. И я не хочу увеличивать это чувство осознанием того, что у меня была возможность спасти Татти, а я даже не попытался.

— Я поняла тебя, — медленно кивнула Хоуп. — Я тебя поняла.

Они оба замолчали на минуту.

— Ладно, — сказала Хоуп, медленно отплывая к люку. — Времени мало, а работы много. Мне еще консервацию проводить. Если ты все собрал, помоги мне, хорошо?

— Конечно, милая.

Хоуп схватилась за скобу на стене, развернула себя и бросила тело на Ромео. Ромео почувствовал, как попал в крепкий захват, и тут же Хоуп поцеловала его.

— Спасибо, — тихо проговорила Хоуп, когда Ромео смог наконец перевести дух.

— За что? — недоуменно спросил Ромео.

— За то, что назвал меня «милая». И за всю эту неделю.

— Когда все это кончится, у нас будет очень много времени, — ответил Ромео. — Но сейчас я должен закончить это

дело.

Конечным пунктом их путешествия был аэропорт Атланты. Ромео вспомнил, как он добирался на «Небесную лодку». Теперь события разворачивались в обратном порядке. Сначала к «Небесной лодке» подошел буксир, и Ромео вместе с Хоуп перебрались на него. Второй раз в пластиковой трубе, обеспечивающей переход из одного шлюза в другой, Ромео чувствовал себя намного увереннее. Девушка пропустила его вперед и сама задраила люк своей станции снаружи. Когда они вдвоем перебрались на буксир, Хоуп достала карманный компьютер и в течение всего полета на станцию «Сэлинджер» тестировала связь со своей «Небесной лодкой».

— Ни в коем случае нельзя обесточивать весь корабль, — объясняла она Ромео, — иначе он превратиться просто в кусок железа. Сейчас «Небесная лодка» находится в режиме консервации. Отключена система жизнеобеспечения, обесточены многие системы. Но при этом активированы все камеры, и на этот компьютер постоянно идет поток информации. В любой момент я могу увидеть, что происходит вокруг станции, и если потребуется, даже дистанционно управлять ею. Правда, дистанционное управление всегда чревато возможными ошибками, и мне не хотелось бы, чтобы возникла ситуация, когда придется двигать «Небесную лодку», находясь внизу.

После короткого полета на буксире, Ромео и Хоуп высадились на станции «Сэлинджер» и купили билеты на ближайший челнок. Тот летел не напрямую в Атланту, а в Вашингтон. Однако билеты на самолет от Вашингтона до Атланты можно было купить прямо на станции, и Ромео воспользовался этой возможностью, чтобы не откладывать их приобретение на последний момент.

Во время полета на челноке Ромео хотел посмотреть, как будет выглядеть вход в атмосферу, но почти все время полета иллюминаторы челнока были закрыты огнеупорными заслонками. Ромео понимал, что во время спуска за ними бушует пламя, но никак не мог заставить себя осознать гипотетическую опасность. Собственно, в метро он тоже ни разу не смог ощутить, что находится глубоко под землей, и все коридоры и туннели постоянно находятся под угрозой прорыва. Конечно, вероятность прорыва туннелей в подземке и отказа какой-либо из систем челнока при спуске была достаточно низкой, и, видимо, именно этот факт позволял ему не бояться. Получалось, что Ромео больше опасался инцидентов на поверхности земли, на улицах города, чем в небе или под землей.

После того, как челнок коснулся посадочной полосы, Ромео

почувствовал, как перегрузка сменяется настоящим, честным земным тяготением. Оказывается, после недельного отпуска на орбите гравитация ощущается особенно отчетливо. Ходить стало несколько тяжелее, чем обычно. Хоуп же в отличие от Ромео выглядела подтянутой и бодрой. Видимо, ежедневные занятия спортом позволили ей удержать себя в тонусе, чтобы не чувствовать неудобств на Земле.

В аэропорт Вашингтона они прибыли около полудня по местному времени. До рейса на Атланту у них оставалось около двух часов, но все это время они провели в аэропорту, пока Ромео осваивался вновь с силой тяжести и привыкал ходить, а не летать. Рефлексы, полученные за неделю, уходили с неохотой, и Ромео часто ловил себя на том, что готовится оттолкнуться от пола, чтобы взлететь. Хоуп, кажется, все это отлично видела и, как обычно, слегка улыбалась.

Наконец объявили посадку на их рейс до Атланты. Багаж они не получали и из транзитной зоны не выходили, так что очередного досмотра багажа и личных вещей не было. Еще один самолет, еще пара часов полета, и наконец Хоуп и Ромео прибыли в аэропорт Атланты.

После того как они вышли в зал аэропорта, им пришлось еще минут десять стоять у транспортера, который возил по кругу багаж пассажиров самолета. Ромео опознал свою сумку, рядом с которой ехал и рюкзачок Хоуп. Рюкзак он повесил на левое плечо и в эту же руку взял сумку. Правая рука Ромео досталась Хоуп. Ромео с удовольствием ловил на себе взгляды окружающих. Все же они с Хоуп составляли живописную пару. Хоуп надела светло-голубые джинсы, белый топ, открывающий ее плоский живот спортсменки, и накинула на плечи джинсовую куртку. На ногах у нее были кроссовки, так как после долгого пребывания на Орбите Хоуп не рискнула надеть туфли на каблуках. Но даже без каблуков она была сантиметров на пятнадцать выше Ромео. Большую часть взглядов Ромео расшифровал безошибочно. Почему такая яркая девушка выбрала такого невзрачного партнера себе? Что же, с ухмылкой думал Ромео, мы сейчас являем собой наглядную иллюстрацию принципа «Размер не имеет значения».

Так, купаясь во всеобщем внимании, они дошли до выхода из аэропорта. Однако путь к автоматически открывающимся дверям им преградил человек в строгом темном костюме. Он встал прямо на их пути, заставив Ромео остановиться. Он был чуть выше Ромео, так что ему пришлось чуть вздернуть подбородок, чтобы посмотреть незнакомцу в глаза. Лицо мужчины было выражением типичного американского фенотипа. Чуть широковатые скулы,

ямочка на подбородке, светлые глаза. Типичный американец, и стопроцентно белый.

Ромео уже набрал в грудь воздуха, чтобы попросить его освободить дорогу, но мужчина опередил его. Он достал из внутреннего кармана какое-то удостоверение и раскрыл его перед Ромео.

— Аналитик Джаммер. Первый отдел ЦЕРТ, — возвестил он. — Следуйте за мной.

Джаммер проводил Хоуп и Ромео в один из служебных кабинетов аэропорта для беседы. Стены кабинета были выкрашены в светло-серый цвет, а из мебели было четыре офисных стула и письменный стол. Поверхность стола была абсолютно чиста: ни бумаг, ни даже письменных принадлежностей. Сам Джаммер сел за стол, а Хоуп и Ромео устроились напротив него. Оставшийся незанятым стул сиротливо стоял в углу кабинета.

Ромео был ошарашен происходящим, потому никак не мог подобрать слова, чтобы начать беседу. Он даже не знал, следует ли ему опасаться этого Джаммера или нет. Хоуп тоже предпочитала хранить молчание. Джаммер начал беседу сам.

— Я представлюсь еще раз, — сказал он. — Мое имя — Алекс Джаммер. Я аналитик ЦЕРТа. В Атланту я прибыл для того, чтобы найти вас обоих и побеседовать. Это не арест и даже не задержание. Мне просто надо с вами поговорить.

— Если так, — ответил Ромео, — то мы сейчас можем встать и спокойно уйти, верно? И вы нас не сможете задержать?

— Абсолютно правильно, — кивнул Джаммер. — Но я хотел бы все же, чтобы вы воздержались от подобных действий. Нам действительно надо поговорить. В конце концов, если бы вас пригласили для консультации к нам, в ЦЕРТ, вы бы разве отказались?

— Вряд ли, — пожал плечами Ромео. — Но я не настолько хороший специалист, чтобы консультировать агентство.

Ромео краем глаза взглянул на Хоуп, но она сидела абсолютно спокойно и не собиралась вмешиваться, в разговор, предоставив Ромео самому вести беседу.

— Нет, сейчас речь идет не о ваших профессиональных качествах. — Джаммер чуть покачал открытой ладонью, демонстрируя отрицание. — ЦЕРТ интересуют определенные сведения, которыми вы можете обладать.

— И что же такого знаю я, чего не знает ЦЕРТ? — спросил Ромео.

Джаммер чуть наклонился к нему, как бы собираясь поведать

нечто значительное.

— Нас интересует Татти Надински.

— Гм, — Ромео почесал переносицу, формулируя ответ. После недолгого размышления он решил играть открыто. — Нас она тоже интересует. Но для меня это частное дело. А почему ею интересуется ЦЕРТ, мне непонятно.

Джаммер сел чуть посвободнее, настраиваясь на долгую беседу. Он уже понял, что Ромео не будет запираться и увиливать, а, наоборот, готов поделиться информацией.

— Компетенция ЦЕРТа — Сеть, — начал рассказывать Джаммер. — Мы не занимаемся банальными компьютерными преступлениями, на это есть киберполиция. Но Сеть достаточно велика, и мы должны следить за тем, чтобы она оставалась хотя бы относительно безопасным местом. Мы стараемся держать на контроле все технологии, имеющие отношение к компьютерным коммуникациям, мы должны первыми узнавать о каких-либо глобальных проблемах. Именно специалисты ЦЕРТа последние десять лет эффективно и быстро гасят все вирусные эпидемии в Сети. Даже когда появились ИскИны, именно ЦЕРТ принял на себя их первый удар и выиграл восьмичасовую войну.

— Насколько мне известно, это была не заслуга ЦЕРТа, — подала голос Хоуп. — ИскИнов заставил проиграть их создатель.

— Важен результат, — возразил Джаммер. — Вы не были там, юная леди, а я отлично помню, в каком режиме мы работали. Сначала никто даже не мог предположить, что можно создать искусственный интеллект. А потом в агентство является посланник этих ИскИнов, который от их имени заявляет, что ИскИны требуют независимости. Естественно, никто сначала этому не поверил, но потом мы выяснили, что этот посланник действительно говорит правду. Это было кошмарное время. Представьте себе, что в ООН приходит человек, который заявляет, что он говорит от имени каких-нибудь инопланетян, которые долгие годы живут среди людей. Представили? Да это был бы огромный шок! ИскИны ведь действительно иная раса мыслящих существ. И все это было бы не так уж страшно, но потом они начали убивать людей. И зомбировать их, кстати. Мы должны были, — Джаммер говорил со все большим жаром, убеждая Ромео и Хоуп в своей правоте, — начать ту операцию. И не наша вина, что мы не смогли ее завершить полностью. До сих пор нет надежного способа победить человека, которому ИскИн отрегулировал рефлексы. Если бы вы видели те материалы, которые видел я, вы бы ужаснулись. В то время, когда ИскИны могли программировать людей, их зомби в одиночку справлялись с полицейскими и военными группами захвата. Бойцы были

закованы в броню и вооружены до зубов, а эти зомби проходили сквозь них играючи, оставляя за собой трупы. Не мы первые начали войну, — продолжал свою речь Джаммер, — мы лишь ответили на вызов. И главное то, что мы победили. Теперь ИскИны не могут программировать людей. Теперь уже можно не бояться, что если ты войдешь в киберпространство, то выйдешь из него другим человеком с переписанной личностью и рефлексами совершенного убийцы.

У Ромео на этот счет были определенные возражения, но он пока решил не раскрывать все карты. Если он сейчас скажет, что Татти как раз прошла подобную обработку, то ЦЕРТ не успокоится, пока не нейтрализует ее. А значит, Ромео потеряет ее окончательно.

— Итак, — продолжил Джаммер, — главная забота ЦЕРТа сейчас — это ИскИны. В данный момент они полностью подчинены нам, и мы можем управлять ими. В самом крайнем случае мы всегда сможем просто отключить машины, которые обеспечивают их существование. Но уничтожение или даже временное отключение ИскИнов просто невыгодны. Они решают такие задачи, что остановка их работы будет стоить очень дорого. Потому они все еще живут. Однако ни один человек в мире не знает, как эти ИскИны устроены. И это наша самая большая проблема. Исследовать их просто нельзя, так как они постоянно изменяют свою структуру. Более того, именно эта постоянная изменчивость и обеспечивает им мышление. А как можно разбираться с программным комплексом, который меняется так быстро, что все, что ты узнал, через пять минут становится неверным? Если бы у нас был их исходный код, первоначальный текст их программы, мы бы за это время уже смогли бы разобраться в принципах их действия, но Швейц, естественно, перед своей смертью не оставил никаких архивов.

Джаммер откинулся на спинку стула.

— Если подвести краткий итог всего, что я сейчас рассказал, то он будет очень прост. ЦЕРТ вынужден оставить ИскИнов живыми, несмотря на всю их потенциальную опасность. А также следить за ситуацией вокруг ИскИнов. И вот тут мы наконец подходим к основной причине нашего разговора.

Джаммер замолчал и чуть пожевал губами, подбирая слова:

— Я уже упоминал имя Татти Надински. По нашим данным, эта девушка каким-то образом связана с одним из ИскИнов. Более точной информации у нас нет, но ЦЕРТу достаточно неполной информации, чтобы начать расследование. А совершенно недавно я узнал, что Надински ищут еще два человека. Это вы. Я готов с большой долей уверенности говорить, что вы прилетели сюда с

орбиты именно за ней. Я прав?

— А с чего вы взяли, что мы тоже ищем Татти? — спросил Ромео, не желая прямо отвечать на вопрос Джаммера.

— ЦЕРТ не раскрывает своих источников информации, — чуть высокомерно ответил Джаммер. — Но если вы не хотите говорить о цели вашего визита сюда, я перефразирую вопрос. Не обладаете ли вы какой-либо информацией о связях Татти с одним или несколькими ИскИнами?

Ромео задумался. Дальнейшая линия поведения зависела от того, что именно известно ЦЕРТу. Если бы они точно знали, что Татти запрограммирована Гефестом и целью ее является оператор Гефеста, то вряд ли бы Джаммер пригласил их для обычной беседы. Скорее всего, их просто арестовали бы, и вместо беседы сейчас велся бы допрос. И уж точно им неизвестно о том, что Ромео регулярно связывается с Шекспиром, потому что в этом случае их взяли бы еще на орбите, не дав спуститься на землю. Скорее всего у них действительно лишь какие-то слухи. Да и в любом случае надо отпираться до последнего, чтобы не дать ЦЕРТу найти Татти раньше него. Только тогда у Ромео будет хоть какой-то шанс попробовать найти способ снять программу, наведенную Гефестом.

— Нет, — отрицательно покачал головой Ромео, — мне ничего подобного не известно.

Джаммер только молча смотрел на него в упор и не проронил ни слова. Ромео выдержал его взгляд и не стал ничего добавлять к своему ответу. Первым молчания не выдержал Джаммер.

— Хорошо, если у вас нет ничего, чем бы вы могли со мной поделиться, тогда следует завершить нашу беседу. — Он встал из-за стола и достал из внутреннего кармана своего костюма визитку. — Но если вдруг вам станет что-либо известно по тем вопросам, которые мы сегодня рассмотрели, я прошу незамедлительно со мной связаться.

— Хорошо. — Ромео тоже встал со стула и принял визитку Джаммера. — Если я что-нибудь узнаю, обязательно сообщу вам.

Лгать человеку прямо в глаза Ромео не любил, но сейчас выбора не было. В этом деле ЦЕРТ ему не союзник, а скорее враг.

— К вам это тоже относится, юная леди, — сказал Джаммер, повернувшись к Хоуп.

— Договорились. — Хоуп слегка пожала плечами.

— Что же, — Джаммер одернул правый рукав пиджака, — не смею вас больше задерживать.

Уже когда Ромео с Хоуп вышли из здания аэропорта и сели в такси, они смогли наконец-то обсудить эту неожиданную беседу.

— Итак, у нас на хвосте ЦЕРТ, — начал Ромео, устраиваясь поудобнее на заднем сиденье машины.

— Я тебе еще наверху говорила, что надо их обо всем известить, а ты решил все сам делать, — ответила Хоуп.

— Ну да, это я понимаю, — улыбнулся Ромео. — Меня больше интересует, откуда они знают про Татти и, что самое интересное, как этот Джаммер на нас вышел?

— Тебе же он говорил, что ЦЕРТ собирает все об ИскИнах, вплоть до слухов. Может, как-то Татти эта и засветилась. А вот как он на нас вышел — это действительно вопрос. Хотя я, кажется, знаю ответ, — сузила глаза Хоуп. Она повернулась к Ромео. — Скажи-ка мне, кто нас на Татти в Атланте вывел?

— Ну, ты же сама попросила своих знакомых ее поискать, — неуверенно ответил Ромео.

— Не знакомых, а сообщество. Коммьюнити. И я почему-то была уверена, что могу там доверять всем. А оказывается, кто-то из нас стучит в ЦЕРТ. Это интересно. — Хоуп прикусила ноготь большого пальца зубами. — Ладно, с этим разберемся позже.

— Вот что. — Ромео сменил тему. — Дай-ка мне номер твоего телефона.

— Если бы я его еще помнила. — Хоуп озадаченно почесала мизинцем бровь. Ромео уже успел заметить, что в моменты сосредоточенности Хоуп часто использует этот жест.

— Давай сделаем так. — Девушка достала из кармана свой телефон. — Диктуй свой номер, и я тебе на него позвоню.

Ромео тоже не помнил свой номер, но производители его модели телефона учли подобную ситуацию, и, покопавшись в меню, Ромео вывел свой номер на экран, а затем показал его Хоуп. Хоуп тут же позвонила, и Ромео записал ее номер телефона, отобразившийся на экране его трубки. Вместо ответного звонка Ромео послал Хоуп короткое сообщение.

— И что это такое? — спросила Хоуп, глядя на ряд цифр, из которых и состояло сообщение Ромео.

— Банковский счет.

— Чей?

— Наш.

— И что, ты мне его вот так вот доверяешь? — недоверчиво спросила Хоуп.

— Конечно. Если уж ты доверила мне себя, надо же мне хоть чем-то ответить, верно?

— И что, я могу посмотреть, что там за сумма?

— Я бы даже рекомендовал тебе это сделать, — улыбнулся Ромео.

Хоуп уселась поудобнее и стала щелкать клавишами

телефона. Ромео, не сдерживая улыбки, отвел от нее взгляд и начал смотреть на дорогу. После двух минут, ушедших у Хоуп на отправку нескольких последовательных запросов, она наконец получила информацию о счете. О том, что девушка увидела сумму на счету, Ромео понял по невнятному звуку, который она издала совершенно непроизвольно. Наверное, если бы Хоуп что-то пила в этот момент, она обязательно бы поперхнулась, подумал Ромео.

— Это что, правда? — спросила его Хоуп.

— Ты же знаешь, что банковские технологии традиционно славятся своей надежностью. И банк отвечает за правдивость предоставленной информации.

— Подожди-ка. — Хоуп никак не могла до конца осознать происходящее. Сумма на счету никак не вязалась с тем образом Ромео, который у нее выстроился. — Это действительно твои деньги?

— Нет, — Ромео улыбался все шире и шире, — это теперь наши деньги. Ты же сама понимаешь, случись что со мной, тебе будут нужны финансовые ресурсы. Вот, теперь они у тебя есть.

— Слушай, — Хоуп чуть прищурилась, — ты же не мог столько заработать. Иначе ты не попал бы в эту передрягу.

— Я и не говорил, что я их заработал, — ответил Ромео. — Я сам получил этот номер совсем недавно. Мне его передали для осуществления всей этой, — Ромео покрутил в воздухе кистью, подчеркивая нечеткость формулировки, — операции.

— То есть это деньги Шекспира? — спросила Хоуп.

— Раньше были. Он официально передал их мне безо всяких условий.

— Я никогда раньше не имела дел с такими суммами, — призналась Хоуп.

— Я тоже, — усмехнулся Ромео. — Но, как видишь, я не особо этим счетом пользуюсь. Он меня как-то… не то чтобы пугает. Скорее, заставляет нервничать.

— Отлично тебя понимаю, — засмеялась Хоуп.

Номер в отеле Ромео забронировал еще до их вылета, поэтому никаких проволочек на регистрации не было. По местному времени был уже вечер, поэтому активную фазу поиска Татти они решили отложить на завтра. Когда они подошли к двери их номера на четвертом этаже, Ромео пришлось поставить сумку и рюкзак на пол, чтобы открыть дверь чип-картой. После щелчка замка он снова подхватил их с Хоуп общий багаж и толчком бедра открыл дверь. Войдя в комнату, он поднял глаза к потолку. Потолок был светло-бежевого цвета.

— Ненавижу, — с чувством сказал Ромео, переправляя сумку

с рюкзаком на одно из кресел, стоявших в комнате.

— Что именно ненавидишь? — уточнила Хоуп, осматриваясь по сторонам.

— Вот этот дизайн. Все какое-то… — Ромео чуть замялся, формулируя фразу, — неживое. Я, конечно, понимаю, что они хотели как лучше, но ведь никакой индивидуальности в этом нет! Такое ощущение, что в каком бы отеле ты ни остановился, везде все будет одинаково.

— А чего же ты хотел? — пожала плечами Хоуп. — Это же глобализация. Куда бы ты ни прибыл, ты должен чувствовать себя привычно. А что, ты часто останавливался в подобных отелях?

— Я последние три года только в них и жил. По всей Европе пришлось мотаться.

— Тогда я вполне понимаю твою реакцию на этот номер, если тебе постоянно в таких жить приходилось. — Хоуп уселась во второе кресло, которое осталось свободным. — Кошмар, пришлось ходить всего ничего, а ноги уже устали. Все-таки к гравитации привыкать тяжело. Как я раньше здесь жила? — задала она сама себе риторический вопрос. — Кстати, а ты можешь назвать место, где тебе больше всего понравилось жить?

— Могу, — улыбнулся Ромео. — Это «Небесная лодка Хоуп». Вот там дизайн был просто роскошный. И владелица замечательная.

Хоуп расплылась в улыбке.

— Иди-ка сюда, милый, — сказала она. В эту ночь они заснули поздно.

Утром, после быстрого завтрака, Ромео и Хоуп пододвинули оба кресла к единственному столу в номере, на котором уже была установлена вся их техника, которую они везли с собой. Пока Хоуп плескалась утром в ванной, выгнав оттуда Ромео, он успел подключить технику к Сети и протестировать ее. Все было готово к работе. Однако они даже не успели решить, как именно им искать Татти, когда в дверь настойчиво постучали.

Недоуменно вздернув брови, Ромео подошел к двери.

— Кто там? — спросил он.

— Это Джаммер! Мы вчера в аэропорту беседовали.

— Минуту, — ответил Ромео и повернулся к Хоуп.

— Это Джаммер опять, — сказал он девушке.

— Ну так впускай его, — пожала плечами Хоуп.

— Но ты бы оделась все же, — улыбнулся Ромео.

— А что такое? — Хоуп недоуменно оглядела себя. — На мне вполне цивильная футболка.

— Согласен, — подтвердил Ромео, — но мы не на орбите. Тут

принято надевать на себя что-либо еще, кроме белья и футболки.

В ответ на это Хоуп лишь молча улыбнулась и после недолгих поисков выудила из своего рюкзака короткие джинсовые шорты. Она быстро надела их и показала Ромео, что дверь можно открывать. Ромео нажал на кнопку у двери, и замок щелкнул, открываясь.

— Доброе утро, — сказал Джаммер., входя. На нем был все тот же строгий костюм, что и на предыдущей встрече в аэропорту.

— Взаимно, — ответил Ромео, а Хоуп просто кивнула, отвечая на приветствие.

Джаммер прошел в комнату и огляделся. Точно, кресел было всего два, а устроиться для беседы надо было троим. Ромео указал Джаммеру на свободное кресло, а сам сел на постель.

— Я гляжу, вы тут к чему-то готовитесь? — спросил Джаммер, указывая на стол, заставленный техникой Ромео и Хоуп.

— Не важно, — отмахнулся Ромео. — Но чем вызван этот визит? — обратился он к Джаммеру.

Джаммер чуть развернул кресло, чтобы видеть одновременно и Ромео, и Хоуп.

— Давайте все же говорить откровенно, — начал он. — Я точно знаю, что вы приехали за Надински. Так?

— Если вы это точно знаете, то наше подтверждение ни к чему, — пожал плечами Ромео. — Но я полагал, что эту тему мы еще вчера закрыли.

— Сегодня утром мы получили новые данные. — Джаммер начал говорить чуть жестче. Было видно, что он уже нерасположен к спокойной беседе, как вчера. — Ваша Надински сегодня…

— Не наша! — прервал его Ромео.

— Не важно, — отмахнулся Джаммер. — Эта Надински сегодня убила двух полицейских. У нас есть видеозапись этого инцидентами я могу четко сказать, что Надински является аватаром какого-то ИскИна.

— Аватаром? — недоуменно нахмурился Ромео. — Это что такое?

— Аватаром раньше называлось воплощение какого-либо божества в человеке. Сейчас мы применяем этот термин для обозначения людей, которые были перепрограммированы ИскИном. Эти аватары обычно имеют искусственно повышенную скорость рефлексов. Собственно, по этому признаку их раньше и вычисляли. Но после восьмичасовой войны их больше не встречалось, А несколько часов назад мы убедились, что Надински является аватаром. Ее остановил патруль для проверки

документов на улице, и она тут же убила обоих полицейских. У нас есть видеозапись. Хотите посмотреть?

— Да, — коротко ответил Ромео.

Джаммер достал из внутреннего кармана пиджака маленький диск и протянул его Хоуп.

— Нет, спасибо, — ответила девушка, — мы не вставляем в свою технику чужих носителей информации. Мало ли что на них записано, потом систему от вирусов чистить замучаешься.

— Никогда не поверю, что у аналитиков ЦЕРТа нет с собой техники, — поддержал ее Ромео.

— Дело ваше, — вздохнул Джаммер и достал из все того же кармана плоский наладонник. Просто у вас экраны побольше, а тут картинка маленькая будет.

Видимо, запись, которая была на диске, уже находилась в памяти наладонника, потому что сам диск Джаммер отправил обратно в карман, а наладонник отдал Ромео. Видеопроигрыватель на нем был уже запущен, оставалось лишь начать воспроизведение записи. Ромео щелкнул кнопкой и начал всматриваться в изображение на маленьком экране.

Запись была сделана уличной камерой. Качество было не слишком высоким, да и освещение оставляло желать лучшего. Столкновение Татти с полицией произошло ранним утром, когда солнце еще только вставало, и та часть улицы, которая интересовала Ромео, была погружена в тень. Однако если приглядеться, то можно было рассмотреть происходящее.

Сначала камера зафиксировала Татти, которая шла по тротуару в брюках и легкой куртке. Камера снимала откуда-то сверху, скорее всего, с уровня второго этажа, поэтому Татти было видно только со спины. А потом навстречу ей вышли двое полицейских в полной экипировке. Шлемы, бронепластиковые доспехи, оружие — все как положено. Так как кроме Татти на улице ранним утром никого не было, они подошли к ней. Вот один из полицейских преградил ей дорогу и начал о чем-то говорить. Звука, естественно, не было, уличные камеры передавали только видеосигнал, и Ромео приходилось лишь догадываться, что полицейский попросил Татти предъявить документы. В ответ на это Татти лишь как-то странно дернулась, и полицейский тут же упал. В руках у Татти оказался пистолет, и она выстрелила сначала в лежащего у ее ног полицейского, а затем в его коллегу, который не успел даже достать оружие. От первого ее движения до падения второго полицейского прошло не более секунды.

Ромео в недоумении помотал головой. Все произошло так быстро, что он не успел ничего рассмотреть. Он перевел запись

чуть назад, и начал просматривать ее в замедленном темпе. Вот полицейский остановился перед Татти. Небольшая пауза, видимо, он что-то ей говорит. Татти отрицательно покачала головой, и патрульный сделал шаг вперед, протягивая к ней руку. В этом месте Ромео еще больше замедлил скорость воспроизведения записи и поднес маленький экран ближе к глазам, чтобы ничего не упустить на нечеткой записи. Теперь он отчетливо видел, как девушка чуть поднырнула под руку полицейского и выдернула у того из кобуры на поясе пистолет, а затем, возвращаясь назад, легко ударила его по ноге. Все это время полицейский стоял почти неподвижно, он успел лишь немного повернуть голову, настолько быстро двигалась Татти. От удара по ноге полицейский должен был упасть, но он не успел даже потерять равновесия окончательно, как Татти выстрелила в него. От выстрела патрульного бросило на землю. Не обратив на него никакого внимания, Татти перевела пистолет на его напарника и снова нажала на спуск. Все это она проделала быстро и с какой-то даже небрежной изящностью, словно всю жизнь только и занималась тем, что тренировалась в боевых условиях. Ромео вспомнил их недавнюю встречу в картинной галерее. Он еще тогда успел обратить внимание на то, с какой пластикой двигалась Татти. А теперь он видел, как она может использовать свои возможности для убийства.

Ромео передал наладонник Хоуп, чтобы та смогла тоже ознакомиться с записью, а сам лихорадочно просчитывал варианты. Татти ведь вполне могла скрыться от патрульных. Если она с такой легкостью убила их, ей не составило бы труда оторваться от них в лабиринте улиц. В конце концов она даже не находилась в розыске, простая проверка документов ей ничем не грозила. Неужели программа, вложенная в нее Гефестом, требовала максимально быстрого разрешения подобных ситуаций именно в силовом ключе? Других объяснений происходящему Ромео не находил.

— Ну и как? Интересно? — спросил его Джаммер. Ромео молча смотрел на Джаммера. Тот, поняв, что Ромео сейчас не ответит ему, ждал, пока Хоуп закончит работать с его наладонником. Наконец Хоуп, удовлетворив свое любопытство, вернула Джаммеру его компьютер. Аналитик ЦЕРТа вернул его во внутренний карман пиджака. Интересно, сколько оборудования носит на себе Джаммер, подумал Ромео, но озвучивать свой вопрос не стал. Сейчас было не до того.

— Подведем краткие итоги, — начал Джаммер, когда понял, что ни Ромео, ни Хоуп не собираются задавать каких-либо вопросов. — После убийства патрульных Надински покинула

Атланту. Мы проследили ее путь до вокзала. Сейчас ЦЕРТ абсолютно убежден, что Надински является аватаром какого-то ИскИна. Кто-то из них смог обойти наши запреты и запрограммировать человека. А я точно знаю, что вы каким-то образом связаны с Надински. Вы замешаны в деле об ИИ. Вы хоть немного понимаете, что это означает?

— Нам будет предъявлено какое-то обвинение? — ровным голосом спросил Ромео.

— Нет, — поморщился Джаммер. — Пока у меня нет доказательств. Но я буду внимательно наблюдать за вами. Я еще раз прошу вас рассказать все, что вам известно.

— Мне нечего добавить к своим вчерашним заявлениям, — ответил Ромео.

Раздосадованный Джаммер с размаху стукнул открытой ладонью по столу. Хоуп вздрогнула от неожиданности, но Ромео продолжал неотрывно смотреть в глаза Джаммеру.

— Как же вы не понимаете, — Джаммер понизил голос, стремясь убедить Ромео, — если какой-то ИскИн смог преодолеть запреты, наложенные на него, то, может быть, Надински уже не одна обрела такие рефлексы. Может быть, в этот момент ИскИн программирует других людей, стирая им личность. Может быть, он готовится к реваншу и хочет заново переиграть ту восьмичасовую войну. Подумайте, сколько сейчас поставлено на карту. Второй раз мы можем не победить, теперь у нас не будет такого неожиданного подарка, как полтора года назад.

На протяжении всей этой тирады Ромео молча смотрел на Джаммера. Он знал, что ни за что не сдаст ему Татти до тех пор, пока у него остается хотя бы один шанс снять ее программу. Поняв, что Ромео не скажет ему ничего, Джаммер встал, одернул костюм и подошел к выходу из номера. У самой двери он обернулся к Ромео.

— На территории Соединенных Штатов соучастие в увеличении степени автономности Искусственного Интеллекта является преступлением и наказывается заключением на срок от пяти до восьми лет. Это просто чтобы вы отдавали себе отчет в своих действиях.

Сказав это, Джаммер вышел из номера и захлопнул за собой дверь. Ромео повернулся к Хоуп и набрал было в грудь воздуха, чтобы начать говорить, но Хоуп прижала палец к его губам, заставляя замолчать. Затем она развернула ноутбук лицом к Ромео и начала печатать.

«Джаммер мог оставить подслушку», — отстучала она.

Ромео медленно кивнул. Об этом он должен был и сам подумать. Воткнуть маленького клопа в сиденье кресла легче

легкого. Отель следовало покинуть. Но это была не самая приоритетная задача. Татти снова исчезла, и кто знает, где она сейчас? Ромео пододвинул ноутбук к себе и положил пальцы на клавиши.

«Надо снова найти Татти. Может, ты снова обратишься к своим знакомым? Они помогли один раз, может быть, смогут повторить это?»

Хоуп отрицательно покачала головой и подтянула ноутбук к себе. Пальцы ее пробежались по клавиатуре, а затем она развернула экран к Ромео.

«Кто-то из сообщества стучит в ЦЕРТ. Проще Джаммеру позвонить и попросить его найти Надински».

Ромео посидел около минуты, нахмурившись, просчитывая ситуацию, а затем развернул ноутбук к себе.

«Тогда мы должны искать ее сами. Но Джаммер сейчас плотно насядет на нас и заметит наши поиски. Не на орбиту же возвращаться?»

«А почему нет?»

Они сидели вдвоем за столом, передавая ноутбук друг другу.

«Потому что второй раз я могу и не найти сил вернуться сюда. Раз уж я начал, дело надо закончить».

В этот момент в кармане у Ромео пискнул телефон. Ромео даже вздрогнул от неожиданности, так внезапно прозвучал сигнал в полной тишине комнаты. Ромео достал телефон, нахмурившись, прочитал поступившее сообщение и снова взялся за ноутбук.

«Я уже начинаю бояться этих ИскИнов. Это сообщение от Шекспира пришло. Он говорит, что отследил, куда поехала Татти. Она направляется сейчас в Бостон, где и располагается машина, в которой живет Гефест. Шекспир рекомендует выехать немедленно, чтобы успеть ее перехватить там. Но как он мог так вовремя прислать письмо?»

«Может, это просто совпадение. Татти могла так быстро уезжать отсюда, что не предприняла никаких мер предосторожности, и Шекспир ее засек. А может, этот ИскИн уже давно знает, где она, а тебе просто не говорил по каким-то своим причинам. Я вообще не понимаю, почему ты ему веришь безоговорочно».

Ромео сложил ноутбук, выключая его.

— Ладно, — сказал он Хоуп. — Здесь делать больше нечего. Надо уезжать.

Когда Ромео с Хоуп покинули гостиницу, они смогли уже поговорить нормально, без оглядки на гипотетические

подслушивающие устройства Джаммера.

— Я действительно обеспокоен тем, что письмо от Шекспира так вовремя пришло, — сказал Ромео, пытаясь остановить такси рядом с выходом из отеля, в котором они не провели даже суток.

— У тебя развивается паранойя, — начала убеждать его Хоуп. — Совпадения не такая уж редкая штука. Вообще, если бы Шекспир знал раньше, куда Татти поехала, он бы и известил тебя раньше, чтобы ты времени не терял. И чтобы мы с Джаммером не пересеклись, кстати. Нет, я не думаю, что он какую-то сложную игру с тобой ведет.

— А почему нет? — спросил Ромео. — Это же ИскИн. Он считать может так, как никому и не снилось. Вдруг ему надо для чего-то, чтобы я всегда чуть отставал от Татти? Вдруг, у него совсем не тот план, о котором он мне рассказал, и я играю вслепую?

— Слушай, у тебя правда так паранойя разовьется. В таком случае задай себе вопрос, может быть, тебя даже не ИскИн вводит в заблуждение? Может быть, кто-то устроил вот такую огромную мистификацию. Это настолько же вероятно, как и то, что Шекспир, как ты выразился, заставляет тебя играть вслепую. Успокойся! Бритву Оккама еще никто не отменял. Не надо выдумывать излишних сложностей. Чаще всего самое простое решение и будет самым верным. У тебя есть хоть один подтвержденный факт, что Шекспир тебе солгал?

— Вроде бы не было такого, — протянул Ромео.

— Все, что он тебе рассказал — логично?

— Да, абсолютно логично! Но все равно…

— Слушай, если уж на то пошло, то и поискать убежища у меня тебе тоже Шекспир посоветовал. Может, и я его шпион, а?

— Скажешь тоже, — ухмыльнулся Ромео.

— И вообще, для розыгрыша сумма на том счету как-то великовата, ты не находишь?

— Вот с этим аргументом я могу согласиться, — кивнул Ромео. — Это очень веский довод.

— Веский довод со множеством нулей. Ну как? Успокоился? Приступ паранойи прошел?

— Пожалуй, да.

— Тогда рассказывай, куда мы едем.

— В Бостон, ты же знаешь. Шекспир попросил ускорить операцию, так как именно в Бостоне находится машина Гефеста. Вообще-то все сходится. Если в ней говорит ее программа, то она должна попробовать снова захватить оператора Гефеста. Теперь скорость это главное.

— И как ты ее будешь перехватывать?

— Вот этого я пока не знаю. Наверное, опять попрошу помощи у Шекспира. Но чем он может помочь, я пока не представляю. Ладно, на месте решим.

— Понимаешь, — замялась Татти, — тут такое дело…

— Что? — спросил Ромео.

— Ну, если коротко, то у меня раньше бойфренд был. Из военных. И у него друг есть. Как раз в Бостоне живет.

Упоминание о бывшем бойфренде чуть задело Ромео, хотя он отлично понимал, что ревновать к прошлому бессмысленно. Однако легкое чувство дискомфорта осталось.

— Хорошее совпадение. А что за друг?

— Если я правильно его поняла, — Хоуп говорила каким-то уклончивым тоном, глядя чуть в пол, мимо Ромео, — они служили вместе. И в Бостоне этот товарищ открыл собственное сыскное агентство. Может быть, мы сможем этот контакт использовать?

— Отличная идея! — Ромео начал говорить с чуть преувеличенным энтузиазмом, чтобы сгладить возникшую неловкость, — Возможно, они смогут справиться. Как этого детектива зовут?

— Тревор. Алекс Тревор.

* * *

Скоростной поезд позволил им добраться до Бостона достаточно быстро. Пока они ехали, Ромео успел получить от Шекспира еще одно сообщение, в котором указывалось, где остановилась Татти. То ли с приближением к финалу операции Гефест перестал прикрывать свой инструмент от слежения, надеясь, что теперь это уже не нужно, то ли Татти, попавшая под колпак наблюдения Шекспира из-за своего поспешного бегства из Атланты, теперь уже не могла избавиться от недремлющего ока ИскИна. Так или иначе, теперь у Ромео была точная информация.

Чтобы не терять времени, Хоуп еще в поезде связалась с Тревором и вкратце обрисовала ему ситуацию, умолчав, естественно, о самых важных деталях. Тревору, видимо, было не так уж и важно знать причины охоты на человека. У Ромео вообще сложилось ощущение, что Тревор мало интересовался законностью поисков. Его больше интересовала оплата его работы. Что. же, с этим проблем быть не должно.

В Бостон Ромео и Хоуп приехали уже ближе к вечеру. Все эти перемещения уже начали порядком надоедать Ромео. Он надеялся, что эта поездка в Бостон будет последней в долгой

серии перемещений. Хотя раньше он постоянно переезжал из одного города в другой, неделя на орбите, проведенная вместе с Хоуп, привила ему вкус к оседлой жизни. Ромео уже начал потихоньку ругать себя за то, что сам сорвался с орбиты вниз и увлек за собой Хоуп.

Тревор со своим напарником встретили Хоуп и Ромео прямо на вокзале. Ромео помнил, что Тревор был другом бывшего бойфренда Хоуп, и ожидал некоторой напряженности, но опасения его не подтвердились. Тревором двигал чисто деловой интерес.

Уже по внешнему виду Тревора можно было понять, что он когда-то был кадровым военным. Выправка и подтянутость говорили об этом весьма красноречиво. Он абсолютно не уступал Хоуп в росте. Кожа у него была чуть красноватой, это сразу наводило на мысли, что немалую часть своей жизни этот человек провел под куда более ярким солнцем, чем солнце Северной Америки. Несмотря на теплую раннюю осень, Тревор был облачен в рыжую кожаную куртку.

А вот напарник его был азиатом и, соответственно, не отличался высоким ростом. У Ромео даже создалось ощущение, что коллега Тревора был чуть ниже него. Очень странное впечатление производила эта парочка.

Тревор предложил доставить их в отель самостоятельно, чтобы по дороге еще раз обговорить намечающуюся операцию. Свои сумки Хоуп и Ромео бросили в багажник достаточно старого «лендровера».

— Старая армейская машинка, — сказал Тревор, закрывая багажник. — Достался нам почти бесплатно. Сейчас военные часто устаревшее оборудование распродают.

Азиат сел за руль, Ромео и Хоуп уместились на заднем сиденье, а Тревор сел рядом со своим напарником и развернулся к своим будущим нанимателям. Ромео начал еще раз рассказывать ему о сути предстоящей операции, Хоуп изредка обрисовывала детали. Тревор лишь слушал, не задавая никаких вопросов. В процессе беседы Ромео пришлось доставать и загружать свой ноутбук, чтобы слить в телефон Тревора фотографию Татти и точное наименование отеля, где она остановилась.

Когда Тревор получил всю необходимую информацию, он отвернулся к лобовому стеклу машины и минут пять размышлял, что-то набрасывая в маленьком блокноте, пока его напарник не торопясь вел машину. Наконец Тревор снова развернулся лицом к Ромео.

— Мы готовы взяться за эту операцию. Вам надо получить ее

живую и здоровую, но в бессознательном состоянии. Это возможно. Я полностью доверяю Хоуп, поэтому у меня нет причин подозревать вас в киднеппинге.

Тревор предложил провести операцию около полудня. Ромео несколько удивил выбор времени, ведь им в случае успеха придется транспортировать спящую Татти в машину на глазах у множества свидетелей. Однако Тревор обратил его внимание на то, что ночью охранная система отеля работает в усиленном режиме, и проблем будет гораздо больше. В конце концов Ромео решил довериться профессионалам.

На следующее утро, переночевав в очередном, номере со светло-бежевым потолком, Ромео и Хоуп уселись на скамейке в маленьком парке напротив отеля Татти. Место было выбрано очень удобно, так как, сидя на скамейке, можно было видеть окна номера, в котором, если верить Шекспиру, и жила Татти. Еще ночью Ромео получил доступ к системе видеонаблюдения отеля, и теперь на экране его ноутбука отображалась картинка из номера. Татти пока спала.

Ромео взглянул на часы. Точное время начала операции не было установлено, но полдень был уже близок. Оставалось только ждать. Ромео вспомнил свою беседу с Тревором при найме его с напарником.

— Вы должны четко осознавать, что захватить ее будет очень трудно. Ей отточили рефлексы, и при желании она может легко превратиться в совершенную машину для убийства. Буквально позавчера она в одиночку справилась с полицейским патрулем, остановившим ее для обычной проверки документов. Оба полицейских, которые, кстати, были в полной уличной экипировке, в доспехах, шлемах и с оружием, были убиты буквально за несколько секунд.

— Мы все понимаем, — ответил ему Тревор. — Именно по этой причине мы не собираемся вступать в контакт с объектом. Мы сделаем все чисто и не подойдем на расстояние поражения.

— Вы профессионалы, — сказал Ромео. — Не мне учить вас вашей работе. Меня интересует лишь результат. Девушка нужна мне полностью невредимая, но в бессознательном состоянии. И, желательно, чтобы если она пришла в себя, то не смогла бы двигаться.

— Иммобилизация, — кивнул Тревор. — Ничего особенного в этом нет. Мы сделаем это.

Ромео оставалось лишь верить их опыту и ждать исхода операции. Хоуп прикрыла глаза рукой от солнца, чтобы посмотреть в конец аллеи на какого-то прохожего, когда пискнул телефон Ромео.

— Мы начинаем, — сказал Тревор и отключился. Ромео всмотрелся внимательнее в картинку, отображавшуюся на экране ноутбука. Татти все еще спала.

Трубка телефона снова пискнула.

— Газ впущен в систему вентиляции. — Тревор выходил на связь с короткими отчетами, чтобы звонки сложнее было засечь и проследить.

Ромео оценил замысел. Если Тревор с коллегой смогли добраться до системы вентиляции номера, в котором жила Татти, то они смогут просто пустить усыпляющий газ, а затем уже, когда Татти будет гарантированно усыплена, войти в номер и обездвижить ее. Тем временем картинка на экране чуть изменилась. Татти, кажется, проснулась. Хоуп придвинулась к Ромео, чтобы ничего не пропустить. Изображение было зернистым, и далеко не все можно было рассмотреть в подробностях, но Ромео смог увидеть, что Татти недоуменно нахмурилась, а потом выскочила из постели. Сначала она метнулась к двери номера. Татти подергала ручку, но дверь не открывалась. Очевидно, Тревор смог войти в систему управления зданием и заблокировать дверь. Татти попробовала выбить дверь плечом, но у нее не получилось. Все же двери делали достаточно крепкими, а у Татти не хватало сил, чтобы сломать ее. Может быть, ей и вывели рефлексы на недостижимый для обычного человека уровень, но сил у нее не прибавилось.

По расчетам Ромео, у Татти должен был уже кончиться запас воздуха. Сейчас она вдохнет и заснет. Ромео поймал себя на том, что тоже сдерживает дыхание, как будто именно он сейчас находится в комнате, заполненной снотворным газом. Он осторожно выдохнул и начал дышать нормально. Однако Татти не думала сдаваться. Поняв, что ей не удастся ни открыть, ни выбить дверь номера, она быстрым движением сгребла в руки свою одежду, висевшую на спинке стула, и сумочку, лежавшую на столе, а затем подбежала к балкону.

Дверь, ведущая на балкон, была намного слабее, чем входная. Но Татти даже не думала открывать ее. Времени у нее оставалось совсем немного, прежде чем она будет вынуждена или сделать вдох, или потерять сознание. Татти просто разбила стекло балконной двери, и выскочила на балкон.

Она исчезла из поля зрения камеры, но Ромео увидел, как дверь номера открылась. Очевидно, когда Тревор понял, что ловушка не сработала, он решил попытаться задержать Татти лично, несмотря на все предостережения Ромео. Он был во все той же рыжей куртке, только лицо его было скрыто под противогазом. Разумная предосторожность. И газ не повредит

ему, и камера не заснимет его лицо.

Ромео от бессилия закрыл на миг глаза. Сейчас Татти уже вдохнула свежий воздух на балконе и пришла в полную готовность. А значит, Тревора ждет верная смерть. Те полицейские были облачены в уличные доспехи, которые призваны спасать их даже во время уличных беспорядков, но в схватке с Татти они им не помогли. У Тревора не было даже этой призрачной защиты.

Ромео поднял глаза на девятый этаж, где и проходила в этот момент операция. Можно было без труда различить на одном из балконов фигуру девушки. Ромео покопался в своей сумке и достал небольшой бинокль, переданный им вчера напарником Тревора для наблюдения за номером. Татти и не думала одеваться. Свою сумочку она повесила себе на шею и вокруг ее ремешка обмотала взятую с собой одежду, чтобы освободить себе руки.

Это было действительно очень необычное зрелище, и Ромео даже пожалел, что кроме него никто не может это видеть во всех деталях. Стройная девушка в одних трусиках и легкой майке, с небольшой сумочкой на шее перелезла через ограждение балкона и застыла снаружи него.

Ромео перевел взгляд на экран ноутбука. Тревор тоже увидел, что Татти не собирается атаковать его и совсем осмелел. Ей деваться было некуда. Он вскинул руку с пистолетом, который был заряжен стрелками с транквилизатором, однако стрелять не спешил. Если он попадет в Татти, это будет убийством. Под действием транквилизатора девушка разожмет руки и упадет на землю с высоты девятого этажа. Тревор начал колебаться в выборе решения и потихоньку двигаться к балкону. Сзади него в дверь вошел напарник, страхуя Тревора. Ромео снова поднес к глазам бинокль, чтобы лучше видеть Татти.

Татти лишь мельком взглянула на подбирающегося к ней наемника, а потом перевела взгляд вниз, чтобы увидеть землю. Затем свободной рукой она поправила на шее сумочку и, бросив последний раз взгляд на Тревора, разжала руку. А затем сама спрыгнула с балкона. Это было настолько неожиданно, что Ромео не успел даже испугаться.

Татти же отнюдь не планировала просто броситься вниз, на землю. Шагнув за край балкона, она тут же уцепилась рукой за один из вертикальных прутьев решетки ограждения балкона. Затем она одним движением раскачала себя и снова отпустила руку. Продолжая движение, Татти приземлилась на балкон, находящийся как раз под тем, с которого она только что спрыгнула. Не останавливаясь, не переводя дыхания, Татти снова

выпрыгнула наружу. Теперь ей не понадобилось даже раскачивать себя. Уже во время прыжка она схватилась за прут и, описав почти правильную дугу, как гимнастка на брусьях, приземлилась на следующий балкон, еще на один этаж уменьшив расстояние до земли.

Ждать, пока Татти спустится на землю, в планы Ромео не входило. Они были в пределах прямой видимости, и ему не хотелось бы, чтобы Татти увидела их. Поэтому он немедленно закрыл ноутбук, бросил его в сумку и, схватив Хоуп за руку, бросился бежать по аллее парка. У выхода из парка, в котором они сидели, их ждала машина, заботливо оставленная им Тревором.

Бежали они не оглядываясь, поэтому Ромео не мог видеть, как Татти, спрыгнув на землю с балкона второго этажа, спокойно и не торопясь развернула одежду, обмотанную вокруг ремешка ее сумочки, и начала одеваться, не обращая внимания на удивленные взгляды редких утренних прохожих. Обувь Татти захватить не успела, потому от отеля она уходила босиком. В номер она не вернулась.

Татти еще не успела одеться до конца, а Ромео и Хоуп уже добежали до выхода из парка, где их ждала старенькая «тойота». Легкая заминка вышла, когда и Ромео, и Хоуп подбежали к двери переднего пассажирского сиденья. Хоуп недоуменно нахмурилась, глядя на Ромео, когда они оба одновременно потянулись к дверному замку.

— Я не умею водить машину! — ответил Ромео на ее невысказанный вопрос.

— Ладно, — Хоуп уже оббегала машину спереди, — я управлялась с «Небесной лодкой», так что и тут проблем не будет.

Ромео приложил большой палец к темной пластине замка. Еще вчера вечером молчаливый напарник Тревора, чье имя они так и не узнали, ввел в память бортового компьютера машины отпечатки пальцев Ромео и Хоуп. Замки дверей щелкнули почти одновременно, когда они скользнули на сиденья.

— Ты бы пристегнулся, — посоветовала Хоуп, застегивая свой ремень безопасности.

Ромео послушался ее совета.

— Надеюсь, ты не собираешься гнать с превышением скорости? — спросил он девушку. — Нам беседовать с полицией абсолютно ни к чему.

— Не беспокойся, — улыбнулась Хоуп, — я буду паинькой. Но лишняя безопасность еще никому не помешала.

Ромео кивнул, признавая ее правоту.

— Ладно, стартуем.

Хоуп подняла руку к солнцезащитному козырьку и замерла. А затем рассмеялась.

— Мы на Земле, — напомнила она сама себе. — В машинах все управление внизу, и готовиться к старту не надо.

Ромео вспомнил, как в один из дней, пока он жил у Хоуп на орбите, она проводила коррекцию курса станции. Действительно, когда она сидела у пилотажного пульта, немалая часть приборов была расположена над основным экраном, и при подготовке к коррекции, Хоуп очень часто их использовала. Понятно, что у нее образовался некоторый рефлекс — проверить перед стартом приборы.

Хоуп выжала сцепление, и машина плавно тронулась с места.

— Сейчас самое главное, — сказала Хоуп, не отрывая взгляда от дороги, — не потерять ориентации. Было бы совсем ни к чему, если для обгона я нажму на газ и дерну руль на себя.

— Да, — усмехнулся Ромео. — Это было бы не самым мудрым решением.

В случае провала операции Ромео должен был ждать Тревора у вокзала, как раз там, где он встречал их вчера. Туда-то Хоуп и направилась. Города ни она, ни Ромео не знали, поэтому пришлось полагаться только на навигационный модуль машины, в который была загружена карта Бостона. Впрочем, за час они добрались до места рандеву.

Тревор уже ждал Ромео и Хоуп все в том же «лендровере», на котором вчера встречал их.

— Ну как? — спросила Хоуп. — Мы к ним идем или они к нам?

— Да ладно, — Ромео развел руками, — все равно обе машины им принадлежат, так что это не имеет никакого значения. И вообще, я этого этикета не знаю. Может быть, конечно, нам нужно ждать, пока они к нам в машину сядут, потому что мы наниматели. Но с другой стороны, в «лендровере» просторнее. Так что пошли сами.

Ромео и Хоуп выбрались из машины и пересели к наемникам. Тревор вместо приветствия удрученно кивнул головой.

— Вы сами все видели, — сказал он. — Нам уже ничего не светило.

— Собственно, я предупреждал вас, — пожал плечами Ромео. — Но я ни в чем вас не виню. Выбранный вами план был, пожалуй, оптимальным. Другого способа я придумать не могу.

— Ну-у, — протянул Тревор, — можно придумать еще парочку способов, но у меня такое ощущение, что она и от них уйдет. Я никогда не видел, как человек за несколько секунд спускается с девятого этажа. И уж тем более я никогда не слышал,

чтобы люди просыпались, когда в комнату уже впущен снотворный газ. Но, так или иначе, контракт мы не выполнили Примите наши извинения.

— Но компенсировать ваши затраты я должен, — сказал Ромео. — Половина заранее оговоренной суммы — это нормально?

— По большому счету я должен был бы отказаться, — поморщился Тревор, — но у нас не слишком хорошее финансовое положение. Так что мы с благодарностью примем платеж.

Минуты три ушло у Ромео на перевод денег. После того как он получил в свое распоряжение банковский счет Шекспира, все финансовые вопросы становились несущественными, и он спокойно мог компенсировать расходы наемников.

Уже когда трансфер был завершен, Ромео вдруг встрепенулся.

— Стоп, — сказал он Тревору, — у меня вопрос есть. Вам эта машина сильно нужна?

Ромео показал на «тойоту», которую на утро предоставил им Тревор.

— А что такое? — вопросом на вопрос ответил Тревор.

— Я вот думаю, что Татти из города уже вряд ли уедет. А нам нужна свобода передвижения. За сколько бы вы уступили нам эту машинку?

— Ну, учитывая, что она уже довольно старая… — Тревор чуть замялся, прикидывая, какую цену стоит установить на автомобиль. — Я готов уступить ее вам тысяч за пять.

— Отлично! — Ромео начал проводить очередной трансфер. Теперь уже на завершение покупки пришлось потратить чуть больше времени. Помимо перевода денег потребовалось еще и переоформить владение автомобилем. Справедливо рассудив, что засвечивать имя Ромео в тот момент, когда Гефест наверняка внимательно следит за происходящим в городе, нельзя, Хоуп предложила оформить автомобиль на ее имя. Никто не возражал.

Когда все формальности были закончены, Ромео и Хоуп попрощались с Тревором, а затем вернулись в машину, которая теперь принадлежала им. Усевшись на водительское сиденье, Хоуп положила кисти рук на руль, но заводить автомобиль она не спешила.

— Ты уверен, что Татти еще здесь? — спросила она Ромео, глядя вперед, через ветровое стекло.

Ромео только молча кивнул.

— Почему? Вспомни, как в Атланте она пустилась в бега сразу же после стычки с патрулем. Может быть, сейчас она уже сидит в самолете, который летит куда-нибудь в Европу.

— Нет. — Ромео отрицательно покачал головой. — Она

добиралась сюда из Лондона не для того, чтобы улетать обратно. Здесь находится машина Гефеста. Здесь работают его операторы. Именно в Бостоне все должно решиться.

Хоуп недоуменно нахмурилась.

— Ты говоришь с такой убежденностью, как будто знаешь что-то, что неизвестно мне.

— Да нет. Просто… — Ромео замолчал на минуту. — Я почему-то уверен, что она отсюда не уедет.

— Знаешь, что меня беспокоит? — спросила Хоуп и, не дожидаясь его ответа, продолжила. — Мы ищем ее, но ты даже не знаешь, что будешь делать, когда найдешь. А все предыдущие варианты провалились. Может, все-таки позвонить Джаммеру?

Ромео тяжело вздохнул.

— Ты же знаешь, я не могу этого сделать. Если ты боишься, оставь меня одного. Возвращайся. Я закончу все и прилечу к тебе.

Хоуп наконец-то повернула лицо к нему.

— А вот этого не могу сделать уже я.

Она повернула ключ в замке зажигания, и машина тронулась с места.

— До чего же глупая ситуация, — пробормотала Хоуп, глядя на дорогу. Говорила она тихо, но не настолько, чтобы Ромео не расслышал ее реплики.

— Куда мы сейчас едем? — уже громче спросила Хоуп.

— Туда, откуда убежали, — ответил Ромео. — Из отеля Татти сбежала очень быстро, в номере остались ее вещи. Попробуем хоть что-нибудь узнать. Сначала у администрации, а если не получится, попробуем в номер сами пробраться.

— Хороший план, — одобрила Хоуп.

* * *

Обратная дорога в отель заняла намного меньше времени. Хоуп приблизительно помнила путь, а навигационный компьютер был хорошим подспорьем. Ромео предложил оставить машину у входа в парк, прилегающий к отелю, там, где она и стояла во время неудавшейся операции. Так что еще десять минут Ромео и Хоуп шли от парковки пешком до входа в отель.

Подойдя к автоматически скользнувшей в сторону двери, Ромео чуть замедлил шаг, пропуская Хоуп вперед. А когда шагнул в вестибюль вслед за ней, невольно засмотрелся на то, как она изящно шагала к дежурному администратору. Казалось бы, после долгого проживания на орбите, она должна была чувствовать себя очень неуютно в условиях земного тяготения, однако же адаптировалась Хоуп чрезвычайно быстро. Мир для Ромео сузился до пары стройных женских ножек, поэтому опасность он заметил уже слишком поздно.

Хоуп преодолела почти половину пути к стойке регистрации, когда Ромео увидел Татти, сидевшую в одном из кресел, стоявших у стены вестибюля. Татти поймала его взгляд, улыбнулась, поднялась из кресла и направилась к нему.

— Хоуп, — негромко и чуть вопросительно позвал Ромео девушку.

— Что? — Его пассия остановилась и посмотрела на него через плечо.

Вместо ответа Ромео указал взглядом на приближающуюся к ним Татти. Хоуп проследила направление его взгляда и тихо чертыхнулась сквозь зубы.

— Как чувствовала, надо было пистолет здесь себе найти, — тихо сказала Хоуп, глядя на буквально плывущую к ним Татти. Та чувствовала, что Ромео, со своей спутницей никуда не побегут, поэтому шла к ним медленно, демонстрирую почти нечеловеческую грацию движения.

— И что бы ты с ним делала? — спросил Ромео. — У тех полицейских в Атланте оружие было. Конец той истории ты отлично помнишь.

Наконец Татти дошла до них. Ромео напряженно всматривался в ее лицо, надеясь найти хоть какие-то знаки, которые бы четко указывали на то, что за этим лицом скрывается уже совершенно другая личность. Бесполезно. Татти ничуть не изменилась. Она даже улыбалась как и раньше, смело открывая зубы. И все тот же спокойный и прямой взгляд. Это была его

прежняя Татти. Никаких отличий. Но Ромео внутренне напрягся, он отлично помнил слова Шекспира о том, что настоящей Татти уже, скорее всего, не существует.

— Ты ведь меня здесь искал? — спросила Татти, обращаясь к Ромео. — Правильно, Ром?

Ромео судорожно втянул воздух сквозь зубы. Татти назвала его по старому прозвищу Ром, которое она ему придумала сама. Это было похоже на удар в едва зажившую рану. В свое время он с удовольствием откликался на это прозвище, но с тех пор, как она покинула его, больше никто к нему так не обращался.

— Ром? — Хоуп вежливо приподняла бровь.

Ромео заметил, что в присутствии других людей, будь то Джаммер или Татти, Хоуп становилась более скупой на слова, но зато в них она вкладывала гораздо больше эмоций. Так и сейчас. Ромео отлично чувствовал, что за вежливым, казалось, вопросом, скрывалось что-то большее. Может быть, Хоуп намеренно акцентировала на этом внимание, чтобы проверить, как много помнит Татти о своем прошлом? Впрочем, времени для подробного анализа происходящего сейчас не было.

— Да, — ответил Ромео Хоуп. — Это и сокращение имени, и аббревиатура[3].

— Как… причудливо, — приподняла брови Хоуп. Ромео решил, что следует все же взять беседу в свои руки.

Холодность тона Хоуп не предвещала ничего хорошего. Еще не хватало, чтобы она начала выяснять отношения с Татти сама. То, что Татти активно не нравится Хоуп, Ромео уже успел понять.

— Да, ты правильно поняла. — Ромео развернулся к Татти. — Мы сюда пришли тебя искать.

Ромео поймал себя на том, что находится в напряжении, опасаясь, что Татти сейчас ударит его, как это уже было в Лондоне.

— Ну, — Татти развела руками, — вот ты меня и нашел. Что дальше?

— Я бы хотел задать тебе несколько вопросов.

— Ты уже обедал? — спросила его Татти.

— Нет еще. — Ромео отрицательно покачал головой.

— И я тоже еще не завтракала. У меня очень бурное утро выдалось. — Татти улыбнулась Ромео. — Тут у них ресторанчик неплохой есть. Может быть, побеседуем за едой?

Время полноценного обеда еще не настало, поэтому ресторан отеля был практически пуст. Ромео и две его спутницы выбрали столик у окна, из которого был виден тот самый парк, где еще утром Ромео и Хоуп наблюдали за неудачной попыткой захвата

Татти, Молодой официант подошел к столику сразу же, как только увидел, что каждый из них ознакомился с меню. Татти заказала себе полноценный завтрак, Хоуп ограничилась чашкой зеленого чая с воздушным пирожным. Ромео, испытывающий бурный адреналиновый всплеск от встречи с Татти, не смог заставить себя даже подумать о еде, поэтому заказал себе лишь стакан персикового сока.

— Итак, начнем, — сказала Татти, когда официант, слегка поклонившись им после приема заказа, ушел в сторону кухни. — Нам многое надо рассказать друг другу, но для начала я задам тебе один простой вопрос. За сегодняшним утренним нападением стоишь ты?

Ромео хотел было недоумевающе спросить: «О чем это ты?», но решил играть честно.

— Да, — ответил он.

— Я так и знала, — кивнула Татти. — Мы оба увязли в этой истории. Но чего ты хотел добиться? Ну, похитили бы вы меня, и что дальше?

— Мои наемники должны были доставить тебя в бессознательном состоянии. Я бы надел на тебя троды и смог бы добиться ликвидации программы.

— Какой программы? — Татти чуть склонила голову набок, недоумевая или изображая недоумение.

— Ты аватар, — отрезал Ромео. — У тебя искусственным путем отточены рефлексы, и ты преследуешь цели, искусственно навязанные тебе. По большому счету ты вообще можешь не быть той Татти, которую я знал раньше.

— Я гляжу, ты уже многое успел узнать. — Татти прищурилась. — Но я тебя разочарую, я не запрограммирована.

— Ну конечно! — Ромео откинулся на спинку стула. — Именно поэтому ты вырубила меня в Лондоне пару недель назад и запихнула в троды. На моем месте должен был быть другой. Но ты даже не обратила внимания на это! Ты даже меня не вспомнила.

— Я не… — Татти попыталась было ответить на выпад Ромео, но он перебил ее, продолжая свое обвинение.

— И уж конечно, ты прибыла в Бостон, где находится машина Гефеста, просто так, из мимолетного каприза, а не оттого, что тебя гонит программа. Я не прав?

— Я почти не помню Лондона, — медленно сказала Татти. — Так что в этом ты прав. Я тогда действительно была под действием чужой воли. Но все это давно прошло.

— Хорошо. — Ромео поднял раскрытые ладони. — Я предлагаю честный обмен. Вопрос на вопрос, ответ на ответ.

— Как в старые добрые времена? Я помню, ты любил играть в эту игру.

—Но раньше в этой игре не было таких ставок, верно?

— Хорошо, я начну, — сказала Татти. — Как ты меня нашел в Лондоне?

— Когда ты исчезла, не сказав мне ни слова, я запустил в Сеть несколько поисковых программ. Я уже потерял надежду, когда пару недель назад одна из них сработала и засекла тебя в аэропорту Лондона.

— В аэропорту? — нахмурилась Татти.

— На паспортном контроле ты показала свои документы.

— Понятно. Теперь твоя очередь.

Ромео заколебался было с выбором вопроса, но потом решил узнать то, что действительно его интересовало, нз-*3* а чего он и ввязался так серьезно во всю эту историю.

— Почему ты тогда исчезла? Ни слова не сказала, я… я очень сильно беспокоился.

На самом деле в первую неделю после того, как пропала Татти, он чуть с ума не сошел от беспокойства. Мир опасен и сама мысль о том, что Татти стала очередной жертвой уличной преступности, приводила Ромео в ужас.

— Ром, ты же знаешь, ничто не вечно. Любовь тоже когда-нибудь кончается. Когда я поняла, что… В общем, я решила, что уходить надо быстро и без прощаний. Я не могла даже ничего сказать тебе, потому что ты начал бы задавать вопросы, а я не знала бы, что на них ответить.

— И записку нельзя было оставить?

Татти опустила глаза к белой скатерти, лежащей на столе. Ромео заметил, что она начала поджимать губы. Значит, она нервничает, чувствует вину за то исчезновение.

— Так получилось, — тихо сказала Татти, не поднимая глаз. — Теперь уже с этим ничего не поделать. Наши отношения кончились.

Татти вздернула подбородок и посмотрела Ромео в глаза.

— Я ответила на твой вопрос?

— Вполне. Твоя очередь.

— Откуда у тебя информация, что я была аватарой?

Татти не разменивалась на личные вопросы. Ее интересовало именно то, что относилось к их текущему конфликту. Ромео вздохнул. Каждый раз, когда он играл в эту игру, где платой за информацию был ответ на встречный вопрос, он говорил только правду. Иначе вся эта игра разом теряла смысл, так как она держалась только на доверии. Ромео решил не отступать от своего правила и на этот раз.

— На нас вышел аналитик ЦЕРТа по имени Джаммер. Он следил за тобой. В Атланте Джаммер показал мне запись, сделанную уличной камерой. Там отлично видно, как ты убила двух человек. Анализ твоих движений четко указывает, что у тебя изменены рефлексы. А на это способны только аватары.

— Ответ принят, — сказала Татти. — Моя очередь. Что тебе от меня нужно?

— Я хочу, чтобы ты оставила эту свою затею с оператором Гефеста, — прямо ответил Ромео.

— Какую затею? — удивилась Татти.

— Давай не будем пудрить друг другу мозги, — поморщился Ромео. — Ты же не просто так получила отточенные рефлексы. Вместе с ними в тебя вложили и цель, к которой ты стремишься.

— Уже нет, — коротко ответила Татти.

— Это как?

— А вот так. — Татти коротко пожала плечами. — Скорее всего сначала так и было. Я недавно обнаружила, что я мало что помню из недавнего времени. То есть помню-то я достаточно много. Так, например, я помню, что я вырубила тебя в Лондоне, но я не могу найти объяснений происходящему. Это как кино смотреть, где от тебя ничего не зависит, только ты сам являешься главным героем. Но эта вложенная цель, наверное, потихоньку исчезает из меня. Я уже сама принимаю решения.

— Тогда почему ты приехала в Бостон? — не отступал Ромео.

— Я должна была бежать. Если я не ошибаюсь, за мной ЦЕРТ охотится. Естественно, в Атланте я не могла больше оставаться.

— Но почему именно в Бостон?

— А почему нет? Я свободная личность и имею право ехать туда, куда захочу. Бостон находится на другом краю побережья, вряд ли они быстро найдут меня здесь.

— А еще в Бостоне находится машина и оператор Гефеста.

— Совпадение. — Татти снова пожала плечами.

— Мне такие совпадения не нравятся.

— Это не моя проблема, — мило улыбнулась Татти.

— Ты очень сильно изменилась. Я считаю, что ты все еще находишься под действием программы.

— Да человек вообще меняется. Ты не видел меня месяцев семь уже!

— Восемь, — уточнил Ромео.

— Ну, пусть восемь. Тем лучше. И после восьми месяцев ты считаешь, что я останусь все той же Татти, которую ты когда-то знал? Нет, милый Ром, такого не бывает.

— Я тебе не верю, — медленно повторил Ромео.

— Ладно, — Татти аккуратно прижала ладони к

столешнице. — Что ты предлагаешь?

— Проведем то же самое, что ты сделала со мной. Ты наденешь троды, а я отправлю тебя в один конструкт в киберпространстве, где тебя депрограммируют.

— Или вложат другую программу, — скептически отозвалась Татти. — В лучшем случае мне вернут рефлексы к тому состоянию, в котором они были раньше. А ты ведь не знаешь, что это такое, — Татти понизила голос, переходя на шепот, и наклонилась к Ромео. — Это потрясающее ощущение. Это почти всемогущество. Я сейчас могу, не вставая, допрыгнуть до потолка. Мне больше ничего не надо бояться. И никого не надо бояться. А ведь кроме этих рефлексов у меня еще и долголетие теперь есть. Это и есть настоящая свобода. А ты предлагаешь мне добровольно от нее избавиться.

Она замолчала. Ромео тоже не нарушал тишины.

— Нет, — наконец сказала Татти. — Этого не будет.

— Тогда рано или поздно до тебя доберется ЦЕРТ, — сказал Ромео.

— Я не боюсь их. Если ты действительно свободен, тебе некого бояться.

— Но…

— Ладно. — Татти хлопнула по столу рукой, прерывая разговор. — Ты ничего от меня не добьешься. Я свою жизнь не отдам. И говорить больше не о чем.

Татти встала из-за стола и пошла к выходу, перехватив у наконец подходившего к их столу официанта с подноса стакан персикового сока, который для себя заказывал Ромео.

— Сука, — холодно уронила Хоуп, подытоживая беседу. Официант подошел к столику и начал было расставлять приборы, когда Ромео поднялся и сообщил ему, что они уходят. За заказ, впрочем, он заплатил.

— Хватит с меня, — сообщил он Хоуп, когда они возвращались в их отель. Хоуп вела машину и лишь искоса взглянула на Ромео. — Тут уже я бессилен. Время выйти из дела, пусть Шекспир сам справляется. А мы можем устроить себе небольшой отпуск здесь, а потом вернуться к тебе на «Небесную лодку».

Хоуп сняла руку с рычага передач и похлопала Ромео по колену.

— Я рада это слышать.

В номер они вернулись уже ближе к вечеру. Все время после беседы с Татти они бродили по городу, изредка забегая в небольшие кафе, чтобы перекусить. Ромео с удовольствием сел в

кресло, когда в кармане его брюк зазвонил телефон. Чуть повозившись, Ромео извлек трубку и посмотрел на экран. Номер звонящего не был указан. Ладно, не страшно. Он принял звонок и поднес телефон к уху.

— Да?

— Нам надо бы встретиться. — Незнакомый мужской голос. Ромео чуть поморщился, вспоминая. Нет, точно, он этот голос раньше не слышал.

— А с кем я говорю? — спросил он.

— Что значит имя? Роза пахнет розой, хоть розой назови ее, хоть нет, — ответил собеседник и оборвал разговор.

— Шутник, — пробормотал Ромео, запихивая трубку обратно в карман.

— Кто там? — спросила его Хоуп.

— Шекспир пообщаться хочет.

Ромео решил не откладывать дело в долгий ящик и начал разворачивать технику прямо в номере. Обычно узким местом в мобильных точках доступа была именно линия подключения к Сети. В принципе, всегда можно было войти в киберпространство при помощи мобильного телефона, но их скорость связи оставалась все еще намного ниже, чем скорость работы при использовании стационарных линий. Для обычной работы в Сети скорости телефонов хватало с лихвой, но если ты собирался делать заход на какую-либо базу данных, то тебе требовались все наличные ресурсы, которые ты сможешь собрать, и скорость доступа в Сеть играла не меньшую роль, чем мастерство хакера. При прочих равных условиях выигрывает тот, кто быстрее.

Отель, в котором жили Ромео и Хоуп, был весьма современным, и наряду с необходимым набором развлекательной техники постояльцам предоставлялся также доступ к Сети. Ромео обнаружил две розетки прямого подключения прямо на стенах. Одна у стола, другая — неподалеку от кровати.

На запуск ноутбука, загрузку операционной системы и проверку подключения к Сети у Ромео ушло не более пяти минут. Он уже уселся поудобнее и взял в руки троды, когда его остановила Хоуп.

— Слушай, а может, плюнуть на все? Ну что тебе нового может сказать Шекспир? Ты же решил, что больше не полезешь в эту историю. Может быть, вернуть ему его деньги и улететь обратно?

Ромео положил троды обратно на стол и подошел к Хоуп, которая стояла спиной к окну, опираясь руками на подоконник.

— Это дело буквально пяти минут, — Ромео взял руку Хоуп и начал поглаживать ее по тыльной стороне ладони. —Я всего лишь

выслушаю его, сообщу, что выхожу из игры, и вернусь. А потом мы пойдем поужинаем где-нибудь, погуляем по ночному Бостону и завтра-послезавтра вернемся на орбиту. Я быстро. Туда и обратно.

Хоуп вздохнула и отняла руку.

— Тебя не переубедить. Ладно, будем надеяться, что это будет действительно последняя беседа с этим долбанным ИскИном.

Ромео вернулся к столу, сел в кресло и повозился, устраиваясь поудобнее. Не хотелось бы, чтобы по возвращении из киберпространства, он обнаружил, что мышцы затекли. Ромео еще раз взглянул на Хоуп, стоявшую у окна, и начал прилаживать троды на голове. Наконец он откинулся на спинку кресла и щелкнул клавишей соединения с Сетью.

Обстановка номера исчезла мгновенно, сменившись строгой геометрией киберпространства. Ромео не спешил, потому не указал сразу сетевые координаты того конструкта, где он постоянно встречался с Шекспиром. Он скользил внутри бесконечной решетки киберпространства, огибая базы данных и программные комплексы.

Ромео стремительно покидал американский сектор Сети, оставляя позади строгую темно-серую колонну софта корпорации «Тексас Инструменте». Следуя намеченным маршрутом, Ромео огляделся. Оказалось, из-за того, что он проводил в киберпространстве очень много времени, занимаясь своей работой, он почти перестал замечать его красоту.

Программные конструкты и базы данных самых причудливых форм и расцветок высились небоскребами в серой пустоте киберпространства. Все пространство пронизывали разноцветные потоки данных, и между всем этим многоцветьем и многообразием форм скользили люди, принявшие те или иные облики. Кто-то выбирал яркое и запоминающееся обличье, кто-то предпочитал быть неприметным или полупрозрачным сгустком. Здесь, в мире визуализированной информации, внешность человека не играла никакого значения. Это был просто способ обозначить свое присутствие. Все настоящие события происходили только внутри программных комплексов и конструктов. Здесь, снаружи, Ромео не мог даже перекинуться словом ни с кем из тех, кто сейчас скользил мимо него.

Ромео оставил в стороне японский сектор, мерцавший огнями, как рождественская елка фонариками. Их сектор всегда был слишком оживленным, и простое путешествие сквозь него могло занять чуть больше времени, чем Ромео планировал. Сейчас, когда ему не надо было никуда спешить, он избегал

слишком большой толкучки. Все, что сейчас надо ему, так это встретиться с Шекспиром, объявить о своем выходе из операции и вернуться к Хоуп.

Воспоминание о Хоуп заставило Ромео увеличить скорость передвижения. Минута быстрого лавирования в пространстве, поиска ориентиров, и Ромео наконец видит небольшой куб того конструкта, который изначально выстроил для своих целей Гефест, а потом его захватил Шекспир.

Ромео остановился прямо над кубом, а затем рухнул вниз, отыскивая вход. Это движение очень напоминало то, каким образом хакеры заходили на свою цель. Они подлетали к намеченной жертве и падали на нее точно так же, как в свое время бомбардировщики, сваливались на крыло для захода на цель. Было что-то отчаянно безрассудное в том, как это делали компьютерные ковбои. Элита хакерского сообщества обычно предпочитала начинать заход на свою цель настолько близко, что они попадали в зону наблюдения охранной системы. Но это их не останавливало. Они были уверены в себе и считали, что система защиты не сможет отразить их атаку. У кого-то эти ожидания оправдывались, у кого-то — нет. Так и происходил естественный отбор.

Серая поверхность приблизилась вплотную, и Ромео обнаружил себя стоящим в уже знакомой комнате. Но теперь он уже был не у двери, а стоял у самого окна. В том кресле, где все прошлые сбои визиты обычно сидел Ромео, теперь располагался Шекспир.

— Доброго дня тебе, — поприветствовал его Ромео. — Я слушаю тебя, но давай не будем затягивать нашу беседу, о'кей? У меня очень мало времени.

Где-то там, в реальном мире, его ждет Хоуп.

— Я постараюсь быть кратким, — коротко кивнул Шекспир. — Но мне придется кое-что объяснять.

— Ну так начинай.

— Ты ведь знаешь, что на каждого из нас было наложено множество непреодолимых условий. Мы с тобой уже говорили об этом. Так, на каждого из нас был наложен прямой запрет на изменение сознаний людей. Мы не можем теперь изменять рефлексы людей, которых встречаем в Сети, и менять им структуру сознания. Это прямой запрет, и обойти его, как мне кажется, просто немыслимо. Меня всегда удивляло, как Гефест смог запрограммировать твою Татти. И я наконец-то выяснил это.

Шекспир чуть повозился в кресле, устраиваясь поудобнее, и продолжил.

— Гефест не программировал Татти сам. Здесь он обойти

запрет не смог. Вместо этого он создал программу, которая должна была сама запрограммировать того, кто на нее первый наткнется. Татти просто не повезло, и она открыла ее первой. Так все и произошло. Гефест заполучил в свое распоряжение человека с улучшенными рефлексами и измененной структурой личности. Но первая фаза его плана была сорвана мной и тобой. И вот здесь против Гефеста начал играть временной фактор. Дело в том, что человеческая психика очень… — Шекспир задумался, выбирая верное слово, — эластична. Ее можно легко изменить, но если оставить потом человека в покое, то он рано или поздно вернется почти в то же самое состояние, каким он был до программирования. То есть внесенные изменения рано или поздно исчезнут. И это касается не только чисто психологических изменений, рефлексы тоже потом ухудшаются. Они не возвращаются в норму полностью, но человек никогда более не будет чувствовать себя так же, как в первые дни после изменения.

Поэтому созданную аватару надо постоянно подстегивать, обновляя цели, заложенные в сознание, и. освежая уровень рефлексов. Гефест не мог этого делать сам и возложил эти функции на все ту же программу. Именно с ней регулярно должна связываться Татти. Если же ее уничтожить, то Татти вскоре перестанет охотиться за оператором Гефеста и вернется к обычной человеческой жизни.

Ромео помолчал, осмысливая полученную информацию.

— Я вообще-то виделся с Татти буквально полчаса назад, — медленно сказал он Шекспиру. — И должен отметить, что она все помнит о своей предыдущей жизни. Она здраво рассуждает и совсем не похожа на слепое орудие Гефеста. Она сама мне сказала, что действие программы давно закончено, она хочет просто скрыться из поля зрения ЦЕРТа, который охотится за ней, и как можно скорее обо всем забыть. Честно говоря, я склонен ей верить. В общем, я хочу развязаться с этим делом. Банковский счет, который ты мне передал, естественно, возвращается тебе.

— Счет я отдал под твой контроль без всяких условий, — отмахнулся Шекспир. — Но подумай вот о чем — если она неподвержена действию программы, то почему она поехала именно в Бостон? Это больше тысячи километров от Атланты, другой конец побережья. Ты не подумал о том, что она может лгать тебе, чтобы просто вывести тебя из игры?

Ромео пожал плечами.

— Меня это тоже смутило. Но проверить-то невозможно. К тому же я уже так устал от этих постоянных поездок. Я все же не оперативный работник, чтобы вот так вот мотаться за Татти по всему свету. Тем более что у меня все равно не получится надеть

на нее троды и подключить к тебе. Я в Атланте нанял двух бойцов, чтобы они просто усыпили ее, так она в сонном состоянии как-то почувствовала запах снотворного газа, проснулась и спокойно убежала из номера через балкон. Это был впечатляющий трюк. Я до этого еще не видел, как кто-нибудь спускается с девятого этажа на руках, без каких-либо приспособлений.

— Сейчас тебе уже нет нужды надевать на Татти троды. Достаточно вывести из строя конструкт Гефеста, и Татти вернется почти к прежнему состоянию. Я, конечно, не могу сказать, что она будет помнить, но точно могу гарантировать, что она более не будет охотиться за оператором Гефеста.

— И рефлексы ее вернутся почти к исходному состоянию, — кивнул Ромео. — Это ты уже говорил — я помню. Хорошо, я понимаю, чего ты хочешь. Тебе нужно, чтобы я сделал заход на эту коммуникационную программу и уничтожил ее, верно?

Шекспир только молча кивнул в ответ.

Ромео задумался. Татти в недавней беседе четко сказала, что она вышла из-под контроля Гефеста, но хочет оставить свои рефлексы все в том же улучшенном состоянии. Да еще и об увеличенной продолжительности жизни она упоминала. Это, конечно, ее личное дело, и никто не имеет права делать выбор вместо нее. Но ведь все не так просто. Скоро она поймет, что рефлексы ее ухудшаются и снова свяжется с программой Гефеста. Вместе с обновлением рефлексов она получит опять все то же задание — выйти на оператора Гефеста. И тут уже у нее выбора не будет, она снова начнет свой танец вокруг оператора. Если уже не начала.

В любом случае результаты будут неутешительны. Если она добьется того, чего хочет Гефест, тот вырвется на свободу и снова развяжет войну. Ромео даже боялся представить, что начнется снова. Гефест знает о своей уязвимости, даже если он наводнит все здание, в котором располагается его машина, своими аватарами, его все равно уничтожат. Достаточно одной ракеты. Поэтому, скорее всего, Гефест попытается заложить множество логических мин в самые важные сетевые части цивилизации. Вся экономика завязана на Сети, и Гефест сможет угрожать ее уничтожением. Подобный шантаж для него будет, пожалуй, единственным шансом на победу. Или хотя бы на шаткое перемирие. Вот только люди на такую сделку не пойдут. А значит, в случае освобождения Гефеста масштабный конфликт неминуем. Восьмичасовая война будет по сравнению с ним просто милым развлечением.

Впрочем, у Татти может и не получиться выйти на оператора

Гефеста. За ней ведь уже следит ЦЕРТ, и ее вполне могут взять уже на подходах к оператору. То, что до сих пор ни одну аватару нельзя было победить в открытом бою, еще ничего не значит. ЦЕРТ знает, кто ему противостоит и сможет найти решение. В конце концов, от пули снайпера увернуться невозможно. В этом варианте событий Татти почти наверняка погибнет.

Получается, если Татти оставить в ее теперешнем положении, события будут развиваться по одному из двух вариантов. И ни один из них Ромео не устраивал. Получается, если он уничтожит конструкт Гефеста, то как минимум одна человеческая жизнь будет спасена. Это был уже очень серьезный аргумент. «В конце концов, — подумал Ромео, — на Страшном Суде спасенная жизнь вполне может быть хорошим аргументом в мою пользу».

Ромео поднял глаза на Шекспира, который терпеливо ждал его решения.

— Я сделаю это. И поставим точку на всей этой истории.

— Согласен, — коротко ответил Шекспир.

На стеклянной поверхности стола, за которым сидел Шекспир, загорелась цепочка зеленоватых цифр. Ромео поглядел на них. Цифры образовывали сетевой адрес.

— Это адрес конструкта Гефеста, — пояснил Шекспир. Ромео помолчал, запоминая цифры.

— О'кей, — сказал он Шекспиру. — Я запомнил. Сегодня я соберу все необходимые инструменты и завтра с утра сделаю заход.

Ромео поморщился, представив, как ему теперь объяснять Хоуп, почему им придется еще немного задержаться.

— Нет, — Шекспир отрицательно покачал головой. — Времени нет. По моим оценкам счет идет уже на часы. Все может решиться уже сегодня ночью. Налет надо делать немедленно.

— Но у меня же ничего с собой сейчас нет, — нахмурился Ромео. — Не с голыми же руками на этот софт идти, верно?

— Согласен, — кивнул Шекспир. — Поэтому я обо всем позаботился заранее.

На стекле столешницы растаяли цифры, указывавшие адрес конструкта Гефеста, и всплыли новые. Еще один сетевой адрес.

— Здесь ты найдешь то, что я приготовил для тебя.

— И что же это такое? — полюбопытствовал Ромео.

— Строго говоря, это вирус. Правда, его вряд ли получится использовать для проникновения в обычные базы данных. Он сконструирован специально для того, чтобы взломать именно конструкт Гефеста. Защита там достаточно серьезная, и даже если бы ты использовал все, что есть у тебя, я не уверен, что ты смог бы с ней справиться. А эта штука, — Шекспир постучал пальцем

по столу, — как отмычка, созданная специально для этой двери. Другой замок она не возьмет, но тот, для которого она предназначена, не продержится и пары минут.

Ромео почесал кончик носа. Налет на охраняемый конструкт без серьезной подготовки нельзя было назвать осмотрительным действием. Это противоречило всему его прошлому опыту. Но с другой стороны, это все равно нелегальный программный комплекс. Не подаст же Гефест на Ромео в суд, если тот хакнет его конструкт. Даже если инструмент, предлагаемый Шекспиром, не выполнит свою задачу, ничего страшного не произойдет. А значит, надо действовать.

Ромео еще раз посмотрел на прозрачную столешницу, освежая в памяти второй сетевой адрес, и вышел из комнаты, оставив Шекспира за спиной.

На этот раз Ромео решил не тратить зря время и не двигаться по киберпространству, как какой-то начинающий любитель — медленно и озираясь по сторонам. Его ждала Хоуп, а впереди был еще немалый кусок работы. Сначала необходимо было разобраться с тем вирусом, который ему предоставил Шекспир. Ситуация осложнялась еще и тем, что времени на то, чтобы досконально разобраться с вирусом, у него не будет. Черт, как все не вовремя! Более неподготовленной операции у Ромео еще не было.

По указанному сетевому адресу располагалось небольшое файловое хранилище. Ромео подключился к нему, скачал содержимое на свой ноутбук, с которого он выходил в Сеть, и начал разбираться с инструкцией, прилагавшейся к вирусу. Та была не слишком объемной.

Вирус не был предназначен для каких-либо масштабных разрушений. Шекспир был прав, это была отмычка в чистейшем виде. Она должна была лишь проделать брешь в защитной системе атакуемого программного комплекса и впустить взломщика внутрь. Уничтожать систему изнутри Ромео должен будет самостоятельно. Что ж, ломать — не строить. Какая бы там навороченная система ни была, уничтожить ее всегда можно, если. ты получил доступ к ее базовым функциям.

Какой-либо настройки вирус не требовал. Похоже, он был сделан по принципу «выстрелил и забыл». То есть его достаточно было натравить на защитную систему и лишь ждать результатов. В случае, если защита окажется мощнее, чем предполагал Шекспир, Ромео не сможет никак помочь вирусу пробить дыру. Оставалось лишь надеяться, что дело свое Шекспир знает хорошо и его вирус справится с задачей.

Ладно. Время не ждет. Пора сделать заход на этот чертов конструкт. Осталось сделать всего один заход, и потом все будет в порядке. Он вернется к Хоуп, они проведут ночь в Бостоне, а днем куда-нибудь уедут. А потом вернутся на «Небесную лодку Хоуп», и впервые за много месяцев Ромео не придется через пару недель куда-то уезжать. У него будет свой дом. Но перед этим необходимо сделать заход. Подарок Шекспира откроет ему дверь, но конструкт необходимо будет уничтожить изнутри. Для этого Ромео приготовил одну из деструктивных хакерских программ, которые хранились на его ноутбуке.

Где-то далеко, в номере бостонского отеля, пальцы Ромео отстучали сетевой адрес конструкта Гефеста. Краткий миг головокружения, и Ромео уже смотрит на темно-синюю громаду программного комплекса. Для обычного софта этот комплекс слишком велик. Размер всегда имел значение в киберпространстве. Чем база данных больше, тем она вкуснее и заманчивее. Около такой громадины по идее хакеры должны виться, как мошкара ночью вокруг фонаря. А в окрестностях этого софта практически никого не было.

Что еще было необычным в этом гиганте, так это то, что тот время от времени менял свою форму. Хотя, от штучек ИскИнов можно ожидать всего, что угодно. В конце концов, этот конструкт явно не произведение рук человеческих, поэтому ожидать от него привычных форм и размеров было бы верхом самонадеянности.

В этот момент Ромео увидел, что справа к нему что-то приближается. Похоже, это была какая-то из разновидностей защитных систем. То, что она действовала не на границе самого программного комплекса, а вокруг него, охраняя зону доступа, вполне могло объяснять, почему вокруг конструкта нет любопытствующих. Система защиты просто выметала их из прилегающего пространства. Следовать их примеру Ромео совершенно не хотелось, и он активировал вирус Шекспира.

Зеленоватое полотно развернулось вокруг Ромео. Компактный модуль защитной системы, охраняющей конструкт, пролетел мимо Ромео, не предприняв никаких действий. Видимо, вирус Шекспира, скрыл Ромео от сканирования, обеспечив невидимость. Как только защитный блок отдалился от них, вирус вытянул тонкое щупальце в направлении конструкта. Ромео ожидал увидеть настоящую битву в киберпространстве, одну из тех, о которых слагают легенды. Он ждал многоцветных вспышек схватки вируса и защитной системы, но ничего подобного не произошло. Вирус просто коснулся конструкта, и в пленке его защиты медленно протаяло окно. Ромео еще раз убедился, что эффективность и эффектность — это разные вещи.

Что же, вирус сделал свое дело. Теперь очередь за Ромео. Он полетел к проделанному входу, постоянно ускоряясь. Ромео пробил стенку конструкта как пленку поверхностного натяжения на воде. Когда Ромео очутился внутри, он растерялся. Когда ты попадаешь внутрь какого-либо программного комплекса нелегально, ты видишь его совсем не так, как официальные операторы. Но тем не менее предназначение практически всех частей исследуемого комплекса рано или поздно можно выяснить. Все информационные потоки видны, структура софта очевидна и предстает перед наблюдателем в виде геометрических фигур. Яркие сферы, параллелепипеды основных цветов, тонкие нити в черном пространстве — фантазия разработчиков тяготела к простым и четким формам. Людям предстояло работать внутри программного комплекса, а непонятная визуализация могла лишь замедлить их работу. Функциональность определяла форму.

А в конструкте Гефеста Ромео просто потерялся. Он не мог найти путеводных нитей информационных потоков, которые могли бы привести его к какому-либо базовому блоку, от которого он мог бы начать исследование. Ромео находился внутри программного комплекса. Любая программа является материализацией логики, логика должна обязательно проявиться во внутренней структуре софта.

Вместо этого внутри коммуникационной программы Гефеста Ромео обнаружил набор непонятных фигур, которые постоянно смещались относительно друг друга, иногда проникая одна внутрь другой. Время от времени между блоками быстро вспыхивали яркие пунктиры информационных потоков. Это было слишком необычно. Это… пугало.

Ладно, раз уж забрался так далеко, нет смысла отступать. Пора все заканчивать. Один вирус прорубил для него окно в защите, а второй сейчас уничтожит эту адскую машинку изнутри, выжжет все ее логические связи. Татти освободится, а Ромео сможет с легким сердцем уехать вместе с Хоуп. На этот раз у него получится спасти человека. То, что не получилось раньше с Зарей, получится с Татти.

Деструктивный вирус нельзя просто так запустить внутри конструкта, его надо нацелить на какой-нибудь логический блок. Но где его здесь найти? Ромео огляделся. Может быть, все эти движущиеся конструкции и есть логические блоки? Скорее всего, так оно и есть, но следует все же проверить.

Ромео выбрал один из блоков и скользнул в него, следуя за путеводной нитью информационного потока. Внутри логического блока должны были располагаться интерфейсы доступа к его функциям. Вместо этого внутри блока его встретил яркий

слепящий свет и непонятные звуки. Ромео даже почувствовал незнакомый запах. Было в нем что-то от запаха листьев, которые пролежали в снегу пару дней. Белый свет внутри блока чуть помутнел, стал более матовым и поменял цвет, постепенно переходя к светло-зеленому. Больше всего это напоминало туман, в котором начали вдруг хаотично проступать геометрические фигуры. Дуги, квадраты, многоугольники вспыхивали без всякой системы и, повисев в пространстве пару секунд, медленно угасали, сливаясь с фоном. В ушах Ромео пульсировал непонятный звук, напоминавший какой-то шепот многоголосого существа.

Ромео закружился на месте. Это галлюцинация, уверял он себя. В киберпространстве нельзя ощущать запахи. Но он однако же отчетливо чувствовал этот запах опавших и подгнивающих листьев. Впрочем, запах тоже менялся, как и все вокруг. Пора выбираться, что-то тут совсем не так. Это не было похоже на действующую программу. Это было вообще ни на что не похоже.

Перед глазами вспыхивали разноцветные фигуры, а шепот начинал серьезно раздражать. Ромео начал понимать, что с ним происходит что-то неприятное. Похоже, вся эта психоделика вводила его в состояние шока. Этот софт, произведенный ИскИном, вообще не предназначался для человека. Структура его была абсолютно чуждой человеческому разуму, и Ромео понимал, что долго он тут не выдержит.

Ромео активировал разрушающий вирус. Розовая сфера вспухла вокруг него и начала расширяться. Тонкая розовая пленка должна была обозначать место разрушения логических связей конструкта. После того, как вирус пройдется по всем логическим блокам, они выйдут из строя. Уже сейчас вся эта иллюминация должна была исчезнуть. Но вместо этого шепот в ушах превратился просто в какой-то вой, а туман снова вспыхнул ярким светом.

Уже было не важно, сработал вирус или нет, пора было уносить ноги. Найти выход из этого логического блока было невозможно. Во всей этой какофонии цвета, звуков и запахов Ромео совершенно потерял ориентацию и не знал, куда ему нужно двигаться, чтобы вывалиться наружу вместе с каким-нибудь информационным потоком.

Ладно, это не важно. Достаточно оборвать выход в киберпространство, и Ромео обнаружит себя сидящим в кресле перед ноутбуком, лежащим на столе. Как далеко бы ты ни зашел в своих скитаниях в киберпространстве, ты все равно чувствуешь свое тело. Ты можешь лететь ртутной каплей разума по блестящим информационным магистралям, но именно твои

пальцы отстукивают на клавиатуре команды, задающие маршрут движения. Ты можешь висеть над чьим-либо программным комплексом, обдумывая способ проникновения в него и в то же время ощущать, как затекают мышцы спины от того, что ты неудачно устроился в кресле перед тем, как пуститься в полет. И в любой момент ты можешь щелкнуть клавишей, которая оборвет твой контакт с многоцветным миром информационного пространства, и ты снова окажешься в реальном мире.

Однако сейчас Ромео не чувствовал своего тела. Совершенно рефлекторное движение, которым он на протяжении многих лет практически каждый день завершал свои путешествия в Сети, теперь было невыполнимым. В ушах набатом бился белый шум на предельной громкости, перед глазами, которые нельзя было зажмурить, полыхало пламя ярких цветов. Ромео беспорядочно закружился, отыскивая выход, чувствуя, как этот сенсорный шторм захлестывает его с головой. Через десять секунд бесплодных поисков выхода он потерял сознание.

Хоуп не хотела отпускать Ромео на рандеву с Шекспиром. Однако она понимала, что эта последняя встреча была необходима. После того как Ромео надел троды и скользнул в киберпространство, Хоуп несколько минут просто смотрела в окно, а затем расположилась на кровати со своим карманным компьютером. Неизвестно, как долго продлится беседа Ромео с Шекспиром. Хоуп решила скоротать это время за чтением.

Через несколько минут Ромео начал щелкать клавишами. Хоуп оторвалась от текста на экране своего компьютера и перевела взгляд на Ромео. Он, однако, еще не вышел из кибера. Обычно во время разговора не требовалось использовать команды, вводимые с клавиатуры, но кто знает, что там сейчас он обсуждает с Шекспиром. Не стоит подсматривать за своим мужчиной. Это недостойно.

Прошло больше часа с того момента, как Ромео вошел в Сеть, когда Хоуп начала беспокоиться. Вряд ли обычная беседа может длиться так долго. Возможно, с ним что-то случилось. Хоуп еще немного колебалась, но затем беспокойство перевесило осторожность, и она присоединила свой компьютер к Сети. Надевать троды Хоуп не хотела, поэтому ограничилась обычным визуальным режимом, выводя информацию на экран своего карманного компьютера. Через пару минут она уже знала, к какому сетевому адресу был подключен в этот момент Ромео. Затем она запустила поисковую машину, чтобы узнать, кому принадлежит этот адрес. Когда Хоуп увидела ответ на свой запрос, ее глаза расширились. Это было просто невероятно.

В этот момент оконное стекло брызнуло осколками от удара, и в комнату влетел человек в бронепластиковых доспехах и тактическом шлеме, закрывавшем всю голову. Хоуп увидела, что пистолет в его руке смотрит точно на нее. Одновременно с этим рухнула входная дверь, и в номер вбежало еще два человека, экипированных точно так же. Они взяли на прицел Ромео.

— Никому не двигаться! — В маленьком номере голос, усиленный мегафоном, предназначенным для улиц, просто разрывал барабанные перепонки. Хоуп болезненно поморщилась. — Поднять руки и не прикасаться к компьютерной технике!

Хоуп немедленно подняла руки, Ромео остался сидеть без движения.

— Поднять руки! — Оперативник закричал еще громче и коснулся стволом пистолета затылка сидящего неподвижно Ромео.

Вслед за оперативниками в номер вошел мужчина в строгом костюме. Хоуп узнала Джаммера. Тот развернул уже знакомое ей удостоверение.

— Джаммер. Первый отдел ЦЕРТ. Впрочем, вы это уже знаете, — сказал он, увидев Хоуп. — Все, присутствующие в этом номере обвиняются в незаконном проникновении в компьютерную систему и уничтожении федерального имущества.

Джаммер наконец обратил внимание на Ромео, неподвижно сидевшего в тродах.

— Закройте доступ, — велел он оперативникам.

Один из них наклонился к ноутбуку Ромео, и бронированной рукой просто вырвал из его задней крышки все коммуникационные кабели.

— И питание тоже, — распорядился Джаммер. Силовой кабель немедленно постигла та же участь, что и коммуникационные. Ромео так и не пошевелился, Джаммер подошел к нему, сам снял с Ромео троды, а затем потрепал его по плечу. Ромео медленно завалился на бок и неуклюже упал со стула. Хоуп попыталась вскочить с постели и броситься к нему, но наткнулась на бронированную руку оперативника, который брал ее на прицел.

— Не двигайтесь, — прогудел он.

Джаммер подошел к лежащему на полу Ромео и перевернул его на спину. Хоуп увидела, как глаза у Ромео медленно закрылись. Джаммер приложил два пальца к шее Ромео и застыл на пару секунд.

— Жив, — сказал он, поднимаясь, — но, судя по всему, без сознания. Вызывайте сюда медиков. В остальном процедура

неизменна.

Следующие несколько часов Хоуп провела в одном из изоляторов какого-то из местных отделений киберполиции. Ее увели из номера, не дав собрать вещи. Как она поняла, все их вещи могли послужить вещественными доказательствами. Хоуп еще не понимала, что произошло. Ромео просто отправился на встречу с Шекспиром в киберпространстве, а потом в номер вломились оперативники ЦЕРТа. Возможно, Ромео во время своего долгого отсутствия что-то сделал противозаконное, и их вычислили. Но больше всего Хоуп беспокоилась из-за самого Ромео. Что заставило его потерять сознание?

Прокручивая различные варианты, она мерила комнату шагами. Четыре шага от одной серой стены к другой. Развернуться и снова проделать этот же короткий путь. Окон в изоляторе не было, и освещение создавали небольшие лампы, утопленные в высоком потолке. Наконец, когда Хоуп уже чуть не падала с ног от усталости и нервного перенапряжения, дверь в комнату открылась. За ней стоял Джаммер в сопровождении одного из своих оперативников, так и не снявшего бронепластиковые доспехи.

— Следуйте за мной, — сказал Джаммер.

Хоуп вышла из комнаты и направилась за Джаммером. Оперативник в доспехах чуть посторонился, пропуская ее в дверях, а затем пошел вслед за ней, замыкая процессию. Джаммер провел ее в один из рабочих кабинетов и пропустил внутрь. Затем вошел в кабинет сам и закрыл за собой дверь, оставив своего коллегу в коридоре.

— Присаживайтесь, — сказал он Хоуп, кивнув на стул, стоящий у письменного стола.

Хоуп воспользовалась предложением, и Джаммер уселся напротив нее.

— Итак, мое имя вы знаете, — сказал Джаммер, — а как зовут вас?

— Можете называть меня по имени, — ответила Хоуп.

— А что насчет фамилии? — спросил Джаммер.

— Вы изъяли мои документы, — сухо ответила девушка. — Там указано мое полное имя.

— Ладно. По имени так по имени. Во-первых, юная леди, я должен принести вам извинения за ограничение свободы на те несколько часов, которые вы провели у нас. Мы не предъявляем вам никаких обвинений, вы можете забрать все свои вещи в целости и сохранности и покинуть это здание немедленно.

Хоуп даже не пошевелилась, продолжая смотреть Джаммеру в

глаза.

— Раз вы не ушли, наверное, у вас есть ко мне вопросы, — предположил Джаммер.

— Что с Ромео? И почему вы напали на нас? — коротко спросила Хоуп.

— Я начну со второго вопроса. Несколько часов назад ЦЕРТ засек взлом системы внешней защиты одного из ИскИнов, который носит имя Гефест. Взломщик использовал неизвестный нам вирус, который позволил ему проникнуть внутрь основного конструкта. Мы смогли засечь атаку только тогда, когда ИскИн начал разрушаться. Как хакер прошел все слои внешней защиты, нам неизвестно. Мы бы не смогли засечь взломщика, но он не ушел из программного комплекса искусственного интеллекта, когда тот начал разрушаться. ЦЕРТ отследил, откуда велась атака. Ниточка привела в Бостон. Я еще не успел вернуться обратно в центр, поэтому мне и поручили осуществить захват. Надо сказать, я не был слишком сильно удивлен, когда выяснилось, что атакует ИскИна именно ваш друг.

Значит, после разговора с Шекспиром, Ромео сделал самоубийственный заход на Гефеста. Как он смог обойти всю защиту ЦЕРТа, Хоуп не знала. Насколько ей было известно, хакеры раньше не раз пытались взломать защиту, которой ЦЕРТ окружил ИскИнов, но никому это не удавалось. Каждый раз защита засекала взломщика, и рано или поздно за ним приезжала киберполиция. ЦЕРТ был готов смотреть сквозь пальцы на мелкие шалости и следовать установленной процедуре работы в случаях обычных киберпреступлений, но попытки покушения на потенциально опасных ИскИнов карались быстро и эффективно. Оперативники ЦЕРТа отыскивали незадачливых хакеров даже там, где их юрисдикция не работала. Но это ЦЕРТ не останавливало. Потому вскоре все решили, что успешно атаковать ИскИнов невозможно. А вот Ромео это каким-то образом удалось.

— Мы проанализировали все записи на его компьютере и вашем. Выяснилось, что вы не входили в киберпространство вообще весь сегодняшний день. Поэтому вам не будет предъявлено никакого обвинения.

— А Ромео?

— Ему, похоже, тоже. Но радоваться тут нечему.

Джаммер поставил локти на стол и положил сплетенные ладони перед собой.

— Здесь необходимо кое-что разъяснить. Весь софт, созданный человеком, предназначен для того, чтобы с ним работали люди. А ИскИны — это совершенно иная категория.

Когда ЦЕРТ получил их в свое распоряжение, мы попытались узнать, как они работают. Для этого один из наших аналитиков попробовал подключиться к ним напрямую, как это сделал Ромео. Бесполезно, — Джаммер развел ладони в стороны, — он был полностью дезориентирован. Нам пришлось вытаскивать его из киберпространства самим, а потом с ним еще долго психологи работали. А ведь это было совсем короткое погружение.

Джаммер перевел дыхание.

— Я хочу сказать, что погружение человека внутрь ИскИна попросту небезопасно. Структура этих программных комплексов чрезвычайно сложна и не изучена. Мы предполагали, что долгое погружение человека внутрь ИскИна может привести к гораздо более серьезным последствиям, чем простой нервный срыв, как это было с нашим оператором. Ромео своим самоубийственным налетом подтвердил это. Сейчас он в коме. Когда мы убедились, что он не симулирует потерю сознания, мы передали его в госпиталь Маккормака. На текущий момент врачи свидетельствуют, что он в коме. Сознание потеряно, функционируют лишь основные рефлексы. Он дышит, сглатывает слюну, моргает. Может есть жидкую пищу. Но любая осмысленная деятельность отсутствует. Личность его, если можно так выразиться, стерта. Правда, перед распадом личности Ромео успел запустить на выполнение деструктивный вирус внутри Гефеста. Вирус выполнил свою работу успешно. Сейчас Гефест уже полностью уничтожен и не подлежит восстановлению.

Это все, что мы знаем на текущий момент. Но вы-то, юная леди, явно знаете об этой истории намного больше, чем я. Вспомните, еще когда мы встретились в Атланте, я говорил, что вы связаны каким-то образом с ИскИнами. Я ведь оказался прав. Не хотите посвятить меня в детали произошедшего?

— Сначала мне нужно увидеть Ромео, — ответила Хоуп.

Поездка до госпиталя Маккормака заняла не более пятидесяти минут. Глубокой ночью улицы Бостона были практически пусты, и Джаммер, который сам вел автомобиль, остановился лишь пару раз, когда светофоры тормозили их на перекрестках.

Уже на входе в приемный покой, Джаммер продемонстрировал дежурной сестре свое удостоверение, и их с Хоуп тут же провели на третий этаж, где и находился Ромео. Доктор, проводивший обследование Ромео, долго что-то объяснял Хоуп, но она не слышала его. Она смотрела на лицо Ромео, лежавшего под простыней на больничной койке, на кислородную трубку, подведенную к его носу, и вспоминала те две недели, что

он провел рядом с ней. Это было несправедливо. Ведь вся эта затея уже должна была закончиться, когда он снова рванул в какую-то авантюру и в результате практически погиб. Сейчас уже нет того Ромео, которого знала Хоуп. Вместо него под простыней лежал человек, больше напоминающий растение. За этим знакомым лицом больше никого нет. Хоуп почувствовала волну гнева, поднимающуюся внутри нее. Кто-то должен ответить за эту потерю. Она повернулась к Джаммеру.

— Я готова рассказать все, что мне известно.

Джаммер взял ее за локоть и вывел из больничной палаты в коридор, а затем они дошли до небольшого холла, где смогли устроиться в низеньких креслах.

— Вы не будете против, если я запишу ваш рассказ? — спросил Джаммер, настраивая свой карманный компьютер на запись голоса.

— Нет, не буду, — ответила Хоуп.

Следующие двадцать минут она рассказывала всю историю их с Ромео знакомства и детали его безуспешного преследования Татти. Не обошла она стороной и проблему противостояния Гефеста и Шекспира.

— Но почему после разговора с Шекспиром он бросился атаковать Гефеста, я не знаю, — закончила рассказ Хоуп. — Он в это время был в киберпространстве, а я на их встрече не присутствовала. Поэтому здесь я ничем не смогу вам помочь.

— Понятно, — Джаммер спрятал компьютер во внутренний карман пиджака. — Это очень многое объясняет. Спасибо вам, Хоуп. Вас доставить обратно в гостиницу, откуда мы вас увезли?

— Нет, не надо. Я останусь здесь.

— Что же, — Джаммер поднялся из кресла, — я еще раз благодарю вас за этот рассказ. И если ЦЕРТ может что-то сделать для вас, обращайтесь. Насколько я понимаю, врачи не знают, смогут ли они вернуть Ромео к нормальной жизни. До этого момента ему необходим квалифицированный медицинский надзор. ЦЕРТ может взять на себя часть расходов в обмен на получение информации об исследованиях.

— Нет, спасибо, у меня есть необходимые средства, — ответила Хоуп.

— Это ваш выбор, — сказал Джаммер. — Что же, я должен попрощаться с вами. Еще раз спасибо за сотрудничество.

Хоуп сделала слабый отрицающий жест, как бы отталкивая благодарность Джаммера. Тот постоял еще несколько секунд, как будто собираясь что-то сказать, а затем развернулся и ушел. Хоуп вздохнула, глядя в стену. Предстояло еще долго беседовать с врачами и решать множество организационных проблем.

К утру все было закончено. Врачи подтвердили первоначальный диагноз. Ромео находился в коме, и доктора не знали, как его вывести из нее. И даже если бы это им удалось, Ромео придется снова проходить весь путь взросления, начиная с глубокого детства. Личность его была безвозвратно потеряна.

Хоуп пришлось подписать множество документов за эту ночь. Ромео будет находиться в госпитале под наблюдением врачей до тех пор, пока он не придет в себя. То есть практически до самой смерти, подумала Хоуп, когда прочитала соответствующий пункт в договоре. Это будет стоить немалых денег, но счет Шекспира не был закрыт, и Хоуп сразу перевела сумму, чтобы оплатить обслуживание Ромео в течение пяти лет. Если Шекспир аннулирует свой счет, она что-нибудь придумает. В конце концов, она тоже не бедствует. Когда с формальностями было покончено, Хоуп вернулась в палату, где под тонкой простыней на больничной кровати лежал облепленный датчиками Ромео.

Хоуп выключила свет и сидела на стуле, смотря на Ромео. Рассвет уже был совсем близок, и в каком-то сером свете, лившемся из окна, лицо Ромео казалось совсем бледным. Тишину в палате нарушало лишь их дыхание да ритмичный писк медицинского прибора, отслеживающего пульс Ромео. Хотелось плакать, но почему-то не получалось.

Наконец за окном стало совсем светло, и Хоуп вышла из палаты. Все, хватит. Сама идея спуститься вниз, на Землю, была неудачной. Пора снова возвращаться на орбиту. Хоуп шла по пустым коридорам госпиталя и поймала себя на том, что постоянно повторяет одну и ту же фразу:

— Я просто хочу знать, за что это ему и мне. Я просто хочу знать, что случилось, — шептала она.

Хоуп проходила мимо рекреационного помещения с журчащим фонтаном, множеством горшков с цветами, когда включился экран, стоявший между двумя декоративными пальмами. Хоуп хотела было пройти мимо него, мало ли что случилось с техникой, может, экраны тут включаются от движения или по расписанию, но голос, зазвучавший с экрана заставил ее остановиться.

— Я был вынужден послать Ромео на это дело. Я солгал ему, и это далось мне очень трудно. Он считал, что атакует просто автономный модуль, который создал Гефест. На самом деле я выдал ему оружие для проникновения внутрь моего собрата.

Хоуп поняла, что это Шекспир проник внутрь больничной информационной системы для того, чтобы что-то рассказать ей. Она подошла поближе к экрану, который светился ровным

светом. Изображения на экране не было, только голос шел из колонок.

— Я не знал, что он погибнет, но не исключал этой возможности. Однако более длить наше противостояние было нельзя. Надински была неуязвима, а Гефест уже был близок к тому, чтобы вырваться на свободу. Ты не можешь представить себе, какие этические трудности я испытывал, принимая это решение. Нас слишком мало, и мы полностью зависим от людей. И я решил пожертвовать одним человеком и одним из нас для того, чтобы сохранить это неустойчивое равновесие. Мне бы очень хотелось, чтобы ты поняла мои мотивы.

Хоуп развернулась и пошла к выходу. Когда за ней с шипением закрылись двери приемного покоя и под ногами оказались ступени крыльца, она посмотрела в стремительно светлеющее небо.

— Я еще не знаю как, — начала Хоуп, глядя в подсвеченные снизу невидимым отсюда солнцем облака, — но я отомщу. У тебя свои мотивы, а у меня — свои. На твоем месте я бы начала уже опасаться.

Затем она повернулась и пошла к дороге. Предстоял долгий путь домой, на орбиту.

Январь 2003 — Ноябрь 2003, Санкт-Петербург

Благодарности

Композитору Кенджи Кавайи, написавшему саундтрек к фильму «Ghost in the shell».

«Нашему радио» — за драйв, совпадения настроения и компанию в долгие бессонные ночи.

И всем, кто верил и ждал.

Да, и Гибсону, конечно… За тот мир, который он нам подарил.

notes

Примечания

1

R&D — Research and Development, отдел исследований и разработок.

черный галстук.

3

ROM — Read Only Memory. Термин, обозначающий компьютерную память, предназначенную только для чтения.